Российская академия наук
Институт археологии

Военная археология
Сборник материалов научного семинара

ВЫПУСК

6

Специальный выпуск, посвящённый военному делу
Московской Руси XV–XVII вв.

Москва, 2020

УДК 902/904
ББК 63.4
В63

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакционная коллегия

*О.В. Двореченский (ответственный редактор),
С.Ю. Каинов, Ю.А. Кулешов, Г.В. Баранов*

Редактор английского

А.С. Носкин

Рецензенты

*О.А. Курбатов
С.В. Вальчак*

Военная археология. Сборник материалов научного семинара.
В63 Выпуск 6. М.: ИА РАН, 2020. – 293 с.: ил.
ISSN 2686-6889
ISBN 978-5-94375-319-0

Очередной военно-исторический сборник представляет на своих страницах комплекс результатов научных исследований, связанных с историей военного дела Восточной Европы, Кавказа, Сибири в эпоху раннего и развитого Средневековья. В статьях рассматриваются как археологические находки, связанные с защитным и наступательным средневековым вооружением, так и вопросы военной истории, тактики, формирования боевых подразделений.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISSN 2686-6889
ISBN 978-5-94375-319-0
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
<i>О.В. Двуреченский, О.А. Бруснецов, Д.Б. Соловьев, Е.С. Шевяков</i> Ратные поля как особый вид памятника археологии.....	6
<i>Л.А. Бобров, Ю.И. Ожередов</i> «Шишак» европейского образца первой половины – середины XVII в. с Воскресенской горы (г. Томск).....	104
<i>И.Г. Бурцев, А.В. Дедук</i> Фортификационные сооружения XVI–XVII вв. тульского участка засечной черты.....	129
<i>А.В. Зорин</i> Штурм в зимнюю ночь: Поход князя Иеремии Вишневецкого и осада Курска в январе 1634 г.	149
<i>Б.А. Илюшин</i> К вопросу о военном потенциале и стратегиях Казанского ханства....	171
<i>М.В. Климов</i> Мифы и реальность в процессе выяснения местоположения крепости «Сокол» (период Ливонской войны) по результатам новейших археоло- гических исследований в Полоцком Подвинье.....	180
<i>О.В. Комаров</i> Полевая фортификация Русского государства XV–XVI вв.	193
<i>Ю.А. Кулешов, С.П. Орленко</i> Необычный шлем из собрания Оружейной палаты Московского Крем- ля (о заключительной стадии развития цилиндроконических боевых наголовий).....	221
<i>В.С. Курмановский</i> Арсенал Бориса Федоровича Годунова по данным Описи 1588 г.	244
<i>П.А. Миляев, К.И. Панченко</i> Ствол пистолета из раскопок г. Дмитрова в 2009 г.	271
<i>М.А. Несин</i> Русский судовой поход на Казань 1545 г.	282
Памяти Михаила Ивановича Гоняного	293

ОТ РЕДАКЦИИ

30 июня 2018 года в г. Гороховец состоялась научная конференция «Военное дело России XVI–XVII вв.», посвященная 850-летию юбилею города Гороховца. Организаторами выступили Институт археологии Российской академии наук, администрация Гороховецкого района Владимирской области, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при участии редакционного совета научного семинара «Военная археология» ИА РАН. Целью конференции было осветить современное состояние в исследованиях как археологов, так и историков, занимающихся историей военного искусства и воинской материальной культуры Русского государства, начиная со времени Ивана III и заканчивая периодом правления императора Петра I. В конференции принимали участие исследователи из таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Тула, Новосибирск. Организаторы конференции сознательно отбирали доклады, в которых рассматривались как отдельные предметы вооружения, характерные для этого времени, так и материалы, посвященные военным кампаниям, которые проводили русские войска. Результатом проведенной конференции является данный сборник статей.

Двуреченский О.В.

РАТНЫЕ ПОЛЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.2+623.444.25(470.323)
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.6-103

- © 2020 г. Двуреченский О.В. (nigoraoleg@mail.ru), к.и.н.
Институт археологии РАН, Москва, Россия.
© 2020 г. Брусенцов О.А. (brusentsoff.oleg@yandex.ru)
ООО «ЦАИ «Куликово поле», Подольск, Россия.
© 2020 г. Соловьев Д.Б. (solovyovdb@yandex.ru)
ООО «ЦАИ «Куликово поле», Подольск, Россия.
© 2020 г. Шевяков Е.С. (shevyakoff.egor@yandex.ru)
ООО «ЦАИ «Куликово поле», Подольск, Россия.

Резюме: В публикации рассматриваются ратные поля как особый вид памятника археологии. Обозначаются применявшиеся методы, описываются объемы затронутых исследованиями площадей, их картография, а также проводится корреляция полученной археологическими методами информации с конкретными эпизодами исторических сражений. Археологическими исследованиями были затронуты четыре ратных поля: Куликовская битва, Молодинское, Бородинское и Тарутинское сражения.

Ключевые слова: Средневековая Русь, Куликовская битва, Молодинская битва, Бородинское сражение, Тарутинское сражение.

- © 2020 Dvurechensky O.V. (nigoraoleg@mail.ru),
Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
© 2020 Brusentsov O.A. (brusentsoff.oleg@yandex.ru)
TsAI "Kulikovo Pole" Ltd., Podolsk, Russia.
© 2020 Solovyov D.B. (solovyovdb@yandex.ru)
TsAI "Kulikovo Pole" Ltd., Podolsk, Russia.
© 2020 Shevyakov E.A. (shevyakoff.egor@yandex.ru)
TsAI "Kulikovo Pole" Ltd., Podolsk, Russia.

Abstract: The publication considers battlefields as a special kind of archaeological sites. It outlines methods that were applied, describes sites that were affected by research in terms of area and cartography, and correlates the information obtained by archaeological methods with specific episodes of historical battles. Four battlefields were affected by archaeological research; the battle of Kulikovo, the battle of Molodi, the battle of Borodino, and the battle of Tarutino.

Key words: Medieval Russia, Kulikovo battle, battle of Molodi, battle of Borodino, battle of Tarutino.

Военная археология, как новая отрасль археологического знания, начала зарождаться в европейской науке еще в середине XIX в. В тот период она включала в себя публикации материалов отдельных древлехранилищ, арсеналов монастырей и частных собраний. Кроме того, публикуются энциклопедические издания, посвященные развитию военной материальной культуры с древнейших времен¹. В начале XX в. военная археология была составной частью классических археологических работ, затрагивающих весь объем материальной культуры прошлого. Сам термин «военная археология» часто использовался как в западных, так и в отечественных исследованиях². Уже к середине XX в. в советской археологической традиции появляются работы, посвященные непосредственно комплексному изучению предметов вооружения. Крупнейшие отечественные исследователи воинской материальной культуры – А.Н. Кирпичников, Б.А. Литвинский, А.Ф. Медведев, А.И. Мелюкова, М.Г. Машкова, К.Ф. Смирнов, А.М. Хазанов, М.В. Горелик, М.Г. Худяков³ – к 80-м годам XX в. опубликовали значительную историографическую серию работ, которая сформировала отечественную школу оружиеведения⁴. Своеобразной вершиной развития этого направления стала конференция, проведенная в 1998 г., которая носила традиционное название «Военная археология». Инициатором и главным организатором ее был А.Н. Кирпичников⁵.

В это же время, параллельно науке, в общественном сознании формируется представление о военной археологии как виде исследовательских работ, посвященных изучению материальной культуры военного дела и войн новейшего времени и, в частности, Великой Отечественной войны. Фактически, металлодетекторные сборы и раскопки, связанные с «подъемом солдат» стали ассоциироваться у многих с понятием «военная археология».

В 2001 г. был создан научно-практический семинар под одноименным названием. С момента появления семинар сформулировал восприятие военной археологии как отрасли исторического знания. Изучение военных древностей базируется на классических археологических методах, которые включают в себя полевую методику получения находок, критику источников, типологический подход и прочие методы, характерные для археологии.

С самого начала военно-археологический семинар выступил новатором в утверждении комплексного подхода в военной археологии. Этот подход включает в себя военную историю, историческую реконструкцию (экспериментальную археологию) и, собственно, военную археологию, которая подразделяется на изучение воинской материальной культуры и изучение ратных полей⁶. При создании его мыслилось, что без привлечения исторических, археологических и экспериментальных данных глубокое понимание в разделе военной археологии достигнуто быть не может.

¹ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. М. 2015. С. 13–16.

² Записки разряда военной археологии и археографии императорского Русского военно-исторического общества / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1911–14. Т. 1–3.

³ Двуреченский О.В. Холодное оружие... М. 2015. С. 31.

⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. САИ Е1-36. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966; Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие // САИ Е1-36. М.: Наука, 1966; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА № 101. М.: АН СССР, 1964.

⁵ Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе // М-лы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб: 1998. 343 с.

⁶ Военная археология. Вып. 1. М. 2008. С. 157–161.

Сложившийся в общественном сознании дуализм восприятия вызвал к жизни появление двух изданий, существующих под одинаковым названием. Академические сборники статей «Военная археология», выходят с 2008 г., и публикуют в рамках традиционной науки и ее методов материалы, посвященные изучению воинской материальной культуры и древностей Средневековья и Нового времени⁷. Год спустя начал издаваться журнал «Военная археология», публикующий заметки о поисковом движении России⁸.

Таким образом, в настоящее время существует два издания с идентичными названиями. И несмотря на историческую традицию, военная археология в общественном сознании связывается преимущественно с поисковым движением, как наиболее резонансным для широких масс. Согласиться с этим трудно, так как сам термин «военная археология» подразумевает изучение воинских древностей, а сложившийся казус в общественном представлении следует списать на общий обвал образования после общественно-политического кризиса 1989–91 гг.

Значительный интерес к военной истории вообще и военной археологии в частности во многом обусловлен исторической судьбой нашего государства. Многочисленные судьбоносные сражения, завоевания наложили неизгладимый отпечаток на сознание большинства граждан нашей страны. В этой связи уже с 1980 г. в преддверии 600-летнего юбилея Куликовской битвы академическая наука привлекается к поиску места сражения и реликвий, связанных с ним. Фактически, так начинается зарождение нового раздела

военной археологии, исследование ратных полей. Методы и принципы их изучения формулируются в отечественной археологии на протяжении последних пятнадцати лет XX в.

В первые два десятилетия XXI в. Военно-исторический отряд Государственного исторического музея и Института археологии РАН проводил исследования на четырех ратных полях: Донское побоище, Молодинская битва, Бородинское и Тарутинское сражения. Основным итогом этих работ будет посвящена данная публикация. Мы ставим своей целью обозначить применявшиеся методы, попытаемся раскрыть информационные возможности получаемых находок, опишем объемы затронутых исследованиями площадей, их картографию, а также проведем корреляцию полученной археологическими методами информации с конкретными эпизодами исторических сражений.

В соответствии с хронологией событий мы опишем в начале Донское побоище (Куликовская битва) 1380 г., Молодинскую битву 1572 г., Бородинское и Тарутинское сражения 1812 г. Тем самым мы затрагиваем как средневековые сражения, так и сражения Нового времени.

Поля сражений в общественном сознании становятся объектами национального культурного внимания в эпоху становления развитых цивилизаций. На них возводятся памятники, сакральные места, они становятся достоянием общенациональной культурной традиции. Первыми такими символами отмечаются античные ратные поля. Так место битвы при Херонее уже в древности увековечивается памятником. В отечественной традиции известны случаи насыпания кур-

⁷ Военная археология. Вып. 1. М., 2008; Военная археология. вып. 2. М. 2011; Военная археология вып. 3. М. 2014; Военная Археология. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018; Военная Археология. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2019.

⁸ Военная археология. №1. (1) М., 2009.

ганов над местом павших в XVII в.⁹ Лишь значительный цивилизационный и культурный рывок, связанный с преобразованиями Петра I, вызвал к жизни интерес государства к историческим древностям вообще и к полям ратной славы в частности. Первый задокументированный случай, когда на государственном уровне даются распоряжения по сохранению ландшафтной целостности ратного поля относится ко времени его правления. Так, первый русский император, наблюдая за строительством шлюзов на Иван-Озере, посетил место сражения 1380 г. и заложил основы сохранения памятников Куликовской битвы – повелел охранять от вырубки многовековые дубы Зеленой Дубравы.

Только спустя 100 лет ратные поля попадают в поле зрения общественности снова. Начиная с 20-х годов XIX в. место Донского побоища вызывает интерес у просвещенного дворянства и связано это, прежде всего, с именем С.Д. Нечаева. В этот период, когда археологическая наука еще не возникла, фактически производятся просто сборы находок, предположительно связанных с историческим событием. Таким образом, к почитанию священного места добавляется сбор артефактов как символов великой вехи в истории нашей страны. Реликвии Донского побоища становятся материальным воплощением того, что было описано в трудах историков XVIII–XIX вв., и данный подход к взаимодействию с ратными полями и другими достопримечательными местами сохраняется еще 160 лет. Историческая наука также не проходит мимо этого священного места. Рост интереса к отечественным

древностям относится и к предметам, происходящим с территории Куликова поля.

Однако только во второй половине XX в. настало время научного исследования полей сражений.

Археологические исследования «Донского побоища»

Как уже было сказано выше, одним из первых, кто в 20-х гг. XIX в. указал на факты находок предметов вооружения, а также нагрудных образков, крестов, перстней и амулетов-змеевиков на территории Куликова Поля и стал собирать их, был Степан Дмитриевич Нечаев – замечательный краевед и патриот русской земли. Он известен как инициатор создания памятника на Красном Холме. Ему же принадлежат и первые попытки опубликовать найденные предметы. Многочисленные находки с Куликова поля хранились также в имениях гр. А.В. Олсуфьева, гр. Бобринских, у тульского губернатора гр. В.Ф. Васильева. Предметы, выпахиваемые крестьянами, или найденные при землемерных работах, раздаривались близким и друзьям, среди которых такие замечательные личности, как Е.М. Карамзин, А.А. Бестужев и др.¹⁰

Вот как описывает В.П. Семенов в своем фундаментальном труде, посвященном полному географическому описанию России, домашний музей Нечаевых, располагавшийся в родовом имении Сторожево «... в эпоху освобождения крестьян, на стенах и столах обширной залы (в два света) находилось значительное собрание предметов, найденных нечаевскими крестьянами при распахке Куликова поля. Здесь были панцири, кольчуги,

⁹ Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. С. 267.

¹⁰ Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. Ч. 118. 1821. С. 125–129; Нечаев С.Д. Описание вещей найденных на Куликовом Поле // Вестник Европы. Ч. 121. 1821. С. 348–350; Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле материалы и исследования. М., 1990. С. 72–78.

шлемы, мечи, копья, наперстные кресты складни и т. п.»¹¹. Основная территория, откуда происходили вещи, локализуется в районе с. Монастырщина и д. Хворостянка, северной границей зоны находок являлись южные окраины с. Монастырщина, на юге граница проходила чуть южнее Красного Холма, рр. Непрядва и Ситка ограничивали ее на западе, с востока она доходила до отвержков рр. Смолки и Курцы (рис. 1). Из всех вещей, находимых на этом пространстве, есть упоминания о таких видах вооружений, как копья, пики, мечи, наконечники стрел, фрагменты защитных доспехов, в частности, упоминаются «остатки отытой ... кольчуги», предметы личного благочестия (рис. 13, 14). Однако не все вещи, хранимые в упоминаемом музее, происходили с территории Куликова поля. Часть предметов происходила с древних городищ посещенных С.Д. Нечаевым.

В 80-х годах XIX в. Н.И. Троицким продолжены сборы находок предметов вооружения на Куликовом поле. Основное местонахождение их локализовалось в окрестностях с. Монастырщина (рис. 1). Исследователем был приобретен бердыш. Считается, что примерно в те же годы была найдена кольчуга, упоминаются восточный шлем – мисюрка, бердыш и два каменных ядра, происходившие с левого берега Непрядвы, которые явно датируются более поздним временем¹².

Третья волна находок вооружений связана с началом сплошной распушки Куликова поля в 30-х гг. XX в. До нас дошли пять наконечников копий и отрывочные упоминания о находках несохранившихся предметов воору-

жений и нательных крестов (рис. 10: 9–11; рис. 13: 1–4, 10, 11, 15, 16).

После работ С.Д. Нечаева исследователи не раз обращались к находкам с Куликова поля. Так в работах А.В. Арциховского и А.Н. Кирпичникова публиковались фотографии кольчуги, рассматривались характерные особенности плетения доспеха, типы применявшихся колец¹³. Последней публикацией находок, до начала широкомасштабных исследований места сражения в конце XX в. на Куликовом поле, была очень содержательная статья М.В. Фехнер, где она описала все известные ей находки и вычленила зону распространения находок XIV в. (рис. 1), тем самым, подтвердив место локализации битвы, которое предложил в конце 20-х гг. XIX в. С.Д. Нечаев¹⁴.

В 1980 г., накануне празднования 600-летнего юбилея Куликовской битвы, сотрудниками Государственного Исторического музея были пройдены, с целью поиска реликвий сражения, пешие маршруты в районе дд. Хворостянка, Моховое, с. Монастырщина. Также обследовались при помощи войсковых миноискателей долины р. Смолка и урочище «Зеленая Дубрава». Однако эти работы не дали ощутимых результатов.

Подлинно научное, непосредственное археологическое изучение ратных полей вообще и Куликова поля в частности, началось на базе Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ в 1995 г. И связано это с именем руководителя экспедиции М.И. Гоняного. Предваряли поисковые работы места Донского побоища многолетние междисциплинарные комплекс-

¹¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества // Под ред. В.П. Семенова. М., 1900. Т. II С. 541.

¹² Девуреченский О.В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище. М., 2005. С. 214–216.

¹³ Арциховский А.В. Оружие // Очерки Русской культуры Ч. 1 М., 1969. С. 403; Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. М., 1976. Табл. XVII.

¹⁴ Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле материалы и исследования. М., 1990. С. 72–78.

ные исследования древнерусских памятников XII–XIV вв. в верховьях Дона с целью создать археологическую карту на ранее почти не изученной территории. Данные работы включали в себя как археологические разведки и раскопки, так и работы по восстановлению геоморфологической ситуации в пределах большого Куликова поля. Исследования проводились в рамках Верхнедонской археологической экспедиции с 1985 г. В результате этих работ научная общественность получила картину этапности заселения данной территории, были реконструированы трассы средневековых дорог и, в значительной степени, был восстановлен ландшафт прилегавшей к месту сражения территории. Одним из эмпирических обобщений являлось то, что начиная с последней трети XIV в. значительная часть памятников и практически все население покидает территорию Верхнего Дона. Связывалось это с событиями «Великой заметни» в Улусе Джучи¹⁵. Появление такой карты было важнейшей предпосылкой для начала изучения самого места Донского побоища. По инициативе директора ГИМ А.И. Шкурко и А.К. Зайцева было принято решение начать крупномасштабные исследования места самого сражения.

Еще одной важной вехой в подготовке к данной работе было историко-географическое исследование района Куликова поля. Эти исследования проводил выдающийся историк А.К. Зайцев¹⁶.

В 1995 г. в распоряжении Верхнедонской археологической экспедиции (ВДАЭ) появились первые металлодетекторы. Применение данных прибо-

ров в отечественной науке вообще и в военно-археологических исследованиях, в частности было делом новаторским. В академической среде еще не было выработано к ним определенного отношения как к новому прибору и методу исследования и тем более еще не было никакого представления, как использовать их вне ясного археологического контекста, каковым являются ратные поля. До 2002 г., времени начала работ Военно-исторического отряда ВДАЭ ГИМ, происходила выработка методики работ и способов наиболее эффективного применения металлодетекторов на средневековых ратных полях. К 2005 г. сложилась определенная методика, которая будет описана ниже.

Таким образом, можно отметить, что к началу поисковых работ исследования велись в четырех направлениях. Первым направлением исследований был поиск места погребения павших воинов. Предполагалось, что таким местом могла быть часть Грызловского грунтового могильника, обнаруженного и исследованного С.А. Изюмовой в 1957 г. на восточной окраине с. Монастырщина (слободка Грызловка). Связь грунтового могильника с местом погребения павших воинов обуславливалась тем, что он расположен поблизости от устья Непрядвы, бесспорного ориентира Куликовского сражения. Однако погребений обнаружено не было. Частичные раскопки на могильнике позволили сделать вывод о том, что памятник является рядовым сельским общинным кладбищем конца XII–XIV вв. Попытки же поиска братской могилы затрудняются вследствие того, что большая часть памятника находится под совре-

¹⁵ Гоняный М.И. Археологические памятники районов Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005. С. 101.

¹⁶ Зайцев А.К. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. 2005. С. 31, 181.

менными домами с. Монастырщина. Был проведен опрос местного населения на предмет находок человеческих костей или предметов вооружения в районе села. Положительных результатов он не дал. Тогда в приустьевой части правого берега р. Непрядвы, к югу от церкви Рождества Богородицы было заложено шесть поисковых траншей общей протяженностью 455 м. Еще шесть поисковых разрезов, два из которых имели протяженность 240 м и 400 м, четыре по 150 м каждый, были заложены на восточной окраине с. Монастырщина. К сожалению, каких-либо находок, указывающих на местонахождение погребений павших воинов, обнаружено не было. Применение геофизических методов также не дало особых результатов, на месте выявленных специалистами геофизиками аномалий братских могил зафиксировано не было.

Вторым направлением работ на территории Куликова поля было изучение процесса заселения и хозяйственного освоения русским земледельческим населением района Куликова поля. В результате этих работ на водоразделе рр. Дон и Мокрая Табола удалось выявить семь гнезд поселений XIII–XIV вв., маркирующих на участке п. Епифань – д. Устье древнюю дорогу, известную по картам XVIII в. как Донковская дорога. Учитывая тот факт, что ни археологические, ни картографические исследования не указывают на наличие в данном районе каких-либо иных древних дорог, с полной определенностью можно утверждать, что именно по этому пути войска Дмитрия Донского подошли к месту переправы через Дон и стали лагерем 6 сентября 1380 г. поблизости от устья р. Смол-

ки. Вышеупомянутые направления исследований проводились под руководством ведущих сотрудников ГИМ М.И. Гоняного и А.К. Зайцева¹⁷.

Третьим важным направлением стало палеогеографическое направление. Перед географами стояла задача поэтапно реконструировать ландшафт места Донского побоища. Им пришлось, прежде всего, учитывать то, что развитие природы подчинено периодическим колебаниям – ритмам разной степени интенсивности. Наиболее конструктивный ритм для местной лесостепи – так называемый 2000-летний ритм Шнитникова. Как правило, каждые 2000 лет на границах резких изменений тепло- и влагообеспеченности происходит перестройка локальных ландшафтов, в том числе изменение характера флоры, гидрологического режима и почвообразовательных процессов. Время Куликовской битвы как раз приходится на переход от теплой влажной фазы (пика разрастания лесов в северной степной зоне) к более холодной. Период после Куликовской битвы характеризуется суровыми погодными условиями, в литературе он известен как малый ледниковый период, длившийся на протяжении XV–XVIII вв. Для этого времени характерны суровые зимы, короткий вегетационный период, активная эрозия почв, способствовавшая выравниванию рельефа. Все это, естественно, привело к тому, что сегодняшний ландшафт места сражения лишь отдаленно напоминает тот, какой был здесь во времена Дмитрия Донского. В результате палеоландшафтных исследований было установлено, что левобережье Непрядвы было почти сплошь покрыто лесными массивами. Изуче-

¹⁷ Зайцев А.К. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005. С. 31, 181.

ние месторасположения на правом берегу Непрядвы лесных массивов XIV в. позволило очертить открытые степные пространства, где могли сойтись в битве многотысячные войска (рис. 1, 2). Восстановлены были не только лесные масштабы, но и стало понятно как выглядели многочисленные балки и отвержки балок во времена битвы. Как правило, сейчас они сильно сnivelированы под действием наносов и механизированной распашки. Во времена сражения глубина некоторых участков балок достигала 2,5 м от современной дневной поверхности. Многие балки были увлажнены и даже заболочены. По бортам балок отмечается лес. Эти беспрецедентные по своим масштабам и тщательности исследования производились под руководством сотрудника Института географии М.П. Гласко¹⁸.

Непосредственный поиск самого места сражения являлся четвертым направлением комплексных археологических исследований. В 1995–2001 гг. экспедиция вырабатывала различные подходы. На начальном этапе исследований отдельные операторы работали по методике индивидуального свободного поиска (рис. 2, участки 1–4, 6, 12). Данная методика была признана неэффективной и позднее, отрабатывая очередной поисковый участок, операторы с приборами разворачивались во фронтальную линию и охватывали одновременно полосу шириной 35–50 м. В этих случаях направление маршрута поиска привязывалось к естественным или антропогенным ориентирам (дорогам, отдельным деревьям, лесополосам, постройкам, водокач-

кам и т. д.). После завершения работ контуры обследованной территории инструментально привязывались к топографическим картам. Такая методика обследования получила название – прямолинейный групповой поиск. Подобным образом отработаны участки, расположенные в верховьях балки Рыбий Верх и в районе дд. Хворостянка и Казинки.

На пяти участках (рис. 2, участки 5, 7, 11, 17, 22) работы проводились по створам шириной 10 м каждый, размеченным на местности при помощи веревок. Всего с 1995 по 2000 г. было обследовано 95 га. В эти годы ставилась задача максимально широкого охвата территории Куликовской битвы, для того чтобы выявить зоны скопления находок и локализовать возможные места боестолкновений. Однако, применяемые методики и значительный разброс небольших по площади поисковых участков не давал ожидаемого результата. Были получены единичные находки, располагавшиеся на большой территории, которые не давали надежных оснований для локализации концентрированного поиска в рамках «Большого Куликова поля». Так, например, участок 23 был заложен на правобережье Дона с целью проверить возможность протекания битвы к северу от Непрядвы (рис. 2). Однако результаты палеоландшафтных исследований показали, что в этом месте был расположен лесной массив. Это делало нецелесообразным проведение поисковых работ на этой территории. Находки, полученные к 2005 г., первично были опубликованы в юбилейном сборнике, посвященном Донскому побоищу¹⁹.

¹⁸ Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007.

¹⁹ Двуреченский О.В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле... С. 209–226.

Результатом работ выделенных направлений стало появление комплексной карты Куликова поля²⁰. Она включала в себя: информацию о расположении древних дорог и поселений, известных на рассматриваемой территории и предшествующих времени битвы; информацию о размещении реконструированных переправ, лесов, балок и открытых от лесов, свободных от сети оврагов протяженных участков – плакоров, пригодных для проведения сражения. На данную карту нанесен участок, где проводились сборы «древнего оружия» крепостными крестьянами в XIX в. (рис. 1). И, что самое главное, теперь мы можем нанести привязанные инструментально скопления находок воинского снаряжения, полученные в результате планомерных сборов на месте сражения.

В настоящее время по данным палеогеографов выделено три зоны пригодных для проведения сражения. Только одна из них, самая крупная и протяженная, расположенная между балкой Зеленая Дубрава и д. Хворостянкой, в настоящее время дала находки, полученные при поисковых работах. Два других участка, расположенных севернее и юго-западнее Красного холма отличаются меньшими размерами (рис. 1).

Размеры наиболее перспективного участка, где могло произойти сражение, представляют собой, при определенном округлении, ровное горизонтальное поле, достигающее по фронту 600–800 м при глубине свыше 3 км. Зона имеет хороший подход как с севера – через Устьинский и Татинский броды, так и с юга – между Красным холмом и Хворостянским оврагом. Северный подход на предполагаемое «поле битвы» проходит через дефиле,

сформированное балкой Зеленая дубрава и отвержкой балки Большой Верх. Восточная часть участка ограничена истоками Смолки и свитой связанных с ней балок, образующих своеобразные карманы. Один из таких северо-восточных «карманов» занят реконструируемым лесом, протянувшимся по линии С-Ю от балки Зеленая дубрава до балки Верходуб, который был интерпретирован исследователями как лесной массив Памятников Куликовского Цикла «Зеленая дубрава» (рис. 2, 4).

С запада рассматриваемый участок ограничен балкой Рыбий верх и ее отвержками, также образующими открытые и залесенные «карманы». Центральная зона между балкой Рыбий верх и балками, приуроченными к р. Смолке, образует место, где и произошло, по нашему мнению, знаменитое сражение. С юга участок ограничен Хворостянским оврагом, который формирует вместе с истоками Смолки южное дефиле, а, следовательно, и границу рассматриваемого плакора. Примечательно, что последующие поисковые работы Военно-исторического отряда под руководством О.В. Двуреченского были сконцентрированы именно в рамках данного плакора (уч-к 22), и именно на рассматриваемой территории мы получили скопления находок, но только в ее центральной части, в районе Липового оврага (или Безымянной балки), где они компактно лежат на площади равной 0,5 кв. км. (рис. 2: 4).

В 2002 г. работы по поиску места сражения продолжил военно-исторический отряд ВДАЭ (рис. 3). К этому моменту начало складываться понимание подходов и отношения к ратному полю, как особому типу археологического памятника. Несмотря на то, что описанные ниже тезисы уже не

²⁰ Гоняный М.И. Археологические памятники районов Куликова поля... С. 96–106.

раз публиковались²¹, в рамках данной обобщающей работы, представляется необходимым повторить раннее обозначенные тезисы.

1. Данные памятники не имеют культурного слоя.

2. Площадь и территория этого типа памятников совершенно не обязательно должны маркироваться получаемыми индивидуальными находками.

3. Поля сражений имеют специфический набор методов исследования.

4. Индивидуальные находки, получаемые на данном типе археологических памятников, обладают рядом специфических черт:

- с одной стороны, они обладают свойствами подъемной находки. То есть перед нами предметы, найденные вне контекста археологического памятника, следовательно, существующие вне стратиграфических напластований, вне комплекса материальной культуры;

- с другой стороны, они четко привязаны к историческому контексту и масштабам самого сражения. То есть являются находками, обнаруженными *in situ*;

- кроме того, перед нами находки, являющиеся реликвиями сражения, а следовательно обладают совершенно уникальным культурным смыслом.

С самого начала стало очевидно, что изучение места сражения мало продуктивно без применения комплексного подхода, который должен был в себя включать ряд направлений. И прежде всего, к ним относятся: историческое направление – оно включало историко-географический

анализ письменных источников, позволяющий определить район нахождения локализуемых топонимов; палеогеографическое направление – концентрировалось на анализе всей прилегающей к локализованным топонимам территорий с целью реконструировать ландшафт, соотносимый с эпохой сражения; археологическое направление – включало в себя анализ полученных и дошедших до нас находок, происходящих с локализуемой территории сражения, разработку и внедрение новых методик поисковых работ, проведение поисковых работ на выбранных участках. Отдельным направлением является цикл военно-исторических исследовательских работ, включающих:

- изучение корпуса письменных и изобразительных источников, связанных со сражением;

- топографический анализ территории битвы;

- изучение тактических особенностей ведения сражений рассматриваемого периода;

- изучение тактико-технических свойств используемого оружия;

- изучение истории обнаружения и зон скопления находок на изучаемом ратном поле.

Участок, выбранный для работы в 2002 г., получил номер 22, все последующие участки, выбранные для обследования в 2003–2014 гг., проводились в рамках общей площади участка 22, при этом выделялись локализованные территориально планшеты. Начиная с 2005 г. в рамках планшетов территория разбивалась на квадраты, как правило, площадью 1 га. В рамках каждого квадрата проводилась

²¹ Двуреченский О.В. Археологические исследования на месте Донского сражения // Труды III Всероссийского археологического съезда. СПб, Москва, В. Новгород, 2011; Гоняный М.И., Двуреченский О.В. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...»: Бородино, 1812–2012. Можайск, 2013; Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеографии и военной археологии // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014; Двуреченский О.В. Наконечники стрел, происходящие с территории предполагаемого места Куликовской битвы // КСИА. Вып. 256. М., 2019.

привязка находок. Номера находкам давались в рамках отдельного квадрата. С 2005 г. велся подсчет всей суммы находок – как индустриальных, так и связанных с крестьянским бытом XVIII–XX вв.; отдельно выделялись предметы, относимые к периоду сражения. Данное членение планшета позволило вскрыть места интенсивного использования в сельскохозяйственных целях в течение XX в. Последнее приводило к массовой серии находимых предметов, изготовленных в эпоху индустриализации, а, следовательно, и позволяло принять решение о последующем повторном обследовании конкретного квадрата. Дело в том, что лишь при вычищении участка от «фонового» металла нам удавалось получать приборами значительную серию позднесредневековых предметов и предметов вооружения, связанных с «Донским сражением». Также мы получали статистически проверяемую картину скоплений предметов XVIII–XIX вв. Последнее представляется важным, так как может позволить выделить в условиях чернозема временные хозяйственные сооружения и полевые станы данного времени, а также прогоны и дороги. Поисковые работы проводились, как и ранее, на участках свободных от высокой травы. Иногда приходилось специально выкашивать траву при помощи сельскохозяйственной техники для улучшения поисковых свойств наших приборов. В процессе поиска использовалось одновременно 16 металлоискателей. Все получаемые находки не индустриального происхождения инструментально фиксировались в рамках поисковых планшетов. Исследуемые участки предварительно разбивались вешками на створы, инструментально привязанные к реперам. Привязывались как сами съемочные планшеты, так и отобранные в кол-

лекцию находки. Ширина створов достигала 5 м.

Всего было проведено 14 полевых сезонов в процессе которых было изучено 190 га методом планшетного сбора. Первые три года работы концентрировались на поисковых планшетах 1–5, которые располагались в районе балок Верходуб и Рыбий верх (рис. 3). В результате данных работ не было получено ни одного скопления находок, которое можно было бы надежно связывать с событиями 1380 г. Выбор данного места работ во многом был обусловлен устоявшимся представлением о ходе сражения. Так как по этому представлению войска русских княжеств, принимавшие на себя удар ордынской кавалерии, располагались преимущественно в пешеходных порядках, и, следовательно, именно здесь стоило искать выпавшие в грунт предметы вооружения, воинского снаряжения и портупей. Уже в 2005 г., после изучения по письменным источникам тактики сражений для конца XIV – начала XV в., мы пришли к заключению о том, что основная сила русского войска была представлена кавалерией. А так как кавалерийское сражение преимущественно всегда происходит на встречных курсах, то следует проводить поиски в центральной части исследуемого плакора на расстоянии в несколько сот метров от предполагаемого нами места построения русских войск. Это место мы связывали с наиболее узким участком, где сходятся отрезки балок Рыбий верх и Верходуб (рис. 4). По фронту этот участок занимал около 600 м и был хорошо обеспечен от возможных фланговых обходов глубокими и заболоченными балками. Само же центральное место боестолкновения представляло собой выровненный по фронту участок шириной более 1,2 км, тогда как протяженная длина этого плакора составля-

ла более 2 км. Заложенные поисковые планшеты 6 и 9 впервые за все годы исследования Донского побоища дали первые скопления, характеризующиеся серией наконечников стрел (7 шт.) (рис. 6: 4, 7; 7: 1, 4, 5; 8: 3, 6), обломками лезвийных и обушных частей боевых топоров (рис. 10: 1–3), метательных копий (рис. 10: 7), обломками таранных копий (рис. 10: 4, 6), фрагментами защитного доспеха, включающими в себя кольчужные кольца и несколько фрагментов панцирных нашивных пластин (рис. 12: 4, 10, 11), а также личными предметами снаряжения воинов. Среди этих вещей следует отметить накладку от кошелька и обнаруженную рядом с ней серебряную монету-дирхем времени хана Джанибека, булавку и миниатюрное кресало (рис. 5; 13: 9, 13, 17). Данное место на сегодняшний день предполагается как центральное место сражения, место сшибки кавалерийских полков противоборствующих армий.

В 2010 г. было принято решение охватить одиннадцатым поисковым планшетом зону к северу от д. Хворостянка к западу от балки Прудовой. Планшет был заложен в зоне, где, предположительно, могла разворачиваться ордынская рать. Ранее данная территория обследовалась поисковыми участками 11–13 (рис. 2, 3). Однако на этих участках предметов, которые возможно было связать с историческим сражением, обнаружено не было. Таким образом, ни к северу от основного скопления находок, где мы предполагаем развертывание русских ратей, ни к югу от него, где могли строиться татарские войска, нами не получено скоплений находок.

Второе крупное скопление было обнаружено в 2013–2015 гг. в рамках планшета 11 (рис. 5). Здесь мы получи-

ли одну из самых значительных серий находок вооружений, характерных для XIII – первой половины XV в., которая протянулась полосой в несколько сотен метров, шириной по границе между первой – южной и второй – центральной, линиями поисковых квадратов. Возможно, обнаруженные реликвии характеризуют одно из боестолкновений, когда русские воины преследовали отступающее ордынское войско. Среди них следует упомянуть серию наконечников стрел (рис. 6: 3; 7: 2, 3, 6, 7; 8: 1, 2, 4, 5, 7), детали портупей и наборного щита-калкана, фрагменты клинкового оружия (рис. 11: 1–4, 6), предположительно фрагменты защитного пластинчатого доспеха (рис. 12: 5, 6, 8, 9, 14), фрагменты латунных поясных накладок, серебряной чаши с чернением и перстня (рис. 13: 5–8, 12; рис. 14: 1–4). Расположение находок маркирует, по всей видимости, некий «шлях», по которому в обход Хворостянского оврага и отступала ордынская рать, с последующим резким поворотом на юг. Здесь могла образоваться определенная теснина, где и могли настигнуть рати Дмитрия Донского отступающие войска монголо-татар.

На сегодняшний день из всех имеющихся находок, полученных с территории предполагаемого места сражения нами было отобрано 76 предметов, обнаруженных в XIX – начале XXI в., которые с определенной долей вероятности можно связать с Донским побоищем (рис. 6–14).

В данной публикации мы не ставим целью описание полученных при поисковых исследованиях предметов материальной культуры, которые могут быть связаны с Донским побоищем. Этому будут посвящены отдельные публикации, которые уже частично стали выходить в свет²².

²² Двуреченский О.В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище. М., 2005.

Таким образом, 20 лет работ на месте Куликовской битвы в настоящее время являются единственным продолжительным исследованием средневекового сражения в отечественной археологии. В настоящее время удалось восстановить ландшафт эпохи Донского побоища, поставить вопрос о масштабах сражения, реконструировать ход самой битвы, привязанный к микрорельефу поля, получить скопления находок, характеризующие отдельные боестолкновения.

На основании комплексных археологических исследований можно реконструировать ход сражения, разделенный на шесть этапов. Сближение двух армий происходило по направлению север-юг. Русские войска двигались от современного населенного пункта Епифань по реконструированной М.И. Гоняным дороге, проходящей западнее скопления древнерусских памятников, расположенных по берегам Мокрой Таболы и переправилась через Дон в районе Устьинского брода. Какая-то часть войска могла преодолеть водный рубеж в районе Татинского брода²³. Далее войска двигались по водоразделу между р. Смолкой и устьем Дона и Непрядвы (рис. 15: 1). Ордынские войска двигались по водоразделу между современными населенными пунктами Ивановка и Самохваловка. Обойдя с востока Хворостянский овраг, войска беклярбека Мамай построились в боевые порядки к северу от д. Хворостянка. Разворачивание русских войска, предположительно, произошло в районе наиболее близкого схождения отвесков балок Рыбий

верх и Верходуб²⁴, южнее реконструированной Зеленой дубравы. Войска могли строиться поэскадронно, разделенные на три полка. За лесным массивом у балки Зеленой дубравы мог размещаться Засадный полк.

После затравки боя сражение происходило на встречных курсах между двумя преимущественно кавалерийскими ратями. Основное боестолкновение произошло в районе балки Безымянная. Следуя письменной традиции, мы предполагаем, что полк Левой руки был продавлен (рис. 16: 1, 2), после чего последовала атака Засадного полка. Именно с этим эпизодом можно связать единичные находки, обнаруженные в районе балки Верходуб. После контратаки наступило общее бегство ордынских войска в обход Хворостянского оврага. В этом узком месте, возможно, русские войска настигли арьергард отступающих ордынцев. На этом пути отступления, который, возможно, был дорогой, мы обнаружили второе крупное скопление, протянувшееся с запада на восток к северу от Хворостянского оврага (рис. 16: 3).

Все полученные выводы на сегодняшний день носят предварительный характер и могут быть скорректированы при дальнейшем изучении места сражения, которое в настоящее время проводит Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». Малое количество находок может быть объяснено рядом причин. Прежде всего, средневековые сражения характеризуются слабым выпадением в грунт предметов материальной культуры, в отличие от битв Нового и Новейшего времени.

С. 209–226; Двуреченский О.В. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М. 2008; Двуреченский О.В. Наконечники стрел, происходящие с территории предполагаемого места Куликовской битвы // КСИА. Вып. 256. М. 2019.

²³ Гоняный М.И. Археологические памятники районов Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 96–106.

²⁴ Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеографии и военной археологии // Воинские традиции в археологическом контексте. От позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014. С. 124–129.

Предметы вооружения и снаряжения коня и всадника должны были собираться после окончания битвы. Также отдельной проблемой является слабая разрешающая способность металлодетекторов, которые не всегда на «загрязненных» индустриальным железом участках могут отсечь фоновый металл. Также предстоит проверять два других плакора, материалы из которых могут уточнить картину сражения. В любом случае факт находки нескольких десятков предметов материальной культуры, хронологически совпадающих с эпохой Донского побоища, выпавших в грунт вдали от археологических памятников, датируемых предшествующим временем, позволяет говорить о локализованных местах боестолкновений, связанных, по всей видимости, с Куликовской битвой.

Археологические исследования Молодинской битвы

Молодинское сражение стало предметом научного изучения в 2009 г. Тогда под руководством археолога М.И. Гоняного Верхне-Донская археологическая экспедиция ГИМ по методике планшетного сбора подъемного материала с использованием металлодетекторов обследовала участок поля в 660 м к северо-западу от церкви с. Молоди общей площадью 2,31 га²⁵.

Эти работы опирались на данные краеведов о встречаемости здесь в массовом количестве свинцовых пуль.

На планшете было собрано 39 металлических предметов, 25 из которых можно соотносить со сражением.

В 2014 г. археологические работы были продолжены, они также носили локальный характер. В полевом сезоне этого года было заложено 2 поиско-

вых планшета общей площадью 3,6 га к юго-западу от планшета.

Спустя три года исследования на предполагаемом месте Молодинской битвы были продолжены образованной к этому времени Молодинской археологической экспедицией ООО «ЦАИ «Куликово поле» (руководитель М.И. Гоняный) совместно с сотрудниками музея-заповедника «Подолье» (руководитель О.А. Брусенцов) и специалистами РГАДА.

С этого периода поисковые работы вблизи с. Молоди идут параллельно с источниковедческими исследованиями, затрагивающими исторический и военно-археологический контекст событий 1572 г.

Изучение предполагаемого места сражения в сезонах 2017 и 2018 гг. носило уже комплексный подход, который включал в себя два направления:

- историческое, нацеленное на историко-географический анализ письменных источников, позволяющий определить район нахождения локализуемых топонимов;
- археологическое, включающее поисковые работы на изучаемом объекте, а также анализ обнаруженных находок.

Широкомасштабные археологические исследования 2017 и 2018 гг. на территории, расположенной вблизи с. Молоди, базировались на площадном обследовании различных участков сражения с использованием детекторов металла, а также на обследовании пешим маршрутом овражно-балочной системы с целью выявления памятников археологии²⁶.

В результате этих работ с применением методик планшетного сбора подъемного материала, линейно-группового и свободного поиска с исполь-

²⁵ Гоняный М.И. Отчет о результатах охранных разведочных археологических исследований в Серпуховском, Чеховском, Подольском районах Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1.

²⁶ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района, городских округов Чехов,

зованием детекторов металла, хорошо зарекомендовавших себя на местах военных сражений²⁷, удалось обследовать свыше 104 га.

Также опираясь на полученный архивный материал, методом археологической разведки пешим маршрутом были выявлены шесть памятников археологии, которые по сопутствующему материалу являются «свидетелями» событий 1572 г. – это селища Молоди 1–5 и грунтовый могильник Молоди²⁸ (рис. 17).

Выявление грунтового могильника являлось одной из приоритетных задач исследователей, так как это единственный четкий ориентир сражения, дошедший до нас в письменных источниках²⁹.

Обследование территории с использованием металлодетекторов было проведено на обширных по площади безлесных участках к востоку и западу от современных границ с. Молоди.

К востоку-северо-востоку от села было заложено 23 поисковых планшета общей площадью 34 га, а также обследован участок площадью 26,4 га по методике линейно-группового поиска, нацеленной в данном случае на поиск исключительно свинцовых снарядов для огнестрельного оружия (рис. 17).

Планшеты 11–24 были заложены по обе стороны оврага, входящего сле-

ва в долину р. Рожайки³⁰. Этими работами был покрыт достаточно большой участок территории, примыкающий к скоростному Симферопольскому шоссе. Находки, собранные с площади планшетов и вошедшие в коллекцию, представлены предметами Средневековья и Нового времени, но лишь несколько единиц из них могут быть связаны со сражением. Это в первую очередь 4 свинцовые пули для ручного огнестрельного оружия и один универсальный наконечник стрелы (здесь и далее по О.В. Двуреченскому)³¹ (рис. 1). Такая малочисленность находок указывает на локальную вовлеченность этих территорий в ход боевых действий.

К юго-западу от вышеупомянутого оврага, на площадке, ограниченной левым берегом р. Рожайка, были заложены 2 поисковых планшета на площади селищ Молоди 2 и Молоди 4. В непосредственной близости к границе селища Молоди 4 был заложено еще один планшет площадью 3 га (№ 36), который был ориентирован с юго-запада на северо-восток³² (рис. 17). В общей сложности с территории этого участка удалось собрать коллекцию, насчитывающую 134 предмета из цветного и черного металлов. Из них практически половина относится ко времени битвы. Самыми информативными группами, являются свинцовые и железные снаряды³³

Домодедово, Подольск, Серпухов Московской области, Новомосковского, Троицкого административных округов г. Москвы в 2018 г. // Архив ИА РАН. 2019.

²⁷ Гоняный М.И., Двуреченский О.В. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...». Бородино 1812–2012. Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2013. С. 331.

²⁸ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

²⁹ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

³⁰ Гоняный М.И. Отчет о проведении охранных разведочных археологических работ на земельном участке с кадастровым номером 50:31:0030112:254, площадью 548 546 кв. м, расположенном вблизи с. Молоди Чеховского района Московской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

³¹ Двуреченский О.В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2 / отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН. 2005. С. 264–295; Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 3 / отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН. 2006. С. 277–331.

³² Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

³³ Тарасевич Ю.Г. Номенклатура среднего и малого калибра в Московской Руси XVI–XVII веков // Война и оружие. Новые

для огнестрельного оружия, а также снаряды для ручного метательного оружия (рис. 18: 1–9).

Скопление находок на планшете 36, в том числе относящихся к снаряжению коня, хорошо маркирует створ древней проселочной дороги, которая связывала село с расположенными вокруг деревнями.

К северу от планшета 36 с применением детекторов металла сразу тремя методическими направлениями был обследован участок протяженностью 2,5 км³⁴ (рис. 17). Такой подход во всех случаях обусловлен фактором ограниченности срока полевых работ при столь обширной территории изучения.

В южной части этой безлесной территории были заложены 2 поисковых планшета (№№ 5 и 35) общей площадью 2,9 га. Исключая массовые находки черного металла XIX–XX вв., интересующие нас предметы с площади планшетов представлены 4 свинцовыми и 2 железными снарядами (рис. 18: 10–12).

В непосредственной близости от границ планшетов по методике свободного поиска, было найдено еще и 7 свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия (рис. 17: 2, 13, 14).

В 550 м от планшета 35 по методике линейно-группового поиска был обследован участок поля площадью 26,4 га. Данные работы были нацелены на поиск исключительно свинцовых снарядов, для чего операторы настраивали детекторы металла на чистоту близкую к обнаружению свинца.

В результате на этой площади удалось собрать 33 свинцовых снаряда, большая часть которых по своему залеганию тяготела к северо-восточной окраине села, что, по всей видимости,

связано с древним створом дороги, пролежавшим вдоль Серпуховского тракта, или являвшегося его частью в Средневековье (рис. 17).

По своим весогабаритным характеристикам снаряды можно отнести к пулям для ручного огнестрельного оружия (рис. 17: 3, 1–7), 7 из которых, скорее всего, являются пулями для пехотных ружей начала XIX в. (рис. 17: 3, 5–7).

Нужно отметить, что находки XVIII–XIX вв., связанные с военными действиями на всей обследованной территории, авторы соотносят с маневрами русских армий Нового времени или локальными боями 1812 г.

Очень информативными с точки зрения залегания и не менее ценными для пополнения археологической коллекции, оказались предметы, собранные с территории планшетов №№ 7 и 29, разбитых в северной части участка по обе стороны запаханного оврага вдоль Старого Симферопольского шоссе.

Планшет 7 площадью 5 га был заложен на участке поля, ограниченно с севера левым бортом запаханного оврага, входящего слева в долину р. Молодки (левый приток р. Рожайки); планшет 29 площадью 1 га, в свою очередь, к северу, на правом борту оврага.

Всего с обследованной площади было собрано 155 предметов из цветного и черного металлов, относящихся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени, половину из которых на сегодняшний момент можно соотносить со временем битвы (рис. 17). Основной категорией находок с площади планшетов являлись свинцовые пули для ручного огнестрельного оружия (23 экз.) и универсальные наконечники стрел (2 экз.) (рис. 19: 8–12).

исследования и материалы. Часть 4 / науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 263.

³⁴ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

Еще три свинцовые пули были найдены по методике свободного поиска к северу от планшета № 29.

В массовом количестве встречены фрагменты конских подков и подковных гвоздей, бытовавших в Московской Руси в XV–XVII вв. (здесь и далее по О.В. Двуреченскому)³⁵, а также деталей конской упряжи (рис. 3: 13). Предметы, относящиеся к элементам одежды и обуви, представлены пуговицами-гирьками с геометрическим орнаментом и обувными подковами (здесь и далее по Д.О. Осипову)³⁶ (рис. 19: 14).

Эти находки также связаны со створом Серпуховского тракта и пролегавшими здесь древними дорогами.

В целом, проследив распространение материала в условной полосе, обследованной между восточной границей села и вышеописанным оврагом, авторы работ пришли к выводу, что это зона активных боевых действий, которые «привязаны» именно к створам дорог и прилегающей территории³⁷.

На сегодняшнем этапе исследований можно предположить, что это участок боевых действий, прошедших в первый день Молодинского сражения, когда передовой полк под командованием Хворостинина разгромил арьергард войск Девлет-Гирея. Массовые находки свинцовых пуль в северной части участка могут свидетельствовать о расположении здесь стрельцов, прикрывавших княжескую конницу при маневре³⁸.

В полевых сезонах 2017 и 2018 гг. поисковые работы с использованием металлодетекторов продолжались и

на участках безлесной территории к западу-северо-западу от с. Молоди и полотна Курской железной дороги.

На этих территориях было заложено 10 поисковых планшетов общей площадью 27 га, а также обследовано два участка по методике линейно-группового поиска общей площадью 19 га и осуществлен сбор подъемного материала по методике свободного поиска с использованием металлодетекторов (рис. 17)³⁹.

В первую очередь в сезонах 2017 и 2018 гг. поисковые работы по методике планшетного сбора материала были направлены на изучение участков поля, где по многочисленным данным встречалось больше всего материала, предположительно, относящегося к битве.

Этот участок территории располагается к западу от железной дороги. С севера он ограничен проточным оврагом, входящим справа в долину р. Молодки, с запада-юго-запада левым берегом р. Рожайки и суходольным оврагом, входящим слева в ее долину.

Здесь было заложено 3 поисковых планшета (№№ 25, 28, 34). Планшет 25 был заложен в центральной части участка и имел площадь 1,2 га. Планшет 28 был ориентирован с юго-запада на северо-восток вдоль посадки, ограничивающей полотно железной дороги. На сегодняшний день площадь обследования планшета 28 составила почти 14 га, при этом в южной части он почти перекрыл планшет 25, а в северной планшет 1, обследованный в 2009 г. Планшет 34 площадью 1 га был

³⁵ Двуреченский О. В. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX вв.) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1 / отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН. 2004. С. 238–244.

³⁶ Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVII вв. М., 2006.

³⁷ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

³⁸ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...; Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 1 / Сост. Л. Ф. Кузьмина, отв. ред. В. И. Буганов. М., 1975. С. 199.

³⁹ Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях на предполагаемой территории Молодинского сражения 1572 г. и селище Молоди 2 в Чеховском районе Московской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1.; Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

заложен в 120 м к западу от юго-западного угла планшета 28 (рис. 17).

Всего на площади планшетов и прилегающей территории было собрано более 600 предметов из черного и цветного металлов, из которых около половины правомерно соотносить с периодом битвы и позднего Средневековья в целом.

Самой массовой категорией находок являются конские подковные гвозди и фрагменты подков XV–XVII вв., а также детали упряжи в виде подпружных пружек и фрагментов удила (рис. 20: 1–5).

К самой информативной группе находок, следует отнести снаряды от огнестрельного оружия (28 экз.) и ручного метательного оружия (15 экз.) (рис. 21: 1–11).

В отдельную группу следует выделить предметы личного благочестия, такие как нательные кресты и их фрагменты, а также элементы одежды и обуви, представленные пуговицами, деталями поясного набора и обувными подковами (рис. 22: 1–8).

С площади планшетов, обследованных на данном участке, было собрано 10 монет, относящихся ко времени правления Ивана IV (рис. 22: 9, 10).

Анализируя находки и их количество, учтенное за все годы исследований (даже с учетом многолетней выборки «черными копателями»), а также их равномерное распространение по всей обследованной площади, авторы пришли к выводу, что именно данный участок был выбран русской армией для развертывания полевого укрепления—гуляй-города⁴⁰. При этом нужно учитывать, что значительная часть восточного участка данного поля, со стороны которого могли про-

исходить основные атаки крымской армии, был уничтожен строительством железной дороги⁴¹.

К западу от вышеописанных планшетов в верховьях оврага, входящего слева в долину р. Рожайка был заложен поисковый планшет 31 площадью 2,4 га. К юго-западу от планшета по методике линейно-группового поиска, нацеленного на поиск исключительно свинцовых снарядов, были обследованы 2 участка общей площадью 19 га.

Помимо этого, к северу и западу от планшета 31 проводились локальные работы по методике свободного поиска, как и в других случаях, для определения перспективных мест разбивки поисковых планшетов⁴².

Количество находок, собранных с территории планшета насчитывает 80 шт. Самая массовая группа находок представлена конскими подковными гвоздями и фрагментами подков XV–XVII вв., а также деталями упряжи в виде подпружных пружек и фрагментов удила. К снарядам для ручного огнестрельного оружия относятся 12 свинцовых пуль (рис. 23: 1–6).

При работах по методике линейно-группового поиска удалось собрать 15 свинцовых пуль для ручного огнестрельного оружия (рис. 23: 7–11), одна из которых по своим характеристикам может относиться к снарядам для пехотных ружей XIX в. (рис. 23: 9).

Результатами локального обследования территории по методике свободного поиска стал сбор 7 свинцовых пуль для ручного огнестрельного оружия, а также двух свинцовых снарядов, которые по своим весогабаритным характеристикам можно отнести к боеприпасу для затинных пищалей

⁴⁰ Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях ...

⁴¹ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

⁴² Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

или полевой артиллерии (рис. 17: 1, 2; 23: 12, 13).

К северо-востоку от планшета 31 на участке поля, ограниченного с севера и юга проточными оврагами, входящими справа в долину р. Молодка, были заложены 5 поисковых планшетов общей площадью 4,8 га. Также зоны не покрытые створами планшетов локально обследовались по методике свободного поиска. По этой же методике выполнялись работы на доступных участках в границах СНТ «Василек», расположенного вдоль левого борта оврага на юге участка⁴³ (рис. 17).

Планшеты №№ 32, 33 общей площадью 2 га были заложены вдоль левого борта оврага в 40 м к северу от строений СНТ. Всего с площади планшетов было собрано 80 находок, из которых большую часть составляют подковные гвозди и фрагменты подков XV–XVII вв., а также детали упряжи в виде подпружных пружек и фрагментов удил.

Предметы вооружения представлены 4 свинцовыми пулями и 1 железным снарядом (рис. 24: 1, 2).

Элементы одежды встречены в виде единичных пуговиц-гирек с геометрическим орнаментом (рис. 24: 3).

Вне границ планшетов по методике свободного поиска, а также на огородах СНТ, расположенного на правом борту оврага, были найдены и привязаны к местности еще 7 свинцовых пуль и детали поясного набора из цветного металла (рис. 24: 4–9).

В 350 м к северо-востоку от планшета 33 был разбит поисковый планшет 30 площадью 1,8 га. Как и планшет 28 был ориентирован с юго-запада на северо-восток вдоль посадки, ограничивающей полотно железной дороги. С севера планшет ограничен проточным

оврагом, входящим справа в долину р. Молодки.

Коллекция собранных находок с площади планшета насчитывает 126 шт. Самой массовой группой, являются находки подковных гвоздей и фрагментов подков XV–XVII вв., а также деталей упряжи в виде подпружных пружек и фрагментов удил (106 экз.).

Единичными находками представлены предметы вооружения – это 3 свинцовые пули для ручного огнестрельного оружия и 1 универсальный наконечник стрелы (рис. 25: 1–4).

Элементы одежды и обуви представлены находками пуговиц-гирек с геометрическим орнаментом и обувных подков (6 экз.).

В непосредственной близости от планшета 30, к западу от него, были разбиты еще 2 поисковых планшета общей площадью 1 га (№№ 8, 26).

Коллекция находок, собранная с их площади малочисленна, а материал, относящийся к битве, представлен 3 свинцовыми пулями (рис. 25: 10, 11).

Помимо этого, на описанном участке, в зонах, не покрытых планшетным сбором материала, осуществлялись локальные работы по методике свободного поиска. В результате этих работ в непосредственной близости от границ планшетов было найдено 4 свинцовых пули от ручного огнестрельного оружия и 1 универсальный наконечник стрелы (рис. 25: 5–9).

Относительно работ, проведенных на участках к западу-северо-западу от планшета 28 и площадки поля предполагаемого расположения гуляй-города, авторы пришли к предварительному выводу о том, что эта зона могла являться участком расположения полков русской армии, которые как прикрывали полевое укрепление, так и вступали

⁴³ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

здесь в локальные сражения, так называемые «травли» и «подъезды»⁴⁴.

Анализируя состав находок и их планиграфию на планшетах 30–33, можно с уверенностью сказать, что мы «нащупали» еще один створ дороги, просуществовавшей до XVIII в., который мог отклоняться от Серпуховского тракта и вести в сторону населенных пунктов к югу и западу от с. Молоди, в частности, к указанному в источниках XVII в. двору стольника Бориса Змеева (участок выявленного селища Молоди⁴⁵). Такая узкая датировка связана с отсутствием на планшете массового подъемного материала более позднего времени, а также с отсутствием этого пути на картах XVIII–XIX вв.

Не исключено, что именно этот путь был выбран князем Хворостининым для подведения татарской конницы под прицельный огонь гуляй-города на первом этапе сражения⁴⁶.

Таким образом, на протяжении 2 полевых сезонов проводились комплексные военно-археологические исследования в границах безлесной территории площадью около 500 га. Результаты этих работ носят, безусловно, предварительный характер, поскольку более полный анализ отдельных категорий вещей с применением различных методик еще предстоит сделать.

Определенную сложность в этой работе составляет оценка предметов не являющихся боеприпасом, которые могут относиться к периоду позднего средневековья. Предметы, характеризующие эту эпоху, могли принадлежать как участникам сражения, так и быть просто утеряны в полях местными и проезжими людьми.

Тем не менее, дальнейшие исследования, направленные на сплошное

покрытие перспективных участков территории планшетами, позволят не только пополнить коллекцию артефактами позднего средневековья, но и более детально выстроить план расположения находок, а значит более четко интерпретировать ход сражения 1572 г.

Археологические исследования Бородинского сражения

Великое Бородинское сражение с давних пор является предметом пристального научного изучения. Написаны многочисленные военно-исторические труды, затрагивающие все детали, связанные с ходом сражения, существуют историографические работы, обобщающие как российский, так и зарубежный опыт, отражающий наше понимание происходившего в эти героические дни. Однако с точки зрения военной археологии, Бородинское поле лишь недавно стало объектом археологического исследования.

Непосредственно при исследованиях на месте Бородинского сражения, в зависимости от условий и места расположения планшета, использовались два основных метода поисковых работ: линейно-групповой и сплошной методы. Линейно-групповой метод представлял собой такой вид поисковых работ, когда операторы разворачивались во фронтальную линию и охватывали одновременно определенную полосу шириной 35–70 м. В этих случаях направление маршрута поиска привязывалось к естественным или антропогенным ориентирам (дорогам, отдельным лесополосам, постройкам и т. д.). После завершения работ контуры обследованной территории инструментально привязывались к топографическим картам масштаба 1:10 000.

⁴⁴ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2 / Сост. Н.Г. Савич, под ред. В.И. Буганова. М., 1982. С. 313.

⁴⁵ Брусенцов О.А. Отчет об археологических разведках...

⁴⁶ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами // АЕ за 1961 г. М., 1962 С. 273.

Сплошной метод обследования планшета включал в себя разбивку обследуемой территории на поисковые створы шириной по 4 м, по которым производилось движение с приборами с таким расчетом, чтобы при динамическом сканировании поверхности была полностью покрыта вся зона створа. В качестве эксперимента для ратных полей Отечественной войны 1812 г. применен метод разбивки планшета по условным квадратам со стороной в 10 м. Для точной привязки находок в процессе работ использовался теодолит ТЗ0-П. Кроме этого, GPS координаты получают все угловые точки разметки планшета, точки стояния теодолита и реперные отметки, окопанные и промаркированные стальными вешками. Представляется, что данная разбивка себя оправдывает с точки зрения удобства фиксации полученного материала. Но тут важно отметить, что столь дробная разбивка представляется избыточной для проведения статистики полученного материала, ибо ратное поле, как тип археологического памятника, дает нам совершенно иные масштабы работ и количество встречаемых находок. При этом важно отметить, что, как правило, сетка квадратов 10×10 м делается для привязки находки, а не для статистики полученного материала как в количественном выражении, так и в процентном соотношении. Представляется, что разбивка планшета на сетку квадратов площадью в 1 га и данные, полученные с этой площади, дают нам наиболее информативную картину ритма и хода сражения. Фронт батальонной колонны, разделенной на две части по 4 взвода в каждой, построенных в глубину, должен был составлять линию от 200 м. Именно поэтому минимальная площадь в 1 га является наиболее уместной. Возможно, имеет смысл при про-

ведении камеральных работ в поле, суммировать данные, полученные с планшетных квадратов со стороной 10×10 м, для получения информации, которая бы не была столь дробной и позволяла бы увидеть элементы, характеризующие течение сражения на данном участке. Или впредь перейти к минимальной площади учета находок, равняющейся 1-му га. Также важно учесть следующее – представляется совершенно недостаточной та статистика полученного материала, в которой не ведется полный учет всего полученного материала. Так, на материалах Куликова поля в рамках статистики учитывались не только предметы, связанные со сражением, но и предметы относящиеся к слабо известной с археологической точки зрения материальной культуре сельского населения, осваивавшего окрестности в XVII – нач. XX в., что позволяло нам построить предварительную типологию изделий из металлов, локализовать на поисковых планшетах сельскохозяйственные станы, проселочные дороги и пр. Также в статистике учитывался и многочисленный индустриальный металл XX в., который позволял нам составить представление о характере «загрязненности» поискового участка, а следовательно, позволял наметить стратегию дальнейшего обследования рассматриваемого участка с повторным прохождением операторами с металлодетекторами данной территории уже по очищенным от фонового металла площадям.

Описанные выше подходы во многом формировались параллельно с поисковыми работами, уточняя и их методику, и в то же время углубляя наше понимание получаемых результатов. С самого начала выбор места расположения поисковых участков во многом определялся на совместных заседаниях с дирекцией музея-заповедника

«Бородинское поле». Позднее расположение участков диктовалось логикой научно-исследовательских задач, появлявшихся в процессе отработки той или иной территории. Почти все поисковые работы были сосредоточены на участках, наиболее ярко характеризующих различные этапы сражения.

В процессе проведения поисковых работ следующей и очевидно важной задачей являлось изучение новой для нас материальной культуры сражения Нового времени.

В отличие от поисковых работ на месте Донского сражения, в данном случае мы сталкивались с совершенно иным характером как материальной культуры, так и ее масштабов. Сражения с применением огнестрельного оружия оставляют о себе значительно больше свидетельств в виде утерянных артефактов, а следовательно, дают большую пищу для проведения последующей аналитической работы с полученным материалом. Несмотря на сборы предметов вооружения и боеприпаса непосредственно после сражения, несмотря на сборы наиболее ценных и заметных находок в последующие времена, работы с металлодетекторами, при системном подходе к полученному материалу и тщательной фиксации, позволяют впервые взглянуть на полученные вещи как на источник для более детальной реконструкции хода сражения. Полученная сумма предметов вооружения и снаряжения, первичные интерпретации и систематизации могут стать для исследователей материальной культуры наполеоновских войн одной из точек опоры для дальнейшего типологического изучения всей номенклатуры воинского снаряжения рассматриваемой эпохи.

Помимо идентификации предметов, непосредственно связанных

со сражением, поисковыми работами была получена развитая материальная культура, характеризующая бытовую жизнь населения, проживавшего в селах и деревнях, ставших местом, где прогремела великая «баталия». Вычленивать такие находки не всегда представлялось возможным. К таковым, например, относятся предметы, связанные с конским снаряжением, а также предметы личного благочестия, которые могли принадлежать как павшим воинам, так и быть просто утеряны в полях местными крестьянами.

В настоящее время можно выделить ряд критериев для оценки интенсивности и характера боя на той или иной местности битвы, конкретику подразделений, действовавших на данной территории, локализовать конкретные боестолкновения, известные нам по диспозиции полков и упоминанием очевидцев сражения.

К критериям оценок относятся, прежде всего, концентрация находок на месте поискового участка, их состав и процентное соотношение основных видов вооружения.

При поисковых работах мы получаем определенное количество предметов, связанных со сражением, которое не отражает полную картину выпавших в грунт боеприпасов или предметов снаряжения и амуниции на момент сражения. Таким образом, мы получаем не абсолютные цифры, иллюстрирующие конкретную интенсивность сражения, выражающуюся в сумме выпущенных снарядов, а относительные, сравнительные. Именно так следует подходить к полученной серии находок с того или иного участка. Однако следует отметить, что некоторые категории предметов, такие как осколки гранат, как правило, не привлекали внимание собирателей и являются определенными индикаторами для современного ис-

следователя. Таким образом, при данном подсчете совершенно неважно насколько интенсивно проводились сборы на том или ином участке непосредственно после сражения или в новейшее время. При количественном анализе предметов важно учесть, что относительное количество обнаруженных пуль уже в первом приближении позволяет проводить сравнение с суммой обнаруженных свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия на соседнем поисковом участке. Что, за редким исключением, дает надежную картину интенсивности ружейного или артиллерийского огня.

В отличие от общего анализа количества, при подсчете состава и процентного соотношения основных видов вооружения всегда важно проводить общий сбор информации о:

А. загрязненности участка фоновым металлическим мусором;

Б. о качестве проведенных работ операторами металлодетекторов, участвовавших при поисковых работах на учитываемом участке;

В. также важно учитывать насколько интенсивно проводились сборы предметов вооружения и амуниции на конкретном участке в более ранние времена — как на момент непосредственно после сражения, так и в настоящее время.

Все эти показатели могут внести серьезные поправки и в будущем, надемся, определенные коэффициенты при реконструкции конкретной картины хода сражения на той или иной территории.

С учетом определенной концентрации предметов вооружений, представляется важным проводить подсчет различных категорий находок, относящихся к разнообразным родам войск и типам снаряжения. Последнее позволит описать характер боя, про-

ходившего непосредственно на исследуемом участке. Локализовать конкретные огневые боестолкновения, кавалерийские сшибки, зоны ведения артиллерийского огня и, в конце концов, описать сам характер боя. Так, высокая концентрация артиллерийских картечей или осколков гранат может свидетельствовать об интенсивности огня противника по наступающим колоннам пехоты или кавалерии. Высокая концентрация ядер, если таковую удастся установить (в данном моменте важно учитывать, что ядра становились одной из самых частых категорий воинского сражения, который собирались победившей армией после сражения) может говорить о расположенном поблизости фортификационном укреплении. Характерное скопление пуль, исчисляемое в определенных количествах, позволяет нам выделить зону выпадения ружейного залпа, выпущенную тем или иным подразделением.

При анализе полученного процентного соотношения находок разных категорий немаловажным критерием является учет допустимых расстояний ведения огня для оружия, в частности оружия начала XIX в., который позволяет при точном подсчете и локализации места расположения обозначить возможный сектор обстрела, привязанный к конкретике топографии и местности в целом. А также к историческим данным, которые осветили непосредственно ход самого сражения и отдельных его эпизодов. Концентрация артиллерийских снарядов задает нам довольно небольшой, измеряемый сотнями метров, разброс расстояний, с которого мог быть сделан артиллерийский выстрел. При этом, если это легкие картечи, то речь идет о 500–300 м, а если ядра, то тут, как правило, речь идет о расстоянии около 1-го км. Концентрация

ружейных пуль демонстрирует нам небольшой разброс расстояний, измеряемый десятками метров, с которого мог быть сделан ружейный залп тем или иным подразделением, а значит можно конкретно характеризовать эпизод и интенсивность боя. С другой стороны, одиночные, «излетные» пули, попадающиеся на отдельных поисковых участках характеризуют эпизоды, где непосредственных боестолкновений не происходило, но при этом это не обязательно периферия сражения. Перед нами могут быть места, где непосредственно не проходил фронт атаки или обороны сражающихся подразделений, где не выпал ружейный залп, или где не концентрировался артиллерийский огонь. Следовательно, мы имеем дело с территорией, где подразделения могли маршировать или где могла произойти кавалерийская сшибка, оставившая нам не так много следов, позволяющих бы четко ее идентифицировать.

Детали амуниции и обмундирования характеризуют не только род войск, принимавших участие на той или иной территории сражения, но и конкретные подразделения. Характеризуя такую деталь обмундирования, как мундирная пуговица, следует отметить следующее. Изображения на мундирных пуговицах являются важнейшим элементом обозначения конкретного подразделения определенного рода войск в армии Наполеона. К сожалению, в русской армии столь развитая эмблематика на форменных пуговицах распространится значительно позже и потому русские пуговицы являются значительно менее информативными для исследования Бородинского сражения. Тем не менее, форма пуговицы и ее петли, материал и размер в дальнейшем могут помочь более детально исследовать находки, связываемые с русской армией, и в конечном итоге сделать их информативнее. В частности информация, запечатленная

на пуговице, позволяет нам, зачастую, характеризовать конкретное подразделение, а конкретное паспортизированное место находки пуговицы на месте сражения дает нам важнейшую информацию о перемещениях этого подразделения во время сражения. Необходимо отметить сразу, что отдельно взятые пуговицы мало что могут рассказать, кроме того факта, что они были обнаружены на том или ином участке сражения. Однако серия пуговиц одного подразделения или пуговицы от разных полков, но сведенных в общую бригаду и обнаруженные вместе, уже становятся важнейшим источником для более точной реконструкции хода сражения на исследуемом участке.

Таким образом, на протяжении 11 полевых сезонов проводились комплексные военно-археологические исследования на всей территории Бородинского сражения. Поисковыми планшетами были затронуты основные объекты поля, ставшие ключевыми в ходе данного сражения. На базе материалов Бородинского сражения впервые *in situ* был получен условно закрытый комплекс предметов материальной культуры сражения Нового времени. В отечественной науке это практически один из первых опытов столь масштабных работ на полях сражений Отечественной войны. Целостное изучение всей материальной культуры, статистический анализ полученных находок, изучение данных серий в контексте имеющейся у нас развитой историографии, посвященной ходу самого сражения, дает не только новый источник, но и новое объективное видение, основанное на эмпирически полученных данных в результате военно-археологического изучения Бородинского сражения.

На сегодняшний день благодаря работам таких исследователей, как В.Н. Земцов, И.Ф. Попов, Л.Л. Ивченко, составлена наиболее объективная

и взвешенная картина Бородинского сражения, выстроена хронометрия боя⁴⁷. Таким образом, нами будут представлены не только результаты археологических поисковых работ, но и вкратце описаны события, произошедшие в данных пунктах в ходе Бородинского сражения 1812 г. Обследованные территории мы будем рассматривать по направлению с запада на восток.

*Обследованные участки
Бородинского поля*

1. Северо-восточнее д. Головино.
2. Севернее д. Фомкино.
3. К западу от д. Валуево.
4. Западная и восточная окраины д. Шевардино.
5. Позиции 4 армейского корпуса Е. Богарне к западу от с. Бородино.
6. Западная и восточная окраины с. Бородино.
7. Среднее течение ручья Каменка.
8. Западная, северо- и юго-восточные окраины д. Семеновской.
9. Исследования в приустьевой части Семеновского ручья.
10. Холм батареи Раевского и прилегающая к нему территория.
11. Руслó ручья Огник и западный склон возвышенности к востоку и северо-востоку от него.
12. Юго-западная окраина д. Горки (близ памятника Див. Капцевича).
13. Западнее д. Псарёво (рис. 26).

Утром 24 августа корпуса Великой армии, двигаясь по Новой Смоленской дороге, вышли к дд. Головино, Фомкино и Валуево. Первая стычка с русскими войсками произошла неподалеку от д. Фомкино в лесочке, располагавшемся южнее главной дороги. Вольтижеры 5-й пехотной дивизии

под командованием полкового адъютанта 25-го линейного полка Дюшена вытеснили русских егерей, стрелявших из-за деревьев. Ближе к полудню перед д. Валуево русские кавалеристы внезапно напали на 11-й гусарский полк 3-го армейского корпуса, последние понесли серьезные потери. Несмотря на это, русский арьергард под командованием генерал-лейтенанта П.П. Коновницына продолжал отступать⁴⁸. В конце дня в д. Валуево была организована Главная квартира французской армии.

На следующий день 25 августа обеими армиями была сделана передышка перед генеральным сражением⁴⁹. Воюющие стороны стягивали силы, изучали позиции противника. Между д. Валуево и с. Бородино расположились 13-я и 14-я дивизии 4-го армейского корпуса Е. Богарне, усиленные двумя (1-й и 3-й) дивизиями 1-го армейского корпуса Л.Н. Даву. На западной возвышенной части поля, простирающейся к западу от с. Бородино, французы стали возводить артиллерийские укрепления. 26 августа данные укрепления преимущественно обороняли от атак казаков 8-й легкий и 84-й линейный полки 13-й дивизии А.Ж. Дельзона и корпусная кавалерия в составе 13-й, 21-й и 22-й легкокавалерийских бригад дивизии Ф.А. Орнано.

На данном участке местности в 2009–2012 гг. в 0,3 км к югу и юго-западу от д. Валуево были изучены два участка, общей площадью 6,18 га⁵⁰. На них были обнаружены относительно небольшое количество сферических свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия – 50 шт. (среди них одна мушкетонная пуля). Из артиллерийского боепри-

⁴⁷ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении: Монография / 3-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 2008. – 260 с., цв. ил., карт. – (200-летие Отечественной войны 1812 г.).

паса встретились по 3 шт.: картечь и осколки гранат. Данные цифры характеризуют почти полное отсутствие каких-либо серьезных стычек. Этот факт и подтверждает незначительное количество обнаруженных пряжек от армейской амуниции – 11 шт.; русских мундирных гладких пуговиц – 8 шт.; 5 шт. – французских (одна пуговица имела изображение перекрещивающихся пушек, что характерно для полковой артиллерии, одна имела нечитаемую надпись с названием подразделения, две пуговицы имели изображение коронованного орла – гвардия, одна пуговица 17-го линейного полка). 17-й линейный полк входил в 3-ю дивизию Э.М. Жерара, которая бивуакировала накануне сражения на левом берегу р. Колочи, и данная находка уточняет местоположение лагеря полка. Обнаружение пуговиц французской гвардии говорит о том, что здесь могли происходить небольшие стычки, вероятнее всего с кавалерией Платова и Уварова.

Большой интерес вызвала находка декоративной накладки на пистолетную ручку с монограммой Павла I; накладка на лацкан мундира сапера в виде перекрещивающихся топора и лопаты; накладка на ремennую перевязь в форме варяжского или английского щита, увенчанного имперской короной, на нижнем окончании щита – цветочная розетка, в центре –

вензель «JN», помещенный в сигнальный рожок. Инициалы обозначают короля Вестфалии Жерома Бонапарта, соответственно военнослужащий был егерем-карабинером гвардии в составе восьмого армейского корпуса.

С арьергардными боями русской армии можно связать находку двух русских нательных крестов. Немаловажны находки одной киверной чешуи с подбородного ремня и детали стрелкового оружия – зажимные губки курка для фиксации кремня.

Объяснить вышеприведенные цифры можно следующим – небольшое количество находок связано с небольшой площадью исследования, исследуемая территория находится на удалении от эпицентра Бородинского сражения, возле д. Валуево преобладали арьергардные бои.

В 2009 г. были проведены работы в 160 м к северо-западу от западной окраины д. Фомкино⁵¹. На поисковом участке площадью 3,24 га собрана коллекция, насчитывающая 45 находок, которая имеет непосредственное отношение к войне 1812 г. Больше всего было обнаружено сферических свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия – 34 шт. (среди них были встречены 2 шт. ружейной картечи), а из артиллерийского боеприпаса – всего 2 картечных пули. Данные цифры говорят о том, что в данном месте происходил преимуще-

⁴⁸ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 154–156.

⁴⁹ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 161–162.

⁵⁰ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №28615; Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. №28611; Гоняный М.И. Отчет о проведении поисковых археологических работ с детекторами металла в районе боевого расположения правого фланга и укреплений русской армии у д. Криушино, на участке сражения у батареи Н.Н. Раевского, в зоне разрушения культурного горизонта Бородинского сражения у д. Семеновское, разведочных работ на селище Валуево 2 и на земельном участке площадью 13,28 га у д. Ново-Михайловка Можайского района Московской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. №29526; Гоняный М.И. Отчет о поисковых археологических исследованиях с детекторами металла при производстве археологических работ по приспособлению (музеефикации) и благоустройству мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарея Раевского» и разведочных исследованиях на селище Валуево 2 в Можайском районе Московской области, выполненных в 2012 г. // Архив ИА РАН. 2013. Р-1. №34365.

⁵¹ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №28615.

ственно стрелковый бой, вероятно, здесь шла перестрелка с русскими егерями, засевшими в кустарнике и вдоль кромки леса.

Кроме того, были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 6 шт.; детали сбруи: круглая бляха с двойными прямоугольными прорезями – 1 шт., одна накладка с клепками на сбрую и одна на стрелковое оружие.

В том же году в 50 м к северо-востоку от северо-западной окраины д. Головино (урочище Головинское поле) был заложен планшет площадью 2,84 га, здесь были обнаружены 57 находок, являвшиеся раритетами 1812 г.⁵²

Здесь также происходили небольшие стычки между подразделениями Великой армии и русскими егерями, которые сдерживая напор неприятеля, постепенно отходили к основному расположению армии. Об этом свидетельствуют находки сферических свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия, которых насчитывается 20 шт. (среди них 2 шт. мушкетонных пуль). Артиллерийский боеприпас представлен осколками гранат – 4 шт., картечи – 2 шт.

Кроме того, были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 12 шт.; русских мундирных гладких пуговиц – 3 шт., чуть меньше французских, со следующими номерами полков: 12, 83; детали сбруи: круглая бляха с двойными прямоугольными прорезями – 1 шт.; подковы конские – 3 шт.; квадратные гайки – 3 шт.; русский крест нательный – 1 шт.

Вскоре, после проведенной реконфигурации, Наполеон отдал приказ атаковать передовое укрепление русских позиций – Шевардинский редут. Первыми в бой, форсировав

р. Колочь, двинулись солдаты 5-й дивизии Ж.Д. Компана 1-го армейского корпуса. Во главе атакующих двигались 57-й и 61-й линейные полки, обходя редут справа чрез д. Доронино, а 25-й и 111-й – слева через д. Шевардино, т. е. севернее. С юга со Старой Смоленской дороги из района д. Ельни для выхода в тыл русскому редуту двигался Ж.А. Понятовский с 16-й и 18-й пехотными дивизиями. Для прикрытия левого фланга дивизии Компана в район д. Алексинки переправилась 2-я дивизия Л. Фриана и 1-я Дивизия Ш.А. Морана. С тыла прикрывали 1-й резервный кавалерийский корпус Э.М. Нансути и 2-й – Л.П. Монбрена⁵³.

Им противостояли 27-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Д.П. Неверовского. На переднем крае в д. Доронино расположились 6-й, 41-й и 49-й егерские полки под общим командованием полковника А.С. Глебова 1-го. Их тыл прикрывали Новороссийский и Киевский драгунские полки. Южнее, вплоть до д. Ельня, были рассредоточены 5-й, 42-й и 50-й егерские полки полковника Ф.Г. Гогеля 1-го. За Шевардинским редутом стояли Одесский и Симбирский пехотные полки, за ними – Виленский и Тарнопольский. Территорию севернее д. Шевардино контролировали Харьковский и Черниговский драгунские полки. В тылу 27-й пехотной дивизии находились 2-я кирасирская дивизия генерал-майора И.М. Дуки и 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора К. Мекленбургского.

За два года 2010–2011 возле д. Шевардино были обследованы два участка: один, площадью 5,57 га, располагался в 0,28 км к северо-западу от укреплений Шевардинского редута (рис. 26: 23), второй – площадью 5,23 га, был заложен неподалеку от

⁵² Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №28615.

⁵³ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 156–161.

восточной окраины самой деревни, вокруг батареи Фуше (рис. 26: 15).

В 2010 г. на всей территории первого участка удалось собрать 116 индивидуальных находок, имеющих отношение к Бородинской битве⁵⁴. Наиболее распространенные находки – это сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 84 шт., но при этом отсутствовали осколки гранат и картечи артиллерийской. Судя по данным цифрам, на изученном отрезке не происходило ожесточенных боевых действий, сравнимых со штурмом самого укрепления. Есть свидетельства о кратковременном расположении неприятельских войск на обследуемой территории, периодически обстреливаемых русскими, но без применения артиллерии.

Вдобавок были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 9 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 8 шт., французские – 3 шт. (это пуговицы от 1-го и 9-го полков пешей артиллерии); детали сбруи: бляхи с полковым номером «9» – 2 шт., накладки с клепками – 2 шт., кольцо сбруйное – 4 шт.; чешуя киверная с подбородного ремня – 1 шт.; височная бляха на кивер – 1 шт.; накладка «гренада» – 1 шт., обойма на португепю – 1 шт., монета 1810 г. – 1 шт.

В 2011 г. на батарее Фуше был найден 231 артефакт, имеющий непосредственное отношение к Бородинскому сражению⁵⁵.

подавляющим большинством находок являются сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 184 шт.; осколков гранат – 9 шт., картечи артиллерийской –

8 шт. Данные цифры характеризуют преимущественно стрелковый бой, который происходил в процессе выдвижения в сторону Багратионовых флешей французской 5-й дивизии Ж.Д. Компана 1-го армейского корпуса и засевшими в ручьях Каменка и Семеновском русских егерей 5-го, 41-го и 42-го полков.

Плюс ко всему, были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 7 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 6 шт., французские – 4 шт. (по две пуговицы 111-го линейного полка и эпохи Республики); деталей сбруи: три накладки с клепками, подкова конская – 1 шт.; накладка французская на патронную сумку в виде охотничьего рожка – 1 шт.; чешуя киверная с подбородного ремня – 1 шт.; детали стрелкового оружия: подкурковая скоба – 1 шт., огниво от ружейного замка – 1 шт., личинка приверточная – 2 шт.; накладки «гренады» – 3 шт. (одна русская гренадерская с тремя огнями, две по одному пламени – русская и французская).

Находка пуговиц 111-го линейного полка показывает место, откуда в день генерального сражения, выдвинулось совместно с 57-м линейным полком это французское подразделение. Перечисленные части в составе 5-й дивизии под командованием дивизионного генерала Ж.Д. Компана открыли боевые действия французов на правом фланге своей армии в начале 7-го часа утра⁵⁶. Из района Шевардинского редута 111-й линейный полк двигался через ручей Каменку и углубился в лес, который подступал к южному люнету. Отсюда солдаты 5-й дивизии и нано-

⁵⁴ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. №28613.

⁵⁵ Гоняный М.И. Отчет о результатах охранных археологических работ на территории объекта культурного наследия «Бородинское поле и памятники на нем» (Планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла вокруг флешей Фуше, у кавалергардской роши), а также археологических раскопок у церкви Спаса в Спасо-Бородинском монастыре в Можайском районе Московской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. №29527.

⁵⁶ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона ... С. 172–186.

сили удары по южной Багратионовой флешу, но, будучи неоднократно контратакованы дивизиями Воронцова и Неверовского, поддержанными пушечным огнем, были отброшены назад. Наибольшие потери 111-й и 57-й полки понесли в ходе перестрелки с русскими егерями, рассредоточенными по лесному массиву.

В 2004 г. проводились работы в районе позиции Е. Богарне, было обследовано 2,91 га площади и собрано 55 находок, относящихся к битве⁵⁷.

Наиболее многочисленную категорию артефактов представляли собой обломки артиллерийских гранат – 12 шт. и картечи – 5 шт.; пули ружейные – 9 шт. Данная пропорция свидетельствует об активном огневом воздействии на достаточно удаленные позиции французов как артиллерией, так и стрелковым оружием.

Кроме того были обнаружены: французская мундирная пуговица – 2 шт. (одна с цифрой «5» над перекидывающимися стволами, другая с цифрой «7» под стволами и гренадой, подобные пуговицы пришивались к мундирам военнослужащих Великой армии в пешей артиллерии); пряжек – 8 шт.; спусковая личинка – 1 шт.; спусковая скоба – 1 шт.; деталь ружейного замка – 1 шт.; спусковой крючок (собачка) – 1 шт.; бляхи сбруйные – 2 шт.; накладка – 1 шт.; русская гренада с гренадерской шапки – 1 шт.; одна французская гренада (отличаются от русских формой пламени).

На западной и восточной окраинах с. Бородино русскими значительных укреплений сделано не было, здесь 23 августа был поставлен лейб-гвар-

дии Егерский полк. Для укрепления позиций на восточной окраине села были отрыты окопы для стрелков, забаррикадирован вход в селение, устроены засеки на опасных направлениях, в домах организованы засады⁵⁸. На западной окраине села, за рекой Воинкой, по некоторым сообщениям был устроен пятиугольный редут на 4 орудия, прикрытый с севера ложементом для пехоты⁵⁹. Он участвовал в боях 24 августа, но впоследствии был оставлен.

В начале генерального сражения стремительной атакой с севера 106-й французский линейный полк под командованием Л. Плозонна, застав врасплох, опрокинул защитников села и вынудил их отступить за р. Колочь в сторону д. Горки. Перейдя мост через реку, противник начал подниматься на холм, где и был смят контратакой русских егерей 1-го и 19-го полков (командиры М.Б. Карпенко и Н.В. Вуич). От полного разгрома 106-й спас подоспевший с запада 92-й линейный полк. Французам удалось удержать за собой село, хотя русские и смогли разрушить мосты через речки Воинку и Колочь.

Исследования в с. Бородино проводили в 2004 г. на его северо-восточной окраине и в 2012 г. на восточной окраине.

В итоге на северо-восточной окраине с. Бородино было отсканировано два планшета общей площадью 0,94 га, обнаружено 17 артефактов, которые правомерно соотносить с Бородинским сражением⁶⁰.

Самой многочисленной категорией среди находок являются сферические

⁵⁷ Двуреченский О.В. Отчет об охранных научно-исследовательских работах по выявлению и изучению археологических объектов на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2004. Р-1.

⁵⁸ Попов А.И. Бородино. Северный фланг. М.: Братина, 2008. С. 18–28.

⁵⁹ Хлесткин В.М. Канун Бородине. Военно-исторический очерк с картами того времени // Союз писателей России. М.: ИХТИОС, 2008. С. 76–79.

⁶⁰ Двуреченский О.В. Отчет об охранных научно-исследовательских работах по выявлению и изучению археологических объектов на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в 2004 г.

ружейные пули – 9 шт. (среди них была найдена мушкетонная пуля – 1 шт.); осколки артиллерийской гранаты – 3 шт.; русская гладкая мундирная пуговица – 2 шт.; бляха сбруйная – 1 шт.; накладки сбруйные – 1 шт.; кольцо сбруйное – 1 шт.

Второй участок протяженностью 17 км, следующий от пос. Александрово, через позиции Евгения Богарне, с. Бородино, д. Горки и до поселка МИЗ. В результате поиска с помощью металлодетекторов была обследована территория сражения площадью 4,5 га, на которой собрана коллекция, включающая 60 предметов, относящихся к Бородинскому сражению.

Чаще всего из обнаруженных артефактов встречались сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 33 шт., осколков гранат – 2 шт., картечи артиллерийской – 1 шт. Сложно интерпретировать приведенные цифры, так как находки собирались на довольно протяженном участке.

Также были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 6 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 5 шт., одна французская пуговица 9-го линейного полка была обнаружена южнее д. Валуево; детали сбруи: одна круглая бляха-разделитель ремня, кольцо сбруйное – 4 шт.; один наконечник португейского ремня треугольной формы; один нательный русский крест; один ременной разделитель; подковы накаблучные – 2 шт.; тыльник ружейного приклада – 1 шт.; шомпольная трубка – 1 шт.; верхнее ложевое кольцо – 1 шт.

Находка пуговицы 9-го линейного полка показывает откуда выдвигалось подразделение для форсирования р. Колочь и решающей атаки на батарею Раевского.

В 2009 г. один из поисковых участков находился в 1 км к западу от д. Семеновской (рис. 26: 14), на левом берегу балки Каменка (Урочище «Каменка»)⁶¹. На данной территории был разбит планшет площадью 2,73 га, в процессе работ с металлодетекторами были обнаружены 56 предметов, относящихся к Бородинскому сражению.

Самой многочисленной группой находок из обнаруженных артефактов являлись сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 16 шт., осколков гранат – 6 шт., картечи артиллерийской – 5 шт. Относительно небольшое количество боеприпаса говорит о том, что в данной местности непосредственного контакта между противоборствующими сторонами не было. Данный участок поля сражения использовался для перемещения по нему воинских частей.

Плюс ко всему были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 4 шт.; французские накаблучные подковы – 2 шт.; квадратные гайки, как правило, с остатками винтов – 3 шт.

Любопытна найденная пуговица с плохо читаемым номером на лицевой стороне. Отчетливо читается вторая цифра «6», первая цифра «1» или «4». Разобраться помогает надпись на обратной стороне пуговицы, буквы, правда, слабо различимы, но расположение двух слов в форме овала, дает надежную подсказку. Подобной формы надпись делалась на польских пуговицах. Оригинальная надпись выглядит вот так: «Münchheimer w Warsza», что означает «Мюнхеймер в Варшаве». Первое слово – имя производителя, второе – название столицы Герцогства Варшавского. Всего пехотных полков в данном государ-

⁶¹ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №28615, №28616-28618.

ственном новообразовании было 22, значит, цифра на лицевой стороне пуговицы означает номер «16». Данный полк входил в состав 16-й дивизии И. Красиньского 5-го армейского корпуса⁶². Этот корпус под командованием Ю.А. Понятовского в день генерального сражения действовал на оконечности правого фланга французской армии в районе д. Утицы. Так каким же образом пуговица 16-го пехотного полка могла оказаться возле руч. Каменка?

Этому казусу можно найти объяснение. В самый разгар сражения, после захвата корпусами Л.Н. Даву и М. Нея Багратионовых флешей, ближе к 10 часам утра Наполеон стал наращивать группировку войск в районе руч. Семеновского с целью захвата прилегающей к нему деревни⁶³. Для этого он решил использовать свои резервы и двинул вперед дивизии Л. Фриана и М.М. Клапареда, последний командовал молодогвардейским Легионом Вислы, который состоял преимущественно из поляков, это была их привилегия. Легион занял позиции возле руч. Каменка. Вероятно, накануне сражения наиболее отличившегося солдата из 16-го польского пехотного полка перевели в элитное подразделение.

Сгруппировавшись французы двинулись на д. Семеновскую. На северо-западную окраину деревни, где располагалось русское земляное укрепление, пошли солдаты 2-й дивизии Л. Фриана: слева-направо – 15-й легкий полк, 48-й линейный полк (за ним следовали два батальона полка Жозефа Наполеона). Общий резерв дивизии – 33-й линейный полк. Через

полчаса окраина села была взята, в том числе и русская батарея, прикрытая эполементом. Французские полки поднялись на холм, который располагался за развалинами деревни, захватив, таким образом, и остальные части населенного пункта. Свернувшись в каре, французские полки отбивали множество кавалерийских атак, направленных на них.

Продвинуться дальше французам мешала стоявшая насмерть с севера и северо-востока д. Семеновской русская пехота из 4-й дивизии Е. Вертенбюргского и 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого. На южной и юго-восточной окраинах населенного пункта продолжала сопротивляться гвардейская пехота полковника М.Е. Храповицкого, эскадроны Черниговского, Киевского драгунских и Екатеринославский кирасирский полки.

С 2005–2008 гг. проводились шурфовка, раскопочные и поисковые работы на западной, северо- и юго-восточной окраинах д. Семеновской.

В 2005 г. на северо-восточной окраине д. Семеновской в процессе обследования прилегающей к Шурфу 1 территории была просканирована площадь в 0,16 га⁶⁴, на которой был найден 21 артефакт, имеющий отношение к Бородинской битве (рис. 26: 16).

Наиболее многочисленной категорией находок стали сферические ружейные пули – 13 шт. (среди них находилась картечь ружейная – 2 шт.); из артиллерийского боеприпаса обнаружены осколки гранат – 4 шт. Несмотря на то, что изученная площадь

⁶² Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 172–173.

⁶³ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 183.

⁶⁴ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №28615, №28616-28618.

не велика, а количество находок мало, они свидетельствуют насколько сильно было противостояние между французами и русскими, которые стремились удержать за собой Семеновские высоты.

Кроме вышеперечисленного, были найдены: французская мундирная пуговица – 1 шт. («2»-го линейного полка); пряжка – 2 шт.; среднее или нижнее ложевое кольцо – 1 шт.

В течении 2006–2007 гг. на северо-восточной окраине д. Семеновское была просканирована территория в 4,35 га⁶⁵, в результате чего были выявлены 827 металлических изделий, которые имеют непосредственное отношение к Бородинскому сражению (рис. 26: 16).

В данном случае заметен численный перевес артиллерийского боеприпаса: гранат – 281 шт.; картечи – 182 шт., тогда как пуль ружейных обнаружено – 255 шт. Такое соотношение показывает об активной артподготовке со стороны французов, проведенной перед штурмом д. Семеновской. Данные цифры характеризуют высокий накал боя, который происходил в процессе противостояния между французскими и русскими войсками за обладание д. Семеновкой, которая несколько раз переходила из рук в руки.

Кроме вышеперечисленного, были найдены: пряжки от армейской амуниции – 36 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 12 шт.; французская мундирная пуговица – 1 шт. (33-го линейного полка); деталей сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 2 шт., одна накладка с клепками, кольцо сбруйное – 1 шт.; шпора – 1 шт.; чешуя киверная с подбородных ремней – 3 шт.;

детали стрелкового оружия: подкурковая скоба – 1 шт., спусковая собачка – 2 шт., русский пыжевник – 2 шт., тыльник ружейного приклада – 5 шт. (один из медного сплава с гравированным изображением двуглавого орла под имперской короной – подобный декор наносился на оружие в гвардейских частях), боевая пружина – 2 шт., свинцовая оплетка для ружейного кремня – 2 шт., декоративная накладка на ружейный приклад, кокарда, французская отвертка ружейная – 1 шт., антабка – 2 шт., среднее или нижнее ложевое кольцо – 1 шт. шомпольная трубка – 1 шт., деталь ружейного замка – 3 шт.; части холодного оружия: наверхие рукояти – 1 шт., один наконечник штыковых ножен, закладки для ножен – 2 шт.; циркуль (измеритель) – 1 шт.; наконечник штыковых ножен – 1 шт.; гайка квадратная – 11 шт.; шайба квадратная – 2 шт.; накладки (бляхи) сбруйные – 4 шт.; накладка «сигнальный рожок» с патронной сумки французской легкой пехоты – 1 шт.; часть накладки в виде горки из ядер – использовалась в качестве знака различия на патронных сумках нижних чинов во французской пешей артиллерии – 1 шт.; складывающаяся тяга – 1 шт.; накладка на штык лопаты – 1 шт.

В 2007–2008 гг. на северо-восточной окраине д. Семеновской⁶⁶ был заложен Раскоп 1 (суммарная площадь 0,12 га), пахотный горизонт и заполнение археологических объектов которого были просканированы металлодетекторами, в результате чего были найдены 46 предметов, которые можно уверенно соотнести с Бородинским сражением (рис. 26: 16).

Среди находок больше всего было найдено картечи – 14 шт.; гранат – 4 шт.; пуль ружейных – 11 шт.; винт

⁶⁵ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 172–173.

⁶⁶ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. 2008. Р-1. №28596, №28597, №28598;

ружейный – 1 шт.; стопор ложевого кольца – 2 шт.; кольцо сбруйное или амуническое – 1 шт.

Так как площадь Раскопа 1 суммарно не велика, то процент находок на единицу площади достаточно велик и тоже свидетельствует о высоком накале боя.

В 2008 г. также были проведены поисковые работы неподалеку от юго-западной окраины д. Семеновское, правый берег руч. Семеновского (урочище «Фирсово болото»)⁶⁷. Данный участок располагался практически непосредственно перед «Семеновскими флешами», его площадь составила 6,81 га (рис. 26: 13). На данной территории было обнаружено 249 артефактов, являющихся реликвиями сражения.

Среди них преобладали свинцовые ружейные пули – 133 шт., вполонину меньше было осколков гранат – 55 шт., артиллерийской картечи – 31 шт., что свидетельствует о достаточно активном артиллерийском обстреле средней части балки Семеновская, где в ходе генерального сражения концентрировались подразделения 2-й дивизии Л. Фриана для последующей атаки на д. Семеновскую. Скорее всего, этот обстрел происходил из орудий, расположенных на восточной и южной окраинах деревни, так называемых Семеновских высотах. Также активный огонь по французам вели из стрелкового оружия солдаты 27-й пехотной дивизии, которые были рассредоточены на противоположном правом берегу Семеновского оврага.

Кроме этого, были обнаружены пряжки от армейской амуниции –

5 шт.; русские мундирные гладких пуговицы – 5 шт.; детали сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 5 шт., накладки с клепками – 4 шт., кольца сбруйные и амунические – 6 шт.; детали кивера: чешуя с подбородных ремней – 3 шт., деталь киверного знака – 1 шт.

Во 2-м – начале 3-го часа после полудня маршал Ней приказал войскам 1-го, 3-го и 8-го армейских корпусов форсировать Семеновский овраг и поддержать дивизию Фриана. Это позволило придвинуть французскую артиллерию к переднему краю и обрушить свою мощь на батарею Раевского.

26 августа напротив центра русских позиций события развивались следующим образом. В районе половины четвертого утра 1-я дивизия бригадного генерала Ш.А. Морана начала форсирование р. Колочи. После переправы, пройдя к северо-востоку от д. Алексинки, дивизия остановилась и стала ждать дальнейших распоряжений. После начала сражения Моран дал указание своим солдатам подниматься на возвышенность к Семеновскому ручью. Здесь завязалась перестрелка с русскими егерями из 49-го и 50-го полков полковника А.В. Воейкова⁶⁸, рассыпанными в молодом лесочке в приустьевой части одноименного оврага. Для борьбы с егерями 1-я дивизия была построена следующим образом. Впереди 30-й линейный полк, батальоны которого были развернуты в линии (трехшереножный строй). За ним, свернутые в батальонные колонны, один за другим следовали 13-й легкий и 17-й линейный полки⁶⁹. В

Соловьев Д.Б. Отчет об охранных археологических раскопках на селище «Семеновское 1» (14–17, 18–19 вв.). В Можайском районе Московской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1. №43776.

⁶⁷ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2008г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1. №29135.

⁶⁸ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 188. Автор утверждает, что приустьевую часть Семеновского оврага обороняли 6-й, 49-й и 50-й егерские полки, а по ручью Каменка стояли, т.е. ближе к д.Семеновское, 5-й, 41-й, 42-й.

⁶⁹ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 192.

итоге егеря были вынуждены отойти. Для усиления планируемой атаки за дивизией Морана на возвышенность поднималась 3-я дивизия Э.М. Жерара, далее 3-й резервный кавалерийский корпус дивизионного генерала маркиза Э. Груши.

Ориентировочно к 8.30 утра 30-й полк преодолел приустьевую часть Семеновского ручья. Сам овраг располагался почти перпендикулярно направлению движения подразделения. Теперь полк находился в 0,85 км к западу от батареи Раевского. Вопрос, каким образом 30-й полк смог достигнуть курганной высоты и захватить укрепление, когда против него действовало порядка сорока пушек, помогли решить проведенные в 2010 г. исследования в приустьевой части Семеновского ручья⁷⁰.

Поисковый участок общей площадью 2,03 га включал 2 поисковых планшета, расположенных на правом берегу проточной балки Семеновская, неподалеку от ее впадения в р. Колоочь. Планшеты примыкали к северо-западной окраине поселка сотрудников Бородинского музея, располагаясь относительно недалеко от батареи Раевского (рис. 26: 12). Всего был собран 371 артефакт, который имеет непосредственное отношение к сражению 1812 г. Поскольку находки на планшетах заметно отличаются в количественном отношении друг от друга, опишем их отдельно.

На планшете 1 наиболее многочисленной группой находок являлась картечь артиллерийская – 166 шт.; осколков гранат – 16 шт.; сферических свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия – 114 шт. Преобладание среди артефактов картечи

уверенно свидетельствует о мощном артиллерийском обстреле приустьевой части балки Семеновская, где в районе 9 часов утра 26 августа 1812 г. группировались неприятельские войска (1-я и 3-я дивизии французских бригадных генералов Ш.А. Морана и Э.М. Жерара). Скорее всего, этот обстрел происходил из орудий, расположенных на батарее Раевского.

Кроме того, были обнаружены одна пряжка от армейской амуниции; французская мундирная пуговица 30-го линейного полка; острое клинкового оружия – 1 шт.; квадратные гайки, как правило, с остатками винтов – 4 шт.

Наличие пуговицы 30-го линейного полка говорит нам, что перед нами следы первой атаки на батарею Раевского в районе 9 часов утра. Однако, судя по незначительному количеству деталей амуниции и вооружения, можно предположить, что снаряды русских пушек не достигали цели. Действительно, форсировав ручей, французы построились и двинулись вперед. Данный участок местности как нельзя лучше подходил для начала атаки. Первую половину пути, а это около 450 м, подразделение прошло относительно скрытно, так как оно двигалось в низине и не попадало в прямую видимость русских артиллеристов. Французский отряд был скрыт вершиной водораздельного холма, разделяющего водосборы двух ручьев – Семеновского и Огника. Именно этот холм Ш. Франсуа и называет «гребнем оврага», и здесь наиболее уместны его слова: «...над головами стали рваться русские гранаты»⁷¹.

Картечь с батареи Раевского сюда могла попадать только на излете или

⁷⁰ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. №28613.

⁷¹ Le Journal d'un officier francais ou Les Cahiers du capitain Francois: 1792–1815. / 3e serie IN-4°. 1903. P. 173.

по инерции скатывалась в низину. Предельная дальность стрельбы данным видом боеприпаса 700 м, и это в основном касается крупной картечи, предназначенной для артиллерийской дуэли. Как правило, по пехоте велся огонь на дистанции 200–400 м⁷².

На планшете 2, который располагался ближе к руслу ручья, напротив, наиболее многочисленной группой находок были сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 52 шт. (среди них была встречена одна мушкетонная пуля); картечь артиллерийская – 13 шт.; осколков гранат – 4 шт.; одна русская гладкая мундирная пуговица. Данные цифры говорят о том, что до этого рубежа картечные заряды уже не долетали, а перестрелка из ручного оружия продолжалась между французскими солдатами и отходившими на свои позиции русскими егерями.

Холм батареи Раевского и прилегающая к нему территория, включая участки к востоку от руч. Огник. Моренный холм, на котором была устроена батарея Раевского, расположен в 0,8 км к югу от с. Бородино и в 0,85 км к северу от д. Семеновское, на левом берегу руч. Огник в 0,1 км к западу от его русла. Верхняя площадка холма находится на 15–16,2 м выше уреза воды в ручье.

Холм господствовал над всей окружающей местностью.

К моменту начала боя курганная высота была занята 18 орудиями⁷³ (12 батарейными и 6 легкими). Оборона укрепления возлагалась на войска 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского (правый фланг 2-й западной армии).

Археологические раскопки 2007–2012 гг., проведенные на центральном русском укреплении, позволили детально реконструировать облик батареи Раевского⁷⁴. Очевидно, что её строительство не было закончено к началу сражения. В реальности данное укрепление выглядело заметно более скромным фортификационным сооружением, чем описывается в большинстве историографических исследований⁷⁵. В то время как фасы и правый фланк ещё могли претендовать на роль серьезной, но не непреодолимой для пехоты преграды, то полутенали с легкостью форсировались даже кавалерией. Центральная часть укрепления имела ров достаточной глубины и бруствер с амбразурами, полутенали были защищены лишь неглубоким рвом и невысоким валом (рис. 27: 28).

Батарея Раевского представляла собой несимметричное сооружение (ле-

⁷² Смирнов А.А. «Аракчеевская» артиллерия : Рус. полевая артиллерия системы 1805 г. // Военное дело, униформа. Издательство: Рейтар М., 1998. С. 33.

⁷³ По данным Дементия Богданова их было 19. Из воспоминаний Д. Богданова «Бородино. Из войны 1812 года. Рассказ очевидца» // Бородино: документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 336–339.

⁷⁴ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2007 г. Раскоп 1 на «Батарее ген. Н.Н. Раевского» // Архив ИА РАН. 2008. Р-1. №28599; Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2008 г. Раскоп 1 на «Батарее ген. Н.Н. Раевского» // Архив ИА РАН. 2009. Р-1. №29278; Соловьев Д.Б. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009 г. Раскопы 1в и 1г на «Батарее ген. Н.Н. Раевского» // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №35490; Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2010 г. Раскопы 1Д и 1Е на «Батарее ген. Н.Н. Раевского» // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. №28613; Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2011 г. Раскопы 1ж-л на «Батарее ген. Н.Н. Раевского» // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. №29814; Гоняный М.И. Отчет о результатах проведения археологических работ по приспособлению (музеефикации) и благоустройству объекта культурного наследия "Батарея Раевского" (раскопки). Раскопы 1м-0,2 на "Батарее ген. Н.Н. Раевского". Наблюдения за работами по прокладке пешеходных дорожек на Южной Багратионовской флечи и по реконструкции откосы вокруг Церкви Спаса Нерукотворного Образа в Спасо-Бородинском монастыре в 2012 г. // Архив ИА РАН. 2013. Р-1. №34363.

⁷⁵ Соловьев Д.Б. Непрístupная крепость или слабое укрепление? Сопоставление данных исторических источников и результатов современных археологических исследований Батареи Раевского // Военно-исторический журнал / гл. ред. И.М. Чачух. М., 2016. №8. С. 40–44.

вый фас в два раза длиннее правого, был сооружен только правый фланк). Укрепление отличалось способами соединения отрезков рва, концы которых ограничивались углами. Центральные углы изгибались плавно органично, что свидетельствовало о запланированном их сооружении. У двух других участков рва, примыкающих к краям основного центрального укрепления, углы имели ломаную конфигурацию. Подобный способ соединения наводит на мысль, что дополнительные участки рва изначально были выкопаны отдельно, а затем уже были пробиты перемычки, отделявшие их от основного котлована. Кроме того, отмечалось заметное уменьшение глубины рва на дополнительных участках и их серповидность в плане, тогда как в центральной части все отрезки были прямолинейны.

Все это указывает на то, что фортификация строилась в два этапа. Изначально были сооружены два фаса и фланк, впоследствии к ним присоединили дополнительные участки рва — полутенали.

В ходе боя французами на батарею Раевского было совершены две массивные атаки.

Первая атака началась в 8.30 утра. Несмотря на сильный артиллерийский огонь наших батарей, 1-я пехотная дивизия дивизионного генерала Ш.А. Морана атакует «курганную высоту». В 1-м эшелоне под командованием бригадного генерала Ш.О. Бонами наступала развернутая в линию 3-я бригада (30-й линейный полк). Во 2-м — 1-я (13-й легкий полк), в 3-м эшелоне 2-я (17-й линейный полк) бригады, свернутые в батальонные колонны. Около 9.30 часов 30-й линейный полк захватывает батарею.

Неожиданно, практически со всех сторон, и по всей длине укрепления появился 30-й полк. Спасающиеся русские артиллеристы, стрелки «русской линии», пехотинцы Полтавского полка, назначенные для обороны батареи, бежали к ручью Огник, который протекал на удалении в 200 м ниже по склону. Все это привело егерей 18-й, 19-й и 40-й полков, стоявших за курганной высотой и не имевших истинного представления о численности нападавших, в полное смятение. Они дрогнули и присоединились к отступающим.

Французский капитан Франсуа в своих воспоминаниях⁷⁶ рассказал о том, что бойцы 30-го полка в пылу атаки прошли Батарею дальше шагов на 50. По нашим же археологическим данным его однополчане смогли продвинуться значительно дальше, так как пуговицы этого полка встречаются за ручьем Огник, в 350 м восточнее укрепления. Территории, окружающие батарею Раевского, обследовались при помощи металлодетекторов с 2004 по 2012 и в 2016 гг.

Вовремя подоспевшие начальник штаба генерал А.П. Ермолов и начальник артиллерии генерал-майор А.И. Кутайсов 1-й западной армии остановили бегущих и, взяв один только 3-й батальон Уфимского полка и 18-й егерский полк, бросились прямо на батарею. 19-й и 40-й егерские полки, последовав их примеру, контратаковали укрепление с южной стороны⁷⁷.

Можно предположить, что 18-й егерский полк отступал по направлению к 24-й, а 19-й и 40-й к 12-й пехотным дивизиям. Поэтому чуть позднее, в ходе контратаки, Уфимский пехотный полк и 18-й егерский полк вошли

⁷⁶ Francois C. Le Journal d'un officier francais ou Les Cahiers du capitain Francois: 1792–1815. / 3e serie IN-4°. 1903 P. 171–176.

⁷⁷ Бородино: Документальная хроника / Составители: А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 241.

в укрепление через северные ворота, а 19-й и 40-й – через южные.

Батальоны 24-й пехотной дивизии генерал-майора И.Ф. Паскевича и 26-я пехотная дивизия генерал-майора И.В. Васильчикова в соответствии с указаниями Раевского наносили фланговые удары по подходившим 13-му и 17-му французским полкам западнее Батареи. Из 3-ей дивизии под командованием бригадного генерала М.Э. Жерара, только 7-й легкий полк смог поддержать отступающих французов. Благодаря героическим усилиям русских войск противник был контратакован и практически полностью истреблен, батарея отбита, а бригадный генерал Бонами взят в плен.

Ожесточенность этого боя хорошо иллюстрируется скоплениями находок, которые были собраны в 2012 г. на батарее Раевского и в ее ближайшей округе. На курганной высоте было просканировано 9,27 га площади памятника и прилегающей территории (рис. 26: 1). В процессе исследований собрана уникальная коллекция реликвий 1812 г., насчитывающая 975 предметов. Вся обследованная территория была разделена на пять планшетов.

Доминирующей по численности группой являются сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 763 шт. (среди них были встречены 6 шт. мушкетонных пуль), что составляет 77,6 % от всех обнаруженных находок наполеоновской эпохи. Из них 31 пуля несет следы деформации из-за попадания в цель. Свинцового «дроба» найдено 3 шт., осколков гранат – 21 шт., картечи артиллерийской – 25 шт. Данные цифры характеризуют высокий накал стрелкового боя, который происходил в процессе многочисленных стычек между французскими и русскими войсками за обладание укреплением. На подступах к Батареи и на самой

курганной высоте преобладал ближний бой, доходивший до рукопашных схваток. Наборы определенных категорий находок подтверждают эти соображения. Полученные материалы свидетельствуют о том, что наиболее кровопролитные боестолкновения происходили с юго-западной и юго-восточной сторон укрепления.

Столь малое количество артиллерийских снарядов может свидетельствовать о том, что артиллерия вела в основном прицельный огонь по батарее Раевского. Та часть артиллерийского боеприпаса, которая перелетала курганный холм, скатывалась в руч. Огник, где ее скопления были собраны после битвы.

Также присутствуют в коллекции предметы, связанные с амуницией и экипировкой. Это различные по форме, размерам и назначению пряжки из цветного металла – 28 шт.; накладка бронзовая в виде точки на русскую егерскую патронную сумку; фрагмент накладки в виде римской цифры «I»; накладка на ремень кивера в виде морды льва; наконечник португальского ремня треугольной формы. К предметам конской упряжи относятся медные сбруйные накладки с клепками – 3 шт., круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 1 шт., кольцо сбруйное – 2 шт., ремной разделитель – 2 шт., железными подпружинными пряжками – 11 шт.

К деталям ружейного прибора можно отнести полку для пороха; найдено 9 шт. ружейных шурупов; 3 фрагмента спусковых личинок (на одной из них нанесена литера «F»); обломок губок курка для зажима кремня. Встречена небольшая серия личинок приверточных, для крепления механизма к ложу ружья – 6 шт.; скоб, предохраняющих спусковые крючки (собачки) – 6 шт.; один спусковой крючок. Одна свинцовая оплетка ружейного кремня от

французского ружья; обломок шомпола – 1 шт.; шомпольная трубка – 1 фрагмент; распыжевник от русского ружья – 1 шт. Найдено бронзовое «верхнее ложевое кольцо» от русского ружья, два железных «верхних ложевые кольца» от французских ружей, две стопорные пружины. Вызывает заметный интерес находка тыльника русского ружейного приклада, сделанного из латуни, нанесены следующие цифры «24го. II.». Вероятнее всего, данное оружие принадлежало военному служащему 24-го пехотного полка, 2-й роты.

Детали холодного оружия представлены одной обкладкой и тремя наконечниками ножен клинкового оружия; одним наконечником штыковых ножен; фрагментом гарды – 1 шт.; заколками (подвесами) ножен – 4 шт.; обоймой и накладкой рукояти ножа.

Найдена серия пуговиц от французских мундиров с номерами линейных полков «9», «12», «17» – 2 шт., «30» – 8 шт., одна пуговица 8-го кирасирского полка, одна пуговица с изображением перекрещивающихся пушек и цифрой «7» (7-й батальон артиллерийского обоза императорской гвардии). Интересна пуговица, принадлежащая французским саперным войскам, с изображением римского доспеха. Гладких плоских пуговиц, характерных для неприятельской армии, найдено 8 шт., русских выпуклых гладких – 45 шт. Особняком стоит находка русского нательного креста.

Несколько десятков пуговиц французского 30-го линейного полка, которые были найдены как в ходе планшетных сборов, так и раскопок, свидетельствуют о серьезных потерях, которые понесло это подразделение.

В воспоминаниях Шарля Франсуа мы находим цену, которую заплатил полк за свою атаку: «...мой поручик убит, а подпоручик тяжело ранен, мой фельдфебель, 3 унтер-офицера, 6 капралов и 57 солдат убиты и что из всей моей роты осталось только 5 человек. Из 4 100 человек полка уцелело всего 300»⁷⁸.

Часть вышеперечисленных предметов связана также и с последующей атакой на центральное русское укрепление.

Во второй половине дня эпицентр всего сражения снова переместился к батарее Раевского. Около трех часов пополудни 150 орудий открыли шквальный огонь по «курганной высоте». После чего противник, собрав большие силы пехоты и кавалерии, атаковал укрепление. Первыми устремились в бой кавалерийские дивизии 2-го резервного кавалерийского корпуса под командованием бригадного генерала О. Коленкура (командир корпуса дивизионный генерал Л.П. Монбрен к этому времени был уже убит). Генерал с 5-м кирасирским полком обошел со стороны д. Семеновское курганную высоту и ворвался на батарею, с востока от русских частей укрепление отрезал 8-й кирасирский полк. Французским кавалеристам удалось заставить замолчать артиллерию, но удержать позицию они не смогли, во время атаки погиб О. Коленкур.

По результатам полевых работ 2007–2012 гг. на батарее Раевского было сделано несколько открытий⁷⁹.

Одним из них стало то, что по особенностям распространения индивидуальных находок нам удалось локализовать внутреннюю границу бруствера (рис. 27: 28). После нане-

⁷⁸ Франсуа // Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников – иностранцев / Сост. А.М. Васютинский, А.К. Джигелегов, С.П. Мельгунов. Историческая Комиссия Учебного Отдела О.Р.Т.З. 1912. С. 153–154.

⁷⁹ Соловьев Д.Б. Тайна гибели генерала Коленкура // Военно-исторический журнал / гл. ред. И.М. Чачух. М., 2017. №1. С. 49–52.

сения местоположения артефактов на чертеж раскопа со рвом укрепления, вдоль внутренней кромки последнего образовалась вытянутая зона, в которой находки отсутствовали. Ширина данной зоны составила 3,3–4,6 м. Отсутствие находок легко объяснимо – там где располагался бруствер их и не могло быть. Французские саперы начали срывать бруствер уже в конце сражения, в итоге его заполнение было полностью сброшено в ров. Позднее нам удалось подтвердить нашу догадку. На исследованном участке правой полутенали были обнаружены остатки нижней части бруствера аналогичной ширины, в заполнении которого артефакты также отсутствовали.

Исключение составил центральный участок правого фаса (рис. 28). В этом месте свободная от находок полоса прерывается скоплением артефактов (6 × 4 м). Произойти это могло в случае, если на данном месте по какой-то причине отсутствовал бруствер. По нашему предположению в этом месте во время боя, в ходе многочасовой артподготовки французской артиллерии и ответного огня русских батарей, открытого по 30-му французскому полку, захватившему на короткий промежуток времени укрепление, был разрушен защитный вал.

Любопытно, что вокруг этой зоны, как во рву, так и в манеже (внутреннее пространство укрепления⁸⁰), были обнаружены оловянные и серебряные пуговицы. На них имелось плоско-выпуклое изображение цифры «5», заключенное в рамку в форме незамкнутого круга с завершениями в виде листьев растения, между которыми располагалась точка. Данные

пуговицы были нашиты на сюртуках французских кирасиров 5-го полка⁸¹.

Наибольшей удачей мы считаем находку знака Ордена Воссоединения. Обнаружен он был в северной части манежа Батарей, в 32 м восточнее вышеописанного разрушенного участка бруствера (рис. 29). В повседневной жизни на одежде носился не сам орден, а фрачный вариант награды – орденский знак. Найденная нами миниатюрная подвеска – это уменьшенная копия самого ордена. Выполнена она была из золота, носилась на голубой ленте. Старшим научным сотрудником отдела нумизматики Государственного Исторического музея С.С. Левиным было проведено предварительное исследование, в ходе которого было выяснено, что из высшего офицерства, а именно они награждались золотым Орденом Воссоединения, на Батарее был только один человек – Огюст Коленкур! Таким образом, эта находка может являться весомым доказательством того, что этот генерал был на Батарее и даже руководил значительной частью действий своего полка, пока не погиб.

По обнаруженным нами номерным пуговицам и киверным ромбам мы можем утверждать, что в захвате и удержании укрепления участвовали следующие полки: 2-й полк Гвардии Парижа, 9-й, 12-й, 17-й, 92-й, 94-й, Средиземноморский батальон (Bataillon de la Mediterranee) (встречены в северной части укрепления); 2-й, 17-й, 66-й, 93-й (встречены в южной части укрепления). Также были найдены две пуговицы саперного подразделения, которое занималось срытием вала и засыпкой рва укрепления уже в ходе финальной части боя.

⁸⁰ Манеж (фр. manège) – огороженное место для верховой езды и для упражнения войск / Толковый словарь Ушакова // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/234684>, дата обращения 28.04.2020 г.

⁸¹ Кирасиры Наполеона // Военно-исторический альманах «Новый солдат». №170. / ред. В.И. Киселев. – Артемовск: тип. Книга, 2002. С. 9, 12. Оловянные были у рядовых кавалеристов, серебряные у офицеров.

Тем временем Е. Богарне, воспользовавшись атаками 2-го и 4-го резервных кавалерийских корпусов с юга со стороны д. Семеновской, сковавших действия 24-й пехотной дивизии генерала-майора П.Г. Лихачева, штурмует батарею с запада и северо-запада. С фронта наступали полки 3-й пехотной дивизии под командованием бригадного генерала Жерара (7-й легкий полк; 12-й, 21-й линейные полки) и остатки 1-й пехотной дивизии Морана. С северо-запада от с. Бородино штурмовала 14-я пехотная дивизия под командованием дивизионного генерала Ж.Б. Брусье (в первой линии 9-й и 35-й линейные полки, во 2-й – 53-й линейный полк, за ним 18-й легкий полк, а также 1-й и 4-й батальоны Испанского полка) и часть 92-го линейного полка из 13-й дивизии. В результате столь масштабной атаки защитники высоты были уничтожены, сам генерал-майор Лихачев попал в плен, окружающие войска отеснены за руч. Огник. В районе 16.00 батарея была окончательно потеряна.

В ходе поисковых работ 2009⁸² и 2016⁸³ гг. на прилегающих к батарее Раевского с юго-запада и юга территориях были обследованы четыре планшета. Местность, расположенную между курганной высотой и д. Семеновской, коренные жители называют «Прудками». Это самые значительные работы, в процессе которых была обследована большая площадь в 9,29 га и собрана впечатляющая коллекция находок эпохи Наполеоновских войн – 1 349 шт.

Традиционно наиболее многочисленной группой артефактов являются сферические свинцовые пули от

ручного огнестрельного оружия – 925 шт. (среди них было встречено значительное количество мушкетонных пуль – 128 шт. и 4 шт. дроба); осколков гранат – 57 шт.; картечи артиллерийской – 129 шт. Подобный заметный перевес в количестве боеприпаса стрелкового оружия говорит о том, что на данном участке сражения был преимущественно контактный бой между пехотой и кавалерией, который поддерживала артиллерия. Ружейная картечь, в подавляющем большинстве, это боеприпас от кавалерийского мушкетона, которым были вооружены гусары, а, возможно, и кавалергарды. Артиллерийский огонь велся преимущественно по русскому укреплению.

Кроме того, были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 77 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 47 шт., французские – 11 шт. (9-го, 18-го, 21-го, 30-го линейных полков); деталей сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезами – 1 шт., накладки с клепками – 10 шт., кольцо сбруйное – 12 шт.; чешуя киверная с подбородных ремней – 2 шт.; детали стрелкового оружия: деталь замка ружейного – 7 шт., подкурковая скоба – 9 шт., спусковая собачка – 7 шт., скоба собачки – 5 шт., винт ружейный – 2 шт., шуруп от приклада – 1 шт., распыжевники – 3 шт., русская ружейная отвертка – 2 шт.; накладка на рукоять пистолетная – 1 шт. (со штампом «три лилии» – символом Швеции), боевая пружина – 2 шт., предохранитель ружейный – 1 шт., кремьень ружейный – 1 шт., антабки – 4 шт., ложевое кольцо – 1 шт., шурупы, прикрепля-

⁸² Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2009г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №28615; №№28616-28618 (Коллекционная опись, подготовил Двуреченский О.В.).

⁸³ Гоняный М.И. Отчет о проведении разведочных археологических работ в районе Батареи Н.Н.Раевского, нацеленных на поиск братских захоронений участников Бородинского сражения 1812 г. // Архив ИА РАН. 2016. Р-1. №50510.

ющие тыльник ружья к прикладу – 3 шт., винты, фиксирующие ружейный механизм в цевье – 2 шт.; части холодного оружия: наконечник ножен клинкового оружия – 2 шт., один наконечник штыковых ножен, заковки для ножен – 4 шт., устье ножен – 1 шт., обломки клинка – 1 шт., фрагменты гарды – 2 шт.; квадратные гайки – 7 шт.; накладка «гренада» – 1 шт.; часть накладки в виде горки из ядер – использовалась в качестве знака различия на патронных сумках нижних чинов во французской пешей артиллерии – 1 шт.; накладка на егерскую патронную сумку в форме цифры «9» – 1 шт. (вероятно, принадлежал русскому военному служащему 19 егерского полка, прикрывавшего батарею в первой половине дня сражения); колесико шпоры – 1 шт.; накаблучная подкова – 2 шт.; крест нательный русский – 2 шт.

Благодаря обнаруженным скоплениям боеприпаса, деталям вооружения, амуниции и номерным пуговицам удалось установить, где располагались те или иные подразделения. Удалось определить какую форму построения имели эти части: каре или линия. Скопление мушкетонных пуль указывает на то, что южнее батареи Раевского действовали русские гусарские полки. Произойти это могло лишь тогда, когда атака кавалергардов и Лейб-Гвардии Конного полка, опрокинув пехоту и кавалерию противника, увлекла за собой полки 2-го и 3-го резервных кавалерийских корпусов. Русские гвардейские кирасиры прогнали врага практически до Семеновского оврага, а легкая кавалерия пыталась истребить пехотные каре французов к югу от Центрального укрепления.

После захвата батареи Раевского в 4-м часу после полудня француз-

ские войска продолжали насеждать на остатки 4 корпуса генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого, 7-ю дивизию генерал-лейтенанта артиллерии П.М. Капцевича и остатки 24-й пехотной дивизии. Противник с превеликим трудом и серьезными потерями вынудил отступить русские части за русло ручья Огник, на западный склон возвышенности к востоку и северо-востоку от «курганной высоты». Не прекращали попытки пробить нашу оборону два отборных полка тяжелой саксонской кавалерии (гвардейские «кирасиры Цастрова» и полк карабинеров «Гард-дю-Кор»), составлявшие бригаду генерал-майора И. Тильмана из 7-й резервной тяжелой кавалерийской дивизии дивизионного генерала Ж. Лоржа. К их атакам присоединились 2-й баварский шеволежерский полк Таксиса (командир – полковник Людвиг фон Боуршайдт) из 3-го резервного кавалерийского корпуса дивизионного генерала Э. Груши и бригады французской 4-й тяжелой кавалерийской дивизии дивизионного генерала графа Дефранса из 2-го резервного кавалерийского корпуса. Им противостояли русские пехотные каре, стоявшие в шахматном порядке, которых поддерживали полки кавалергардский и Конной гвардии⁸⁴.

Работы за ручьем Огник продолжались в 2004, 2005, 2007, 2008, 2010 и 2011 гг.

В 2004 г. в 350 м к северо-востоку от батареи Раевского велись работы по поиску металлических изделий при помощи металлодетекторов. На площади 0,56 га были обнаружены 30 предметов, относящихся к битве 1812 г.

Чаще всего среди артефактов изучаемого периода попадались сферические пули ружейные – 14 шт.; сле-

⁸⁴ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 204–205.

дующей по численности категорией является артиллерийская картечь – 10 шт. Подобное сочетание говорит о противоборстве живой силы противников, по которой с ближних позиций велся интенсивный артиллерийский огонь.

Кроме этого были обнаружены: русская гладкая мундирная пуговица – 1 шт.; среднее или нижнее ложевое кольцо от ружья – 1 шт.; деталь ружейного замка – 1 шт.; кольцо сбруйное или амуничное – 1 шт.; бляха сбруйная – 1 шт.; накладки сбруйные – 1 шт.

В 2005 г. западнее Батареи Раевского, на правом берегу ручья Огник, была обследована территория в 3,21 га, обнаружено 307 предметов, являющихся свидетельствами сражения (рис. 26: 1).

В данной местности очевиден значительный рост численности сферических ружейных пуль – 210 шт.; артиллерийский боеприпас: осколки гранат – 27 шт.; картечь – 42 шт. Такая пропорция характерна для мест, где происходил непосредственный контакт пехотных и кавалерийских частей, переходивший из стрелкового боя в рукопашную схватку.

Здесь, в том числе были обнаружены: гайка квадратная – 1 шт.; французская мундирная пуговица – 4 шт. (9-го, 17-го и 30-го линейных полков); русская гладкая мундирная пуговица – 7 шт.; пряжка – 5 шт.; деталь лафетная – 1 шт.; кольцо сбруйное или амуничное – 7 шт.; накладки (бляхи) сбруйные – 3 шт.

В 2007 г. на правом берегу руч. Огник была изучена значительная площадь 13,58 га, соответственно, на ней собрана большая коллекция находок 1812 г. – 1 297 шт.

Значительную часть найденных предметов представляли собой сферические свинцовые пули от ручно-

го огнестрельного оружия – 711 шт. (среди них были встречены 7 шт. ружейной картечи), почти вполонину меньше было осколков картечи – 301 шт., осколков гранат – 160 шт. Данные цифры характеризуют высокий накал боя, который происходил после захвата французами Батареи Раевского. Враг напрягал все свои силы для полного разгрома русской объединенной армии. На данной территории происходила активная перестрелка между пехотой и кавалерией. Артиллеристы обеих противоборствующих сторон активно поддерживали атаки своих войск и сдерживали контратаки противника.

Также были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 28 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 32 шт.; две французские с номерами линейных полков «9» и «17»; детали сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 2 шт., накладки с клепками – 9 шт., кольца сбруйные и амуничные – 16 шт.; шпора – 1 шт.; чешуя киверная с подбородных ремней – 4 шт.; детали стрелкового оружия: подкурковая скоба – 4 фрагм., один шуруп для крепления тыльника к прикладу, скоба собачки – 1 шт., антабка – 2 шт., боевая пружина – 2 шт., винт от ружейного замка – 1 шт., свинцовая оплетка для ружейного кремня – 1 шт.; части холодного оружия: гарды – 2 шт., по одному наконечнику ножен – от русского тесака и штыковых, заковки для ножен – 2 шт., клепка портупейная – 3 шт.; подкова накаблучная – 2 шт., квадратные гайки, как правило, с остатками винтов – 6 шт.; заковка кирасная – 1 шт., окончание стрелки артиллерийского квадранта – 1 шт.

В 2008 г. был исследован следующий участок, который располагался на берегу руч. Огник, в 0,42 км к востоку от батареи Раевского. Он зани-

мал площадь 5,1 га и примыкал с востока к поисковому планшету 2007 г. (рис. 26: 4). Благодаря этим работам коллекция Бородинского музея-заповедника пополнилась 162 находками, связанными с великим сражением.

Наиболее многочисленной группой артефактов были сферические свинцовые ружейные пули – 113 шт., значительно меньше обнаружено осколков гранат – 25 шт., картечь – 4 шт., ядра – 2 шт., что свидетельствуют о низкой интенсивности артиллерийского огня и преобладании противоборства пехотных подразделений. Вероятно, на данном участке поля битвы в основном происходили рукопашные схватки между различными пехотными и кавалерийскими частями, которые достаточно оперативно перемещались по этой территории.

Кроме этого, удалось собрать пряжки от армейской амуниции – 3 шт.; русских мундирных гладких пуговиц – 10 шт.; детали сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 1 шт., накладки с клепками – 3 шт., одно кольцо сбруйное.

В 2009 г. был заложен пятый поисковый планшет в истоках ручья Огник, на левом его берегу, в урочище «Прудки» (рис. 26: 6). Это самые значительные работы этого года, в процессе которых была обследована большая площадь 7,26 га. Соответственно впечатляет и количество находок эпохи Наполеоновских войн – 1 053 шт.

Традиционно наиболее многочисленной группой артефактов являются сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 704 шт. (среди них было встречено значительное количество ружейной картечи – 105 шт.); осколков гранат – 55 шт., картечи артиллерийской – 119 шт.; ядра – 3 шт. Подобный заметный перевес в количестве боеприпаса

стрелкового оружия говорит о том, что на данном участке сражения был преимущественно контактный бой между пехотой и кавалерией, который поддерживала артиллерия. Ружейная картечь, в подавляющем большинстве, это боеприпас от кавалерийского мушкетона, которым были вооружены гусары, а, возможно, и кавалергарды. За ручьем Огник сражение приобрело особое ожесточение в районе 3 часов после полудня.

Кроме того, были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 62 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 36 шт., французские – 9 шт. (9-го, 18-го, 21-го и 30-го линейных полков); детали сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 1 шт., накладки с клепками – 6 шт., кольцо сбруйное – 10 шт.; чешуя киверная с подбородных ремней – 2 шт.; детали стрелкового оружия: деталь замка ружейного – 7 шт., подкурковая скоба – 5 шт., спусковая собачка – 5 шт., скоба собачки – 5 шт., винт ружейный – 2 шт., шуруп от приклада – 1 шт., распыжевники – 3 шт., одна русская ружейная отвертка; части холодного оружия: один наконечник штыковых ножен, закладки для ножен – 3 шт., устье ножен – 1 шт., обломок клинка – 1 шт.; квадратные гайки, как правило, с остатками винтов – 5 шт.; накладка «гренада» – 1 шт.; часть накладки в виде горки из ядер – использовалась в качестве знака различия на патронных сумках нижних чинов во французской пешей артиллерии – 1 шт.; колесико шпоры – 1 шт.; накаблучная подкова – 2 шт.; крест нательный русский – 1 шт.

В 2010 г. был заложен четвертый поисковый участок площадью 0,91 га. Он был расположен на правом берегу р. Огник, неподалеку от его приустьевой части (рис. 26: 11). При его обследовании ставилась задача выяснить

степень активности боевых действий 26 августа 1812 г. на правом фланге русской армии. В результате работ были подняты 69 находок, имеющих отношение к эпохе Наполеоновских войн.

Наиболее многочисленную группу из обнаруженных артефактов представляли собой сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 39 шт.; осколков гранат и картечи артиллерийской по 14 шт. Данные цифры характеризуют достаточно активные боевые действия, которые происходили около 4 часов во второй половине дня, за обладание пространством восточнее ручья Огник. Русские войска стремились вернуть себе контроль над батареей Раевского, солдаты Наполеона всячески пытались этому помешать.

Кроме того, были обнаружены: одна пряжка от армейской амуниции; одна русская мундирная гладкая пуговица и один фрагмент курка от стрелкового оружия с верхней губкой.

В 2011 г. был разбит второй участок, который располагался в 0,3 км к востоку от батареи Раевского в районе памятника кавалергардам и по площади достигал 3,09 га (рис. 26: 8), здесь было обнаружено 229 находок, являющихся артефактами 1812 г.

Как и в предыдущем случае, самой крупной группой находок являются сферические свинцовые пули от ручного огнестрельного оружия – 190 шт.; осколков гранат – 4 шт., картечи артиллерийской – 8 шт. Столь заметная диспропорция среди стрелкового и артиллерийского боеприпаса объясняется следующим образом. После потери батареи Раевского русские войска постепенно отходили на восток. Французская пехота и кавалерия наседали на наш фронт, стремясь опрокинуть обороняющихся соперников, непрерывно происходили боестолкновения. В столь плот-

ном построении артиллерия ни одной из сторон не могла вести огонь, чтобы не нанести урон своим войскам.

В добавок были обнаружены пряжки от армейской амуниции – 8 шт.; русские мундирные гладкие пуговицы – 9 шт.; детали сбруи: круглые бляхи с двойными прямоугольными прорезями – 2 шт., накладка с клепками – 3 шт., кольцо сбруйное – 1 шт.; детали стрелкового оружия: подкурковая скоба – 1 шт., скоба собачки – 1 шт., кремень ружейный – 1 шт.; части холодного оружия: заколки для ножен – 1 шт.

Медленно отступая, русские отходили на «третью позицию». Части 6-го корпуса генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова и 7-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта артиллерии П.М. Капцевича, располагались на юго-западной окраине д. Горки, опираясь своим правым крылом на горкинские батареи. В центре позиции, южнее 6 корпуса, стоял 4-й корпус генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого, правый край которого отклонился назад по направлению к д. Псареву, образуя, таким образом, исходящий угол обороны. Еще левее располагались остатки 2-й западной армии, упираясь левым флангом в кустарник, занятый Измайловским и Финляндским полками; южнее, «образуя исходящий угол с фронтом частей, расположенных севернее», стояли части 2-го и 3-го корпусов⁸⁵.

Бои в районе д. Псареву происходили следующим образом.

Утром Финляндский полк был выдвинут из места расположения резервов сначала вместе с бригадой Розена, а затем направлен вдоль леса к югу, почти наверняка на дорогу из Семеновской в Псареву, видимо, для прикрытия артиллерийского резерва, где он сразу же попал под артиллерий-

⁸⁵ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона... С. 205–206.

ский огонь, точно так же, как Преображенский и Семеновский полки.

По словам Меерхайма, схватка происходила недалеко от русских артиллерийских парков в кустарнике.

В 2005 г. на участке у д. Псарево был обследован планшет площадью 7,08 га (рис. 26: 18), собрана коллекция артефактов, включающая 229 экземпляров, связанных с боевыми действиями 1812 г.

Подавляющее большинство среди находок составили фрагменты артиллерийских гранат – 138 шт.; ядер – 5 шт.; артиллерийской картечи – 18 шт.; сферических ружейных пуль – 55 шт. Данное преобладание снарядов артиллерийских по сравнению со стрелковым оружием говорит о долговременном артиллерийском обстреле русской пехоты и, возможно, артиллерийских парков резерва с дистанций порядка одного километра. Вероятнее всего, огонь велся с Семеновских высот. Использование ручного огнестрельного оружия стало возможным после приближения отрядов противника на дистанцию ружейного выстрела.

Также были найдены русская мундирная пуговица – 1 шт.; пряжка амуниционная – 3 фрагм.; подкурковая скоба – 1 шт.; курок ружейный – 2 шт.; замок ружейный – 1 шт.; наконечник сабельных ножен – 1 шт.; кольцо сбруйное или амуниционное – 3 шт.; накладки (бляхи) сбруйные – 1 шт.

В 2006 г. были продолжены работы в 1,2 км к западу от д. Псарево, а также на северо-восточной окраине д. Семеновское⁸⁶. В результате поиска была обследована территория сражения суммарной площадью 8,8 га, на которой собрана коллекция, включающая 564 предмета.

У д. Псарево по методике планшетного сбора подъемного материала была изучена площадь в 5,3 га (рис. 26: 18), на которой собрана коллекция реликвий 1812 г., насчитывающая 261 предмет.

Значительную часть находок составляли сферические ружейные пули – 177 шт. (из общего числа картечи ружейной – 7 шт.); артиллерийский боеприпас: картечь – 45 шт.; ядро – 2 шт. Данное сочетание артиллерийских снарядов и пуль от стрелкового оружия свидетельствует о преимущественно контактном бое между обеими противоборствующими сторонами. Достаточно большое количество картечи говорит о том, что по пехоте и кавалерии велся артиллерийский огонь с малых дистанций порядка 500 м и ближе.

Также были найдены: отвертка ружейная французская – 1 шт.; русская гладкая мундирная пуговица – 3 шт.; пряжка – 18 шт.; шпора – 4 шт.; подкурковая скоба – 1 шт.; русский пыжевник – 2 шт.; спусковая скоба – 1 шт.; рукоять холодного оружия – 1 шт.; защитная дуга рукояти холодного оружия – 1 шт.; рукоять холодного оружия – 1 шт.; карабин для подвеса кавалерийского оружия – 1 шт.; наконечник тесачных ножен – 1 шт.; кольцо сбруйное или амуниционное – 1 шт.; накладка сбруйная – 1 шт.; складывающаяся тяга – 1 шт.

Таким образом, мы фиксируем бои восточнее Багратиновых флешей. Произойти это могло после того, как русская позиция была взята.

Таким образом, археологические исследования на месте Бородинского сражения, дали две мало отраженные в письменных источниках ситуации. Первой такой ситуацией был более глубокий, чем нам известно,

⁸⁶ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах на памятнике истории и культуры «Бородинское поле» в Можайском районе Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2007. Р-1. №28609, №28610.

прорыв французских войск в утренние часы на центральной позиции в районе Курганной высоты, и такой же прорыв мы фиксируем в районе д. Псарево, после того как были взяты Багратионовы флеши. Все эти атаки были отбиты. Тем не менее, драматизм событий, происходивших в эти часы на ключевых пунктах Бородинского сражения, показывает, что письменные источники и свидетельства очевидцев, не всегда могут отразить подлинную ситуацию происходившего. Кроме того, многочисленные события, отраженные в письменных источниках подтверждаются в том числе и археологическими исследованиями. При этом они характеризуются и детализируются материальной культурой, отражающей характер боя на данной территории (рис. 30–37).

Археологические исследования на месте Тарутинского сражения

В 2009 г. поисковые работы были сосредоточены только на территории Подольского района Московской области (сейчас Троицкий административный округ г. Москвы) у сс. Богородское, Круча, дд. Климовка, Кузовлево (высота Длинная, урочище Кашеево), Тетеринка, Петрово.

При проведении поисковых работ применялись три методики: свободный поиск (планшет 4 у с. Богородское, обследовано 1,6 га), линейно-групповой поиск (планшеты 1–3 у с. Богородское, обследовано 21,6 га; планшет 1 у с. Круча, обследовано 0,8 га; планшет 1 у д. Климовка площадью 0,6 га; планшеты 1–6 у д. Тетеринка, обследовано 28,4 га). По методике сплошного планшетного сбора подъемного материала обрабо-

таны планшет 1 в урочище Кашеево, обследовано 5,8 га, и планшет 1 у д. Петрово, его площадь достигает 1,9 га. Таким образом, площадь обследованной территории с использованием металлодетекторов достигает 60,8 га. Из них детальные поисковые работы охватили площадь 7,7 га.

В результате проведенных исследований было обнаружено, отреставрировано и отобрано в коллекцию 465 металлических находок, основная часть из которых относится к боевым действиям октября 1812 г.⁸⁷

В 2011 г. отрядом Тарутинской археологической экспедиции Государственного Исторического музея выполнено детальное обследование на четырех поисковых участках общей площадью около 34 га и восьми поисковых планшетах, составляющих общую площадь 30,5 га. Работы велись в Подольском районе Московской области (сейчас территория Троицкого административного округа г. Москвы). Были проведены исследования в урочище Кашеево, восточнее д. Кузовлево, в юго-восточной части высоты «Длинная» и обследована значительная территория севернее д. Тетеринки (поисковый участок № 3)⁸⁸, у с. Спас-Купля (планшет 4). Начаты поисковые работы у поселка Рогово (планшеты 1, 2, 3) в урочище «Аэродром», у д. Тетеринки (планшеты 1,2,2а), у д. Петрово⁸⁹. В Жуковском районе Калужской области работы были сосредоточены в окрестностях д. Чернишня: к югу от нее – на поисковом участке № 1 и к западу – на поисковом участке № 2. В результате найдено 1 986 индивидуальных находок, главным образом, относящихся к военным действиям октября 1812 г. и

⁸⁷ Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах в районе Тарутинского сражения 1812 г. (Подольский район Московской области) // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. №00117. Л. 5.

⁸⁸ Гоняный М.И. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Тарутинского сражения в Подольском районе Московской области в 2011 году // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. №00615. Л. 4.

хозяйственному использованию территории в XVIII–XIX вв.

В 2012 г. Тарутинской археологической экспедиции ГИМ работы велись под руководством Д.О. Осипова (держателя Открытого листа) и М.И. Гоняного – начальника экспедиции. Тогда на месте Виньковского сражения было обследовано 15 поисковых планшетов общей площадью около 6 га и собрана коллекция, насчитывающая 967 предметов, большинство из которых составляли артефакты 1812 г.⁹⁰

Работы в 2013 г. проводились на территории Троицкого административного округа г. Москвы и Жуковского района Калужской области. Обследованная территория в Новой Москве занимала площадь 14,59 га и была расположена в 1,1 км к северо-западу от с. Рождественно (Круча). В результате исследований была собрана коллекция артефактов 1812 г., насчитывающая 543 предмета, 43 находки относятся к выявленному селищу Круча 4 и хозяйственному освоению территории в XVIII–XIX вв.⁹¹

В Жуковском районе Калужской области был обследован поисковый планшет «С». Территория планшета «С» занимала площадь 2,33 га и была расположена в 1,9 км к востоку от д. Гремячево. В результате исследований была собрана коллекция артефактов 1812 г., насчитывающая 231 предмет⁹².

Обследованный в 2014 г. планшет «Р» занимал площадь 3,2 га и был расположена в 1,9 км к восто-

ку от д. Гремячево. В результате исследований была собрана коллекция артефактов 1812 г., насчитывающая 250 предметов. Кроме того, в 2014 г. поисковиками ВПО «Память» было передано экспедиции 94 предмета, соотносимых с Виньковским сражением. Эти находки были инструментально привязаны к местам их обнаружения, расположенным в Дедневском лесу⁹³.

В 2015 г. основные работы были направлены на исследование места локальных боев 18 октября 1812 г., расположенного у с. Спас-Купля. В ходе работ был заложен и обследован поисковый участок «А», площадью 43,3 га, расположенный в 1,7 км севернее с. Спас-Купля. На планшете с использованием металлодетекторов была собрана коллекция, состоящая из 267 археологических находок. Помимо предметов 1812 г. в западной части поискового участка были встречены и локализованы находки и керамика XVI–XVII вв., относящиеся к селищу Спас-Купля 5. Также в ходе работ в 2015 г. были обследованы поисковые планшеты «Т» и «У», расположенные восточнее д. Гремячево. На поисковом планшете «Т» было собрано 24 находки, площадь планшета составила 0,2 га. Площадь планшета «У» составила 0,2 га. В результате поисковых работ была собрана коллекция артефактов 1812 г., насчитывающая 15 предметов⁹⁴.

Всего за годы работ были обследованы территории вокруг поселка Рогово, сс. Богородское, Круча, Спас-Ку-

⁸⁹ Гоняный М.И. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Тарутинского сражения в Подольском районе Московской области в 2011г // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. №01100. 2г. Т. 1. Л. 6.

⁹⁰ Осипов Д.О. Отчет о результатах разведочных археологических работ, проведенных на месте Тарутинского сражения в Подольском районе Московской области и в Жуковском районе Калужской области в 2012г.// Архив ИА РАН. 2013. Р-1.

⁹¹ Гоняный М.И. Отчет о результатах разведочных археологических работ, проведенных в 2013 г. на месте Тарутинского сражения 18 октября 1812 г., расположенном в Троицком административном округе г. Москвы. // Архив ИА РАН. 2014. Р-1. №00385. Л. 5.

⁹² Гоняный М.И. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Виньковского сражения 4 октября 1812 гг. в Жуковском районе Калужской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. 2014. Р-1. №00225. Л. 4.

⁹³ Гоняный М.И. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Виньковского сражения 4 октября 1812 года в Жуковском районе Калужской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. 2015. Р-1. №00508. Л. 4.

пля, Рождественно, дд. Климовка, Кузовлево (высота Длинная, урочище Кашеево), Тетеринки, Петрово. В Жуковском районе Калужской области работы были сосредоточены в окрестностях дд. Чернишня, Гремячево. Общая площадь поисковых планшетов составила около 195 га, всего собрано 4 765 находок, из них относящихся к боевым действиям 3–18 октября 1812 г. 3 650 штук, еще 98 предметов передано местными краеведами и членами поискового общества «Память» (рис. 38).

Отметим ряд самых результативных планшетов. За 2009 г. – № 1 у высоты Длинная (в урочище Кашеево) (0,8 км к востоку от северной окраины д. Чернишня) и № 1 у д. Петрово (в 1,3 км к югу от д. Петрово), за 2011 г. – № 4а у с. Спас-Купля (в 840 м к востоку от северо-восточной окраины с. Спас-Купля), № 1 (на юго-западной окраине д. Тетеринки), № 2 (0,5 км к западу от юго-западной окраины д. Тетеринки), № 2а у д. Тетеринки, № 1 у д. Петрово (в 2,75 км к юго-западу от юго-западной окраины д. Тетеринки), 2012 г. – № 1–15 у д. Гремячево (восточнее д. Гремячево), 2013 г. – № 1 у с. Рождественно (в 1,1 км к северо-западу от церкви с. Рождественно), 2014–2015 гг. – «С», «Р», «Т», «У» у д. Гремячево (восточнее д. Гремячево).

Находки, относящиеся к 1812 г., для удобства обработки и изучения были разделены на следующие типы: пули, артиллерийский боеприпас, фрагменты оружия, пуговицы и прочие.

Почти 70 % находок составляют пули. Содержание остальных типов находок примерно одинаково. Стоит остановиться на пуговицах, как на наиболее массовом и информа-

тивном материале. Как указывает А.А. Королев: «Надо иметь в виду, что, в отличие от максимально унифицированной в деталях формы русской армии, каждое войсковое подразделение Великой армии имело собственные пуговицы – как по эмблематике, так и по специфике производства. Сегодня это ценнейший исторический источник, позволяющий с достаточной точностью не только отметить участие отряда в тех или иных сражениях, но и проследить его маршрут в ходе компании»⁹⁵.

Русские пуговицы округлые с выпуклой гладкой поверхностью и литым ушком для крепления. Пуговицы неприятельской армии более информативны, на них нанесены цифирные номера полков или другие изображения, указывающие на род войск или национальность союзных подразделений (рис. 9). В ходе исследовательских работ были собраны пуговицы неприятельских полков. Мундирная медная с позолотой пуговица с литерой «15» – офицерская пуговица 15-го пехотного полка Герцогства Варшавского. Пуговицы, принадлежавшие солдатам 33-го полка (9 шт.) 2-й бригады, 48-го полка (3 шт.) 3-й бригады, 2-ой пехотной дивизии 1-го армейского корпуса Мюрата. Одна пуговица указывает на 3-й полк легкой пехоты 1-й бригады 16-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса. Французская мундирная пуговица с цифрой «6» из оловянистого сплава (6-ой кирасирский полк 1-й бригады 5-й дивизии тяжелой кавалерии 1-го корпуса). Пуговица с литерой «11», изготовленная из медного сплава, использовались солдатами 11 конно-егерского полка, входившего в 7-ю бригаду легкой кавалерии 2-й

⁹⁴ Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических работах, проведенных в 2015г на месте Виньковского сражения 4 октября 1812 г. в Жуковском районе Калужской области и на участке боевых действий, произошедших 18 октября 1812 г. у с. Спас-Купля в Троицком административном округе г. Москвы. // Архив ИА РАН. 2016. Р-1. Л. 4.

⁹⁵ Королев А.А. По следам Великой армии Наполеона / А.А. Королев // СПб: Лики России, 2013. С. 10.

дивизии легкой кавалерии 2-го кавалерийского корпуса. Пуговицы с литерой «1» использовали солдаты 1-го карабинерского полка 1-й бригады 4-й дивизии тяжелой кавалерии. Пуговицы с литерами «10» и «8» использовали представители 10-го и 8-го кирасирских полков 3-й бригады 4-й дивизии тяжелой кавалерии. Пуговицы с литерой «12» входили в экипировку 12-го конно-егерского полка 2-й дивизии легкой кавалерии 2-го армейского корпуса. Одна пуговица принадлежала представителю Испанской пехоты «Жозеф Наполеон».

В числе прочих находок стоит отметить наличие польских и прусских монет, которые могли быть принесены только солдатами противника.

Пока не объяснимым остается найденное в ходе работ 2013 г. захоронение французского гвардейца, так как гвардейские части не входили в авангард под командованием Мюрата. В отчете за 2013 г. высказано предположение, что это офицер из окружения неаполитанского короля.

Стоит отметить, что в процессе работ были обнаружены и на разведочном уровне исследованы два позднесредневековых селища Круча 4 в 2013 г. и Спас-Купля 5 в 2015 г.

Рассмотрим полученные результаты в контексте хронологии событий, развернувшихся в районе Тарутина 3–18 октября.

Арьергардные бои 3 октября 1812 г.

3 октября состоялся арьергардный бой русской армии с авангардом французских войск под командованием Мюрата. Неприятельские войска преследовали арьергард Милорадовича по двум направлениям: по Старой Калужской дороге, и дороге, ведущей в

обход правого фланга русских, через Богоявленское к Спас-Купле. Главные силы арьергарда, опасаясь быть отрезанными, начали отступать к с. Спас-Купле, у которой должны были соединиться отряды противника.

Объединив отступавшие по двум дорогам арьергардные отряды у с. Спас-Купли, Милорадович приготовился к бою. На Старой Калужской дороге, на высотах в районе села, расположил батарею из 14 орудий конной артиллерии под командованием подполковника Я.В. Захаржевского (конная рота № 6 из состава 2-го кавалерийского корпуса). В первом ряду была поставлена регулярная и иррегулярная кавалерия арьергарда. За ними, у селца Виньково (современное название Чернишня), встали 4-й и 7-й пехотные корпуса⁹⁶.

На свободное пространство перед Спас-Куплей войска Мюрата подходили по двум дорогам. Части, которые шли по Старой Калужской дороге, были встречены огнем русской батареи. Французы попытались развернуть свою батарею, но были сбиты огнем.

Неприятельские войска, следовавшие по обходной дороге, к вечеру подошли к лесу, за которым располагалось с. Спас-Купля. Первой в этот лес вступила дивизия легкой кавалерии корпуса Себастьяни. Первые ряды дивизии, вошедшие в лес, были атакованы казаками. Это были части легкой кавалерии, находившиеся под руководством генерал-адъютанта графа В.В. Орлова-Денисова.

Разведав о приближении неприятеля, он расположил против дороги гусарские полки, а на флангах скрытно разместил казаков. В бою участвовали три полка под командованием командира Атаманского казачьего полка

⁹⁶ Бессонов В.А. Тарутинское сражение М.: Изд. «Книга», 2008. С. 18

полковника С.Ф. Балабина 2-го, и четыре полка под командой полковника В.А. Сисоева 3-го.

Но прибытие польских частей 5-го корпуса принудило казаков остановить преследование и ретироваться к исходной позиции.

Только в конце дня авангарду Мюрата удалось выйти из леса и расположиться вблизи Спас-Купли. Русский арьергард остался на позиции за селом, имея впереди него боевое охранение.

В бою со стороны французских войск участвовали полки 2-й дивизии легкой кавалерии: 11-й и 12-й конно-егерские, 5-й и 9-й гусарские, 10-й гусарский польский, 1-й сводный уланский прусский и 3-й конно-егерский вюртембергский⁹⁷. Результатом боя 3 октября 1812 г. при Спас-Купле стала локальная победа над неприятелем, однако, невзирая на тяжелые потери, он продолжил наступление на следующий день.

На месте боестолкновения 3 октября 1812 г. поисковые работы с использованием металлодетекторов велись в 2010 и 2011 гг. (рис. 38).

В 2010 г. были обследованы планшеты 3 и 4. В 2011 г. был исследован планшет № 4а, который своей площадью практически полностью перекрыл планшет 4. Сделано это было для более качественного сканирования территории. Планшеты 4 и 4а были обследованы по методике планшетного сбора подъемного материала с помощью металлодетекторов. Планшет 3 изучался по методике свободного поиска, так как его территория располагалась в лесу, в 1 200 м к востоку от северо-восточной окраины с. Спас-Купля. Его протяженность составляла 520 м при ширине створа

90–120 м, в который попала ныне не существующая дорога на с. Богоявление.⁹⁸

Планшеты 4 и 4а располагались в 840 м к востоку от северо-восточной окраины с. Спас-Купля, на распаханном поле.

Анализ планиграфии обнаруженных находок позволил определить расположение старой Богоявленской дороги, на которой 2-ая дивизия легкой кавалерии французской армии попала в засаду русских войск, а также теперь мы можем предположить диспозицию казачьих и гусарских полков русской армии (рис. 39). Благодаря таким находкам, как пуговицы и номерные накладки удалось подтвердить письменные свидетельства об участии в сражении некоторых французских и союзных им иностранных частей: 1-го пехотного полка Висленского легиона, 2-го пехотного полка Висленского легиона или 2-го кирасирского полка, 10-го кирасирского, 5-го польского конно-егерского, 11-го и 12-го конно-егерских полков, карабинерных полков и 1-го и 2-го полков конной артиллерии.

Виньковский бой 4 октября 1812 г.

Боевые действия 4 октября 1812 г. на территории высоты «Длинная» и в непосредственной близости от нее развивались следующим образом.

4 октября на левой стороне реки Чернички, в окрестностях села Виньково, разыгрался бой, положивший конец наступательному движению Мюрата. В 10 часу утра французы возобновили атаку русских позиций и, сбив их аванпосты у Спас-Купли, приблизились к главным силам русского арьергарда, расположенным за селом.

⁹⁷ Бессонов В.А. Тарутинское сражение М.: Изд. «Книга», 2008. С. 21.

⁹⁸ Гоняный М. И. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных в Подольском, Серпуховском,

Милорадович, имевший в своем тылу реку Черничку, затруднявшую связь с главными силами, стоявшими в Тарутинском лагере, предпринял отступательное движение, отводя войска на новые позиции за реку. Его отход прикрывала кавалерия и конная артиллерия. Русская кавалерия, обстреливая противника, постепенно отходила к главным силам, вставшим на новой позиции.

К 11 часам утра русские войска встали за с. Богородским, что к северу от высоты "Длинная". Войска располагались по обеим сторонам Старой Калужской дороги. Войска Мюрата также приготовились к атаке. На краю правого фланга располагался 2-й пехотный полк Вислинского легиона. Ближе к центру располагалась 2-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса. На Старой Калужской дороге, как свидетельствует Мишель, находился 15-й полк вольтижеров, левее него 33-й полк линейной пехоты. Здесь же располагались 48-й полк линейной пехоты и испанский полк «Жозеф Наполеон». Именно пуговицы этих подразделений происходят с территории 1-го поискового участка в урочище Кашеево. Последнее может говорить о том, что эпизод именно этого часа боя при Винькове отразился на данном участке поисковых работ⁹⁹.

Атаку 2-й пехотной дивизии и Вислинского легиона в центре и на правом фланге поддерживал 3 кавалерийский корпус 6-й тяжелой дивизии, включавшей в себя 7-й, 23-й, 28-й и 30-й драгунские полки под руководством барона Дени Этьена Серона.

Пуговицы именно этих полков были обнаружены на самом западном поисковом участке 3, что может говорить о том, что основная материальная культура, связанная с событиями 1812 г., может быть связана с виньковским боем, развернувшимся на данной территории с 11 до 12 утра, когда отступающие русские подразделения, давая возможность переправиться русской кавалерии за реку Черничку, встретили атаку упомянутых французских подразделений на правом ее берегу.

Отойдя на 4 км от занимаемого утром места при Спас-Купле, русские части встали за рекой Черничкой, левым флангом опираясь на реку Нара, а правым на Дедневский лес. Это была последняя позиция перед Тарутинским лагерем. «Невозможно было, – писал Ермолов, – уступить одного шагу, ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающаяся покатошь оканчивалась речкою, и неприятель, овладевши возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке расположа передовые посты, препятствовать водопою»¹⁰⁰.

После перехода войск Мюрата через Черничку основные действия развернулись вблизи Старой Калужской дороги.

Здесь войска правого фланга французов встречали подразделения 4-го пехотного корпуса, в том числе составы 1-го и 33-го егерского полков. Возможно, именно эти подразделения прикрывали отход русской кавалерии на левый берег Чернички¹⁰¹. Ожесточенный бой, длившийся почти десять часов, прекратился только с заходом

Чеховском, Истринском районах Московской области в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. № 40174 Л. 24; Гоняный М. И. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Тарутинского сражения в Подольском районе Московской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. Т. 1. № 29521; Гоняный М. И. Отчет о разведочных археологических исследованиях в Раменском, Ленинском, Подольском районах Московской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. 2013. Р-1. Т. 2. № 34338.

⁹⁹ Бессонов В.А. Тарутинское сражение... С. 19–23.

¹⁰⁰ Бессонов В.А. Тарутинское сражение... С. 24.

солнца. На начальной стадии русские войска отступили за реку, где и развернулась основная борьба между войсками. Русские войска получили приказ прекратить отход и всеми средствами удерживать занятую позицию. Мюрат же стремился сбить русских с занятых ими позиций и заставить продолжить отступление. В этом противостоянии участвовало с каждой стороны примерно по 25 тысяч человек. Взаимные атаки не приносили желаемого результата – противники продолжали удерживать свои позиции на левом берегу реки Чернички.

В конечном итоге русские войска вышли победителями из этого важного для русской армии боя. Мюрат, исчерпав возможности заставить Милорадовича отступить, сам был вынужден с наступлением ночи отвести войска за реку из опасений внезапной атаки. Русские войска остались на занимаемой позиции. Капитан Брандт, воевавший в составе Вислинского легиона, так отзывается о бое 4 октября: «Русские, безусловно, удержали за собой позицию, в которой приняли сражение, следовательно, победу, и притом первую решительную победу в эту войну, хотя не взяли ни пленных, ни трофеев»¹⁰².

В ходе боя русские войска, по данным сводной ведомости, потеряли убитыми 2 офицеров и 97 рядовых, ранеными – 4 офицеров и 322 рядовых, пропавшими без вести – 32 рядовых (всего – 457 человек). Находившийся при русской армии английский генерал Вильсон так описывает потери Мюрата: «...неприятель потерял не менее 800 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен: в числе первых считают и одного генерала»¹⁰³.

Бой при Винькове 4 октября 1812 г. остановил всякое дальнейшее про-

движение неприятеля по Старой Калужской дороге.

Таким образом, одной из ключевых позиций русских войск в бою 4 октября была высота «Длинная». В её окрестностях, с целью изучения событий осени 1812 г., проводились археологические работы в 2009–2011 гг.

В результате детального археологического обследования южной части района высоты «Длинной» собрано 563 предмета, относящихся к боевым действиям октября 1812 г. Выделено две концентрации находок: одна в юго-восточной части территории (поисковый планшет 1), вторая в юго-западной части (поисковый планшет 3). На остальной площади находки распространены достаточно равномерно, а их состав показывает яркую картину ведения артиллерийского огня по территории, примыкающей к Старой Калужской дороге. При этом отмечается минимальное присутствие снарядов для ручного огнестрельного оружия, что может говорить о том, что интенсивный артиллерийский огонь по данной территории не привел к непосредственному контактному боестолкновению (рис. 40, 41).

На собранных пуговицах французской армии из первого скопления находок имеются номера полков или иные изображения, указывающие на род войск или национальность союзных подразделений. В урочище Кашеево найдены пуговицы 3-го кирасирского полка 1-й дивизии тяжелой кавалерии, 15-го полка вольтижерской легкой пехоты, 48-го линейного пехотного полка, Испанского полка «Жозеф Наполеон», входивших во 2-ю пехотную дивизию 1-го армейского корпуса. Эти подразделения совместно атаковали данную территорию между

¹⁰¹ Бессонов В.А. Тарутинское сражение... С. 19–23.

¹⁰² Бессонов В.А. Тарутинское сражение... С. 19–23.

¹⁰³ Бессонов В.А. Тарутинское сражение... С. 19–23.

10–12 часами дня 4 октября, при так называемом «Виньковском бое». В этот момент основные силы французского авангарда под командованием Мюрата, пытались сбить русские подразделения по направлению Старой Калужской дороги с занимаемого ими правого берега р. Чернички.

Обнаружена мундирная пуговица с изображением одноглавого коронованного орла, она принадлежит гвардии французской армии.

Второе скопление находок 1812 г. выделено в юго-западной части обследованной территории. Скопление включает 129 свинцовых пуль, 18 французских номерных пуговиц (1 – 1-й полк; 4 – 7-й полк; 8 – 23-й полк; 3 – 28-й полк; 2 – 30-й полк), 21 русская мундирная пуговица, 24 пряжки, 27 накладок, деталей и украшений обмундирования и сбруи. Среди других предметов можно отметить целый замок ружейный, французский кремль со щечками, серебряную итальянскую монету 5 сольдо 1810 г. Анализ полученных находок показывает характерную картину кавалерийской атаки драгунских полков 1-й и 2-й бригад 6-й дивизии тяжелой кавалерии 3-го корпуса частей Мюрата. При этом на данной территории не обнаружено значительного количества пушечных снарядов, что говорит об отсутствии стационарных батарей, которые вели бы по данной местности огонь. Совершенно иную картину дает статистика по снарядам для ручного огнестрельного оружия. Они найдены на локализованном участке, который в целом совпадает с зоной распространения номерных французских пуговиц. Судя по количеству снарядов, мы имеем дело с одним или двумя залпами, которыми встретила кавалерийскую атаку французских драгун русская пехота.

Состав пуговиц и их соотношение также наиболее хорошо подходит под

описанную выше фазу Виньковского боя днем 4 октября, когда на правом фланге авангард Мюрата пытался опрокинуть русские арьергардные подразделения под командованием М.А. Милорадовича с тем, чтобы занять господствующие высоты над расположением основных сил русской армии в Тарутинском лагере. Подводя итог, можно отметить, что основные наборы амуниции и обмундирования, происходящие с поисковых участков высоты Длинная, связаны, прежде всего, с боем 4 октября при Виньково и характеризуют этап боя, когда подразделения 3-го кавалерийского корпуса и 2-й пехотной дивизии атаковали русские войска по Старой Калужской дороге и на правом фланге французских войск, отходящие за р. Чернику русские части.

Тарутинское сражение 18 октября 1812 г.

18 октября русские войска внезапно атаковали противника на левом берегу р. Чернички. Боевые действия этого дня получили в историографии название «Тарутинское сражение». Весь ход событий можно условно разделить на два этапа. Первый, начавшийся в 7 часов утра и закончившийся около 10 часов, характеризуется активной борьбой. Наступление левого фланга под командованием М.А. Милорадовича южнее д. Виньково сковало правое крыло неприятеля. Основные действия развернулись на правом фланге в окрестностях д. Тетеринки, где войска под общим командованием Л.Л. Беннигсена тремя колоннами нанесли главный удар. Несмотря на внезапность атаки, части правого фланга встретили серьезное сопротивление и не смогли отрезать неприятелю путь отступления. Мюрат начал выстраивать линию обороны на правом берегу р. Чернички для прикрытия пути

отхода по Старой Калужской дороге. Увеличивающееся давление заставило противника начать отступление на правый берег Чернички на склоны и площадку высоты «Длинная». Вступление в бой дополнительных сил окончательно сломало сопротивление французов, которые начали отходить по Старой Калужской дороге.

На втором этапе, длившемся около пяти часов, происходило активное преследование противника. Части Мюрата под давлением русской кавалерии левого фланга и войск Беннигсена отходили к с. Спас-Купля. В преследовании наиболее активное участие принимали казаки, регулярная кавалерия и части пехоты, действующие при мощной поддержке артиллерии. Главные силы левого фланга не принимали участие в преследовании неприятеля. К часу дня наступление русских войск по приказу М.И. Кутузова было остановлено, что позволило Мюрату удерживать позицию при Спас-Купле. Около трех часов дня атаки на противника закончились. Французы, преследуемые отдельными отрядами казаков, отступили к с. Вороново. Русские войска вернулись на исходные позиции¹⁰⁴.

В ходе Тарутинского сражения были взяты многочисленные трофеи. Кутузов в рапорте императору от 19 октября писал: «Потеря его (Мюрата) в сей день состоит до тысячи человек пленными, до двух тысяч пятисот на месте оставленными, одного почетного штандарта 1-го кирасирского полка, при сем с полковником Мишо повергаемого, 38 орудий, 40 зарядных ящиков, всего обоза, между коим находится и обоз неаполитанского короля».¹⁰⁵

Планомерное археологическое обследование мест основных бое-

вых действий 3–18 октября 1812 г. в Тарутинском регионе было начато археологической экспедицией Государственного Исторического музея в 2009 г. в рамках программы по подготовке к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. (рис. 38, 42).

В дальнейшем исследования выполнялись по программам научно-исследовательских археологических работ на месте Тарутинского и Виньковского сражений 1812 г., которые разрабатывались историко-мемориальным музеем-заповедником «Подолье», военно-историческим и природным музеем-заповедником «Куликово поле» и ООО «ЦАИ «Куликово поле». Работы проводились ежегодно вплоть до 2015 г.

Работы выполнялись С.Н. Булыкиным, А.В. Емельяновым и д.и.н. Д.О. Осиповым под общим руководством к.и.н. М.И. Гоняного.

С 2009 по 2015 гг. была обследована территория вокруг поселка Рогово, сс. Богородское, Круча, Спас-Купля, Рождественно, дд. Климовка, Кузовлево (высота «Длинная», урочище Кашеево), Тетеринки, Петрово. В Жуковском районе Калужской области работы были сосредоточены в окрестностях дд. Чернишня, Гремячево. Общая площадь поисковых планшетов составила около 195 га, всего собрано около 5 000 находок, из них относящихся к боевым действиям 3–18 октября 1812 г. около 4 000 штук, еще 98 предметов передано местными краеведами и членами поискового общества «Память».

Коллекции находок, собранные в процессе работ поступили на постоянное хранение в фонды ГИМ, Военно-исторического и природного

¹⁰⁴ Бессонов В.А. Тарутинское сражение... С. 100.

¹⁰⁵ Кутузов М.И. Сборник документов в 5 т. / Под. ред. Л.Г. Бескровного. Т. 4. Ч. 2. М. С. 17–18.

музея-заповедника «Куликово поле», расположенного в г. Туле, Историко-мемориального музея-заповедника «Подолье», расположенного в г. Подольске Московской области, ФГБУК Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские».

Многие артефакты из этих коллекций, легли в основу экспозиций и выставок в упомянутых музеях, посвященных Отечественной войне 1812 г.

За время проведенных археологических работ были локализованы места боестолкновений русской и французской армии. Это высота «Длинная» (в урочище Кашеево), территория в 0,8 км к востоку от северной окраины д. Чернишня (быв. Виньково), участки в 1,3 км к югу от д. Петрово, в 0,8 км к востоку от с. Спас-Купля, местность к юго-западу от д. Тетеринки и восточнее д. Гремячево, поле в 1,1 км к северо-западу от церкви с. Рождественно.

Материально подтверждено (пуговицы, номерные накладки) участие некоторых французских и союзных им иностранных частей: 33-й, 48-й, 3-й пехотные полки; 6, 8, 10 кирасирские полки; 11-й, 12-й конно-егерские полки; 15-й польский пехотный полк, испанский пехотный полк «Жозеф Наполеон».

Результаты обследования Тарутинского региона, в целом, подтверждают исторические сведения о ходе боевых действий 3–18 октября 1812 г.

Таким образом, подводя итог поисковым работам на территории четырех ратных полей за 25 лет исследований можно констатировать, что была выработана общая методика археологического исследования данного типа памятников археологии. Данная методика имеет детализацию для ратных полей Нового времени, где информационные возможности находок и письменные источники позволяют

не только зафиксировать место сражения, но и уточнить характер боестолкновений на конкретном участке, где проводились поисковые работы. Подобные исследования становятся дополнительным источником, который позволяет не только подтвердить сообщения письменных источников, но и уточнить их. В этой связи следует отметить, что при постулировании ратных полей как особого типа памятников археологии, одним из оснований для этого является существование особой методики археологических исследований, соответствующей этому типу памятников. Также следует учесть, что в случае изучения ратных полей Средневековья, получаемые находки и их скопления не позволяют гарантированно утверждать, что они безусловно связаны с изучаемым событием. И в данной ситуации любые интерпретации на основании только находок выглядят спекулятивными. Лишь только в рамках комплексного подхода, получаемые находки, в совокупности со всеми остальными данными, делают наши интерпретации весомыми.

В этой связи для характеристики ратных полей как особого вида памятников, получаемые находки также имеют особый характер. Обладая свойствами подъемной находки, не привязанной к конкретному археологическому объекту или слою (за исключением случаев, когда до нас дошли полевые оборонительные сооружения, в рамках которых, при раскопках, получаемые находки увязаны со слоями строительства или разрушения), они могут быть зачастую датированы конкретным часом или днем того или иного сражения. Это придает таким находкам особый статус, характеризующий, наряду с особой методикой, ратные поля как новый тип памятника археологии.

Изучение четырех ратных полей, относящихся к Средневековью и Новому времени, дали богатый материал и по большому счету новый исторический источник как для изучения военного дела вообще, так и для реконструкции хода, масштабов и отдельных эпизодов величайших сражений в истории нашей страны.

Изучение ратных полей представляется перспективным направлением для отечественной археологии, которое в ближайшее время охватит и Новейший период отечественной истории, так как

уже события Первой Мировой войны как на западе, так и в России, изучаются как объекты археологического изучения. Спустя несколько десятилетий археологическая методика затронет и поля сражений Великой Отечественной войны. И на смену чисто поисковым движениям, существующим под эгидой Министерства обороны РФ, придут научно-исследовательские экспедиции, базирующиеся как на классических археологических методиках, так и на методиках, описанных в данной работе.

Рис. 1. Карта-схема Куликова поля с реконструируемыми лесными массивами и выделенными «плакорами».

Куликово поле, Кимовский район. Тульская область.
Военно-исторический отряд Верхне-Донской археологической экспедиции

Рис. 2. Месторасположение поисковых участков ВДАЭ ГИМ.

Рис. 3. Поисковый участок 22, планшеты 1–11. Зона работ военно-исторического отряда ВДАЭ ГИМ. Тульская область. Кимовский район. Село Монастырщина – деревня Хворостянка.

- реконструированные лесные массивы

Рис. 4. Фрагмент комплексной карты Куликова поля. Предполагаемое место сражения.

Рис. 5. Поисковый участок 22, планшеты 1–11. Места основных скоплений находок.

Рис. 6. Наконечники стрел, обнаруженные на месте предполагаемого «Донского побоища».

Рис. 7. Наконечники стрел, обнаруженные на месте предполагаемого «Донского побоища».

Рис. 8. Наконечники стрел, обнаруженные на месте предполагаемого «Донского побоища».

Рис. 9. Наконечники стрел, обнаруженные на месте предполагаемого «Донского побоища».

Рис. 10. Наконечники копий и сулиц, фрагменты топоров, обнаруженные на месте предполагаемого «Донского побоища».

Рис. 11. Фрагменты сабельных полос (2, 3, 6), наконечники ножен (7–9), фрагмент перекрестия (5), колчаный крюк (1), фрагмент каркаса щита (4).

Рис. 12. Фрагменты защитного снаряжения.

Рис. 13. Предметы личного благочестия (1, 2, 4, 10, 11, 14–16), детали костюма и поясная гарнитура (5, 6, 8, 17, 18), замок от сумки и дирхем хана Джанибека (9, 13), перстни (3, 12), кресала (19, 20), булавка (17), фрагмент серебряной чаши с чернением (7).

Рис. 14. 1–4 – поясные накладки; 5 – фрагмент замка от поясной сумки.

Маршруты движения войск на поле битвы

Места разворачивания и построения войск на поле битвы

Построение кавалерийских линий и колон по полкам

Рис. 15. Реконструкция хода «Донского побоища».

Атака на встречных курсах двух ратей

Предполагаемый прорыв левого фланга русских войск
и контратака засадного полка

Преследование отступающих ордынских войск

Рис. 16. Реконструкция хода «Донского побоища».

Рис. 18. 1–5 – планшет 36; 6–9 – планшет 37; 10–12 – планшет 35; 13, 14 – участок свободного поиска к востоку от села. 1–3, 8–10, 13, 14 – пули свинцовые; 4, 11, 12 – снаряды железные; 5–7 – универсальные железные наконечники стрел.

Рис. 19. 11–7 – участок линейно-группового поиска № 3; 8, 9, 11–14 – планшет 7; 10 – планшет 29. 1–10 – пули свинцовые; 11, 12 – универсальные железные наконечники стрел; 13 – подкова конская с передним шипом; 14 – подкова обувная врезная.

Рис. 20. 11–5 – планшет 28. 1–3 – фрагменты конских подков с передним шипом; 4 – грызло удила; 5 – грызло удила с кольцом.

Рис. 21. 1–9 – планшет 28; 10 – планшет 34; 11 – планшет 25. 1–6 – пули свинцовые; 7–11 – универсальные железные наконечники стрел.

Рис. 22. 1 – планшет 25; 2–5, 7–10 – планшет 28; 6 – участок свободного поиска к западу от планшета 28. 1 – крест нательный; 2 – пуговица с перегородчатой эмалью; 3–6 – детали поясного набора; 7 – подкова обувная врезная; 8 – подкова обувная набивная; 9, 10 – монеты времени правления Ивана IV.

Рис. 23. 1–6 – планшет 31; 7–11 – участок линейно-группового поиска № 1; 12–13 – участок свободного поиска к западу от планшета 31. 1–11 – пули свинцовые; 12, 13 – снаряды свинцовые.

Рис. 24. 1, 2 – планшет 32; 3 – планшет 33; 4–10 – участок свободного поиска на территории СНТ. 1, 2, 4–6 – пули свинцовые; 3 – пуговица-гирька; 7–9 – детали поясного набора; 10 – фрагмент нательного креста.

Рис. 25. 1–4 – планшет 30; 5–9 – участок свободного поиска к западу от планшета 30; 10–11 – планшет 26. 1–3, 6–11 – пули свинцовые; 4, 5 – универсальные железные наконечники стрел.

Рис. 26. Карта-схема расположения поисковых участков 2004-2012 гг. на месте Бородинского сражения.

Рис. 27. Археологические раскопы на месте батареи Раевского.

Рис. 28. Археологические раскопы на месте батареи Раевского.

Рис. 29. Портрет Огюста Коленкура и знак Ордена Воссоединения, принадлежавший ему.

Рис. 30. Примерный набор предметов, которые связаны с униформой и амуницией русского солдата. 1 – основа репейка; 2 – плакетка «гренада о трех огнях»; 3 – височная бляха «розетка»; 4 – подбородный ремень с «чешуей»; 5 – крючок-невидимка; 6 – цепочка с проволочной прочисткой; 7 – мундирная пуговица; 8 – полковой номер с егерской патронной сумки; 9 – «гренада об одном огне» с мушкетерской патронной сумки; 10 – устье ножен с заколкой; 11 – наконечник со штыковых ножен; 12 – пуговица с брюк; 13 – наконечник тесачных ножен.

Рис. 31. Примерный набор предметов, которые связаны с униформой и амуницией французского солдата. 1 – кожаная кокарда; 2 – височная бляха «розетка»; 3 – плакетка киверная; 4 – подбородный ремень; 5 – пуговица мундирная большая; 6 – пуговица мундирная малая; 7 – навершие рукояти клинкового оружия; 8 – накладка на патронную сумку; 9 – окончание гарды полусабли; 10 – фрагмент гарды; 11 – наконечник ножен; 12 – подкова накаблучная.

Рис. 32. Мундирные пуговицы с Бородинского поля. Французские: 1 – саперная часть; 2 – «Средиземноморский батальон» (25-й лин. полк); 3 – гренадерская рота; 4, 16 – неуставные пуговицы от офицерских мундиров; 5–7 – 5-й кирасирский полк; 8–14 – номерные пуговицы линейных полков; 15 – 2-й полк Гвардии Парижа.

Русские: 17, 20 – русские мундирные пуговицы; 18 – крючок- и петля-невидимки; 19 – пуговица с чиновничьего мундира (с гербом г. Орла); 21 – пуговица с гусарского ментика; 22, 23 – костяные шинельные пуговицы; 24 – костяная пуговица с нижнего белья.

Рис. 33. Виды боеприпаса ручного огнестрельного оружия. 1 – пуля ружейная с патиной белого цвета; 2 – пуля ружейная с патиной серого цвета; 3 – пуля ружейная не типичной формы; 4 – мушкетонная пуля; 5–7 – дробь; 8 – пуля после отливки имеет литник; 9 – литник срезан кусачками; 10 – литник срезан ножом; 11–12 – литник прибивали; 13 – литейный шов на ружейной пуле; 14 – литейный шов на мушкетонной пуле; 15 – срез литника на мушкетонной пуле; 16 – заряд мушкетонного патрона; 17–18 – картечь ружейная в 4 сегмента; 19–20 – пули со следами от распыжевника; 21 – пуля со следами пороха; 22 – пуля со следами от ствола; 23 – процесс измерения пули со следами от ствола.

Рис. 34. Найденные на батарее Раевского предметы, имеющие отношение к артиллерийскому парку. 1 – лафетное колесо; 2 – чека; 3 – круг с крюком; 4 – гвоздь для крепления покрышки; 5 – гвоздь для крепления оковок; 6 – пальник фитильный; 7 – втулка хоботового правила; 8 – стоечный прицел старого образца; 9 – квадратная лафетная гайка; 10 – шестигранная лафетная гайка; 11 – протравник.

Рис. 35. Русский артиллерийский боеприпас. 155 – ядро от 6-фн пушки; 539 – ядро от 12-фн пушки; 928 – граната от 1/4-пд единорога; 998 – ядро от 12-фн пушки.

Рис. 36. Русский артиллерийский боеприпас. 1 – типичный осколок артиллерийской гранаты (с позиций багарей Е. Богарне, 2004 г.); 2 – осколок артиллерийской гранаты с сохранившейся частью очка (Псарев, 2005 г.); 3 – осколок артиллерийской гранаты с клеймом в форме буквы «Н» (Семеновское, 2007 г.); 4 – осколки артиллерийской бомбы с проушиной (Псарев, 2005 г.).

Рис. 37. Ремонт артиллерийской гранаты и артиллерийская картечь. 1 – фрагменты артиллерийской гранаты. Индивидуальные находки №№ 13; 14; 17, 1; 17, 3; 17, 4; 19; 28, 1. (Батарея Раевского. Раскоп 1з); 2 – картечь артиллерийская (Батарея Раевского. Раскоп 1н-к).

Рис. 38. Карта-схема расположения поисковых участков на месте Тарутинского сражения 2–18 октября 1812 г.

Рис. 39. Находки, собранные на месте сражения 3 октября 1812 г. вблизи с. Спас-Купля. 1 – серебро; 2 – серебро и медный сплав; 3–9, 11 – медный сплав; 10 – медный сплав и кожа; 12 – железо. 1, 3–7, 12 – поисковый планшет 4а у с. Спас-Купля; 9, 10 – поисковый планшет 3 у с. Спас-Купля; 2, 8, 11 – поисковый планшет 4 у с. Спас-Купля.

1–3, 5 – пуговицы неприятельской армии; 4, 7 – накладки на ремень кивера; 6 – фрагмент накладки «гренады» от патронной сумки солдата французской армии; 8 – фрагмент накладки в виде российской короны; 9 – накладка в виде рожка с цифрой «5», крепившаяся на патронные сумки егерей французской армии; 10 – наконечник ремня со штифтами и остатками кожаной основы; 11 – полка для пороха; 12 – ружейный курок.

Рис. 40. Карта-схема расположения поисковых участков на месте боев у д. Виньково 4 октября 1812 г.

Рис. 41. Находки, собранные на месте сражения 4 октября 1812 г. вблизи высоты «Длинная». 1–23 – цветной металл; 24–25 – чугун.

1–6 – пуговицы мундирные французской армии; 7–11 – пуговицы мундирные русской армии; 12 – антабка; 13 – пряжки для соединения ремней поясной портупеи; 14 – ременная пряжка; 15–17 – киверные накладки; 18 – монета польская 3 гроша; 19–23 – пули свинцовые; 24–25 – осколки гранат.

Рис. 42. Находки, собранные на месте сражения 18 октября 1812 г. 1–6 – поисковый планшет «С» вблизи д. Гремячево. 7–12 – поисковый планшет 1 у села Рождественно (Круча). 1–3 – железо; 4–6 – медный сплав; 7–12 – свинец.

1 – курок ружейный; 2 – капucin ружейный; 3 – экстрактор ружейный; 4 – затылок пистолетной рукоятки; 5 – трубка для крепления ружейного шомпола; 6 – личинка привертная ружейная; 7–12 – рубленные пули (предположительно для мушкетенов и тромболонов).

«ШИШАК» ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗЦА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XVII В. С ВОСКРЕСЕНСКОЙ ГОРЫ (Г. ТОМСК)¹

УДК 903.22:623.445.2
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.104-128

© 2020 г. Бобров Л.А. (spsml@mail.ru) д.и.н.,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

© 2020 г. Ожередов Ю.И. (nohoister@gmail.com) к.и.н.,
Музей истории Томска, Томск, Россия.

© 2020 г. Богданов А.Е. (pereswetstation@yandex.ru),
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

Резюме: В статье рассмотрен железный шлем, обнаруженный у подножия Воскресенской горы (г. Томск) в 1889 г. Установлено, что он относится к «германо-фламандской» разновидности европейских шишаков. Наиболее вероятно, что он был изготовлен европейскими мастерами в 20–40-х гг. XVII в. или оружейниками Российского государства по европейским образцам в 40–60-х гг. XVII в. На территорию Сибири шлем был ввезен в частном порядке или в рамках государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения воинов сибирских городов. Согласно письменным источникам, доспехи европейского образца стали применяться томскими служилыми не позднее середины 30-х гг. XVII в. В период своего нахождения в Томске, шлем, вероятно, принадлежал представителю командного состава или воину одного из кавалерийских подразделений. Шишак входит в число 11 наголовий российского и европейского производства, обнаруженных на территории Сибири, и представляет значительную научную ценность.

Ключевые слова: Сибирь, Томск, служилые люди, рейтары, рейтарский доспех, рейтарский шлем, шишак.

*A lobster-tailed pot helmet of European type of the first half - mid 17th Century from the
Voskresenskaya Mountain (Tomsk city).*

© 2020 Bobrov L.A. (spsml@mail.ru), Doctor of Historical Sciences,
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

© 2020 Ozheredov Y.I. (nohoister@gmail.com), Candidate of Historical Sciences,
Museum of History of Tomsk, Tomsk, Russia.

© 2020 Bogdanov A.E. (pereswetstation@yandex.ru), The State Hermitage Museum,
Saint Petersburg, Russia.

Abstract: The analyzed iron helmet is kept in Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University. It was found during the earthworks at the foot of Voskresenskaya Mountain (Tomsk city) in 1889. It was found under the typological analysis that the helmet refers to the "German-Flemish" type of the European model's sisaks. The distinctive feature of these helmets was the low ribbed crown riveted from two halves transforming to the very wide twofold peak. If the helmet was made by European (presumably South German) armorers the most likely date of its manufacture should be considered the 20–40ies of the XVIIth century. It could be appeared at the territory of Moscow state both as the war trophy and among other weapon bought by tsar government for the equipping of Russian reiters at the 30ies – the beginning of the 60ies of the XVIIth century in Western Europe. But the sisak could be forged directly at the territory of Muscovy. In last case the helmet can date from the middle of the XVIIth century that is from the time of cavalry armor's mass production of the Western European sample at the Russian weapon manufactures. The helmet was delivered to the territory of Siberia privately or within the framework of the armor's state supply intended to equip the warriors of Siberian cities. According to written sources the armor of the European type was become to use by Tomsk service people no later than at the middle of the 30ies of the XVIIth century. Most likely that the helmet was belonged to the officer or the warrior-cavalryman at the moment of its being in Tomsk. The sisak from MAES TSU is among 11 helmets of Russian and European production discovered at the territory of Siberia and it has the considerable scientific value.

Key words: Siberia, Tomsk, service people, reiters, reiter armor, reiter helmet, sisak.

Актуальным направлением современных археологических, оружейных и военно-исторических исследований является изучение вооружения, тактики, военной организации воинов Российского государства XVI–XVII вв.² В то же время необходимо отметить, что основным объектом подобных исследований, как правило, становится военное искусство служилых людей европейской части страны, в то время как военно-культурное наследие их соратников, несших службу на территории Зауралья, изучено в значительно меньшей степени. Вплоть до недавнего времени, выводы относительно военного дела землепроходцев конца XVI–XVII вв., строились, преимущественно, на основе анализа письменных источников. Отмечая несомненную важность данных материалов, все же подчеркиваем, что для всестороннего изучения вооружения и тактики служилых людей Зауралья необходим комплексный подход, в рамках которого письменные свидетельства должны, по возможности, уточняться и дополняться с помощью вещественных и изобразительных источников³. В данной связи, введение в научный оборот подлинных образцов российского и европейского вооружения конца XVI–XVII вв., происходящих с терри-

тории Сибири, представляется весьма актуальной научной задачей.

Одним из музейных собраний, в фондах которого хранятся интересующие нас материалы, является Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Наряду с клинковым, древковым, огнестрельным оружием, а также луками, стрелами, корпусными панцирями, в собрании музея представлены и боевые наголовья – клепанные и цельнокованные шлемы, миссюрки, а также кольчатый «башлык». Значительная часть данных образцов защитного вооружения поступила в Археологический музей Томского университета (прежнее название МАЭС ТГУ) еще в XIX в. К концу того же столетия в собрании насчитывалось не менее восьми боевых наголовий, которые были впервые опубликованы выдающимся российским исследователем В.М. Флоринским в 1890 и 1898 гг.⁴ К сожалению, каталожный формат публикации не позволил ученому дать подробное описание конструкции и системы оформления указанных шлемов. Кроме того, как показал специальный анализ, некоторые атрибуции и датировки конца XIX в. нуждаются в уточнениях и корректировке⁵.

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

² Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. №1. С. 118–131; Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI – первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. М., 2006. С. 369–382; Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 58–91; Девуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. 498 с.; Лобин А.Н. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 год. М., 2015; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М., 2018. 351 с.

³ Бобров Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 52–59; Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.; Бобров Л.А. Опыт реконструкции шлемов российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск-Тюмень-Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 204–214.

⁴ Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890. С. 158, 159; Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. II. Вып. 2 // Известия Императорского Томского университета. Кн. 13. Томск, 1898. С. 532, 533.

⁵ Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография, антропология. 2007. № 1 (29). С. 93–99; Ozheredov Y.I., Huddiakov Y.S. The Suzun helmet // Arheology, Etnology & Antropology of Eurasia 1 (29) 2007. С. 93–99; Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Ещё раз о «сузунском» шлеме // Теория и практика археологических исследований. №3 (19). 2017. С. 21–36.

Наряду с прочими наголовьями, в фондах МАЭС ТГУ хранится оригинально оформленный «железный шишак» (инв. № 2698), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, военных историков и оружейников (рис. 1–3). Он входит в число 11 шлемов русского и европейского производства конца XVI–XVII вв., обнаруженных на территории Сибири⁶. При этом, по своей конструкции и системе оформления он разительно отличается от большинства других боевых наголовий рассматриваемого региона, что подчеркивает его высокую научную ценность. Ранее данный образец защитного вооружения еще не становился объектом самостоятельного научного исследования.

Целью настоящей статьи является детальное описание конструкции и системы оформления шлема № 2698 из собрания МАЭС ТГУ, уточнение его датировки и атрибуции, а также реконструкция вариантов первоначального внешнего вида наголовья.

Согласно данным В.М. Флоринского, интересующий нас шлем относится к числу случайных находок. Он был обнаружен на территории г. Томска в конце XIX в. в ходе земляных работ: «В музее Томского университета имеется ... русский шлем, найденный весной 1889 г. в Томске при рытье погреба, во дворе дома Лаврентьева, в Подгорной улице, под Воскресенской горой (№ катал. 2698). При основании Томска на яру Воскресенской горы над этой частью Подгорной улицы существовала крепость (острог обнесенный палисадом). Найденный

булатный шлем должен относиться к этому времени (к первой половине XVII в.)»⁷.

В музейное собрание наголовье было передано в том же 1889 г. студентом Томского университета Чикиневым⁸. Первое описание шлема выполнил В.М. Флоринский, который определил находку, как «железный шишак»: «Он имеет форму широкой шапки, с выпуклыми боками и низким круглым верхом, снабжен козырьком и затылком; по длине идут выпуклые полосы, вроде дыни. Сохранился очень хорошо, со слабыми следами ржавчины»⁹.

В дальнейшем сильно сокращенное описание В.М. Флоринского приводится А.П. Дульзоном при характеристике Томского острога¹⁰, а позднее в справочнике «Археологическая карта Томской области», где артефакту присваивается индивидуальное наименование «Воскресенская находка I»¹¹.

К сожалению, письменные свидетельства не позволяют проследить степень сохранности шлема в период его нахождения в музейном собрании. Так, например, в настоящее время, от многочастного сегментного назатыльника наголовья осталось лишь две пластины. В приведенном описании, В.М. Флоринский упоминает «затылок» шлема, однако ничего не сообщает о конструктивных особенностях и количестве составляющих его пластин. Таким образом, не представляется возможным установить комплектность назатыльника шлема в момент его обнаружения. Не упоминает В.М. Флоринский и такие элементы наголовья, как подвижный наносник,

⁶ Бобров Л.А. Опыт реконструкции шлемов российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. С. 204–207, 209, 210, 212.

⁷ Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. С. 532, 533.

⁸ Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. С. 159.

⁹ Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. С. 532, 533.

¹⁰ Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. V. Томск, 1956. С. 114.

¹¹ Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Т. 2. Томск, 1993. С. 119.

науши и навершие. Это дает основание предположить, что, либо данные элементы не были обнаружены вместе со шлемом, либо они (по каким-то причинам) не были переданы в музейное собрание.

Конструкция и система оформления шлема.

По материалу изготовления шлем № 2698 из собрания МАЭС ТГУ относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепаных, по форме купола – к типу полусферических (рис. 1–3). Общая высота наголовья – 15,5 см, диаметр лобно-затылочный – 23,9 см¹², височный – 20,3 см. Толщина стенок тульи по ребрам (верхняя рельефная часть шлема) – 1,0 мм, по венцу (нижняя гладкая часть шлема) – 1,5 мм, толщина козырька: 1,5–2,0 мм, пластины назатыльника 1,0–1,2 мм. Масса шлема – 1,8 кг.

Тулья шлема склепана из двух половин (стыковочный шов проходит по линии лоб-затылок). При этом левая пластина незначительно перекрывает правую (рис. 1: 1, 8; 2: 1, 4; 3). Для соединения железных элементов использованы заклепки с уплощенными шляпками, вбитые с внутренней стороны тульи шлема вдоль края стыковочного шва (рис. 3: 2). С внешней стороны тульи, головки заклепок были зашлифованы, однако их следы всё же заметны на плоскости наголовья (рис. 1: 1; 2: 1).

Поверхность тульи шлема (за исключением «венца» вдоль ее нижнего края) покрыта 16 вертикальными остроугольными ребрами жесткости (два из которых маскируют стыковоч-

ный шов). На лицевой части наголовья пластины тульи резко изгибаются (под углом около 90°) и переходят в длинный и широкий двухчастный козырек («полку»). Длина козырька – 25 см, ширина: 5,2–7,0 см (у края и в центральной части «полки» соответственно). У основания козырька (рядом со стыковочным швом) пробито сквозное отверстие прямоугольной формы (2,0 × 1,2 см), в которое вставлялся подвижный наносник-стрелка, защищавший лицо воина от рубящих ударов оружия противника (рис. 1: 1, 4; 2: 1; 3: 2)¹³. Так как железные лопасти, формирующие козырек, составляют единое целое с соответствующими пластинами тульи, левая лопасть козырька незначительно перекрывает правую (рис. 1: 1, 4; 2: 1; 3: 2). С нижней стороны козырька вбиты две заклепки с уплощенными шляпками (диаметр – 1,0 см) надежно фиксирующие лопасти «полки» между собой (рис. 1: 4; 3: 2). Пятиугольный козырек шлема имеет рельефную поверхность. Миниатюрная ступенька, проходящая ближе к внешнему краю «полки», делит плоскость козырька на верхний (примыкающий к тулье) и нижний ярус. Сам край козырька оформлен выпуклым бортиком (ширина – 0,4 см). Боковые углы «полки» закруглены, а центральный, напротив, заострен (рис. 1–3).

Горизонтальное ребро жесткости отделяет ребристую (верхнюю) часть тульи от гладкого «венца» (ширина – 3,0 см)¹⁴. В плоскости последнего пробиты 23 отверстия в которые вставлены 19 больших и малых заклепок из медного сплава с выпуклыми полусферическими шляпками (диаметр – 0,9 и 0,7 см соответственно).

¹² Столь значительный диаметр шлема обусловлен тем, что затылочная часть тульи, предназначенная для крепления назатыльника, имеет небольшой внешний изгиб.

¹³ Сам наносник не сохранился.

¹⁴ Горизонтальное ребро выполнено таким образом, что в комбинации с вертикальными ребрами тульи создает характерный визуальный эффект, благодаря которому верхняя (ребристая) часть тульи кажется значительно шире гладкой нижней части.

Налобная часть шлема снабжена шестью отверстиями с четырьмя заклепками с полусферическими шляпками из медного сплава (рис. 1: 1; 2: 1). На внутренней стороне тульи, заклепки дополнены плоскими железными «подложками» подпрямоугольной и подквадратной формы. Значительный интерес представляют два дополнительных отверстия пробитых справа и слева от стыковочного шва. Левое из них, в настоящее время – пустое, однако в правом сохранился фрагмент железного штыря заклепки (рис. 1: 1, 6; 2: 1). По всей видимости, данные отверстия служили для крепления скобы-фиксатора подвижного наносника шлема (см. ниже).

Височные стороны наголовья снабжены 12 отверстиями, расположенными в два ряда (по 6 отверстий в каждой стороне, в том числе два пустых и 10 с заклепками из медного сплава). Отдельные заклепки на внутренней стороне тульи снабжены плоскими железными «подложками» округлой формы. С помощью заклепок на налобной и височных сторонах шлема к наголовью крепился подшлемник из мягких органических материалов (ткани, ваты, кожи и т.д.). Также весьма вероятно, что некоторые височные заклепки служили для фиксации ремней, к которым подвешивались цельнокованные или клепаные наушники.

Вдоль нижнего края тульи пропущен выпуклый бортик (толщина – 0,5 см). На височных сторонах бортика проделаны небольшие парные отверстия (рис. 1: 2, 6; 2: 2, 3).

На макушечной части наголовья пробито еще одно сквозное округлое отверстие, с помощью которого к тулье крепилось навершие шлема (рис. 3).

Отогнутая назад затылочная часть тульи рассматриваемого наголовья

имеет специальное расширение, предназначенное для крепления многочастного сегментного назатыльника типа «рачий хвост» (рис. 3: 2). Последний сохранился фрагментарно. В настоящее время он состоит из одной большой («базовой») и одной малой («окантовочной») пластины. Большая пластина выполнена в виде изогнутой железной полосы удлиненно-подпрямоугольной формы (ширина: 4,0–4,8 см). Она вплотную прилегает к затылочной части тульи и, в значительной степени, повторяет ее изгиб¹⁵. Нижний край пластин ровный, а верхний снабжен по центру остроугольным зубцом (рис. 1: 5, 6, 8; 2: 2–4). Боковые края пластины дополнены слабовыраженным бортиком. Вдоль верхнего края железной полосы бортик намечен лишь визуально с помощью сплошной гравированной линии (рис. 1: 5, 6, 8).

Большая пластина назатыльника крепится к тулье шлема с помощью пяти заклепок с полусферическими шляпками, вбитыми вдоль ее верхнего края (рис. 1: 5, 6, 8; 2: 2, 3, 4). Как шляпки, так и стержни заклепок, изготовлены из медного сплава. На внутренней стороне тульи, заклепки снабжены плоскими железными «подложками» округлой формы (рис. 1: 5; 3: 2). Вдоль нижнего края пластины пробиты три сквозных отверстия. В центральное из них вставлена простая железная заклепка. Боковые отверстия имеют прямоугольную форму (0,8 на 0,4 см). В настоящее время левое отверстие пустует, в то время как правое используется для крепления малой «окантовочной» пластины сложной вырезной формы. Последняя соединяется с большой пластиной с помощью медной заклепки с полусферической шляпкой (рис. 1: 6, 8, 9; 2: 2, 4).

¹⁵ По данной причине большая пластина назатыльника имеет характерное С-образное сечение.

К затылочной части купола шлема (непосредственно над большой пластиной назатыльника) приклепан Ф-образный держатель плюмажа, представляющий собой коническую железную втулку (высота – 5,8 см, диаметр – 1,8 см) в обрамление двух округлых фестонов-фиксаторов (диаметр – 2,0 см) в плоскости которых вбиты заклепки, соединяющие держатель с тульей наголовья (рис. 1: 2, 3, 6–8; 2: 2–4). Плюмажная трубка-втулка не имеет донца, а на ее боковых сторонах пробиты миниатюрные сквозные отверстия (рис. 1: 2, 3, 6–8).

Если козырек и нижняя часть тульи шлема сохранились достаточно хорошо, то верхняя часть наголовья имеет существенные повреждения. Так, в частности, на ее поверхности присутствуют большие и малые пробоины, а также «разрывы» железной основы (рис. 2: 2; 3: 2). На правой стороне тульи фиксируются глубокие вмятины – следы рубящих (?) ударов (рис. 1: 6; 2: 2). Кроме того, утеряны такие шлемовые элементы, как наносник со скобой и фиксатором, наверхие, наушы, а также большая часть назатыльника.

Датировка и атрибуция.

На основании особенностей конструкции и системы оформления, рассматриваемое наголовье может быть отнесено к большой группе европейских шлемов раннего Нового времени, известных в Германии и Австрии под названием «zischagge» и «rappenheimer», в Польше как «szyszak», в Чехии – «sisak», в Англии – «lobster-tail» и т.д.¹⁶ С некоторой долей условности, данную группу шлемов можно обозначить, как «шишаки европейского образца» или

«европейские шишаки». Отличительной особенностью данных наголовий являлась низкая цельнокованая или клепаная туля полусферической или сфероконической формы, дополненная козырьком с защитой лица в виде наносника-стрелки (или, реже, нескольких железных полос или прутьев), коротким наверхием, парой наушей и сегментным назатыльником.

Появление данной разновидности боевых наголовий в составе комплекса защитного вооружения европейских воинов связано с влиянием Османской Турции. При этом европейские мастера не просто скопировали османские шлемы, но и внесли в их конструкцию ряд важных изменений. Так, в частности, назатыльник шлема увеличился в размерах и из цельнокованого превратился в сегментный, изменилась система оформления (а в некоторых случаях и конструкция) козырька, наносника, наушей, наверхия, держателя плюмажа и т.д.

Внутри группы европейских шишаков достаточно быстро сформировались различные региональные типы и варианты наголовий различавшиеся между собой особенностями конструкции и системы декоративного оформления. Так, например, в Польше «szyszaki» местных гусар стали часто дополняться особым типом наносника с широкой лопастью для защиты лица, характерными накладками из медного сплава, а в некоторых случаях – высоким продольным гребнем. В Англии наносник не редко заменяли специальной «решеткой» из трех соединенных железных полос или прутьев, при этом налобник и козырек могли подниматься вверх, как забрало рыцарского шлема и т.д.¹⁷

¹⁶ Das Munchner Zeughaus. Munchen-Zurich: Schnell und Steiner, 1982. P. 107; Attard R. Collecting Military Headgear: F Guide to 5000 Years of Helmet History. Chicago, 2004. P. 68–70; Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! // Армии и битвы. 2006, № 5. С. 25, 28; Ефимов С.В., Рымина С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. I. СПб., 2009. С. 128, 131, 132.

¹⁷ Das Munchner Zeughaus. P. 107; Attard R. Collecting Military Headgear... P. 68–70; Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! С. 25, 28; Ефимов С.В., Рымина С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. С. 128, 149; Сокровища Тауэра в Кремле. М., 1998. С. 66, 67, 110, 111.

Рассматриваемое наголовье из собрания МАЭС ТГУ относится к одной из разновидностей «европейских шишаков», которую, с некоторой долей условности, можно обозначить, как «германо-фламандскую». Отличительными особенностями шлемов данной подгруппы являются низкая клепаная двухчастная (в редких случаях, цельнокovaná) тулья, верхняя часть которой покрыта ярко выраженными ребрами жесткости (выгнутыми непосредственно из плоскости тульи), а также очень широкий и массивный козырек (сформированный, в большинстве случаев, двумя лопастями пластин тульи шишака)¹⁸. В настоящее время нам известно о 29 подобных шлемах¹⁹, хранящихся в музейных и частных собраниях России, Германии, Австрии, Италии, Великобритании, США и других стран²⁰.

Ближайший аналог «томского» шлема зафиксирован нами в фондах Государственного Эрмитажа (Инв. № 3.О.-7380)²¹. Сведения о данном наголовье ранее не публиковались и вводятся в научный оборот впервые (рис. 4).

Как и шишак из МАЭС ТГУ, шлем из ГЭ имеет двухчастную клепаную тулью (общая высота – 19,9 см, высота тульи – 15,0 см, диаметр лобно-затылочный – 22,5 см, височный – 20,0 см), пластины которой переходят в широкий и массивный козырек (дли-

на – 23,2 см, ширина: 4,0–6,4 см). Толщина стенок тульи по ребрам (верхняя рельефная часть шлема) – 1,5 мм, по венцу (нижняя гладкая часть шлема) – 2 мм, толщина козырька – 1 мм, пластины назатыльника – 1,5 мм. Масса шлема – 1,291 кг. Двухчастная пятиугольная «полка» козырька снабжена характерной «ступенькой», бортиком по краю и прямоугольным отверстием для наносника-стрелки (1,75 × 1,3 см)²². Верхняя часть шлема покрыта 16 вертикальными ребрами жесткости (у наголовья из Томска их также 16). При этом, «венеч» шишака (ширина – 4,0 см) – гладкий. В отверстия, пробитые вдоль его нижнего края, вставлены заклепки из медного сплава. Кромка наголовья оформлена выпуклым бортиком (ширина – 0,8 см). Верхняя пластина назатыльника «рачий хвост» (длина – 21 см, ширина: 3,7–5,2 см) также весьма напоминает свой «томский аналог» (рис. 4: 2, 4). Она снабжена по центру остроугольным зубцом, заклепками с медными шляпками (диаметр – 0,8 см) и сплошной гравированной полосой вдоль края верхнего пластины. Держатель плюмажа не сохранился, однако на его наличие в первоначальной комплектации шлема свидетельствуют характерные отверстия и заклепки на затылочной части шлема (рис. 4: 4). Таким образом, шишаки из

¹⁸ Длинный и широкий козырек, составляющий единое целое с куполом наголовья, а также особенности конструкции и системы оформления тульи отличают шлемы рассматриваемой серии от других популярных вариантов «европейских шишаков» применявшихся воинами Западной, Южной, Центральной, Северной и Восточной Европы. См. *Зыков А.П., Манькова И.Л.* Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург, 2000. С. 319, рис. 2: 1, 3, 5, 6; *Ефимов С.В., Рымша С.С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. С. 126–131.

¹⁹ *Boccia L.G., Rossi F., Morin M.* *Armi e Armature Lombarde*. Milano, 1979. P. 174; *Karcheski W.J.* *Arms and Armor in The Art Institute of Chicago*. Chicago, 1995. 33 p.; *Das Munchner Zeughaus*. P. 107; *Зыков А.П., Манькова И.Л.* Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря... С. 319, рис. 2: 2; *Attard R.* *Collecting Military Headgear*... P. 68–70; *Квитковский Ю.В.* Мы знаем своих «паппенхаймеров»! С. 28.

²⁰ Большинство «германо-фламандских» шишаков с клепаной двухпластинчатой тульей, имеют схожую конструкцию и систему оформления. В то же время среди рассматриваемой серии фиксируются экземпляры, отличающиеся богатой отделкой и многочисленными декоративными украшениями. Последний факт свидетельствует в пользу того, что шлемы подобного типа могли входить в состав комплекса защитного вооружения, как рядовых латников, так и высокопоставленных воинов европейских армий. См. *Boccia L.G., Rossi F., Morin M.* *Armi e Armature Lombarde*. Milano, 1979. P. 174. Интересно, что некоторые офицерские шишаки, хотя и имеют более сложную конструкцию, тем не менее, имитируют внешний вид простых двухчастных рейтарских шлемов (рис. 6: 6), что, вероятно, свидетельствует о популярности данной разновидности наголовий даже среди представителей военной элиты западноевропейских государств.

²¹ Шлем передан в ГЭ из ИИНИТ (акт № 701 от 8 августа 1947 г.).

²² Все эти элементы присутствуют и на козырьке шишака из МАЭС ТГУ (см. выше).

МАЭС ТГУ и ГЭ имеют очень близкие размеры, практически идентичную конструкцию и систему оформления и различаются лишь отдельными деталями (рис. 1–4)²³.

Важное значение для нашей темы имеет тот факт, что шишак из ГЭ сохранил элементы, утерянные на «томском» шлеме. Так, например, на его налобной части фиксируется П-образная скоба с винтом, служившая для фиксации наносника-стрелки (рис. 4: 1–3). Как минимум, не меньший интерес представляет ярусное навершие из медного сплава. Его подвешение изготовлено в форме уплощенной округлой пластины с остроугольными фестонами по краю (диаметр – 7,1 см). Венчающее ее надвешение имеет цилиндрическую форму (высота – 2,9 см, диаметр – 1,05 см). Шейка надвешения снабжена выпуклым пояском и уплощенным «яблоком», покрытым косыми гравированными линиями (диаметр – 1,45 см). В цилиндре подвешения проделано сквозное отверстие (диаметр – 0,45 см).

По всей видимости, классический вариант «германо-фламандских» шишаков сложился в первой четверти XVII в. и продолжал относительно широко использоваться на протяжении 20–60-х гг. XVII в. (а в некоторых районах Европы и позднее). Вещественные и изобразительные материалы позволяют предположить, что наиболее активно шишаки рассматриваемого типа применялись латниками Германии, Австрии и Фландрии. Несколько реже они встречались на вооружении

конных воинов Италии, Англии, Швеции, Речи Посполитой и др.²⁴ Судя по находке подобного наголовья на территории Южной Сибири, шишаки «германо-фламандского» образца носили и служилые люди Московского государства. Еще одним подтверждением бытования подобных шлемов в комплексе защитного вооружения российских воинов являются материалы Оружейной Палаты Московского Кремля. Так, в частности, академиком исторической живописи Ф.Г. Солнцевым в первой половине XIX в. были зарисованы несколько шишаков из арсенала Оружейной Палаты имевших близкую или аналогичную конструкцию тульи и шлемовых элементов (рис. 5)²⁵.

Вопрос об основных центрах производства шишаков рассматриваемого образца и их дериватов остается открытым. Большая часть известных наголовий традиционно атрибутируется исследователями, как изделия мастеров Южной Германии (рис. 4) и Фландрии²⁶. В Московское государство они могли попасть, как в качестве трофеев (например, во время Смоленской войны 1632–1634 гг., Русско-Польской войны 1654–1667 гг. и др.), так и в рамках торговых сделок по закупке вооружения для создаваемых в России кавалерийских полков «Нового строя». Пик импортных поставок западноевропейских доспехов в Московию пришелся, как раз, на 30–60-е гг. XVII в.²⁷ Так, например, полковник А. Лесли приобрел в начале 30-х гг. XVII в. в Голландии «...1 000 комплектов солдатских лат»²⁸. В 1659–1662 гг., при по-

²³ Так, например, медные заклепки на височных сторонах тульи шлема из ГЭ расположены в один ряд, а на шишаке из МАЭС ТГУ – в два ряда. На шлеме из ГЭ правая пластина тульи незначительно перекрывает левую, а у «томского» наголовья наоборот. Край нижней пластины тульи у шишака из ГЭ фестончатый, а у МАЭС ТГУ ровный и т.д.

²⁴ Attard R. Collecting Military Headgear... P. 70.

²⁵ Наличие нескольких практически идентичных шишаков свидетельствует в пользу серийного производства наголовий подобного типа.

²⁶ Karcheski W.J. Arms and Armor in The Art Institute of Chicago. Chicago, 1995. P. 33.

²⁷ Малов А.В. Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 126–149.

²⁸ Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 347.

средничестве голландских торговцев Х. Свелленгребела и Й. ванн Сведена были приобретены десятки тысяч единиц огнестрельного оружия, а также «латы и шишаки» европейского производства и т.д.²⁹

В то же время, не исключено, что указанные выше шлемы из МАЭС ТГУ, ГЭ, ОПМК и др. могли быть изготовлены на территории Российского государства по европейским образцам. Массовое производство «вестернизированного» защитного вооружения было развернуто в Московии еще в середине XVII в. усилиями европейских купцов и оружейников. Так, в частности, рейтарские «шишаки и латы» изготавливались на Каширском Чернцовском заводе, построенном голландцами П. Марселисом и Ф. Акемой в 1653 г.³⁰ Объемы выпускаемой продукции исчислялись сотнями и тысячами комплектов защитного вооружения. При составлении передаточной описи заводского имущества, на Чернцовском заводе находились: «...1 051 латы рейтарские с шишаки, 28 шишаков без лат, 621 доска латных, передних и задних»³¹. При этом российские аналоги, в некоторых случаях, были значительно дешевле иностранных прототипов. Так, например, П. Марселис поставлял в Оружейный приказ доспехи западноевропейского образца по стоимости 2 руб. за комплект, что было в полтора раза дешевле, чем, например, латы шведского производства³².

Главными потребителями рассматриваемых шлемов в Европе были конные латники из числа рейтар, аркибузирова и кирасир³³. В европейской части России такие шишаки могли использоваться рейтарами, конными копейщиками и, менее вероятно, гусарами³⁴.

В настоящее время не представляется возможным достоверно установить время и обстоятельства появления рассматриваемого шлема в Сибири. Шишак мог быть ввезен на территорию Зауралья, как в частном порядке, так и в рамках официальных государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения служилых людей сибирских гарнизонов³⁵.

Наиболее ранние письменные сведения о применении служилыми людьми Сибири доспехов европейского образца относятся к первой половине XVII в. В частности, их в этот период использовали иностранные офицеры, дети боярские, а также воины, входившие в разряд «служилой литвы» (в основном переселенные в Сибирь пленные из числа подданных Речи Посполитой) и др. Накануне похода на енисейских кыргызов в 1638–1639 гг. на отряд из 870 человек из Москвы были присланы «пищали добрые, латы с шишаками, прапорами, гротиками и барабанами»³⁶. Первый «вестернизированный» кавалерийский отряд (называемый в обиходе «рейтарской ротой») был создан в Таре еще в 1635 г. на основе сотни «нижегородских иноземцев и литвы и черкас»³⁷. Согласно

²⁹ Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря... С. 320; Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М, 2010. С. 380.

³⁰ Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря... С. 320.

³¹ Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря... С. 322.

³² Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М, 2010. С. 379.

³³ Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! С. 25, 28.

³⁴ Малов А.В. Конница Нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 123–125.

³⁵ Бобров Л.А. Опыт реконструкции шлемов российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. С. 204, 205.

³⁶ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. Вооружение и военная организация. Новосибирск, 2012. С. 69.

³⁷ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. С. 95.

данным Н.И. Никитина, рейтары Тары имели на вооружении «...латы и шишаки, и пищали съезжие»³⁸. В 1659 г. в Западной Сибири началось формирование «рейтарского полка», численность которого в 1661 г. достигла 786 чел.³⁹ В то же время особо подчеркнем, что принадлежность шлема к рейтарскому комплексу вооружения совершенно не означает, что во время своего нахождения на территории Зауралья он мог использоваться исключительно западносибирскими рейтарами⁴⁰.

Характерной особенностью применения доспехов европейского образца в Сибири являлся тот факт, что рейтарские и солдатские латы при случае активно использовались служилыми, не имевшими никакого отношения к полкам «Нового строя». В частности, зафиксированы случаи применения «лат» конными и пешими казаками, стрельцами, пушкарями и детьми боярскими. Как правило, шлемы и доспехи выдавались землепроходцам для несения различных «государевых служб». В результате, «латы» и «шишаки» попадали вместе с их новыми владельцами в районы, отстоявшие от мест дислокации рейтарских и солдатских частей на сотни и тысячи километров⁴¹.

Особой спецификой отличалась система снабжения защитным вооружением служилых людей города Томска (основан в 1604 г.). Главной ударной силой гарнизона, наряду с пешими казаками и артиллерией, являлись многочисленные (по сибирским меркам)

кавалерийские подразделения конных казаков (в том числе «служилой литвы»), которые должны были противостоять отрядам кочевников «в поле»⁴². Доспехи европейского образца появились на вооружении томичей не позднее середины 30-х гг. XVII в. Так, в ожесточенном сражении томских служилых людей с енисейскими кыргызами и панцирниками («куяшниками») монголов-хотогойтов в урочище Черный Июс у Белого озера в 1635 г. в «шишак» и «латы» был облачен поляк Осип Михалевский. В ходе битвы он неоднократно сходилась в рукопашной схватке с номадами. Во время кавалерийской вылазки он «впадши в киргизские полки» лично сбил палашом шлем с князца Изергея и ранил князца Бехтеня. В ходе второго боя кавалерийский отряд Михалевского двигался в авангарде томских служилых. Закованный в доспехи латник представлял завидную мишень для степных лучников, которые буквально засыпали его стрелами. Сам О. Михалевский сообщал по этому поводу: «...от мугальских и киргизских стрел латы мне пробивались, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали...»⁴³.

Отмечая факт применения кавалерийским командиром О. Михалевским защитного вооружения европейского образца, в то же время отметим, что общее число панцирников среди томских служилых людей середины 30-х гг. XVII в. было крайне невелико. Характерно, в данной связи, что в том же 1635 г., «томского города служилы люди литва и конные казаки» даже

³⁸ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 39.

³⁹ Рейтарские подразделения в Западной Сибири были окончательно расформированы только в 1678 г., а рейтары были переведены в традиционные категории служилых. См. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. С. 96.

⁴⁰ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. С. 69, 71, 72.

⁴¹ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. С. 95.

⁴² Согласно «Перечневому списку» в 1635 г. гарнизон Томска насчитывал 307 конных и 300 пеших казаков. См. Томск в XVII в: материалы для истории города. СПб., 1911. С. 30.

⁴³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. С. 69.

подготовили специальную челобитную на имя царя Михаила Федоровича в которой отмечали нехватку у них шлемов и корпусных панцирей, и называли это одной из главных причин неудачных действий против «доспешных» и «куяшных» енисейских кыргызов и ойратов: «...под твое государя под дальнюю царскую отчину под Томский город многие государевы изменники и непослушники немирные орды, киргизы и калмыки и иных многих немирных земель люди и приходят под твой государев Томский город и в твои государевы ясачные волости войною великим собранием, а люди, *государь*, у них все доспешны и куюшники и пансырники (здесь и далее курсив наш – Авт.), и нам, государь, холопом твоим, противу твоих государевых изменников и непослушников *супротивиться невозможно, выезжать против их не в чемиз города на вылазках*, и в частых посылках от твоих государевых изменников многие наши братья побиты и переранены, и лошадки под нами многие побиты и переранены же. И табуны у нас, у холопей твоих, отгоняют же *потому, что, государь, мы люди не одежные воинскою, збруи пансырей и куюнов и шапки у нас, у холопей, твоих нет, а взять, государь, негде, а купить не у когои и не на что...*»⁴⁴. Выход из сложившейся ситуации томские служилые люди видели в присылке им защитного вооружения «из царской казны»: «Милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, смилуйся, *пожалуй нас, холопей*, для ради нашия прежняя и нынешняя службы и частых кровавых безпрестанных посылок *дари из своей царской казны воинской сбруи пансы-*

рей, как тебе милосердному государю, об нас будет известить, чтобы мы холопы твои, впредь от твоих государевых изменников и достал в конец не погибли и раззорены до конца не были и напрасною глядячею смертию от стрелных и от копынных ран не померли из твоей, государь, дальная царская вотчина от твоих государевых изменников впредь не запустела, царь государь, смилуйся, *пожалуй!*»⁴⁵.

Резкое обострение ситуации на степной границе и необходимость улучшения оснащения российских войск накануне большого похода на енисейских кыргызов в 1641 г., подвигли центральные российские власти на отправку в Зауралье значительных запасов вооружения, среди которого были и «латы с шишаками»⁴⁶. Учитывая, что томские служилые люди должны были выставить для готовящегося похода один из самых крупных воинских контингентов (200 чел.) весьма вероятно, что часть отправленных в Сибирь доспехов могла быть передана и в арсенал Томска. Не исключено, что в числе этого защитного вооружения находился и интересующий нас шлем.

Однако приведенные гипотезы, конечно, не отрицают возможности передачи рейтарского шишака в Томск и в более поздний период – в 40–60-е гг. XVII в.

Наиболее вероятно, что в момент своего нахождения в Томске, шлем входил в состав комплекса защитного вооружения представителя командного состава и (или) воина одного из кавалерийских подразделений томских служилых (в том числе и из числа «литвы»).

Интересно, что некоторые отверстия на шлеме из МАЭС ТГУ могут быть атрибутированы как повреждения, нанесенные стрелами. Хронологические рамки бытования рассматриваемого шишака не исключают гипотетическую возможность его принадлежности О. Михалевскому. Однако данный вопрос требует отдельного исследования.

⁴⁴ Томск в XVII веке: материалы для истории города. С. 156, 157.

⁴⁵ Томск в XVII веке: материалы для истории города. С. 156, 157.

⁴⁶ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. С. 69.

Реконструкция первоначального вида шлема.

Комплексный анализ собранных материалов позволяет предложить несколько вариантов реконструкции первоначального вида рассматриваемого наголовья (рис. 7).

Отверстия и фрагмент стержня заклепки по центру лицевой стороны тульи шлема указывают на то, что к наlobной части шишака была приклепана П-образная металлическая скоба, снабженная фиксатором для подвижного наносника-стрелки (рис. 6; 7). Последний представлял собой изогнутую железную полосу, один из концов которой, мог быть раскован в плоский наконечник каплевидной (рис. 7: 1–3) или сложной вырезной формы (рис. 6: 3–5; 7: 4). Наносник продевался в отверстие на козырьке шлема и, в зависимости от наличия или отсутствия опасности, мог опускаться вниз (защищая лицо латника от рубящего удара противника) или, напротив, подниматься вверх, улучшая обзор (рис. 6; 7). Стержень наносника-стрелки фиксировался в выбранном положении с помощью специального болта вставленного в П-образную скобу. Навершие болта обычно расковывалось в плоскую пластину имевшую форму круга, овала, капли (рис. 7: 3), стилизованного сердца (рис. 7: 1) или цветочного бутона (рис. 6: 1, 2, 4, 5; 7: 4). Болт заворачивали вручную, удерживая его за плоское навершие, как дверной ключ.

Шишаки рассматриваемого типа обычно снабжались двухчастным навершием, состоящим из подвершия (пластины основания) и вертикального надвершия. Оба элемента выполнялись из железа или медного сплава (рис. 4; 5; 6: 1–5). Большинство под-

верший наголовий изучаемой серии имеют схожую конструкцию. Они представляют собой округлую слабо-выпуклую пластину с ярко выраженными остроугольными фестонами по краю (рис. 4; 5; 6: 1–5)⁴⁷. Оформление надверший было более разнообразным. Простейшей разновидностью надверший была небольшая железная петля округлой, квадратной, трапециевидной или прямоугольной формы. Значительной популярностью (особенно среди представителей командного состава) пользовались надвершия луковичной, конической, «желудевидной» и «грибовидной» формы, поверхность которых была покрыта продольными гравированными линиями (рис. 6: 1–5; 7: 4). Один из рейтарских шишаков из собрания Оружейной Палаты был снабжен ярусным надвершием в виде куба с шарообразным выступом наверху (рис. 5: 1–4). Известное распространение получили также цилиндрические (трубкообразные) и пиковидные надвершия имитировавшие трубки-втулки азиатских шлемов (рис. 4; 5: 5–8). Однако в отличие от своих восточных аналогов, европейские надвершия, как правило, снабжались не продольным, а поперечным отверстием (рис. 4). Шейки цилиндрических надверший не редко украшались уплощенными «яблоками», поверхность которых могла покрываться гравированными линиями (рис. 4; 5: 5–7). Именно таким надвершием, например, увенчан шлем № 3.О.-7380 из собрания ГЭ (рис. 4). Весьма вероятно, что схожее оформление имело и утерянное надвершие шишака № 2698 из МАЭС ТГУ (рис. 7: 2)⁴⁸.

Самым сложным элементом при реконструкции шлема являются на-

⁴⁷ В редких случаях, все навершие состоит из одного подвершия, выкованного в виде круглой бляхи с миниатюрным умбончиком по центру (рис. 6: 6).

⁴⁸ Наряду с указанными образцами, в комбинации с рейтарскими шишаками использовались надвершия, выполненные в виде граненой линзы (рис. 7: 3), шара, кольца и т.д.

уши, которые отличались значительным типологическим разнообразием (рис. 5: 3; 6). На основании особенностей конструкции все науши, применявшиеся в комбинации с наголовьями рассматриваемой серии, можно разделить на цельнокованные и клепаные (сегментные). Простейшая разновидность цельнокованого науша представляла собой пластину подтреугольной формы (часто с бортиком по краю) в плоскости которой были пробиты слуховые отверстия⁴⁹. В большинстве случаев одно отверстие располагалось в центре, остальные по кругу (рис. 7: 1). В некоторых случаях, конструкция и оформление одночастных наушей могли быть более сложными. Лицевая сторона снабжалась полукруглым вырезом, вдоль края науша вбивались латунные заклепки, а по центру размещался выпуклый каплевидный «умбон» со слуховыми отверстиями.

Есть основание полагать, что воины Московского государства первой половины – середины XVII в. могли сочетать шишаки европейского образца с цельнокованными наушами восточного (ориентального) типа. Последние имели характерную пятиугольную форму (нижние боковые углы – закруглены, а центральный, напротив, заострен). По краю пластины пропускался более или менее ярко выраженный бортик. Примерно по центру плоскости науша располагалась каплевидная выпуклость с прорезными слуховыми отверстиями (рис. 7: 3). Дополненный подобными ориентальными наушами европейский шишак из собрания Оружейной Палаты был зарисован в первой половине XIX в. Ф.Г. Солнцевым (рис. 5: 1, 3).

В Западной Европе наголовья рассматриваемого типа часто дополнялись клепаными сегментными наушами, каждый из которых состоял из 2–5

железных пластин различных форм и размеров (рис. 6: 1–5; 7: 4). Самые большие пластины (как правило, трапецевидной формы с полукруглыми вырезами на лицевой стороне) прикрывали непосредственно уши латника. Их поверхность могла украшаться фигурными прорезами и (или) заклепками, складывавшимися в стилизованное изображение распустившегося цветочного бутона (рис. 6: 1–5, 7: 4). Более мелкие подпрямоугольные пластины образовывали две чешуйчатые лопасти, фиксировавшиеся под подбородком воина (крайний в ряду сегмент обычно имел форму трапеции или треугольника). Крепление пластин, составляющих сегментные науши, осуществлялось с помощью кожаных ремней и заклепок с полусферическими шляпками. В большинстве случаев, железные сегменты набивались внахлест таким образом, что верхняя пластина незначительно перекрывала нижнюю (в редких случаях, наоборот). В боевом положении клепаные многочастные науши защищали уши, скулы, щеки и, частично, подбородок латника (рис. 7: 4).

В Центральной Европе (южно-германских государствах, Австрии и др.) кавалерийские шишаки иногда снабжались большими 2–3-частными клепаными наушами сочетавшими западноевропейские конструктивные решения с выпуклыми «умбонами» ориентального типа. Последние могли иметь, как традиционную для Мусульманского Востока каплевидную, так и сердцевидную форму (рис. 6: 6). В плоскости умбона (а иногда и вокруг него) пробивались слуховые отверстия (рис. 7: 2).

В своей первоначальной комплектации, «томский» шишак мог быть снабжен, как цельнокованными (запад-

⁴⁹ Muller H., Kunter F. Europäische Helme aus der Deutschen Demokratischen Republik, 1971. S. 184, b. 5.

ноевропейскими или «ориентальными»), так и клепанными сегментными наушами (рис. 7). Все виды наушей крепились с внутренней стороны купола шлема⁵⁰ и снабжались матерчатой или кожаной подкладкой.

К затылочной части шлемов рассматриваемого типа традиционно крепились длинный и широкий сегментный назатыльник «рачий хвост» составленный из пяти (реже четырех, а в отдельных случаях – трех) изогнутых пластин с вырезным верхним краем (рис. 6). Сохранившийся сегмент назатыльника «томского» шишака позволяет с высокой степенью достоверности восстановить особенности конструкции и системы оформления данного защитного элемента (рис. 7).

Как уже отмечалось выше, несмотря на то, что конструкция шишаков «германо-фламандского» образца, в разных районах Европы, была, в целом, схожей, некоторые элементы декоративного оформления тульи и шлемовых элементов имели определенную региональную специфику. С некоторой долей условности можно выделить «центрально-европейский» (рис. 7: 1, 2), «ориентальный» (рис. 7: 3) и «фламандский» стиль (рис. 7: 4). Учитывая особенности оформления шишаков из МАЭС ТГУ и ГЭ, наиболее вероятно, что утраченные элементы данных наголовий были выполнены в центрально-европейской стилистике – гомогенные, или 1–3-частные клепанные науши, наносники с простым каплевидным наконечником и фиксатором, петлеобразные, округлые, кубические или трубкообразные надвершия с «яблоком» и т.д. (рис. 7: 1, 2). Наименее вероятно, что утраченные элементы были оформлены в «фламандском» стиле (рис. 7: 4).

В завершении отметим, что, как и большинство других наголовий подобного рода, шишак из МАЭС ТГУ имел подшлемник из мягких органических материалов. Кроме того, матерчатой подкладкой были, вероятно, снабжены все основные шлемовые элементы, в том числе, козырек, науши и назатыльник⁵¹. Крепление осуществлялось с помощью заклепок (в том числе с железными подложками) выполнявшими роль фиксаторов органических частей наголовья (рис. 1: 5; 6: 1, 3; 7). К наушам шишака крепились подбородочные ремни из кожи (рис. 7: 1, 2, 4). В некоторых случаях, могла применяться ориентальная система крепления в виде лент из нескольких слоев шелковой ткани (рис. 7: 3). Учитывая тот факт, что шлем использовался на протяжении длительного времени, маловероятно, что он сохранил оригинальный перьевой султан европейского образца (рис. 7: 4). Можно предположить, что со временем, в затылочную трубку-втулку наголовья стали помещаться маховые и хвостовые перья птиц, обитавших на территории Южной Сибири (рис. 7: 1–3).

Учитывая комплектность шишака в момент его обнаружения, нельзя исключать, что некоторые поврежденные (?) шлемовые элементы были удалены/утрачены еще в ходе эксплуатации наголовья.

Выводы.

Комплексный анализ собранных материалов позволил уточнить атрибуцию и датировку шлема № 2698 из собрания МАЭС ТГУ, а также реконструировать варианты его первоначального внешнего вида (рис. 7).

Так, в частности, установлено, что наголовье относится к «германо-фла-

⁵⁰ Для этой цели, как правило, применялась 2–3 коротких кожаных ремешка, зафиксированных металлическими заклепками.

⁵¹ Boccia L.G., Rossi F., Morin M. *Armi e Armature Lombarde*. Milano, 1979. P. 174; Das MunchnerZeughaus. P. 107; Karcheski W.J. *Arms and Armor in The Art Institute of Chicago*. Chicago, 1995. P. 33; Attard R. *Collecting Military Headgear...* P. 68, 69; Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! С. 29.

мандской» разновидности шишаков европейского образца. Отличительной особенностью данных шлемов являлась низкая полусферическая тулья, склепанная из двух пластин, переходящая в очень широкий и массивный двухчастный козырек. Для усиления защитных свойств наголовья, большая часть тульи покрывалась вертикальными ребрами жесткости. Увенчанный составным навершием купол шишака дополнялся подвижным наносником-стрелкой, парой цельнокованых или клепаных наушей и длинным сегментным назатыльником типа «рачий хвост». Металлические элементы наголовья соединялись между собой и органической подкладкой с помощью заклепок выполненных из медного сплава и (или) железа. Основными потребителями подобных шлемов в Западной Европе являлись рейтары и кирасиры Германии, Австрии и Фландрии первой половины XVII в. Однако аналогичные, или схожие наголовья, также периодически использовались латниками Италии, Англии, Швеции, Речи Посполитой и других государств. Если шлем из МАЭС ТГУ был выполнен европейскими (предположительно южно-германскими) оружейниками, то наиболее вероятной датой его изготовления следует считать 20–40-е гг. XVII в. На территорию Московского государства он мог попасть, как в качестве военного трофея, так и в числе прочих предметов защитного вооружения, закупленного российским правительством в 30 – начале 60-х гг. XVII в. в Западной Европе для оснащения кавалерийских полков «Нового строя». В то же время, нельзя исключать вероятности того, что шишак был выкован непосредственно на территории Московии по европейским образцам. В последнем случае, наголовье может быть датировано серединой XVII в.,

то есть временем массового производства «вестернизированных» кавалерийских доспехов на российских оружейных предприятиях.

Известные источники не позволяют достоверно установить время и обстоятельства появления рассматриваемого шлема в Сибири. На территорию Зауралья шлем мог быть ввезен как в частном порядке, так и в рамках официальных государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения служилых людей сибирских гарнизонов (в том числе, западносибирских рейтар).

Согласно материалам письменных источников, доспехи европейского образца стали использоваться томскими служилыми людьми не позднее середины 30-х гг. XVII в. В Томск рассматриваемый шишак мог быть доставлен из арсеналов городов Западной Сибири или непосредственно с территории Европейской России. Наиболее вероятно, что в момент своего нахождения в Томске шлем входил в состав комплекса вооружения представителя командного состава и (или) воина одного из кавалерийских подразделений томских служилых людей. Возможно, наголовье продолжало использоваться на протяжении длительного времени. Поверхность шишака имеет значительные механические повреждения. Некоторые из них могут быть атрибутированы как следы рубящих ударов и воздействия метательного оружия противника.

Рассматриваемый шишак входит в состав небольшой группы боевых наголовий российского и европейского производства, обнаруженных на территории Сибири, и представляет значительную научную ценность. Его ближайшие аналоги хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, Оружейной Палаты Московского Кремля, а также европейских му-

зейных собраний. Введение шлема в научный оборот позволяет уточнить целый ряд вопросов, связанных с осо-

бенностями формирования комплекса защитного вооружения русских служилых людей Сибири XVII в.

Рис. 1. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (рисунок Л.А. Боброва); 1 – шишак (вид спереди); 2 – шишак (вид слева); 3 – плюмажная трубка-втулка (вид справа); 4 – козырек (вид снизу); 5 – заклепки из медного сплава с железными «подложками»; 6 – шишак (вид справа); 7 – плюмажная трубка-втулка (вид спереди); 8 – шишак (вид сзади); 9 – малая (окантовочная) пластина назатыльника.

Рис. 2. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю.И. Ожередова).

Рис. 2. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю.И. Ожередова).

Рис. 3. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю.И. Ожередова). 1 – вид сверху; 2 – вид снизу.

Рис. 4. Шишак первой половины – середины XVII в., ГЭ, З.О.-7380 (фото К.В. Синявского).

Рис. 4. Шишак первой половины – середины XVII в., ГЭ, З.О.-7380 (фото К.В. Синявского).

Рис. 5. Шишаки европейского образца из Оружейной Палаты Московского Кремля. Рисунок Ф.Г. Солнцева, первая половина XIX в.

Рис. 6. Шишаки западноевропейского производства первой половины XVII в. 1, 2 – Фландрия, первая треть XVII в., частная коллекция (по Attard R. Collecting Military Headgear...); 3 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., Чикагский институт искусств (по Karcheski W.J. Arms and Armor in The Art Institute of Chicago...); 4 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., частная коллекция; 5 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., Чикагский институт искусств, 1982.2515; 6. Южная Германия, г. Аугсбург, мастер Иеронимус Ринглер (Hieronymus Ringler), первая треть XVII в., ГЭ, З.О.-3028.

Рис. 7. Варианты реконструкции первоначального вида шишака с Воскресенской горы, г. Томск (реконструкция и рисунок Боброва Л.А.). 1, 2 – «центрально-европейский» (2 – южно-германский) вариант оформления шлемовых элементов; 3 – «ориентальный» вариант; 4 – «фламандский» вариант (перьевой плюмаж европейского образца).

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ XVI–XVII ВВ. ТУЛЬСКОГО УЧАСТКА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ

УДК 904:623.13
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.129-148

© 2020 г. Бурцев И.Г. (buritsaj@rambler.ru)
Государственный музей-заповедник «Куликово поле»,
Тульская область, Россия.

© 2020 г. Дедук А.В. (deduk@list.ru)
Российский государственный архив древних актов,
Москва, Россия.

Резюме: Статья посвящена части грандиозной оборонительной системы Московского государства XVI–XVII вв. – Засечной черте в пределах современной Тульской области. Черта создавалась на протяжении второй половины XVI в., в XVII в. на ней производились неоднократные ремонты. К засечному делу привлекались иностранные инженеры-фортификаторы. Засечная черта состояла из разных типов укреплений – засек, надолбов, «опускных» надолбов и колод, створных и «опускных» ворот, «волчьих ям», частоколов, заграждений на бродах, острогов и башен в особых проходах через леса («воротах»), оборонительных валов и рвов.

Ключевые слова: Засечная черта, засеки, фортификация, Московское государство, XVI–XVII вв., Тула, Венев, Кашира, Одоев, Лихвин, Белев.

Fortification constuctions of 16th–17th centuries on the Tula section of the Great Abatis Line

© 2020 Burtsev I.G. (buritsaj@rambler.ru)
State Historical-Military and Natural Museum-Reserve Kulikovo Field,
Tula Oblast, Russia.

© 2020 Deduk A.V. (deduk@list.ru)
Russian State Archive of Ancient Acts,
Moscow, Russia.

Abstract: The article's focus is on a part of a great defensive system of the Moscow state of the 16th and 17th centuries, the Great Abatis Line within the borders of the modern Tula oblast. The defensive line was created in the course of the second half of the 16th century, in the 17th century it was renewed several times. Foreign fortification engineers have been involved in the work at the Great Abatis Line. It consisted of different types of fortifications: abatis, dragon's teeth, special gates, trou de loup, palisades, barriers at fords, forts and towers at special wood passages („gates“), defensive earth walls and trenches.

Keywords: Great Abatis Line, abatis, fortification, Moscow state, 16th–17th centuries, Tula, Venyov, Kashira, Odoyev, Likhvin, Belyov.

Известная как Большая засечная черта грандиозная система оборонительных сооружений была создана в XVI в. к югу от р. Оки для защиты южных рубежей Московского государства от набегов крымских татар и ногаев. В делопроизводстве XVI–XVII вв. эта система обороны именовалась «Черта», «засеки» или «засечная черта»¹. «Засечной чертой» ее называл А.И. Яковлев² для того, чтобы отличать от других черт – Белгородской, Изюмской, Симбирской и др.³ Термин «Большая Засечная черта» появился во 2-м издании «Большой советской энциклопедии»⁴, откуда пошел «гулять» по энциклопедиям⁵, другим изданиям и интернет-ресурсам⁶.

По всей видимости, Черта формировалась в несколько этапов, но не так, как об этом писал В.П. Загоровский⁷.

Первое упоминание о «засечении дорог» вблизи волости Беспуты (к северу от Тулы) относится к 1517 г.⁸, но это происходило в ходе боевых действий против отрядов крымчаков. Вероятно, после разорительного набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. русское правительство предприняло попытки

устроить постоянные засеки против татарских набегов. Об этом можно судить по некоторым косвенным данным⁹. Возможно, эти засеки проходили по границе Каширского уезда, где их позже фиксировала писцовая книга 1577/78–1578/79 гг.¹⁰

Но это были лишь наметки – собственно Черта была создана гораздо позже. В 1552 г., во время подготовки решающего похода Ивана IV на Казань, на южную «украину» пришел хан Девлет-Гирей I и чуть было не сорвал его. Не сумев взять Тулу, он, тем не менее, пограбил ее окрестности. Вероятно, после этого события было решено создать в районе Тулы и Каширы неприступный рубеж, основой которого стали леса, засеченные сплошными массивами.

Строительство Черты началось не позднее 1554 г.¹¹ Очевидно, что тогда же засекались леса под Рязанью, Каширой, Веневом, Одоевом, Белевом¹². Хотя засеки и назывались по имени близлежащих городов, сами города обычно в систему Черты не входили, т. к. находились на удалении от засечных лесов (за исключением, пожалуй,

¹ Напр., см.: Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые книги XVI века. Отд. II (далее – ПКМГ). СПб., 1877. С. 1373 и др.

² Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

³ Попытки некоторых исследователей называть «засечными» эти рубежи не корректны – они в основе своей состояли из валов и крепостей, а не из засеченных лесов.

⁴ Большая советская энциклопедия (далее – БСЭ). 2-е изд. 1953. Т. 16. С. 480.

⁵ Бакулин В.С. Засечные черты // Советская историческая энциклопедия. 1964. Т. 5. Стб. 628; Бакулин В.С. Засечные черты // БСЭ. 3-е изд. 1972. Т. 9. С. 380.

⁶ Справедливости ради, стоит отметить, что термин «большая черта» встречался в документах, связанных с вневскими засеками, но он был локальным и служил для различения западной – «большой», и восточной – «полевой» линий.

⁷ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж. 1991. С. 221.

⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 261; ПСРЛ. Т. XIII. 1-я половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1904. С. 26; ПСРЛ. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.–Л., 1963. С. 352; Жуков А.Е. Временник русский по степеням // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.–СПб., 2012. С. 413.

⁹ Дедук А.В. Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорог. М., 2014. Вып. 3. С. 456–457.

¹⁰ ПКМГ. С. 1338, 1342, 1344, 1366, 1373 и др. (данный вопрос требует отдельного изучения).

¹¹ Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 278–279.

¹² Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы. С. 279; Дедук А.В. Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников). С. 459–463. Следует отметить, что в окрестностях Шацка уже в 1551 г. были известны засеки. Дедук А.В. Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников). С. 457; Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеоронимом. Рязань, 1889. С. 41. № 116), которые, очевидно, стали заслоном против набегов ногаев. Эти засеки (Шацкая черта) историки часто связывают с т. н. Большой чертой, хотя территориально они были на большом удалении от массива Черты.

Тулы, Рязани, Венева и Перемышля). Мы предполагаем, что обустройство Черты должно было завершиться к 1558 г. – к началу Ливонской войны. Мало того, возможно, что ее завершение способствовало открытию военных действий против Ливонского ордена – кордон против Крыма создан, служилых людей можно перебрасывать на запад¹³.

Черта, в основном, выполняла свое предназначение – препятствовать крымским набегам на столичный регион. Не случайно в 1571 г. Девлет-Гирей прорвался через Оку южнее засек, у г. Кромы, и прошел на Москву левым берегом Оки. В том же году Иван Грозный повелел делать засеки под Перемышлем, Лихвином и Козельском – на левобережье Оки¹⁴. С этими работами можно связать очередной этап строительства Черты.

В связи с натиском татар и ногаев в 90-е гг. XVI в. у правительства вновь проявился интерес к засекам. Стараниями Бориса Годунова устраиваются новые засеки, возводятся оборонительные валы и крепости, а засечная черта приближается к виду, известному по документам XVII в.¹⁵

После Смуты, практически уничтожившей систему обороны южных рубежей, возрождение Черты началось в середине 20-х гг. XVII в. В это время начались попытки вернуться к системе охраны засек и их ремонта путем

привлечения населения и служилых людей примыкающих к засекам уездов (Тульского, Дедиловского, Крапивенского и пр.)¹⁶.

В 1638–1640 гг. Черта подновлялась и перестраивалась в связи с ожидавшимся набегом крымских татар: в 1637 г. крымский хан Бахадур-Гирей, мстя за захват донскими казаками Азова, опустошил Каширские и Рязанские места и обещал вернуться весной следующего года. Правда, еще в 1635 г. правительство озаботилось строительством новой Белгородской черты и реконструкцией Засечной черты. К делу реконструкции Каширских, Тульских, Веневской, Лихвинских, Перемышльской, Рязанских засек были привлечены западноевропейские инженеры Ян Корнилов (Ван Роденбург), Давыд Николь и Юст Монсен (Матсен)¹⁷, и фортификационные сооружения были созданы по европейским стандартам. В последующем регулярно проводились подновления засек (1648, 1650-е, 1670-е и др. гг.). В последний раз леса засекались в период Северной войны¹⁸.

В археологическом отношении изучение засек предпринималось sporadически. Наиболее масштабное их обследование в 1947–1949 гг. провел А.В. Никитин, результаты чего легли в основу его кандидатской диссертации и крупной публикации¹⁹. Впоследствии археологические разведки на засечных объектах проводили Э.А. Юркевич,

¹³ До сих пор преобладает мнение А.И. Яковлева о том, что завершение работ на Черте произошло в 1566 г., когда Иван Грозный посетил некоторые украинные крепости по Оке. Мнение это нами аргументированно опровергнуто (см.: *Бурцев И.Г., Коноров М.Б.* Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы. С. 278–279; *Дедук А.В.* Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников). С. 461). В дополнение к старой аргументации добавим следующее: Козельск городом «у засек» стал после 1571 г. (см. ниже).

¹⁴ *Дедук А.В.* Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников). С. 463–464.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 524–527; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 114, 156–158, 171; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 75, 79, 103, 109; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV. Вып. 1. М., 1994. С. 38–40.

¹⁶ Книги разрядные. Т. I. СПб., 1853. Стб. 46, 133, 134 и т. д.; Книги разрядные. Т. II. СПб., 1855. Стб. 40, 41, 45, 46 и т. д.

¹⁷ *Яковлев А. [И.]* Засечная черта Московского государства в XVII веке. С. 45; *Курбатов О.А.* Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630–1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. III. С. 243, 253.

¹⁸ *Штурм В.Н.* Народно-хозяйственное, финансовое и лесоводственное значение Тульских засек. СПб., 1909. С. 3.

¹⁹ *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1955. Т. III (МИА. № 44). С. 116–213.

И.Л. Чернай и др. Основная проблема всех исследователей состояла в том, что за укрепления Черты часто принимались городища более ранних эпох, а истинные укрепления плохо соотносились с письменными источниками²⁰. И.Л. Чернай, кроме того, причислил к фортификационным сооружениям большое количество поздних объектов (межевые валы, обваловка усадеб, садов и полей, плотины, пруды XVIII–XX вв.). Исследователь даже создал классификацию «оборонительных валов» и «башен», расположенных вдоль засек.

Археологические и архивные исследования подтверждают, что валы и рвы по периметру засек, выдаваемые за оборонительные, являлись межевыми, отделявшими засечные леса от частных земель. «Башни» же Черная — не что иное как межевые «утинные» (рубежные, граничные) ямы²¹ (рис. 4). Первоначально межа по периметру засек обозначалась специальными «гранными» (на которых были сделаны «границы») деревьями и ямами²². В XVIII в. основная часть засек была приписана к Тульскому оружейному заводу. В 40–50-х гг. при их отмежевании от частных земель по границам были вырыты рвы и насыпаны валы²³, которые в 1764 г. были поправлены, описаны и картографированы специальной командой инженер-капитана А.В. Тучкова²⁴ (рис. 1).

Обращаясь непосредственно к фортификации, следует отметить, что Черта, по данным письменных источников, состояла из разных типов укреплений²⁵.

Основным видом оборонительных сооружений Черты были засеки — лесные завалы с «засеченными» (подрубленными, но оставленными на корню) деревьями (рис. 2: 1). Лес засекался по всей протяженности Черты, исключая болота, овраги, реки и специальные проходы — «ворота». В обязанность засечных сторожей входило помимо осмотра Черты регулярное засечение леса, своевременное укрепление старых дорог, ворот, проломов, перелазов, бродов, а также полян, дорожек и троп, проданных в засеках крестьянами в ходе выпаса скота и другой незаконной хозяйственной деятельности в границах заповедных лесов. В конце XVI в. была известна 21 засека. В XVII в. некоторые были заброшены (Корницкая, Сежская, Федяшевская, Боброковская).

Практически во всех проездных зонах — в воротах, на полянах, дорогах внутри засек — вкапывали надолбы, т. е. вертикально или под углом стоящие бревна, одиночные и соединенные поперечинами («кобылинами») (рис. 2: 2). На дорогах ставили створные и «опускные» ворота, «опускные» надолбы и колоды (рис. 3: 1). Части (часток) (рис. 2: 3) били по рвам, ручьям и мелким речкам, а также в «волчьих ямах». В местах, где не было других сооружений, для сторожей делали «кровати» (помосты) на деревьях. В районе речных бродов помещали «плавные бревна» — бревна с забитыми в них деревянными гвоздями, которые плавали на глубине аршина (0,71 м) и препятствовали переправе конницы.

Оборонительные валы и рвы создавались в составе Черты на безлесных

²⁰ Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы. С. 277.

²¹ Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы. С. 277–278, 279; Описание Тульских и Калужских засек, приписанных в XVIII в. к Тульским оружейным заводам // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 285. Прим. 4.

²² Засечная книга 1638 года // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 23. С. 201, 202, 205, 206.

²³ См. напр.: РГАДА, ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 601. Л. 162–163 об.

²⁴ Описание Тульских и Калужских засек, приписанных в XVIII в. к Тульским оружейным заводам. С. 284–338.

²⁵ Засечная книга 1638 года. С. 189–252; Бурцев И.Г. Тульские засеки XVI–XVII вв.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2015, № 3. С. 18.

участках с конца XVI в. К югу от Тулы был возведен «город Завитай» (рис. 5: 1), идущий от Тулы к Малиновой засеке²⁶, в основе которого были «тарасы» (бревенчатые срубы, заполненные землей)²⁷ (рис. 3: 2). В 1638 г. его реконструировали, и тогда он был высотой до 4 м, толщиной до 6,5 м, длиной ок. 11 км. С польской стороны вала был выкопан ров глубиной и шириной ок. 4,3 м. На валу были устроены 8 больших (56,2 × 58,3 м, 70,2 × 75,6 м) и 12 малых (51,5 × 50 м, 27 × 22 м) башен²⁸. Вал не довели до засеки под предлогом хорошей сохранности укреплений. Но в 1639 г. был-таки сделан Новый Завитай длиной более 2 км из 3-х прясел и 2-х малых башен со рвом, заполненным водой²⁹. У обоих Завитаев с «русской» стороны была сделана площадка («нижняя завалина») и плетень (рис. 3: 3) для обороняющихся. По верху валов для защиты от стрельбы было устроено 18 077 туров (рис. 3: 4), засыпанных землей. Кроме того, было устроено 4 зелейных погреба, 4 ворот с опускаемыми надолбами и «бревнами заметными большими дубовыми» на вертлюгах³⁰.

К северу от Тулы князь И.Б. Черкасский «с товарищи» на свои деньги возвели почти 5-метровый «Щегловский» вал («против Черленой горы на цареве проходе») длиной 1 км, толщиной 6 м. С южной стороны его был выкопан ров глубиной ок. 4,3 м и шириной 6,5 м. На валу была устроена земляная башня (ок. 13 × 13 м) и деревянная проездная башня с верхним боем³¹ (рис. 5: 2).

К настоящему времени большая часть этих укреплений не сохранилась. А.В. Никитин, вероятно, последним видел и зафиксировал башни Старого Завитая в 1947–1949 г.³² (рис. 6: 1–2). В 2014–2018 гг. сотрудники Тульской археологической экспедиции, в т.ч. авторы, предположили наличие остатков башни Старого Завитая на ул. Скуратовской (рис. 6: 3), а в районе пос. Косая Гора выявили остатки Нового Завитая (рис. 7) и составили топографический план одной из башен (рис. 8). К сожалению, археологически исследовать эти объекты пока не представляется возможным из-за застройки на ул. Скуратовской и близости железной дороги в районе Косой Горы (башня входит в полосу отчуждения железной дороги).

Вал в районе Венева, пересекавший реки Осетр и Сухой Осетр, протяженностью около 6 км был возведен, видимо, в середине 1590-х гг. (рис. 9). В 1638 г. он был обложен дерном с русской стороны, с его полевой стороны был выкопан ров глубиной 3,2 м, подходы ко рву были заграждены надолбами и «волчьими ямами»³³. На валу были расположены «Грабороновы ворота» (рис. 10: 1) и 3 «редута» (рис. 10: 2)³⁴. В дозорной книге Веневской засеки (между 1613 и 1626 гг.) упоминается острог на берегу р. Осетр³⁵, который можно ассоциировать с распаханым ныне укреплением (рис. 10: 3), зафиксированным А.В. Никитиным³⁶. Поскольку все перечисленные укрепления созданы по

²⁶ Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы. С. 276.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 24. Ед. хр. 483. Л. 7.

²⁸ Засечная книга 1638 года. С. 196–199; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 125. Л. 134–141.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 125. Л. 142.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 125. Л. 143.

³¹ Засечная книга 1638 года. С. 196–199; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 125. Л. 144.

³² Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. С. 178, 179.

³³ Засечная книга 1638 года. С. 232; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. Ед. хр. 86. Л. 337–338; РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 90. Л. 328.

³⁴ Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. С. 165, 167.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. ч. 3. Ед. хр. 14241. Л. 482.

³⁶ Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. С. 167.

европейским образцам и имеют сходные конструктивные элементы (бастионы, рavelины), можно предположить, что весь вал на левом берегу Осетра был создан до 1626 г. (т.е. в 90-е гг. XVI в.). В 1743 г. южная часть вала с прилегающей землей была отмежевана генерал-лейтенанту Игнатьеву³⁷ и со временем распахана. В настоящий момент сохранилось около 1,5 км северной части с Грабороновыми воротами и 2-мя редутами.

Основными укреплениями для защиты проходов через Черту (ворот и проломов) были остроги. Построены они были в 1638–1640 гг. (кроме Грабороновых ворот, см. выше). Размеры воротных острогов и их устройство варьировались: высота достигала 4–6 м, периметр стен – 85–240 м. Обычно в засечных воротах ставился «острог стоячей с обламы» или «косой острог», в которых устраивались тайники и «зелейные погреба», копались колодцы. Как правило, в острожках устраивались проездные башни с «польской» стороны, проездные ворота с русской стороны. В углах острожков могли делать башни, специальные спуски со стен, отводные быки. Обычно к острогу присылались 1 пищаль калибром 3–5 гривенки и 2 тюфяка (дробовика). Вокруг острога копался ров 3–6,5 м глубиной, подходы прикрывались подъемными мостами, воротами, надолбами, частиком. В составе Черты существовало более 20 острогов, сейчас известны остатки острожка у Орловых ворот (рис. 11, 12). Проведенные в 2017 г. исследования на памятнике³⁸ выявили фрагменты керамики XVI – начала XVIII в., 50 инди-

видуальных находок XVII–XVIII вв. – предметы быта и одежды, конского снаряжения, топоры, нательные кресты, наконечник стрелы, серебряные копейки Михаила Федоровича и Петра Алексеевича, свинцовый брусок (вероятно, для отливки пуль), свинцовая прикладная печать³⁹. А.В. Никитин, к сожалению, не смог сопоставить этот острог с письменными источниками (хотя и приводит его описание на той же странице, но почему-то относит его к придуманной им третьей крепости)⁴⁰. Вероятно, он просто не учел того, что современная дорога проходит несколько западнее дороги старой.

Вместо острогов или вместе с ними в воротах ставили отдельные башни. В 1638–1640 гг. было поставлено 8 деревянных башен со средними размерами 5,4 × 6,5 м. Обычно они были проездные, с 2–3 боями и 4-скатной крышей. Особой конструкцией отличалась караульная дубовая башня в Щегловых воротах: «о дву верхах с роскаты и с обламы, и с верхними бои; в ней 2 моста верхних; сделан чердак караульный; подле башни в остроге ворота дубовые створчатые, а перед воротами с польской стороны через ров мост дубовой» 8,6 м⁴¹.

Для отражения набегов в 1638 г. были построены специальные земляные «опасные» городки для размещения дополнительных войск. Земляной городок между реками Сухой Осетр и Осетр был встроен в систему вала у Грабороновых ворот (рис. 13). Он имел размеры 259,2 × 172,8 м, высоту стен 4,3 м, толщину 4,3 м; в настоящее время распахан. Городок «стоялой земляной» близ Орловых ворот сохранился

³⁷ Описание Тульских и Калужских засек, приписанных в XVIII в. к Тульским оружейным заводам. С. 298–299.

³⁸ Столярова К.А. Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. Т. I. Тула, 2018 // Архив ИА РАН. Р-1. С. 48, 52–54.

³⁹ В центре печати предположительно изображен двуглавый орел, надпись, возможно, читается как: «На мижѣ п[е]чать ... замоку».

⁴⁰ Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. С. 183.

⁴¹ Засечная книга 1638 года. С. 223.

и имеет размеры 360×120 м, вал ок. 2 м высотой и ок. 3,7 м толщиной (высота его стен была ок. 3 м), ров глубиной до 3 м. В городке были 4 земляные и 2 деревянные проездные башни⁴² (рис. 14). Массовый керамический материал, собранный из рвов городка и межевых рвов, с площадки крепости и со склонов представлен круговой белоглиняной керамикой XII–XIII, XIV–XV, XVI–XVIII вв. Было найдено также несколько изделий из железа⁴³. Есть все основания считать, что крепости в районе Ор-

ловых ворот были возведены стараниями голландского инженера Яна Корнилова (Яна Корнилия Ван Роденбурга).

Таким образом, проведенные археологические исследования подтвердили достоверность информации письменных источников. Сегодня с уверенностью можно говорить о нескольких этапах строительства укреплений Засечной Черты. Работы по выявлению и постановке на учет укреплений, упомянутых в письменных источниках, продолжаются.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Ед. хр. 140. Л. 58–60; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 389. Л. 305.

⁴³ Столярова К.А. Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. С. 48–49.

Рис. 1. «Генеральная карта четырех засек, приписанных к Тульским оружейным заводам, а именно Щегловской, Карницкой, Картасневской и Веневской. Сочинена инженер капитаном Тучковым 1764 году» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25825).

Рис. 2. Элементы фортификации засечной черты (фрагменты карты В. Гондиуса «Smolenscium Urbs...». 1634 г.): 1 – засеченные деревья, 2 – вариант надолбов, 3 – частик.

Изобр. 222.

1

Изобр. 40

2

Изобр. 225.

3

Изобр. 230.

4

Рис. 3. Элементы фортификации засечной черты по Ласковскому (Ласковский Ф.[Ф]. Карты, планы и чертежи к I части Материялов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. Л. 21, 22): 1 – опускающая колода, 2 – тарасы, 3 – вариант плетня, 4 – туры.

Рис.4. Схема расположения межевых валов, рвов и «утиных» ям.

Рис. 4. Схема расположения межевых валов, рвов и «утиных» ям.

Рис. 5. Фрагменты плана Тулы 1742 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2472): 1 – Завитай, 2 – Щегловский вал.

1

2

3

Рис. 6. Башни Старого Завитая: 1–2 – по Никитину, 1955, с. 178–179, 3 – космоснимок башни на ул. Скуратовская.

1

2

Рис. 7. Вал Новый Завитай. Фото И.Г. Бурцева.

1

2

Рис. 8. Башня Нового Завитая в районе ул. Кирова пос. Косая Гора: 1 – фото И.Г. Бурцева, 2 – топографический план (авторы М.С. Грищук и К.Н. Фомин).

Рис. 9. Грабороновский вал к северу от Венева («Солдатский городок»): 1 – фрагмент карты А. Тучкова 1764 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25825), 2 – фото Г.А. Шебанина.

Рис. 10. Укрепления Грабороновского вала по Никитину (Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1955. Т. III (МИА. № 44). С. 165, 167): 1 – Грабороновы ворота, 2 – редут, 3 – острог.

Рис. 11. План острожка у Орловых ворот по Столяровой (Столярова К.А. Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. Т. II. Тула, 2018 // Архив ИА РАН. Р-1. Рис. 219).

Рис. 12. Макет острожка у Орловых ворот (из фондов Государственного музея-заповедника «Куликово поле»).

1

2

Рис. 13. Земляной городок у Грабороновых ворот («Солдатский городок»): 1 – план по Никитину (Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1955. Т. III (МИА. № 44). С. 168), 2 – фото М. Бороздинского, 1958 г.

Рис. 14. План земляного городка у Орловых ворот по Столяровой (Столярова К.А. Отчет об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. Т. II. Тула, 2018 // Архив ИА РАН. Р-1. Рис. 201).

ШТУРМ В ЗИМНЮЮ НОЧЬ: ПОХОД КНЯЗЯ ИЕРЕМИИ ВИШНЕВЕЦКОГО И ОСАДА КУРСКА В ЯНВАРЕ 1634 Г.

УДК 355.48
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.149-170

© 2020 г. Зорин А.В. (tlingit@mail.ru),
Курский государственный областной музей археологии,
Курск, Россия.

Резюме: Статья посвящена одному из эпизодов Смоленской войны между Россией и Речью Посполитой – осаде Курска войсками князя Иеремии Вишневецкого в январе 1634 г. Основываясь на сведениях официальных документов и сведениях местной летописи («Повесть о граде Курске и иконе Знамения») был восстановлен ход событий, а также прослежены детали похода и штурма города. Анализ письменных источников и картографического материала сделали возможным уточнить датировку событий, высказать предположения о численности войск, размерах потерь, путях передвижения войск. Привлечение итогов археологических раскопок дало возможность увидеть опустошительные последствия осады для пригородов Курска.

Ключевые слова: Смоленская война, Иеремиа Вишневецкий, поход, осада, штурм, Курская крепость.

*Assault on a winter night:
The campaign of Prince Jeremi Wiśniowiecki
and the siege of Kursk in January 1634.
© 2020 Zorin A.V. (tlingit@mail.ru),
The Kursk State Regional Museum of Archeology,
Kursk, Russia.*

Abstract: The article is devoted to one of the episodes of the Smolensk War between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth – the siege of Kursk by the troops of Prince Jeremi Wiśniowiecki in January 1634. Based on official documents and information from the local chronicle («The Tale of the City of Kursk and the Virgin of the Sign icon»), the course of events is reconstructed and details of the campaign and the storming of the city are traced. Analysis of written sources and cartographic material made it possible to specify the dating of the event, as well as to make assumptions about the number of troops, the number of losses and the route of troop movements. Involvement of the results of archaeological excavations made it possible to see the devastating consequences of the siege for the suburbs of Kursk.

Keywords: Smolensk war, Jeremi Wiśniowiecki, military campaign, siege, assault, Kursk fortress.

Одним из ярких эпизодов Смоленской войны между Речью Посполитой и Русским государством была осада Курска польско-казацкими войсками под командованием князя Иеремии Вишневецкого в январе 1634 г. Однако, несмотря на достаточно детальные сведения, сохранившиеся в разнородных письменных источниках, эпизод этот до сих пор не получил надлежащего освещения в научной литературе.

Военные действия, проходившие в пределах северских украинских земель на протяжении 1632–1634 гг., отличались высокой активностью обеих враждующих сторон, каждая из которых пыталась нанести удар по укрепленным опорным пунктам противника. В декабре 1632 г. русские войска под командованием воеводы Б.Ф. Болтина берут штурмом Новгород-Северский. Это сыграло важнейшую роль в дальнейшем ходе войны. Русские войска получили удобную базу для своих действий в глубине неприятельских территорий и неудивительно, что командование польско-казацких сил до самого завершения войны непрерывно прилагало усилия для того, чтобы отбить город обратно. Тогда же, в конце 1632 г., русским войскам удаётся взять также Трубчевск и Почеп, совершить удачный рейд на Ромны, а в январе 1633 г. воевода Никита Оладьин берёт Стародуб. В ответ на это, войска Речи Посполитой предпринимают в феврале 1633 г. неудачный поход на Путивль, в котором принял участие и знаменитый в будущем польский военачальник и политик князь Иере-

мия Вишневецкий. Это стало первым военным предприятием князя, которому недавно исполнилось двадцать лет. Повторную попытку овладения Путивлем предпринял каштелян каменецкий Александр Песочинский в мае – июне 1633 г. Несмотря на собранные для этого крупные силы, штурм и осада, продолжавшаяся более трёх недель, вновь не привели к успеху. Зато в то же время казаки под командованием Якова Острянина захватывают и полностью уничтожают важную пограничную крепость Волуйки, а в июне 1633 г. польско-казацкий отряд Золотовского разоряет посад Рыльска и совершает набег на Севск. В июле того же года Острянин неудачно пытается взять Белгород, а 14 августа безуспешно штурмует Курск. В это же время русские войска наносят удар по Чернигову, но взять город им не удаётся. В сентябре 1633 г. путивльские служилые люди разоряют Миргород, а в декабре объединённые отряды российских порубежных городов громят Борзну. Целью ответного удара командование польско-казацких сил вновь избирает Курск¹.

Осада Курска в январе 1634 г. нашла своё отражение, как в официальной документации своего времени, так и в литературном произведении, созданном несколько позже данных событий. Отписка курского воеводы П.Г. Ромодановского, руководившего обороной города, содержит весьма краткие, хотя и важные сведения. Здесь приводятся датировка событий, перечисляются имена предводителей войск противника, определяется численность непри-

¹ Папков А.И. Оборона Белгорода от черкас летом 1633 г. // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 1-3 июня 2000 г., г. Рыльск. Курск; Рыльск, 2000. С. 28–30; Папков А.И. Оборона Белгорода от черкас летом 1634 г. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 263–266; Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. Белгород, 2004; Папков А.И. Поход российских войск на Миргород осенью 1633 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. С. 77–79; Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). Київ, 2006; Urwanowicz J. 1980. *Piaseczynski (Piaseczynski) Aleksander h. Lis* // Polski Słownik Biograficzny. T. XXV. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. S. 800–803.

ягельских сил, даётся краткий обзор боевых действий и характеризуются оборонительные возможности курского гарнизона и городских укреплений². Дополнительные данные о войсках противника и понесённых ими потерях содержатся в показаниях бежавшего из плена посадского человека из Путивля Афоньки Денисова сына Глухарёва³. К сожалению, аналогичных документов с польской стороны в настоящее время не известно.

Более подробный и красочный рассказ о январской осаде содержится в «Повести о граде Курске» (иначе «Сказание о Курской иконе Знамения Богородицы» или «Курский летописец»). Основой этого произведения является повествование о чудесах курской иконы Знамения Богородицы, в число рассказов о которых входят также описания осад Курска польско-казацкими силами в 1612 и в 1634 гг. Итоговая редакция «Повести» относится к 1660-м гг., а рассказ о походе Вишневецкого, по мнению А.И. Раздорского, «был составлен после 1645 г. (это следует из того, что царь Михаил Фёдорович упоминается в нем уже как покойный)»⁴. Хотя целью «Повести» является прославление чудотворной иконы, описание сверхъестественных явлений не затмевает собой изложение реальных фактов, попавших в сочинение несомненно со слов очевидцев и участников событий. Об этом свидетельствует наличие многочисленных реалистических подробностей, подлинные имена действующих лиц, детали реальной топонимики и топографии окрестно-

стей Курской крепости, сведения о датировке событий, соотносимые с данными официальных документов.

В силу своей красочности, версия, изложенная в «Повести», постоянно привлекала к себе внимание курских краеведов, передававших её с разной степенью точности. Ещё С.И. Ларионов в своём «Описании Курского наместничества», излагая события 1634 г., практически целиком опирался на сведения «Повести». Здесь присутствуют известие о приближении поляков, доставленное в город сыном боярским Никифором Мальцовым, вылазка станицы Мартемиана Никитина Шумакова и стычка у Глиница, захват поляками наугольной Меловой башни и отражение неприятеля «можно сказать чудесным образом»⁵. Помимо этого, рассказ дополнен именами лиц, руководивших обороной города, данные о которых автор обнаружил, вероятно, в сохранившемся актовом материале. Столь же механически повторяет известия «Повести» и Н.П. Сенаторский⁶. Известный курский историк и краевед А.А. Танков, говоря о походе Вишневецкого, использует в равной степени известия «Повести» и позднейший текст С.И. Ларионова, которого неоднократно цитирует. При этом написание имён участников событий у него отличается, как от данных повести, так и от пересказа С.И. Ларионова. Героями обороны у А.А. Танкова являются сын боярский Николай Малцов и «помещик Курского уезда Мартемьян Никифорович Шумаков». В отличие от Ларионова,

² Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965. С. 88–89.

³ Акты Московского государства. Т. I. М., 1890. С. 575–576.

⁴ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 142–148; Раздорский А.И. Осада Курска польско-литовскими войсками во время Смоленской войны 1632–1634 гг. (сопоставительный анализ известий «Повести о граде Курске» XVII в. и отписки курского воеводы П.Г. Ромодановского 1634 г.) // Клио. № 4. 2003. С. 78.

⁵ Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 21–22.

⁶ Сенаторский Н.П. Исторические сведения о Курской чудотворной иконе знамения пресвятой богородицы и о явленных ею благодатных действиях милости Божией. Курск, 1913. С. 23–25.

здесь не упоминаются ни воевода, ни губной староста, ни стрелецкий и казацкий голова. Датировка осады в рассказе А.А. Танкова отсутствует: о нападении Вишневецкого на Курск сообщается сразу после сообщения об осаде Белгорода в 1633 г., что создаёт впечатление одновременности событий. Кроме того, автор утверждает, что неприятель отступил от Курска только «продержав долгое время город в осаде и разорив окрестности его», хотя ни в отписке воеводы, ни в «Повести» не упоминается о длительной осаде и разорении округи. Помимо этого, А.А. Танков попытался соотнести ряд топонимов, упоминаемых в «Повести», с конкретными точками в пределах современного ему Курска⁷.

Польский историк Владислав Томкевич в своей биографии Иеремии Вишневецкого вскользь упоминает о походе князя на Курск, сообщая, что Вишневецкий «спалил предместья, однако же, несмотря на двухнедельную осаду, не смог взять замка». При этом он ошибочно датирует поход апрелем 1634 г., спутав его, как это видно из ссылки на источник, с очередной осадой Курска силами казаков Якова Острянина, Ильяша Чёрного и Данилы Данилова, действительно имевшей место 4–16 апреля 1634 г.⁸ Сведениями о действиях Вишневецкого в январе 1634 г. В. Томкевич явно не располагал.

Краткое упоминание осады Курска с опорой на архивные источники содержится в исследованиях А.И. Папкова⁹ и П.М. Кулаковского¹⁰, уточняющих датировку событий и идентифициру-

ющих личности предводителей польско-казацкого войска. Специальными работами, посвящёнными непосредственно осаде 1634 г., являются статьи А.И. Раздорского. В одной из них автор, охарактеризовав «Повесть о граде Курске», как исторический источник, полностью опубликовал фрагмент, освещающий поход Вишневецкого¹¹, во второй предпринял попытку провести сопоставительный анализ данных «Повести» и отписки воеводы П.Г. Ромодановского¹². В итоге автор пришёл к выводу, что «совпадение рассмотренных известий «Повести» с данными официального документа воеводского делопроизводства позволяет утверждать, что в отношении осады 1634 г. <...> этот памятник сообщает в целом вполне достоверную информацию <...> Рассказ «Повести» об осаде Курска в 1634 г. воспроизводит реальную и подробную картину происходящего»¹³. К сожалению, автор не ставил себе целью провести детальную реконструкцию хода военных действий и потому ограничился кратким пересказом данных «Повести», дополнив их сведениями из воеводской отписки.

Прежде, чем перейти к непосредственному рассмотрению обстоятельств похода Вишневецкого и осады Курска, следует попытаться оценить соотношение противоборствующих сил. Накануне Смоленской войны общие силы, которыми располагали воеводы порубежных российских городов (Болхова, Карачева, Брянска, Рыльска, Севска, Путивля, Белгорода, Воронежа и Курска), были сравнительно невелики – чуть более 8 500 человек. По

⁷ Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913. С. 188–190.

⁸ Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki. Warszawa, 1933. S. 15; Акты Московского государства. Т. I. С. 616.

⁹ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. С. 158.

¹⁰ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 132.

¹¹ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 141–154.

¹² Раздорский А.И. Осада Курска польско-литовскими войсками во время Смоленской войны 1632–1634 гг. (сопоставительный анализ известий «Повести о граде Курске» XVII в. и отписки курского воеводы П.Г. ромодановского 1634 г.). С. 78–80.

¹³ Раздорский А.И. Осада Курска польско-литовскими войсками во время Смоленской войны 1632–1634 гг. С. 78.

оценке П.М. Кулаковского, в их числе находилось 2 586 дворян и детей боярских, 2 636 казаков, 2 775 стрельцов и 563 пушкар¹⁴. На серьёзную помощь из Москвы рассчитывать особо не приходилось. Если оттуда в ходе войны и присылались иногда подкрепления, то весьма немногочисленные, не более 500 человек.

Не отличались многочисленностью и войска противника. Гарнизоны городских острогов не превышали нескольких десятков человек. Шляхетское посполитое рушение Чернигово-Северской земли могло выставить в поле не более 450 человек. К этому следует прибавить ещё около 1 000 слуг, следовавших на войну за своими панами. Казацкие хоругви добавляли к этому числу ещё около 150 всадников, а капитаны городских гарнизонов располагали в общей сложности силами примерно 150 гайдуков и 25 пушкар¹⁵. В случае военных действий власти могли прибегнуть к найму казаков, что давало ещё около 500 бойцов. Таким образом, вся совокупность сил не превышает примерно 2 000 человек. Однако в это число не входят надворные войска магнатов, в первую очередь Вишневецких. По неточным и завышенным российским подсчётам они могли составлять до 15 000 человек, а реально их численность приближалась к 8 000¹⁵. Следует также учесть и то, что к ведению войны на Северщине польские власти активно привлекали запорожцев. Отписки русских воевод нередко сообщают о громадной численности казаков, осаждавших их города, – в различных случаях от 12 000 до 50 000 человек¹⁶.

Подобные цифры кажутся крайне завышенными, однако иногда находят подтверждение и в польских источниках. Так, например, Александр Песочинский, руководивший осадой Путивля в мае 1633 г., сообщает о наличии в его войске 20 000 запорожцев¹⁷. Сами осаждённые при этом оценивали совокупные силы противника в 50 000 человек¹⁸. При этом достоверно известно, что польско-казацкий отряд Острянина, Сеножацкого, Пырского и Ловерко, который атаковал Курск в августе 1633 г., насчитывал в своих рядах не более 3 000 человек¹⁹. При этом постоянно отмечается неустойчивость казаков, не готовых к длительным и систематическим военным действиям, могущих в любой момент покинуть объединённую армию и уйти на поиски более лёгкой добычи. Этим, вероятно, и объясняются столь значительные колебания в оценке численности их отрядов.

Большая часть крупных боевых столкновений на Северском порубежье представляла собой осады и штурмы крепостей. Сведений о состоянии укреплений и вооружения Курска на 1634 г. сохранилось немного. Воевода П.Г. Ромодановский, сообщая об отражении войск Вишневецкого, не преминул отметить: «и как, государь, впредь воинских литовских людей к Курску приход будет, и у Курску, государь, острог велик, кругом острогу семьсот дватцать одна сажень с полусаженью. А по астрогу, государь, норяду мала, три пищали полоторных и одна попорчена, стреляют из ней в ползоправа. И в приход, государь, литовских людей с таким малым наря-

¹⁴ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 98.

¹⁵ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 99–101.

¹⁶ Акты Московского государства. Т. I. С. 503, 616; Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. С. 89.

¹⁷ Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki. S. 13.

¹⁸ Акты Московского государства. Т. I. С. 503.

¹⁹ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. С. 157.

дом сидеть страшно, и о том я, холоп твой, наперед сево писал к тебе, государю, многожды»²⁰. Таким образом, воевода указывает на несоответствие численности гарнизона и количества артиллерии протяжённому периметру укреплений города. Следует отметить, что с подобной проблемой защитники города столкнулись ещё во время осады 1612 г., когда, для сокращения периметра обороны даже пришлось сжечь часть укреплений. Ближайшее по времени полное сохранившееся описание крепости относится к 1651 г.²¹ Следует отметить, что если в 1634 г. П.Г. Ромодановский определяет протяжённость периметра крепости в 721,5 сажень, то в 1651 г. воевода Д.И. Плещеев пишет о том, что в Курске «всего под башнями, и под отводы, и под острожною стеною 708 сажень»²².

Хуже сохранилось описание крепости, датированное 1642 г., когда, собственно, и были возведены укрепления, описанные Д.И. Плещеевым:

«Генваря в 5 день 150 году (1642) в Курску по городской осыпи поставлен острог стоячей дубовой. А по острогу 4 проезжих да 4 глухих башен, рублены в дубовом лесу, шатровые, крыты тесом. Под ними 24 сажени. 19 отводных рукавов. По ними 61 сажень. Меж башень и рукавов острожные стены 661 сажень. Всего под ворота и под башнями и под рукавами и под стеною 746 сажень. В Курску ж на старом валу в 144 году (1636) сделана раскатная башня в дубовом лесу в 6...стен трех сажень шатровая. Сверху шатра для вестового колокола сделана колокольня. В Курску ж тайник в нем струб дубовой трех сажень. Из него

ведена труба в реку Тускорь и вода течет безпрестани. В тайнике ж клечи а воды в тайнике 7 пядей. От города до тайника 22 сажень. В остроге колодезь, до воды 7 сажень. Воды в нем 2 сажень. А колодезные стены сажень с пядью»²³.

Можно предположить, что фортификации 1634 г. немногим принципиально отличались от фортификаций 1642 г., 1651 г. и даже позднейшего времени. Об этой преемственности свидетельствуют, в частности, сохранившиеся вплоть до начала XVIII в. наименования отдельных башен крепости, которые встречаются в тексте «Повести». В частности, Меловая башня, ключевой пункт обороны в 1634 г., под тем же названием отмечена также и в описании крепости 1692 г., а Никитская и Пятницкая присутствуют на абрисе курской крепости 1722 г.²⁴

Таким образом, можно предположить, что в 1634 г. Курский острог также имел 8 дубовых рубленых башен, одна из которых, Меловая, стояла в наиболее уязвимом для обороняющихся месте – на низком мысу в месте впадения Кура в Тускарь. С двух сторон крепость защищали крутые обрывистые берега Кура и Тускари, а с севера шёл глубокий и широкий ров, имевший в своей основе естественный овраг. На случай осады в крепости имелся тайник с колодезем. Внутри острожной стены находилась «старая городская осыпь» – вал, представляющий собой, вероятно, остатки более древних укреплений. Во время осады 1612 г. он использовался в качестве второй, запасной линии обороны. В

²⁰ Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. С. 89.

²¹ Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск: 1912. С. 26–29.

²² Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск: 1912. С. 29.

²³ Голубков Р.О. Реконструкция Курской крепости XVII века. URL: <http://old-kursk.ru/post/p170630.html> (Дата обращения 20.01.2020).

²⁴ Голубков Р.О. Реконструкция Курской крепости XVII века. URL: <http://old-kursk.ru/post/p170630.html> (Дата обращения 20.01.2020); Самсонов В.И., Стоюшкина В.А. План Курской крепости // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск: 1963. С. 176–177.

конце XVI – начале XVII в., помимо данной цитадели (малого острога), город имел также укрепленный посад (большой острог), как имели его и ряд других порубежных городов (Белгород, Путивль). Однако после разгрома 1612 г., эти укрепления более не восстанавливались. В 1634 г. войска Вишневецкого атаковали стены крепости непосредственно с территории посада, занять который им ничто не воспрепятствовало. Состояние самих городских укреплений автор «Повести» оценивает весьма скептически: «град всюду бе ветх и крепости велия не имеет»²⁵. Впрочем, это может быть и чисто риторической фигурой речи, подчёркивающей чудесный характер спасения города от неминуемого разгрома, поскольку при описании осады 1612 г. «Повесть» также сообщала о крайней ветхости стен малого острога.

Определить численность сил, которыми мог располагать в январе 1634 г. курский воевода, в настоящее время не представляется возможным и требует специальных исследований. Известно, что, согласно «Сметному списку 140 года», накануне Смоленской войны, в 1632 г. военные силы Курска составляли 1 440 человек, в том числе: детей боярских выборных, дворовых и городских – 873; стрельцов, включая голов и сотников, – 204; конных казаков – 300, а также 17 пушкарей, 15 затинщиков, 4 воротников, 20 рассыльщиков, 2 казённых кузнеца и 5 казённых плотников²⁶. При этом следует отметить, что часть служилых людей в городе отсутствовала, будучи отвлечена

на другие военные предприятия. Так, например, ещё в 1633 г. от курского воеводы требовалось выслать 100 детей боярских для усиления гарнизона Новгорода-Северского, вместо чего П.Г. Ромодановский отправил туда 62 стрельца²⁷. Общее командование осажёнными находилось в руках воеводы – стольника князя Петра Григорьевича Ромодановского, а также стрелецкого и казацкого головы Ивана Бунина и губного старосты Евсея Стрекалова²⁸.

Численность неприятеля «Повесть» определяет довольно туманно: «онный князь Иеремий Вешневецкий ис черкастей земли Московскаго государства в страну со множеством вои вниде»²⁹. Отписка воеводы П.Г. Ромодановского сообщает о том, что с Вишневецким пришло «литовских людей дватцот тысяч»³⁰. Даже учитывая возможные преувеличения численности врага, нельзя не признать, что курский поход относился к числу крупных экспедиций, сравнимых с осадой Путивля в мае – июне 1633 г. Об этом свидетельствует и представительный командный состав войска. Согласно отписке П.Г. Ромодановского, силы противника возглавляли «полковник Вишневецкой молодой, а с ним гетман Кишкедин, да Синожатцкой, да Лаверка, да пан Глатовский»³¹.

Примечательна здесь характеристика Вишневецкого, стоящего в перчислении на первом месте, – «молодой полковник». Имя его, похоже, в то время не было ещё широко известно. Хотя он уже и проявил себя в прошлом году при осаде Путивля, его, тем не

²⁵ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 153.

²⁶ Сташевский Е.Д. Смета военных сил Московского государства на 1632 год / Сметный список 140 году // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе имп. Русского военно-исторического общества. № 9–10. 1910. С. 67, 70, 81.

²⁷ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 131.

²⁸ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 150; Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. С. 21.

²⁹ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 150.

³⁰ Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. С. 89.

³¹ Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. С. 89.

менее, ещё нередко путали с более известными старшими представителями рода. Так вернувшийся из плена путивлянин Афонька Денисов сын Глухарёв утверждал, что поход на Курск возглавлял князь Константин Вишневецкий³². Несомненно, что утверждение это было ошибочным – почти семидесятилетний воевода русский князь Константин Константинович Вишневецкий, дядя и опекун Иеремии, никак не мог быть в 1634 г. назван «молодым полковником», как именует его П.Г. Ромодановский. Но, столь же несомненно, что он был в то время гораздо известнее своего племянника, а потому Глухарёв уверенно связал упоминание фамилии Вишневецкого, как предводителя войска, именно с князем Константином. Помимо того, во главе осаждающих находились роменский урядник Криштоф Сеножацкий (Krzysztof Sianożęcki)³³, брестский воеводич Фелициан Тышкевич, превращённый в отписке в «Кишкеедина»³⁴ и Миколай Глоговский («пан Глатовский») из хоругви А. Песочинского, позднее чашник новгород-северский³⁵. Под именем «Лаверки» в отписке подразумевается, скорее всего, лубенский казацкий полковник Лавр Харченко (Лавринка, Лаворской, Лавер)³⁶.

Первые известия о готовящемся ударе получили путивльские воеводы Гагарин и Усов. Отряд Афанасия Коровяковского, посланный ими «для языков под литовские городы» в 15 верстах от Лохвицы в деревне Волки захватил несколько пленников. С их слов стало известно, что «князь Ере-

мей Вишневецкой, по королевскому велению, с польскими и с литовскими людьми и с запорожскими черкасы и с немцы, собрався со всеми людьми, из Лохвицы выступил в деревню Липовую, от Лохвицы пять верст, а идти Вишневецкому со всеми людьми и с нарядом под Путивль на стоянье, и всякими де промыслы и приступы и подкопом над Путивлем промыслять». Воеводы тотчас стали готовиться к осаде, «учали жить с великим береженьем», а одного из пленников 18 января отослали в Москву³⁷. Однако, похоже, либо «языки» не были посвящены в действительные замыслы князя, либо он спешно переменял свои планы, либо же слухи о новом походе на Путивль были не более чем дезинформацией. В любом случае, Вишневецкий нанёс удар совсем в другом месте и куда раньше, чем путивльские воеводы смогли сообщить о том в Москву. Кроме того, разъезды войск Вишневецкого действовали также и в направлении Новгорода-Северского, что ещё более запутывало ситуацию³⁸.

Сведения, полученные отрядом Коровяковского, позволяют установить, что местом сбора сил для будущего похода стала Лохвица. Сюда же, как показывает сообщение Афоньки Глухарёва, войска Вишневецкого вернулись после завершения экспедиции. Глухарёв, проживавший тогда в Лохвице у некоего запорожца Семёна, лично видел, как Вишневецкий «с литовскими людьми нынешняго 142-го года был под Курском и пришел изпод Курска генваря в 23-день, и ли-

³² Акты Московского государства. Т. I. С. 575–576.

³³ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 407; Kulakowskyj P. Urzędnicy ziemscy Czernihowszczyzny i Siewierszczyzny (do 1648 r.) // Studia Źródłoznawcze. T. XXXVIII. 2000. S. 69.

³⁴ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 129, 132.

³⁵ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 412; Kulakowskyj P. Urzędnicy ziemscy Czernihowszczyzny i Siewierszczyzny (do 1648 r.). S. 73.

³⁶ Флоря Б.Н. Начало Смоленской войны и запорожское казачество // Мappa Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 446.

³⁷ Акты Московского государства. Т. I. С. 600.

³⁸ Кулаковский П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). С. 131.

товские де люди все пошли по своим городкам»³⁹. Учитывая, что под Курском войска находились до 15 января, то обратный путь их занял восемь дней. Вероятно, на движение к Курску ушло примерно столько же времени, что даёт возможность отнести время выступления Вишневецкого в поход примерно к 5 января 1634 г.

Движение войск от Лохвицы до Курска по заснеженному бездорожью можно проследить лишь отчасти, основываясь на свидетельствах пленников, нашедших отражение в тексте «Повести». Согласно этим данным, Вишневецкий планировал «град сей безвестным приходом взять» и, в связи с этим движение войска осуществлялось как можно более быстро и скрытно. Несмотря на зимнее время, лёд на реках был некрепок и преодоление даже незначительных водных преград стало для армии серьёзной проблемой: «и приидоша от града сего на реку, рекомую Воробжю, и на той мнози потопишася, такожде и на Цветовии кладезе бысть нам велие повреждение, яко не малий числом в том погрязнуша. И егда же дошедше от града сего на реку Семь, на место, глаголемое Государев Перевоз, и в том месте внезапно лду проломившуся, множество от воинства нашего изтопоша и пушки погрязли, их же с великою трудностию едва от воды изнесохом»⁴⁰.

Из этого сообщения видно, что польско-казацкое войско действительно старалось держаться в стороне от идущих по водоразделам шляхов, предпочитая форсировать небольшие реки по непрочному льду и подвергая опасности артиллерию, лишь бы уменьшить риск возможного обнару-

жения дозорами противника (рис. 1, 3). Тем не менее, трудные переправы через Воробжу, Цветов Колодезь и, особенно, через Сейм, привели к тому, что, по словам участников похода, «от того в воинстве нашем велие смятение быст». Однако ситуацию исправил захват пленников: «князь Иеремий Вешневекский видя сие, яко умышлению его сие быст великая преграда, зело опечалися и абие приведоша к нему взятых сего града пленников. И от них уверишася, яко о пришествии нашем ко граду их вскоре никакоже помышляюще, но впредбудущия дни быти и того ради от града обережных сторожей и опаства не имеют и люди пребывают вне града на посадке в домех своих и аще вскоре от воинства своего ко граду вои пошлешь, град сей без всякия брани вскоре имаши взяти. И слышав сей князь Иеремий Вешневекский радостен бысть, чаяше град вскоре восприяти»⁴¹.

Захваченные пленники, сообщившие князю о безопасности жителей Курска, были, скорее всего, детьми боярскими, стоявшими в стороже у перевоза через Сейм как раз на пути наступающего польско-казацкого войска. По мнению А.А. Танкова, сторожа и перевоз через Сейм были «в местности, около которой теперь находится мост на Сейме по Харьковской шоссеиной дороге»⁴². Согласно «Книге Большому Чертежу», Государев или Великий перевоз находился выше устья Цветова Колодезя: «ниже города Курска, от города 5 вёрст, пал с поле в Семь Цветов колодезь; а выше Цветова колодезя на Семи Великои перевоз. А на тот перевоз ис Курска дорога в Белгород лежит через Млодоть»⁴³. Если относительно перевоза предположение А.А. Танкова

³⁹ Акты Московского государства. Т. I. С. 575.

⁴⁰ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 153.

⁴¹ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 153.

⁴² Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т. I. С. 189.

⁴³ Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 105.

следует признать верным, то сторожа, скорее всего, находилась несколько в стороне отсюда. Вероятно, это была восьмая курская сторожа по росписи 1623 г.: «на реке на Семи усть речки Моквы на Жернявском перевозе от города от Курска 6 вёрст, а проезд с неё за реку за Семь на полскую сторону до верх Цветова колодезя а сторожей на ней стоит детей боярских по три человека да по казаку»⁴⁴. Именно во время одного из регулярных объездов охраняемого участка от перевоза до верховьев Цветова Колодезя сторожа и была застигнута врасплох на «польской стороне» передовыми частями Вишневецкого. Один из дозорных, «курчешин сын боярской Никифор Малцов», сумел бежать и, прискакав в Курск, «поведа воеводе и всем сущим во граде, яко князь Иеремий Вешневецкий со множеством вои идет и уже от града за пят поприщ на реке Семи»⁴⁵. Указанное в «Повести» расстояние в 5 поприщ примерно равно указанному в росписи сторож расстоянию в 6 вёрст от Курска до сторожи (рис. 1).

Прискакав в Курск, Малцов застал воеводу уже бодрствующим. Согласно «Повести», его разбудил внезапный бой вестового колокола. Воевода П.Г. Ромодановский тотчас послал людей узнать, кто и почему ударил в колокол, а узнав, взять этого человека под стражу. Посланные никого у «колокольников» не увидели, а вслед за тем к воеводе явился стрелец Киприян Ерпылев, который как раз и стоял в карауле у вестового колокола «и под колоколом спал». Но вдруг «за 7 часов до света в тот вестовой колокол ударила некая божественная сила трижды, и он Киприян незапного ради биения обят быв велиим страхом, со оной колокол-

ницы бежа и вскоре притече к воеводе и поведа, яко в колокол забила некая божия сила невидимая, а человека никакова несть»⁴⁶.

В этот момент в крепость явился Никифор Малцов со своим тревожным известием. «Повесть», не указывая даты, сообщает, что это произошло «с понедельника подо вторник в нощи в 7 час», а отписка П.Г. Ромодановского говорит о появлении неприятеля «генваря в 13 день». Как было установлено А.И. Раздорским, в обоих случаях речь идёт об одной и той же дате, поскольку день 13 января в 1634 г. действительно пришёлся на вторник. Стоит обратить внимание на указанное в повести время суток: «в нощи в 7 час» или «за 7 часов до света». Учитывая особенности русского времяисчисления в XVI–XVII вв. и деление часов на «дневные» и «ночные» в зависимости от естественной смены светлого и тёмного времени суток, указанное время приходится на промежуток от 21 ч. 35 мин. до 22 ч. 35 мин. современного счёта времени⁴⁷. Таким образом, по современному времяисчислению, атака на город фактически началась ещё поздним вечером 12 января.

Всё это было столь неожиданно, что воевода П.Г. Ромодановский не поверил Малцову и послал на проверку его сведений станицу во главе с Мартемьяном Никитичем Шумаковым. Станица «выехаша ис посадов и доидоша до Глинища, и в том месте сретошася с вои Вишневецкаго». Большой овраг, до сих пор известный под названием «Глинище», ныне находится уже в пределах городской черты Курска, но в первой половине XVII в. расстояние от него до стен крепости составляло около четырёх вёрст (рис. 2, 3).

⁴⁴ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 71.

⁴⁵ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 151.

⁴⁶ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 150.

⁴⁷ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 49–50.

Столкновение с авангардом Вишневецкого было, судя по всему, полной неожиданностью для станицы. Произошла скоротечная стычка, в которой М.Н. Шумаков был тяжело ранен: «И его, Мартемьяна, израниша и от противных во град сей возвратишася. И во граде нечем откуду бысть шум великий и страх на всех живущих ту и на посадах. И егда же сей Мартемьян с товарищи во граде сем о сретении с литвою за посады у Глиница воеводе и всем поведаше, и вси видяше на нем Мартемьяне, раны вероятны и зело в велицем ужасе быша, зане во граде велие малолюдство, но вси живущий в посадах в домех своих»⁴⁸.

Посад охватила паника, а между тем авангард польско-казацкой армии разворачивал стремительное наступление на город. Вишневецкий стремился в полной мере использовать достигнутый им эффект неожиданности. С этой целью он, как показали позднее пленники, «избра от воинства своего избранных вои, посла на взятие сего града и утверждение се нам заповедав, дабы никто же от нас никакоже имел идучи ко граду в посады прибытка ради забегати. Но вскоре тещи ко граду и мы, ко граду зело устремительно течаху и сретшихся нам у далних слобод, малым избиша и раниша, а иных израниша, и яша дабы видевшие их во граде о пришествии их не возвещали. И посад мимо протекше, ко граду сему приидохом к наугольной башни, иже нарицается Меловая»⁴⁹.

Таким образом, целью атаки авангарда было нанести первый удар по защитникам крепости, закрепиться на захваченном плацдарме и продержаться там до подхода основных сил. Целью этого удара была избрана наугольная

Меловая башня, что представляется совершенно неслучайным. Именно Меловая башня являлась наиболее уязвимым местом в обороне Курска (рис. 4). Она находилась на самом низком участке мыса при впадении Кура в Тускарь, и чтобы добраться до неё, не нужно было ни преодолевать огромный ров, ни взбираться по отвесному мысовому склону. В 1651 г. воевода Д.И. Плещеев описывал её следующим образом: «Башня глухая наугольная к речке к Куру сделана в дубовом лесу 3 сажень без локтя шетровая, крыта тёсом в вышину та башня до обламов 2 сажени с локтем»⁵⁰. О том, что она находилась на опасном участке, свидетельствует более позднее описание 1692 г.: «Меловская башня около обрублена с приступного места от речки Кура. Четыре венца истой башни той отруб связан для крепости связми. По углам вкопаны столбы. И той отруб насыпан землею. На той башни сверх устроен и покрыт вновь в три тесницы прибиты гвоздями железными и деревянными»⁵¹. Судя по данным «Повести», в 1634 г. состояние башни было ещё хуже, чем в 1692 г.

Отборный передовой отряд быстро и, похоже, практически без сопротивления взойшёл на стены и овладел Меловой башней, установив на ней своё знамя. В этот момент внутрь малого острога хлынули жители посада. Согласно «Повести», поток беженцев был настолько силён, что не было возможности закрыть крепостные ворота: «граждани в велицем ужасе на то место обратися вскоре, потекше и пришедше, видевшие поляков и черкас на стене града ... и того града четверы врата для входящаго вон с посадов народу идящаго никако же могуще за-

⁴⁸ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 151.

⁴⁹ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 153.

⁵⁰ Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912. С. 28.

⁵¹ Голубков Р.О. Реконструкция Курской крепости XVII века. URL: <http://old-kursk.ru/post/p170630.html> (Дата обращения 15.02.2020).

творити»⁵². В сумраке январского утра штурмующие увидели, как крепость наполняется людьми, устремляющимися к Меловой башне, которая вдруг зашаталась у них под ногами. Учитывая, что даже «Повесть» признаёт, что Курская крепость в то время изрядно обветшала, то неудивительно, что наполненная солдатами бревенчатая башня едва не обрушилась вместе с ними. Полякам ничего не оставалось, как поспешно покинуть только что захваченную выгодную позицию к вящему изумлению курян, увидевших чудесную картину: их враги, никем не гонимые, «на стене града знамя оставиша и вси з стены града брасахуся, неподобно из горы непутно идуще, но якобы з безчисленной высокия крутыя горы ногами и руками о землю опирающесе идяху и, сошедше вси прочь от града, мимо слобод течаху ... страхом з стены вспят на землю обращаеми быша и со града низпадаху, и з горы бежахом, и маяся за гору руками и ногами, и от града оттекше стахом на поле против града»⁵³.

Неожиданное отражение первого приступа дало П.Г. Ромодановскому и И. Бунину время сплотить курян и организовать оборону по всему периметру укреплений: «И в ту ночь весь с посадов народ во град собрашася, а противнии в ту ночь никако же в слободы вступивше, но разве от приходу первейших дворов сущих и по собрании народу во град и по разчреждению киждо во своем уреченном на стене месте стаха»⁵⁴.

Тем временем к городу приблизились основные силы армии Вишневецкого. Куряне, столпившись на стенах, в тревоге следили за тем, как «множество воинства тихостию, аки

никия змии ползуще, град злым своим умышлением ухапяти хотящее». Полагая, что уstraшённые жители могут бежать из крепости в леса за Тускарем, князь предусмотрительно выслал туда всю свою конницу, чтобы вовремя перехватить беглецов. Затем он «отвсюду ко оному граду повеле приступати и с протчих стран великий крик учинити, а на приступ итти со едину страну от Московския дороги к Пятницким воротам молча, и град оный отвсюду криком и к Никицким воротам и от Куру на тайник, аки бы на приступ идуще и граждан уstraшающе крепце вопити». Таким образом были запланированы два отвлекающих удара – по Никитской башне и со стороны Кура, которые должны были отвлечь внимание защитников от главной атаки – против ворот Пятницкой башни⁵⁵ (рис. 4).

«Повесть» сообщает, что атакующие, приближаясь к воротам, были удивлены тем, что «из града противу им возбранение ничтоже творяще, но тихост во граде велия бяше, и от пребывающих в нем никако же гласа слышашесе». Они, будто бы даже решили, что все жители, как и предполагал Вишневецкий, бежали в леса. Но когда они попытались ударить в ворота тараном («барсом»), их встретил слаженный мощный залп и в итоге «от множества огненного пушечного и всякого оружия стреляния ... в том месте у врат и от града на многом месте ни един же от противных у града жив остася, но вси от великия стрельбы побиени быша». Однако отражение первого натиска не остановило атакующих, которые начали «велим приступным ратованием града достигати и всю ночь непрестающе з дву страну

⁵² Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 151, 152.

⁵³ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 151, 154.

⁵⁴ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 152.

⁵⁵ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 152.

приступаша и видяще свое велие от граждан побеждение и множество людей побиение в наитие света от града отступиша»⁵⁶.

Согласно отписке П.Г. Ромодановского, осаждающие «к городу приступали с пушками, и с приметы, с тшурмы, и с турами, и с щитами беспрестани жестокими приступы»⁵⁷. Сведения о применении осадных орудий содержатся и в «Повести». Там говорится, что враги «приближишася ко вратом града и хотяще устроенным древом, рекомым барсом, во врата градныя ударити»⁵⁸. Упоминание о «примётах» свидетельствует о попытках осаждающих поджечь крепостной частокол, используя, скорее всего, дерево из разобранных домов посада. Щиты-мантелеты, также сооружённые, видимо, из подручного материала, прикрывали от огня защитников атакующую пехоту. Сложнее дело обстоит с упоминанием «туров» – осадных башен. Вряд ли у Вишневецкого было время на сооружение подобных громоздких осадных конструкций, которые, к тому же, были бы малоэффективны в условиях местного рельефа. Скорее всего, в данном случае этот термин используется в другом своём значении: плетёные сооружения, наполненные землёй и мелкими камнями для защиты от пуль⁵⁹. И остаётся совершенно неясно, что скрывается под термином «тшурмы». Возможно, под этим словом в отписке подразумеваются штурмовые лестницы.

Таким образом, на протяжении ночи с 12 на 13 января Курск выдержал ожесточённый штурм превосходящих

сил противника, который осуществлялся одновременно сначала с трёх, а затем с двух сторон. На рассвете приступ прекратился и войска отошли от стен крепости, расположившись у города двумя таборами⁶⁰. Можно предположить, что один из осадных лагерей принадлежал казакам Лаверки, а в другом размещались войска Вишневецкого и Сеножацкого.

Вплоть до 15 января Вишневецкий предпринимал безуспешные попытки захватить крепость. События этих дней осады нашли отражение в «Повести» только в виде рассказа о чудесах, явленных Богородицей, которые якобы поведали «из полку от противных взятые языки»⁶¹. О захваченных пленниках упоминает в своей отписке и П.Г. Ромодановский. По его словам, осаждённые вели активную оборону, совершая удачные вылазки: «на приступах и на вылозках многих литовских людей побили, и языки поимали, и литовские, государь, люди от города отошли»⁶². В Лохвицу, согласно показаниям Афоньки Глухарёва, войска Вишневецкого возвратились «генваря в 23-день, и литовские де люди все пошли по своим городкам»⁶³.

Свидетельством разорения пригородных слобод Курска может, вероятно, послужить один из хозяйственных объектов, выявленных в ходе раскопок 2008 г. на территории Троицкой Закурной слободы.

Данный объект, яма 121, имел подквадратные очертания, размеры 3,8 × 3,6 м при глубине ок. 0,4 м в центральной части и до 0,68 м вдоль западной и северной стенок, отвесные стенки

⁵⁶ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 152.

⁵⁷ Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. С. 89.

⁵⁸ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 153.

⁵⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30 (Томь–Уберечися). М., 2015. С. 232.

⁶⁰ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. С. 158.

⁶¹ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 153–155.

⁶² Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. С. 89.

⁶³ Акты Московского государства. Т. I. С. 576.

и плоское неровное дно (рис. 5). Котлован был значительно повреждён позднейшими перекопами (ямы 120 и 124). В заполнении прослеживалась мощная углистая прослойка. Само заполнение – светло-серый суглинок, насыщенный перегнившей органикой, содержало многочисленные обломки костей животных, куски шлака чёрного и цветных металлов, осколки стекла (рис. 7), фрагменты изразцов, мергеля, обмазки и угли.

В пределах объекта обнаружены 3 фрагмента лепной керамики (в т. ч. 2 венчика) и 997 фрагментов круговой керамики (в т. ч. 59 венчиков), включая 6 фрагментов раннекруговой керамики (рис. 6). Подавляющее большинство керамического материала датируется XVII в. К числу индивидуальных находок относятся серьга из медного сплава, пять фрагментов обработанной кожи, железный навесной замок, фрагмент опиленного рога и серебряная монета (рис. 8).

Особый интерес среди данных находок представляет именно монета (рис. 8: 1). Это полторака (полтора гроша), отчеканенный в королевстве Польском в период правления короля Сигизмунда III Вазы на монетном дворе Быдгоща в 1623 г. Диаметр – 19 мм, вес – 0,75 г.

Аверс: щит, разделенный на 5 частей: в центре герб рода Ваза (сноп), по сторонам 2 польских орла и 2 литовские «Погони». Под щитом расположена цифра «3» (3 полугроша). Круговая легенда: «S..... 3 D G REX P M D L (Сигизмунд III, Божьей милостью король Польши, Великий князь литовский).

Реверс: в центре королевское яблоко (держава), в нем цифра 24, означающая 1/24 часть талера (двойка потерта). Под крестом расположены две последние цифры даты – 23. Под яблоком герб

«Сас» Николая Даниловича, подскарбия великого коронного (1616–1624), потерт. Круговая легенда: «.MONE.... O. REG. POLO.» (монета новая Королевства Польского). Соотношение сторон ↑↘.

Исходя из характера заполнения объекта и состава содержащихся в нём находок, яму 121 можно охарактеризовать, как остатки сгоревшей хозяйственной постройки (сарай для скота) и датировать первой половиной XVII в. Находка полторака позволяет предположить, что, если исключить версию бытового пожара, постройка могла быть сожжена во время Смоленской войны в ходе одной из осад города.

Потери защитников Курска, населения посада и пригородных слобод в настоящее время остаются неизвестны. О потерях осаждающих «Повесть» сообщает, что Вишневецкий увидел «на первом и на втором приступах множество вои своих яко до семи тысяч побитых»⁶⁴. Эту, несомненно, значительно преувеличенную цифру потерь несколько корректируют показания бежавшего из плена путивльского посадского человека Афоньки Денисова сына Глухарёва. Он был взят в плен во время последней осады Путивля и всё это время жил в Лохвице. В Курск он вернулся по сакме, пробитой войском Вишневецкого, явившись к воеводе 29 января. Он сообщил, что «слышал-де он, Афонька, в розговоре в Лохвице у запорожского казака, у которого он жил, у Семёна: как-де приходил под Курск Вишневецкий, и литовских-де людей побито на приступах под Курском тысячи с две и больше»⁶⁵.

Подобный объём боевых потерь дополнительно подчёркивает значимость курского похода среди других аналогичных событий Смоленской войны на Северщине.

⁶⁴ Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. С. 154.

⁶⁵ Акты Московского государства. Т. I. С. 576.

Рис. 1. Окрестности Курска на карте 1785 г.

1. Исторический центр города – место крепости XVII в.; 2. «Верх Глинище»; 3. Великий перевоз; 4. Устье Моквы и Жернявский перевоз; 5. Цветов Колодезь.

Рис. 2. Исторический центр города и урочище Глинище на плане Курска 1782 г.

Рис. 3. Движение войск Вишневецкого на Курск. Схема на основе карты 1785 г.

Рис. 4. Штурм Курска войсками Вишневецкого. Схема на основе плана 1782 г.

Рис. 5. Яма 121 и соседние объекты. Раскопки 2008 г.

Рис. 6. Керамический материал ямы 121. I. 1–48 – керамика пл. 1; 49–60 – керамика пл. 2; 61–63 – керамика пл. 3. II. Фрагмент изразца (пл. 1).

Рис. 7. Фрагменты стеклянных изделий (я. 121, пл. 1).

Рис. 8. Индивидуальные находки ямы 121. 1. Монета полоторак 1623 г.; 2. Замок навесной; 3. Серьга; 4. Фрагмент опиленного рога; 5. Изделие железное. 1 – серебро; 3, 5 – железо; 3 – медный сплав; 4 – рог.

К ВОПРОСУ О ВОЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ И СТРАТЕГИЯХ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА¹

УДК 355.43
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.171-179

© 2019 г. Илюшин Б.А. (arunta-desert@yandex.ru), м.н.с.,
Лаборатория гуманитарных исследований НГУ,
Новосибирск, Россия.

Резюме: В статье рассматриваются военный потенциал Казанского ханства, показателем уровня которого является численность воинов, а также изменение основной военной стратегии в отношении главного военно-политического противника – Московского государства. Анализ источников и теоретические разработки специалистов позволяют сделать вывод о том, что численность профессиональных воинов ханства не могла превышать 3–4 тыс. человек. Характер военных конфликтов, в которых участвовало ханство до начала XVI в., позволяет предположить, что в них ещё не принимало массовое участие ополчение, которое, однако, также насчитывало не более 10 тыс. человек. Было прослежено изменение основной стратегии в войнах с Москвой и сделан вывод о причинах неудачности казанской наступательной стратегии.

Ключевые слова: XV–XVI вв., военное дело, Казанское ханство, русско-татарские войны.

On the issue of military potential and strategies of the Kazan Khanate.
© 2019 Ilushin B.A. (arunta-desert@yandex.ru), Junior Staff Scientist,
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Abstract: The article deals with the military potential of the Kazan Khanate (the indicator of its level is the number of warriors) and changes of the military strategy in relation to the main political and military opponent of khanate, the Moscow state. The analysis of sources and theoretical concepts of experts allow to draw a conclusion that the number of professional warriors of the khanate could not exceed 3–4 thousand people. The characteristic of the military conflicts in which the khanate participated before the beginning of the 16th century suggests that the militia has not been actively involved in wars yet (but it numbered no more than 10 thousand people). We analyzed the change in the basic strategy in the wars with Moscow and we concluded about the reasons of failure of the Kazan offensive strategy.

Keywords: 15th–16th centuries, Warfare, Kazan khanate, Russian-Tatar wars.

Вопрос о военном потенциале Казанского ханства труден из-за отсутствия сколько-нибудь точных данных о численности его вооружённых сил. Если в случае с Крымским ханством источники содержат немало подобной информации и цифры, близкие к реальным (поскольку, например, отписки «украинных» станичников и воевод о численности вторгавшихся крымских отрядов и войск, сосчитанной по сакмам или «на глаз» должны были в значительной степени отображать реальное положение), то по казанским ратям такие данные единичны и сообщают лишь о небольших контингентах. Данные же нарративов не могут претендовать на какую-либо объективность. В них зачастую содержатся цифры, фантастичность которых становится понятной при минимально критичном взгляде.

В историографии вопрос о численности казанского войска, как правило, не поднимался. Отчасти это было связано и с преобладающей идеей о Казанском ханстве как об агрессоре, победа над которым далась с большим трудом. Отсюда и не критичное восприятие встречающихся в источниках сообщений о десятках тысяч татар.

Даже в недавней фундаментальной «Истории татар» заявлено, что общая численность вооружённых сил Казанского ханства могла достигать 50 тыс. человек и более, но это только в случае тотальной мобилизации; в реаль-

ных условиях она вряд ли превышала 25–30 тыс. воинов².

Эти цифры видятся нам сильно завышенными и не совсем корректными. Мобилизационный потенциал Казанского ханства нужно сравнивать с московским, который более-менее известен. А даже во времена Ивана Грозного походное войско численностью в 30–50 тыс. собиралось с трудом, поскольку требовало сильного напряжения ресурсов. И это при общей численности населения в 5–6 млн. чел.³ Причём значительную часть этого войска составляли стрельцы, казаки, пушкары, послужилыцы и кошевая «прислуга» (отсутствовавшие в походной казанской рати), т.е. численность собственно русской поместной конницы должна была быть ниже – тысяч с 20. В Казанском же ханстве к началу XVI в. проживало вряд ли более 500 тыс. чел. (к нач. XVIII в. коренное население Среднего Поволжья исчислялось 700 тыс. – это после полутора веков относительно мирной жизни)⁴. Следовательно, выставить для дальнего конного похода Казанское ханство могло от силы 3–4 тыс. конницы, максимум 5 тыс.

Анализ же казанских набегов на восточные окраины Руси, проведённый М.А. Несиным, показывает, что в них были задействованы малочисленные и подвижные конные отряды⁵.

Можно вспомнить тут и редкие сообщения летописей о численности

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

² История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 698.

³ Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 328–359; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. С. 82–83, 90.

⁴ История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. С. 751; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография, 1980. № 6. С. 18–34.

⁵ Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 461. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (20.01.2020). Ранее это же отмечал (однако, без детального анализа) М.Г. Худяков (Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. М., ИИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. С. 100).

казанских войск в XV в. При Улу-Мухаммеде в бою под Суздалем в 1445 г. было около 3,5 тыс. воинов⁶. В набеге на Устюг в 1446 г. участвовал «царев двор» – 700 человек⁷. В поход на Вятку 1489 г. вассальный хан Мухаммед-Эмин по запросу Москвы направил 700 воинов⁸.

Ещё одним показателем малочисленности служилого сословия в ханстве является весьма скромная численность казанских служилых князей, мурз и татар, находившихся на русской службе после 1552 г. Во время Ливонской войны в источниках фигурирует менее 300 казанских служилых татар (можно предположить, что именно они входили в состав военно-служилого сословия – держателей сюргалов); вместе со свияжскими татарами они насчитывали 650 чел., а с чебоксарскими и кокшайскими «татарами» (в основном – этническими марийцами и чувашами) – 1 300 человек⁹.

Конечно, большинство мурз и казаков погибло во время захвата ханства и в Черемисских войнах, но сообщения летописей о переходе на русскую службу большого количества татарских и черемисских воинов¹⁰ говорит скорее о том, что эти несколько сотен составляли значительную часть от бывшего служилого сословия ханства.

Можно вспомнить тут и сообщения об участии казанских контингентов в войнах Русского государства. В поход

на Вятку 1489 г. вассальный хан Мухаммед-Эмин по запросу Москвы направил 700 воинов¹¹.

В случае «угрозы национальной безопасности» русские князья могли рассчитывать не только на силы удельных князей, бояр и поместного войска, но и на ополчение из народа, однако собрать такую силу можно было лишь на непродолжительный срок, для решения конкретной задачи¹². Казанская элита также могла поднять на защиту столицы ополчение из татар, марийцев, чувашей и др. жителей ханства, но и тогда нельзя было бы набрать 50 тыс. ратников (притом, что подавляющая их часть в любом случае была пешей, с минимальным вооружением и неприспособленная для походов), поскольку это – 1/10 от всего населения. Допускать её равносильно утверждению, что при тотальной мобилизации населения Московское государство могло выставить 500–600-тысячное войско, что, конечно, невозможно. По оценкам В.В. Пенского, в правление Ивана Грозного общая численность ратников, включая «полукомбатантов» из кошевых, посошных людей и др., могла достигать 100 тыс. человек¹³, т.е. 1/50 от всего населения царства. Продолжая аналогию с западным соседом, можно предположить, что Казанское ханство в рассматриваемый нами период в случае экстренной ситуации могло выставить 10 тыс., максимум

⁶ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6, Вып. 2. Ст. 103–106; Летописный свод конца XV века... // ПСРЛ. Т. 25. С. 262–263.

⁷ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 87–88.

⁸ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 50; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 293–303.

⁹ В Ливонскую войну отмечено 226 (Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. С. 41–42; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1982. С. 473–474; Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) / Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1962. С. 267–269).

¹⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. С. 200, 202; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965. С. 61.

¹¹ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. С. 50; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. Второе издание. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 293–303.

¹² Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. С. 78–79.

¹³ Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. С. 83–93.

15 тыс. ратников. Тут можно для сравнения привести цифры о численности военнообязанных ясачных инородцев Казанского края (без нескольких сотен служилых татар и тарханов), известные по разрядным книгам за 1625–1627 гг. С трёх дворов чуваши и марийцы должны были выставлять на войну по человеку; в указанные годы таких насчитывалось около 7 057 человек¹⁴.

Кроме того, на случай осады Казани можно предполагать участие в защите укреплений дееспособной части горожан. По современным оценкам к середине XVI в. в Казани проживало около 10–12 тыс. человек¹⁵. Допуская, что в защите города участвовало от 1/5 до 1/4 части населения, получаем максимум 3 тыс. человек.

Всего, таким образом, Казанское ханство располагало приблизительно 15–17 тыс. потенциально боеспособных человек.

Отметим, что основная стратегия ханства в последней четверти XV – первой трети XVI вв. сводилась к обороне столицы. Попытки реализации наступательной стратегии в 1505, 1521 и 1523 гг., опять же, показывают ограниченность людских ресурсов ханства. По сути казанская наступательная стратегия в первой трети XVI в. сводилась к редким набегам на русские окраины. Более серьёзные предприятия уже не удавались в силу подавляющего численного превосходства русских войск. Возможно также, что до того времени основная масса казанской правящей элиты попросту не имела опыта крупномасштабной войны и не выработала ещё наступательной стратегии (населению Булгарского улуса редко приходилось участвовать в войнах, и даже

после прихода в Казань хана с татарским войском в походах на Русь были задействованы в основном именно эти, иноземные силы).

Поэтому справедливо и замечание А.И. Филюшкина о казанцах: вооружённые силы ханства были значительно меньше русских, и они не могли решать стратегические задачи. Набеги на русские территории и оборона им удавались, но никак не захват стратегически важных городов и крепостей с последующим освоением прилегающей местности, как это практиковали русские люди¹⁶.

Важнейшим элементом в оборонной стратегии Казанского ханства были каменные стены, возникшие ещё в XII–XIII вв., разрушенные монголами, а затем восстановленные в XIV в. К началу XVI в. кирпично-каменные стены и башни были реконструированы и усилены¹⁷.

Конечно, для обороны укрепленного города от неприятеля, более половины ратников которого – пешие, подходило и ополчение, в основной массе также пешее и вооружённое охотничьим оружием. Однако опыт показывал, что первейшей задачей защитников Казани было недопущение самой осады, поскольку русские воеводы и ратники с их пушками и познаниями в осадном деле могли город взять, что и случилось в 1487 г. И тут необходима была конница. Другая проблема, стоявшая перед защитниками – собственная артиллерия, которая имела у противника и, как правило, отсутствовала в Казани. Ко времени Василия III Московское государство стало одной из ведущих «пороховых» держав, а в ханстве не было своего производства ни пушек, ни «зелья» и ядер. Закупка и

¹⁴ Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные. Т. I // СПб.: 1853. Ст. 1143–1148, 1250–1255, 1358–1362.

¹⁵ История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. С. 380.

¹⁶ Филюшкин А.И. Василий III / серия ЖЗЛ // М.: Молодая гвардия, 2010. С. 107.

¹⁷ История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. С. 618.

доставка артиллерии в других странах также, судя по всему, не удалась. Получить из Крыма отряды «стрельцов» также не вышло, что можно считать существенным стратегическим просчётом казанской верхушки.

Источники позволяют сделать вывод о некоторой эволюции военного потенциала ханства, его мобилизационных возможностях и отношении к войне широких масс населения. Рассмотрим историю московско-казанских конфликтов начиная с прихода Улу-Мухаммеда на русские окраины.

В декабре 1437 г. под Белёвом, у которого обосновалась орда Улу-Мухаммеда, будущего основателя династии казанских ханов, татары разгромили численно превосходящие их русские полки¹⁸.

В 1439 г. Махмутек в течение 10 дней стоял под Москвой, в то время, как Василий II пытался собрать против него рать. Затем отошёл¹⁹.

В начале 1445 г. Улу-Мухаммед с ордой обосновался у запустевшего старого Нижнего Новгорода, и его татары повоевали окрестности Муром, Гороховца и Луха. Под первыми двумя городами они были побиты подоспевшими великокняжескими ратями. Весной же «орда» Улу-Мухаммеда, видимо, пополнилась за счёт 2 тыс. казаков из Черкас; ряд исследователей понимает под этим топонимом Северный Кавказ, однако в данном случае всё же имеется в виду город Черкассы и его окрестности, т.е. Поднепровье, центральная часть современной Украины²⁰. Следу-

ет обратить внимание на то, что своё войско Улу-Мухаммед пополнял выходцами из степных районов, а совсем не оседлыми жителями Среднего Поволжья (на это обратил внимание ещё П.Н. Павлов)²¹.

Летом того же года произошла битва под Суздалем, когда русские полки были разгромлены, в том числе из-за численного перевеса неприятеля: полторы тысячи русских ратников (на помощь которым не успел служилый царевич Бердедат и не пришёл Дмитрий Шемяка) против «полчетыре тысячи» татар (3,5 тыс.), причём отмечается, что татар было побито много – 500 чел. Сам Василий II попал в плен²².

В 1448 г. Махмуд-хан казанский повоевал окрестности Владимира, Муром и других восточных городов. Против татар было послано войско. Крупных сражений, видимо, не было, поскольку летопись об этом не сообщает. Значит, татары были отогнаны²³.

В 1448–1461 гг., видимо, между государствами сохранялся мир. В 1461 г. Василий II выехал во Владимир, «заратившись» с Махмудом, но подробности этого конфликта неизвестны²⁴. Продолжением его, видимо, был поход русской судовой рати из устюжан, галичан и вологжан на черемисов (по Вятке, Каме и на Пермь) в 1462 г. Судя по всему, в ответ казанцы и черемисы организовали набег на Устюжский уезд, однако на обратном пути были настигнуты устюжанами и разбиты²⁵.

После этого стратегическая инициатива полностью переходит к русской

¹⁸ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л., 1949. С. 260.

¹⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л., 1949. С. 260–261.

²⁰ Воротынец Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. №1. С. 114–116.

²¹ Павлов Н.П. Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красно-ярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 161.

²² Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6, Вып. 2. / подг. текста С.Н. Кистерева и Л.А. Тимошиной, предисл. Б.М. Клосса. М., 2001. Ст. 103–106; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л., 1949. С. 262–263; Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города // отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; 2018. С. 53.

²³ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л., 1949. С. 269.

²⁴ Московский летописный свод конца XV века. С. 277.

²⁵ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 46, 107, 134; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 7–21.

стороне. В годы правления Ивана III последовала череда походов на Казань, показавших военное превосходство русских полков над казанцами.

Во время первого русского похода на Казань в 1467–1469 гг. плохо продуманное мероприятие окончилось безрезультатно, поскольку предполагалось, что Касыма поддержит часть казанской элиты, однако вместо открытых ворот его и князя Оболенского ожидала татарская рать с ханом Ибрагимом, не позволившая даже переправиться через Волгу под Казанью²⁶. Затем начался обмен ударами между русской и татарской сторонами с разорением окраинных земель. Москвой в 1469 г. были предприняты два похода на столицу ханства. В обоих случаях на Казань двигались конная и судовая рати, но в первом они действовали на разных операционных направлениях (конница шла вдоль Волги, а суда – с севера, по Вятке и Каме), что привело к неудаче. Во втором случае конная и судовая рати шли к Казани по Волге, благодаря чему достигнуто было взаимодействие между ними, и все силы смогли нанести одновременный удар по городу. Хан запросил мира²⁷.

Поход 1478 г. слишком скудно освещён в источниках, чтоб пытаться его реконструировать. Ясно лишь, что по Волге прошла судовая рать с «нарядом» и пожгла окрестности Казани. Какие-то силы действовали и на Каме. После этого татары запросили мира.

Во время следующего похода в 1482 г. снова были созданы две группы войск для действия на двух направлениях: западном (против самой Казани) и северном (на Вятке). Судовая рать из Нижнего Новгорода должна была идти под Казань с «нарядом» (русская

артиллерия в дальнем судовом походе участвовала впервые). Демонстрации силы оказалось достаточным для того, чтоб казанцы снова запросили мира.

В 1487 г. все силы были развёрнуты на одном операционном направлении и с самого начала было достигнуто взаимодействие между конным и судовым контингентами. Был учтён и предыдущий опыт. Обе рати подошли к столице ханства одновременно. Результатом стало взятие Казани²⁸. Такая стратегия и стала основной в казанских походах, однако осуществить её почти никогда не удавалось из-за противодействия казанцев. Последние также успели выработать стратегию по противодействию русским вторжениям. В Казани запиралась некоторая часть войска, упорно отражавшая атаки, а конница оставалась вне города и наносила удары по осаждавшим или подходящим русским ратям, что приносило большой урон противнику²⁹. Важнейшей задачей было недопущение самой осады, но сделать это при численном перевесе русских полков было затруднительно. К тому же источник экономической силы ханства – Волга, была одновременно и его военно-стратегической слабостью, поскольку позволяла основному противнику сравнительно легко доставить под Казань значительное количество войск, боеприпасов и провианта.

Последовательно и активно осуществлять наступательную стратегию начал только Сафа-Гирей со второй половины 30-х гг. XVI в. Учащение набегов на восточные «украины» Московского царства, вероятно, имело целью вынудить противника принять свои условия мира, в частности, отказаться от посягательств на самостоятельность

²⁶ Московский летописный свод конца XV века. С. 279; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 37.

²⁷ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 60–63, 85–87.

²⁸ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 209–214, 270–271, 280–293.

²⁹ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 291, 293.

казанского хана и его связи с Крымом. Подобная стратегия постоянно использовалась русскими политиками и полководцами в войнах с литовцами, шведами и ливонцами: максимальное разорение сельской местности и увод в полон населения с избеганием генерального сражения и последующим навязыванием выгодных условий мира³⁰. Так и Сафа-Гирей чередовал набеги с запросами о мире; кроме того, этого же от Москвы требовал крымский хан³¹.

Однако даже серия набегов, предпринятых Сафа-Гиреем, не смогла нанести Московскому государству настолько серьёзного ущерба, чтобы склонить к миру на казанских условиях и заставить свернуть резко экспансионистскую политику в отношении ханства. Причин могло быть несколько. Прежде всего, большие людские и материальные ресурсы Московского царства, позволявшие снова и снова посылать полки на Казань, и, в то же время, малочисленность казанских отрядов. Московская верхушка и (позже) молодой Иван IV проявили упорство в проведении прежней политической линии в отношении ханства. Вероятно, также сказалось не самое большое значение в экономике Московского государства восточных окраин и городов, окрестности которых подвергались набегам — это не центр и не богатый северо-запад. Более того, если посмотреть на географию набегов, то они в значительной степени были направлены на северные области, которые в недавнем прошлом были подчинены Казани или находились в сфере её влияния³² — пре-

жде всего, Пермь и Вятка, но были отбиты Иваном III. Сокращение притока мехов и других поступлений с северо-востока не наносили критического урона обороноспособности Московского государства, зато провоцировали ответные жёсткие действия против Казани.

Важно отметить ещё один принципиальный момент: в русско-казанских войнах XV в., судя по всему, не принимали участия широкие массы населения ханства. Поясним эту мысль.

Глубокие рейды казанско-татарских войск в 30-40-е (вплоть до Москвы), отчасти и в конце 60-х гг. XV в., ряд побед над русскими ратями в поле, показывают, что казанская конница имела, как минимум, военный паритет с русской конницей. После же этого мы видим череду военно-политических поражений казанцев (дважды демонстрации русской силы оказывалось достаточно, чтобы хан запросил мира, а в 80-е гг. Иван III и вовсе брал Казань и сажал в ней своего ставленника). Показательно, что для защиты от ногаев и оппозиционных князей Мухаммед-Эмин в 1496 г. и Абдул-Латиф в 1500 г. вынуждены были просить помощи у великого князя, причём для защиты своих ставленников тот посылал в обоих случаях, судя по всему, сравнительно небольшие отряды³³. Где же многочисленные войска из татар и черемисов, что в XVI в. неоднократно отбивали приступы к городу русских ратей, насчитывавших до 20 тыс. при Василии III, и даже до 50 тыс. при Иване Грозном? Выходит, их ещё не

³⁰ Пенской В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М.: Центрполиграф, 2017. С. 27–28; Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. // «Центрполиграф», 2017 (Новейшие исследования по истории России). С. 13.

³¹ Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. С. 122, 123, 125.

³² Крайний север и северо-восток Европы входил в сферу интересов ещё Волжской Булгарии.

³³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 12. Под ред. С.Ф. Платонова, С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. С. 249–250; Вологодско-пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 294; Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.–Л., 1963. С. 328; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1 // ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1977. С. 59; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 360–361.

было. По какой-то причине широкие массы населения не вставали на защиту своих земель, которым грозило неминуемое разграбление при ногайском вторжении. Напомним, что благодаря окончательному подчинению Москве всех восточно-русских государств и развитию поместной системы численность русского войска в правление Ивана III многократно возросла. В последней трети XV в. московские рати в 15–20 тыс. чел. уже не были исключительным явлением³⁴.

Это может объяснять переход стратегической инициативы к Москве и отмечаемое нами выше её военное превосходство над Казанским ханством в 70–90-е гг. XV в. Численность ханских вооружённых сил оставалась схожей с 40-ми гг. XV в., те же 3–4 тыс., а вот численность русских полков многократно увеличилась.

Однако к 1506 г. ситуация существенно поменялась. Кардинальное отличие войны 1506 г. от предыдущих русско-казанских конфликтов в том, что в ней приняли участие широкие народные массы жителей ханства. Посланное на Казань русское войско было для своего времени весьма значительным – до 20 тыс. воинов³⁵. Об этом говорит большое количество воевод (до 30), что сопоставимо с крупнейшим военным предприятием Ивана Грозного – Полоцким походом, в котором приняло участие более 30 тыс. (а, возможно, и 50 тыс.) ратников³⁶. Напомним, что русское войско, разгромившее на Куликовом поле силы Мамай, по наиболее обоснованным оценкам, также насчитывало от 10 до 30 тыс. ратников³⁷. И таких сил ока-

залось недостаточно в 1506, 1524 и 1530 гг., чтобы разгромить казанцев и взять их укреплённую столицу.

Исходя из этого, логично будет предположить, что к 1506 г. в ханстве были выработаны некие механизмы мобилизации ополчения татар, марийцев и других народов – как организационные, так, видимо, и идейные, а широкие массы выразили желание защищать Казань.

Далее, однако, можно наблюдать обратный процесс: в ходе постоянных московско-казанских войн черемисы, являвшиеся важным звеном в обороне ханства, и существенно затруднявшие продвижение русской конницы к Казани, постепенно начали переходить на русскую сторону (что было нами отмечено выше). Причин могло быть несколько: усталость от войн, во время которых страдали прежде всего их земли, недовольство политикой татарской правящей элиты и хана Сафа-Гирея, который в немалой степени сам провоцировал конфликты с Московским царством, переманивание русскими людьми на свою сторону родовой черемисской знати щедрыми подарками и др.

Помимо этого, в войнах 20–40-х гг. должен был быть в значительной степени подорван мобилизационный потенциал казанцев, и им всё труднее было сдерживать непрекращающийся напор многочисленного противника, которому в 1551 г. без больших проблем удалось возвести Свияжский острог всего в одном дневном переходе от Казани. Сказалось тут численное русское превосходство и упорство в проведении военно-политической

³⁴ Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. С. 79–80.

³⁵ Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. // Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. С. 63–64.

³⁶ Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. С. 82–83; Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 108 с.

³⁷ Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. С. 150–157.

линии (можно даже провести прямую аналогию между походами на Казань Ивана Грозного в 1547–1552 гг., и походами его отца на Смоленск в 1512–1514 гг.).

Всё это привело к подрыву военного потенциала ханства, которого в течении почти полувека было достаточно для противостояния более сильному и многочисленному противнику. Не должно вызывать удивление и то, что московским правителям приходилось посылать полки, столь превосходящие численностью защитников Казани – для успешной (до поры) обороны укрепленного города защит-

никам не обязательно иметь паритет в численности с неприятелем, который вынужден при осаде нести значительно большие потери.

Таким образом, в настоящей статье мы попытались на конкретных данных определить военный потенциал и основные виды военной стратегии Казанского ханства. Выводы, полученные нами, показывают, что это государство обладало скромным военным потенциалом и было значительно слабее основного военно-политического противника – Московского государства, даже с учётом поддержки крымских ханов и ногайских мурз.

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯСНЕНИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТИ «СОКОЛ» (ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ) ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛОЦКОМ ПОДВИНЬЕ.

УДК 904.22
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.180-192

© 2020 г. Климов М.В. (palatyda@tut.by),
Институт истории Национальной Академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь.

Резюме: В статье приводятся данные, полученные в результате археологических работ 2016–2017 гг. на месте бывшей крепости Ивана IV Грозного – Сокол, расположенной возле д. Кульнёво Россонского района Республики Беларусь. В результате проведенных работ автору статьи удалось доказать ошибочность ранее распространённой версии о нахождении крепости непосредственно в месте слияния двух рек Дриссы и Ници, как показано на гравюре XVI в. Руководствуясь этим изображением, ряд историков и археологов ошибочно видели в природной гряде, расположенной возле слияния рек вал крепости и не правильно очерчивали её границы. В результате археологических раскопок были найдены доказательства (остатки фортификационных сооружений и жилых построек, бытовые вещи, оружие) возле левого берега р. Ници, за 300–350 м от первоначально предполагаемого места Сокола.

Ключевые слова: Ливонская война, Сокол, крепости Ивана Грозного, стрельцы, дети боярские, ландскнехты, ров, вал, пули, наконечники стрел, подковы.

*Myths and reality in the process of determining the location
of the sokol fortress (the period of the livonian war) on the
results of the latest archaeological research in polotsk dvina region.*

© 2020 Klimov M.V. (palatyda@tut.by),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus.

Abstract: The article presents data obtained as a result of archaeological work of 2016–2017 on the site of the former fortress of Ivan IV the Terrible named Sokol, located near the village of Kulnevo of the Rossony district of the Republic of Belarus. As a result of the work done, the author of the article was able to prove the fallacy of the previously common version of finding the fortress directly at the confluence of the two rivers Drissa and Nischi, as shown in an engraving of the 16th century. Guided by this image, a number of historians and archaeologists mistakenly saw in the natural ridge, located near the confluence of the river shaft of the fortress and not correctly outlined its boundaries. As a result of archaeological excavations, evidence was found (remnants of fortifications and residential buildings, household items, weapons) near the left bank of the river Nischi, 350–400 m from the originally intended location of the Sokol.

Keywords: Livonian War, Sokol, fortresses of Ivan the Terrible, archers, boyar children, landsknechts, ditch, shaft, bullets, arrowheads, horseshoes.

Период Ливонской (Инфлянтской) войны довольно хорошо изучен, т.к. тем или иным образом затрагивал время правления Ивана IV Грозного, на последний период которого эта война и оказала воздействие. Как известно, во время указанной войны войсками Ивана IV была занята северная часть современной территории Беларуси, входившей в состав ВКЛ и в частности, 15 февраля 1563 г. – Полоцк. По мнению Р. Скрынникова взятие Полоцка явилось высшим успехом России в Ливонской войне¹.

Можно предполагать, что первоначально не планировалось строить какие-либо укрепленные пункты за пределами Полоцка, т.к. захват Полоцка обозначал то, что весь повет переходил в руки московской администрации о чём свидетельствовали как дипломатические переговоры так и то, что вся армия оставалась в Полоцке². К тому же, добавление к титулу русского царя приставки «великий князь полоцкий» не оставляло сомнений в намерениях Ивана IV относительно будущего захваченных земель³. Однако Чашникская битва (битва под Улой) в 1564 г., затягивание войны и строительство новых оборонительных сооружений со стороны властей ВКЛ способствовали изменениям, которые привели к появлению деревянных крепостей вокруг Полоцка. По мнению А.И. Филюшкина, историю Полоцкого уезда в 1563–1579 гг. в составе Российского государства можно представить в качестве примера поиска русским правительством форм и способов интеграции новых земель в состав

единой страны⁴. И крепостям в этом процессе принадлежала ведущая роль. На захваченных землях крепости должны были укрепить положение российской власти в сельской округе Полоцка, поддерживать контроль за коммуникациями, противодействовать войскам ВКЛ в действиях вокруг Полоцка. Итак, войсками Ивана IV в период с 1564 по 1566 гг. вокруг Полоцка были построены 7 основных крепостей⁵. В источниках приводятся их названия⁶. О шести из выше указанных крепостей, кроме Нещерды, можно с оговорками судить по гравюрам, сделанным на основе рисунков С. Пахоловицкого (рис. 1: А). Эти крепости хорошо были известны за пределами Полоцкой земли и позднее не раз помещались на европейских картах, в том числе известной, Радзивилловской карте 1613 г. Из выше приведенных крепостей Сокол являлся одной из самых больших (рис. 1: А, 1).

Коротко остановимся на вопросе о названии крепости. Названия крепостей были даны прежде всего по названиям населенных пунктов (Ситно, Казьян) или рек, озёр находящихся рядом (Туровля, Нещерда, Красный, Суша). Относительно Сокола следует сказать, что название крепости Сокол связано не с названиями рек, а населенного пункта, который вероятно имел название Соколище. В этом плане показательно то, что в Полоцкой ревизии 1552 г. какой-либо населенный пункт с таким названием отсутствует. Упоминается только «Соколинская земля», которая относилась к двору Ореховно⁷ и никаким обра-

¹ Скрынников Р. Иван Грозный. М., 2002. С. 115.

² Янушкевич А.И. Ливонская война 1558 – 1570 гг. и Великое княжество Литовское. Минск, 2013. С. 77–78.

³ Зымин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. Москва, 1982. С. 99.

⁴ Филюшкин А.И. Завоевание Полоцкой земли Иваном Грозным как опыт формирования имперских практик (освоение территории и формирование границы) // Беларускае Падзвінне : вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. Навук.- практ. канф., Полацк. 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. Наваполацк, 2016. Ч. 2. С. 29.

⁵ В данной публикации не анализируются вопросы, связанные с укреплениями в Полоцке, под Полоцком (не идентифицированы), Уле, Усвятах, Езерище.

⁶ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб, 1889. С. 52.

⁷ В Полоцкой ревизии относительно данного фрагмента упоминается озеро, что в большей степени соответствует местоположению д. Ореховно на берегу одноименного озера, в Ушачском районе, за 60 км на юг от современной деревни Соколище.

зом не была связана с существующим микрорегионом⁸. В то же время согласно статистическим данным относительно Витебской губернии в 1906 г. упоминается в Полоцком уезде три имения с одинаковым названием «Соколище», принадлежащим трём различным дворянам и находящимся между собой на расстоянии от 2 до 4 км⁹. В настоящее время существует только один населенный пункт с таким названием. Таким образом, на данный момент остается неизвестным местоположение того поселения, от которого крепость Сокол получила своё название. Более понятно, почему крепость строилась именно в микрорегионе слияния Дриссы и Нищи. Можно согласиться с мнением А.И. Янушкевича в том, что Сокол прикрывал московскую зону влияния на западе – со стороны замков ВКЛ: Дисны и Дриссы¹⁰. Обратимся к рассмотрению заявленной проблемы, а именно, выяснению точного месторасположения крепости Сокол, что позволит проиллюстрировать процесс движения от мифа к истине.

Наличие гравюр в определенной степени содействовало становлению мифологической традиции в процессе восприятия внешнего вида крепостей, в том числе и Сокола. Это обстоятельство привело к тому, что большинство исследователей так или иначе судивших о крепостях не стремились посетить места их возможного расположения, поэтому ещё в историографической традиции до 1917 г. закреп-

пился «стиль» рассуждения о крепости Сокол без посещения места событий¹¹. В этом плане очень показателен пример А. Сементовского, который относительно Сокола писал следующее: «Замок этот был одним из сильнейших: он имел одиннадцать башен и был окружен деревянной стеной, валом и рвом. Следы последних существовали ещё не так давно, а быть может существуют и поныне»¹². Но даже при «чтении гравюры» происходили досадные опечатки. Так А. Сапунов почему-то писал, что у Сокола кроме стен, валов и рвов было всего 4 башни¹³. Традиция «чтения гравюры» продолжилась и позднее. В своей известной работе Б. Брэжго утверждал о наличии в Соколе валов, рвов и 11 башен¹⁴. Даже в одной из последних энциклопедических статей, её автор описывает замок Сокол исходя из гравюры, отмечая его размещение на мысу при слиянии рек Нищи и Дриссы, наличие 10 башен на высоких насыпях, ворот и плотной застройки¹⁵. Тоже можно наблюдать и в публикациях современных российских историков¹⁶. Таким образом, можно заключить, что существование изображения крепости на гравюре избавляло историков от необходимости вдаваться в поиски крепости, её расположения, всё казалось очевидным.

Рассмотрение гравюры не оставляло сомнения, что крепость Сокол реально находилась на мысу, образованном слиянием Дриссы и Нищи, кроме того была соединена с Дриссой боль-

⁸ Полоцкая ревизия 1552 г. / Под ред. И.М. Лаппо. Минск, 1905. Полоцкая ревизия 1552 г. / Под ред. И.М. Лаппо. Минск, 1905. С. 146.

⁹ Список населённых мест Витебской губернии. Витебск, 1906. С. 306–307.

¹⁰ Янушкевич А.И. Ливонская война... С. 104.

¹¹ Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб, 1855. С. 127–128.

¹² Сементовский А.М. Белорусские древности. Вып. 1. СПб, 1890. С. 56.

¹³ Сапунов А.П. Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Грозного после завоевания Полоцка в 1563 году. С 6-ю рисунками // Полоцко-Витебская старина. Вып. 2. 1912. С. 312.

¹⁴ Брэжго Б. Замкі Віцебшчыны. Вільня, 1933. С. 35.

¹⁵ Якімовіч Ю. Сокал // Вялікае княства Літоўскае : Энциклапедыя. У 2 т. Т. 2. Мінск, 2006. С. 618–619.

¹⁶ Пенской В.В. Взятие крепости Сокол войсками Стефана Батория в кампанию 1579 г. // Вопросы истории фортификации. М. – СПб., 2013. С. 40–41.

шим рвом (рис. 1: А). Такое восприятие местоположения крепости Сокол отразилось и на выводах, сделанных по результатам первой археологической экспедиции, отправившейся в 1948 г. на обследование крепостей, которой руководил М.Г. Рабинович. Показательна и актуальна цель экспедиции – найти артефакты с узкой датировкой для хронологической атрибуции подобных находок в Москве. Однако начиная с этой экспедиции в археологических кругах установилось мнение о том, что крепость располагалась при слиянии Дриссы и Нищи¹⁷. На основе осмотра места предполагаемой крепости у слияния вышеуказанных рек археолог «увидел» остатки валов и высказал парадоксальное предположение, приняв за вал природную грядку (рис. 1: В, 1): «Вал особенно хорошо сохранился с западной стороны. Он достигает здесь высоты 11 м, ширины по верху 17 м, у основания 46 м. Наверху вала в окопе обнаруживается слой пережженной черной земли с золой, мощностью 0,9–1,1 м. В этом слое, очевидно, являющимся следом пажара крепости, попадаются человеческие кости плохой сохранности, изредка, керамика»¹⁸. Позднее примеру М.Г. Рабиновича последовал аспирант Института истории НАН БССР М.А. Ткачев. В 1969 г. им были проведены шурфовочные работы на мысу, в результате которых были обнаружены те же материалы, на которые обратил внимание московский археолог, а именно: обожженные человеческие кости и невыразительные фрагменты керамики.

Относительно крепости М.А. Ткачёв развил выводы М.Г. Рабиновича, что

проявилось в следующих положениях. Восточная часть гряды воспринималась как напольная сторона крепости. По левому берегу Нищи наблюдались остатки рвов. На восток от гряды просматривались остатки рва, длиной около 50 м, шириной до 11 м и глубиной до 2 м, который соединял Дриссу с крепостью¹⁹. На основе этих исследований и была обоснована общая «археологическая» концепция о местоположении крепости Сокол, которая повторялась позже исследований М.А. Ткачева в нескольких публикациях. В одной из них крепость с двух сторон прикрывали реки, а с третьего – остров (гряда), высотой около 10 м²⁰.

Последняя попытка всестороннего анализа местоположения и планировки крепости в исторической литературе была предпринята А.И. Филюшкиным в монографии, посвященной Полоцкому региону во время Ливонской войны. Автор удивительным образом в природной гряде увидел внутренний вал крепости, разделявший её на две половины. На основании этого историк сделал изумительный вывод, который состоял в следующем: «Возможно вал в Соколе играл ту же роль, что в Ивангороде, каменная стена закрывавшая город от обстрела с «Длинного Германа» Нарвского замка»²¹. Заблуждение историка понятно, всецело доверяя изображению на гравюре и помня о размерах «вала Ивана Грозного», частично сохранившегося в Полоцке, он не усомнился в возможности создать подобный вал и на Соколе, однако совершенно не обратил внимание на рельеф местности вокруг Сокола, который, будь он в месте слияния Дрисы

¹⁷ Рабинович М. Г. Археологическая разведка в Полоцкой земле // Краткие сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истории материальной культуры Акад. наук СССР. М., 1950. Вып. 33. С. 81–88.

¹⁸ Рабинович М. Г. Археологическая разведка в Полоцкой земле..... С. 85

¹⁹ Ткачев М.А. Отчёт аспиранта Института истории АН БССР Ткачева М.А. За полевой сезон 1969 г. // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 444.

²⁰ Штыхаў Г.В. Замчышча Сокал // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1985. С. 388.

²¹ Филюшкин А.И., Кузьмин А.В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая компания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017. С. 80–81.

и Нищи оказался бы в «котловине» и любые пушки, поставленные на господствующей высоте левого берега р. Нищи (рис. 1: В, 2а) не оставили бы от крепости и следа. Но для исследователя, увлеченного красивой концепцией, детали не играют какой-либо существенной роли, как показал и эпизод, связанный с упоминанием последнего археологического исследования Сокола²². На этом наш обзор мифологии закончим и перейдем к реальным фактам, установленным автором публикации в результате археологических работ 2016–2018 гг.

С 2014 г. автор представленной публикации заинтересовался проблематикой Ливонской (Инфлянцкой) войны в связи с выяснением хронологии ряда артефактов, обнаруженных возле бывшей крепости «Туровля», где так же с 2014 по 2015 г. велись активные археологические работы²³. В 2016 г. от местного краеведа Ю. Карасёва поступила информация об активности «черных копателей» возле бывшей крепости «Сокол». Возникла возможность сравнить материалы с территории двух крепостей.

Для проверки информации краеведа автор выехал к месту предполагаемого «Сокола». Предварительный осмотр местности позволил зафиксировать три факта. Во-первых, активность «черных копателей» наблюдалась не возле указанной выше гряды, а за 300–350 м от неё в северо-восточном направлении (рис. 1: В,

2). Во-вторых, разрытые копателями места обнажили остатки культурного слоя, в котором фиксировалась прослойка интенсивного пожара, скопление фрагментов гончарной керамики XVI в.²⁴ В-третьих, наиболее интенсивные «работы» были проведены вдоль некоего «вала», имеющего высоту до 1 м и ширину подошвенной части до 3 м, отделявшего заросший участок от поля²⁵. находка деньги-чешуйки косвенно указывала на предполагаемое время пожара, однако давление традиции нахождения Сокола в месте слияния рек Нищи и Дриссы не позволяло сразу оценить увиденное, как остатки знаменитой крепости. Поэтому в 2016 г. были запланированы и проведены археологические работы, которые подтвердили факт нахождения крепости именно тут, а не в том месте, где предполагалось ранее.

Чтобы снять все вопросы относительно природной гряды, расположенной у слияния рек Дриссы и Нищи, которая принималась ранее за часть крепости Сокол (рис. 1: В, 1), и чтобы уточнить вопрос о фиксации культурного слоя, коротко остановимся на вопросе об её атрибуции. В 2016 г. автором публикации дополнительно была обследована гряда, что позволило говорить о том, что на её юго-западной оконечности фиксировался культурный слой, который наблюдали ещё М.Г. Рабинович и М.А. Ткачев, однако этот культурный слой не имел отношения к XVI в. Большинство выявлен-

²² По совершенно не понятным нам причинам А.И. Филошкин назвал автором последних археологических работ на месте Сокола преподавателя Казанского университета, а не автора представленной публикации. Чтобы не быть голословными процитируем дословно этот отрывок из выше упомянутой книги историка (*Филошкин А.И., Кузьмин А.В.* Когда Полоцк был российским... С. 81): «В 2016 г. появились сведения о раскопках в районе слияния рек Нищи и Дриссы экспедиции Института истории НАН Белоруссии под руководством М. Гатина...»

²³ *Клімаў М.В.* Справаздача пра правядзенне археалагічных абследаванняў у зоне будаўніцтва аб'екта «Строительство Полоцкой ГЭС на реке Западная Двина в Витебской области». Мероприятия по ложу водохранилища (2014 г.) // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3208 (тэкст); № 3209 (фотаальбом); *Клімаў М.В.* Справаздача пра археалагічныя доследы на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 2015 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3330.

²⁴ Здесь передается общее впечатление от увиденного, без позднейшей оценки научных результатов.

²⁵ Как оказалось позднее из распросов местных жителей, «вал» образовался в результате сдвига части культурного пласта с поля бульдозером, где находились остатки бывшего фольварочного сада. Это вмешательство было произведено примерно в период между 1958–1965 гг., о чем косвенно свидетельствуют и выросшие на гребне «вала» деревья.

ных фрагментов керамики были лепными²⁶. Анализ данной керамики был проведен В.И. Шадырой²⁷, которым было указано на то, что один из фрагментов близок к облитому, второй половины I тыс. н.э. и один из фрагментов можно отнести к культуре штрихованной керамики 1-й половины I тыс. н.э.²⁸ Вопрос о человеческих костях может быть рассмотрен с точки зрения погребения части погибших во время боевых действий 1579 г., но эта гипотеза требует уточнения²⁹. Теперь обратимся к основным доказательствам того, что крепость Сокол³⁰ находилась не в месте слияния двух рек, а на отдалении, возле левого берега р. Нищи.

Во-первых, на это указывал характер и хронология культурного слоя. Мощность культурного слоя колебалась между значения 0,3–0,35 до 0,5 м³¹, что свидетельствовало о долговременности и интенсивности жизнедеятельности в данном месте. Слой пожара присутствовал повсеместно, в большей степени сохранившись в местах нахождения отдельных деревянных сооружений.

На отнесение пожара к XVI в. указывали типы керамических горшков и монеты. Среди всех монет, найденных на исследованной территории в

комплексах и за их пределами, только одна относилась к чеканке ВКЛ – двуденарий Жыгимонта II Августа 1567 г., все остальные монеты (более 50) были сделаны на монетных дворах Великого княжества Московского и Русского царства³². Монеты были представлены всеми номиналами, характерными для чеканки этого периода: копейками, деньгами, полушками, медными пулами³³. Причем почти на всех серебряных монетах русской чеканки легенда указывала на великого князя и царя Ивана IV.

Представляли интерес и керамические материалы. Среди них отметим наличие привозной импортной керамики, среди которой отмечается наличие биклаг, покрытых зелёной глазурью, фрагментов «каменной керамики». Относительно попадания в Сокол указанной посуды можно делать только допущения. Анализ венцевых частей горшков позволили говорить о следующем. Среди венчиков сосудов выделялось несколько типов не характерных для полоцкого керамического производства середины, второй половины XVI в. и наоборот, известным по российским материалам³⁴. Вместе с тем, как показал предварительный сравнительный анализ типов горшков

²⁶ Было найдено и несколько стенок гончарной керамики. Её попадание на гряде может иметь несколько причин, точно не установленных. Например, на гряде мог находиться «стрелецкий пост» для наблюдения за рекой Дриссой. Кроме того на гряде традиционно отмечают Купалье и т. д.

²⁷ Приносим благодарность В.И. Шадыро за консультацию

²⁸ *Клімаў М.В.* Справаздача пра археалагічныя доследы на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 2016 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3447. С. 24–25, мал. 45: II, 3.

²⁹ Автором статьи во время обследований гряды такие кости не фиксировались, а обнаруженные ранее другими археологами кости на антропологическую экспертизу не отдавались. Эта процедура позволила бы зафиксировать прижизненные повреждения скелетов, нанесённые во время военных действий. Кроме того следует указать на указания местными краеведами мест, где так же фиксировались кости, на расстоянии не более 500 м от Сокола, но возможно в последнем из случаев разговор может вестись о грунтовом могильнике.

³⁰ С этого момента в публикации при упоминании крепости Сокол будет иметься ввиду исключительно её новое местоположение, доказанное в результате археологических раскопок.

³¹ Такие значительные колебания связаны с разрушительной деятельностью бульдозерной техники, о которой упомянуто выше.

³² В этот перечень не включены шелеги-«баратинки» второй половины XVII в., чешуйка Петра Алексеевича и монета Елизаветы Петровны (2 копейки 1858 г.), т. к. очевидно их случайное попадание в культурный пласт памятника, на что косвенно указывает существование дороги и моста через Нищу в XIX–XX вв. рядом с объектами крепости.

³³ *Клімаў М.В., Кобрынец В.А.* Падзеі Інфлянцкай вайны на Полаччыне па знаходках рускіх манет: археалагічны і нумізматычны аспекты // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008): тэз. дакл., Мінск, 16–18 мая 2018 г. Мінск, 2018. С. 47.

³⁴ Этот вопрос требует дополнительной проработки.

из Сокола и с Полоцка и Лучно–1, как наиболее хорошо изученных памятников Полоцкого региона, большинство горшков были идентичными. Однако некоторые формы носили явно не местный характер (рис. 2: 1). Достаточно упомянуть про небольшой ручкомой с носиком, стилизованным под «морду животного», а так же некоторые венцевые части горшков.

Во-вторых, вся артефактная база указывала на скопление в пределах небольшой территории мужского, «служилого» населения³⁵. Среди таких артефактов, прежде всего, укажем на концентрацию обувных подковок одного типа, с пластиной и тремя шипами (рис. 2: 2), а так же обувных гвоздей. В слое даже таких городов как Полоцк в XVI в. не выявлено мест концентрации обувных подколовок одного типа, они представлены отдельными экземплярами разных типов в пределах исследованной территории³⁶. В Соколе их довольно много. Например, в шурфе № 4, площадью 16 кв. м, их было 6. Почти все подковки были найдены в контексте слоя, содержащего следы пожара. Кроме подколовок, в пределах исследованной площади были обнаружены поясные пряжки (рис. 2: 3) и конское снаряжение, представленное следующими ключевыми элементами: пряжками (рис. 2: 4), удилами (рис. 2: 5), конскими подковами (рис. 2: 6), стременами (рис. 2: 7). Последние из перечисленных предметов были найдены в нижних частях сгоревших построек. Заметим в этой свя-

зи, что к одним из удилищ прилип сплав свинцовых пуль, что конкретно указывало на синхронность артефактов событиям, которые происходили на Соколе в 1579 г.

В-третьих, нахождение в слое пожара отдельных элементов оружия, наконечников стрел и пуль (рис. 3). Причем все эти артефакты в большей степени сохранились внутри остатков сгоревших построек.

Большинство найденных в слое пожара и на площадке бывшей крепости пуль – свинцовые (рис. 3: 1–13), округлой формы, в основном, диаметром до 1,2–1,5 см. Диаметр некоторых из пуль достигал 2–2,2 см. Отметим, что некоторые пули имели явные повреждения в результате нахождения их в слое пожара (рис. 3: 9–12) или сплюснутый вид, как результат попадания в твердую плоскость³⁷. Кроме этого, была обнаружена железная пуля, покрытая свинцовой оболочкой и железные пули, диаметр которых приближался к 2 см. Пули этого и позднейшего периода также хорошо представлены в публикациях О.В. Двуреченского³⁸.

Наконечники стрел представленные исключительно черешковыми экземплярами, были найдены и в постройках, и в слое за их пределами (рис. 3: 14–17). Некоторые из наконечников имели явные повреждения, обломы и были погнуты (рис. 3: 16, 17). Такие наконечники хорошо известны и в пределах Тушинского лагеря, позднейшего по времени³⁹.

³⁵ Ниже в силу того, что статья не имеет сугубо источниковедческий характер отдельные категории материалов иллюстрируются на примере отдельных образцов и не отражают все типы и подтипы вещевого материала, что не входило в задачу публикации, т. к. общий объем иллюстративного материала по итогам раскопок 2016–2018 гг. превышает 150 иллюстраций формата А-4.

³⁶ Дук Д.В. Археологические комплексы посада Полоцка IX–XVIII стст. (на выніках раскопок 2004–2012 гг.). Наваполацк, 2014. С. 44, 53, мал. 12: 6; 56: 5; 60: 4, 5; 75: 1–4; 87: 1–8.

³⁷ Говорить прямолинейно, что конкретная пуля попала в доспех и потому сплюснулась не совсем корректно, поэтому использовано нейтральное название препятствия. Главное в этом состоит в том, что она была использована.

³⁸ Двуреченский О.В. Боеспирас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмосквья.: Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005. С. 264–265, рис. 1, 2; Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М., 2018.

³⁹ Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М., 2018. С. 14–15, рис. 9, 10.

Остатки огнестрельного оружия не многочисленны и в основном были обнаружены в нижних частях сгоревших деревянных сооружений. Это объясняется прежде всего тем, что с войсками Стефана Батория, которые брали крепость, следовало большое количество маркитанток, которые и произвели «искусственную выборку» артефактов ещё в 1579 г., как об этом неоднократно упоминалось в источниках. К предметам, бесспорно относившимся к ручному огнестрельному оружию, следует отнести, прежде всего, фрагменты жатры, найденные вместе *in situ* в заполнении одной из ям жилой постройки (рис. 3: 18, 19).

В-четвертых, были обнаружены следы фортификационных сооружений. Несмотря на то, что С. Пахоловицкий присутствовал на месте бывшей крепости Сокол, в чем у нас сомнения не возникает⁴⁰, им было стилизовано изображение крепости, возможно, некоторые правки в этот рисунок были внесены в Италии Дж. Ковальери. Сравнение гравюры с реальным наличием фортификационных сооружений на месте Сокола показало ошибочность точного «чтения гравюры», что ещё с XIX в. делали некоторые историки.

Можно не искать в Соколе насыпных постаментов башен и валов, их, по существу, нет⁴¹. Что же есть? Сохранились остатки рва (рис. 4: а), следы расположения нескольких башен и самое главное остатки сгоревших ворот или небольшой воротной башни. Нашей экспедиции удалось найти именно те ворота и в том месте, где они показаны на гравюре. Верхняя часть

ворот состояла из остатков обгоревших бревен, сохранившихся на глубине 0,5–0,6 м, что было зафиксировано ещё при первых масштабных работах в 2016 г. В 2017 г. в нижней части воротной башни была раскопана обгоревшая клеть (рис. 4: б), рубленая «в обло»⁴². Вокруг этого всего фиксировалось много интересных артефактов (котел, молоток, детали оружия), в том числе и пули, а также бронзовые оплавки и характерные гвозди с гранёными шляпками (рис. 4: в). Такие гвозди в равной степени могли быть использованы в створках ворот или в решётке-гирсе, наличие которой упоминается в источниках, хотя ясности в этом вопросе до конца нет. Так у Р. Гейденштейна с воротной башней и гирсой связан один из эпизодов: «Оставшиеся в крепости на коленях начали просить о пощаде, но при вторжении немецких солдат, убивавших без разбору всех, отчаившись в спасении, опустили подъемную решетку, висевшую над воротами сверху, и перебили до 500 немцев...»⁴³.

Таким образом, на основании всего выше сказанного можно с полной уверенностью говорить о том, что нами было точно идентифицировано местоположение крепости Сокол. Так как масштабы и расстояния во время зарисовки наброска, а позже гравюры были искажены, а в месте впадения реки Нищи и Дриссы находилась природная гряда, эти два обстоятельства ввели в заблуждение ряд исследователей относительно возможного расположения крепости. К тому же, человеческие кости и слой со следами пожара в пределах гряды, часть из которой относилась

⁴⁰ Это тема отдельного сообщения и из-за объема и темы представленной публикации не может быть здесь полностью рассмотрена.

⁴¹ Конечно, говоря об этом учитывается, что определённые изменения в месте нахождения Сокола были произведены во время существования фольварка и в «колхозный период», о чём свидетельствует засыпка части ранее существовавшего рва и некоторые ямы с перекопным характером. Однако обследование всего периметра Сокола не позволила говорить о таких фортификационных работах XVI в., как насыпка значительных валов и возвышенных площадок для башен.

⁴² *Клімаў М.В.* Справаздача пра археалагічныя даследы на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 2017 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3491а (тэкст); № 3491б (альбом). С. 15–18, мал. 19.

⁴³ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне... С. 78.

к городищу железного века, ошибочно принимались за следы военных действий. Реальная площадка крепости находилась в 300–350 м на север от слияния рек и была «вписана» в природный ландшафт относительно левого берега р. Нищи и природных яров, которые, вместе с искусственным рвом, являлись основным фортификационным препятствием с напольной стороны. Вопрос о фортификации крепости Сокол требует

рассмотрения в отдельной публикации.

Полученные во время раскопок Сокола результаты позволяют провести предварительную сравнительную характеристику материальной культуры Сокола и Туровли по основным категориям артефактов, что является отдельной темой, выходящей за рамки представленного сообщения и частично отраженной в других публикациях автора⁴⁴.

⁴⁴ *Клімаў М.В.* Новыя археалагічныя даследаванні фартэцый перыяду Інфлянцкай вайны на Полаччыне // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1–2 лістапада 2017 г.): у 2 ч. Ч. 1. Полацк, 2018. С. 129–142; он же, Фартэцыя Туроўля: новыя звесткі паводле археалагічных даследаванняў // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў [Электронны рэсурс]: электрон. зб. навук. арт. IV міжнар. навук. канф. да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, Полацк, 19–20 крас. 2018 г. / Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт; пад агул. рэд.: А. І. Корсак. – Наваполацк, 2018. С. 30–39.

Рис. 1. Гравюра с изображением Сокола (А), фрагмент Радзивилловской карты 1613 г. (Б) и точное местоположение крепости на спутниковом снимке (источник Google) (В).

Рис. 2. Некоторые артефакты, связанные с проживанием в Соколе представителей московского войска: ручной (1), обувная подковка (2), поясная пряжка (3), пряжка с конского снаряжения (4), удила со сплавом свинцовых пуль (5), конская подкова (6), стремя (7).

Рис. 3. Фрагменты вооружения. Свинцовые пули (1–13). Наконечники стрел (14–17). Части жагры (18–19).

Рис. 4. Остатки рва (а) и нижней части воротной башни (б). Гвозди с гранёными шляпками (в).

ПОЛЕВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XV-XVI ВВ.

УДК 94:623.1
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.193-220

© 2020 г. Комаров О.В. (olegg888@yandex.ru)
Научный семинар «Военная археология»
Институт археологии РАН, Москва, Россия.

Резюме: в статье рассматриваются русские и иностранные письменные и иконографические источники по русской полевой фортификации XV–XVI вв. С целью обозначить границы исследования приводится энциклопедическое определение полевой (временной) фортификации. Производится разбор старорусских терминов, которые использовались в источниках для обозначения разновидностей полевой фортификации. Показано как одни термины заменяли другие, как менялось значение некоторых терминов. Так как в большинстве случаев данные источников имеют мало подробностей, и сведения о полевой фортификации носят во многом случайный характер, то предложена методология: обобщать все имеющиеся данные, выделять контекст, когда в источниках упоминалась полевая фортификация, а потом, на основании выявленного контекста, определять возможные ситуации использования полевой фортификации (укрепленные лагеря, острожки/редуты, контрвалационные линии, передвижная осадная фортификация). В рамках этой методологии также рассмотрены появление и распространения новых видов полевой фортификации (туры-габионы, рогатки, окопы, артиллерийская осадная башня, цепной артиллерийский вагенбург, гуляй-город), дополнившие традиционные её разновидности (надолбы, частокол, плетень, засеки, повозки).

Ключевые слова: фортификация, XV–XVI вв., острог, туры, рогатки, засеки, гуляй-город, обоз.

Field fortification of the Russian state in the 15th–16th centuries.

© 2020 Komarov O.V. (olegg888@yandex.ru),
Scientific seminar „Military archeology“ at the
Archeology Institute of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Abstract: The article examines Russian and foreign written and iconographic sources about the Russian field fortification of the 15th and the 16th centuries. It contains an analysis of old Russian terms which were used in the sources for the description of different types of field fortification. It is being shown how certain terms replaced others ones and how the meaning of some terms changed. Because in most of cases the data from sources contains little details and because the information about field fortification often has random character, a new methodology is being suggested: to generalize all available data, to point out the context of field fortification mentioning in the sources and to determine on the basis of this context the possible situations of usage of field fortification (fortified camps, little ostrogs and redoubts, contravallation lines, mobile field fortification). Within this methodology there is also a focus on the occurrence and the spreading of new types of field fortification (gabions, chevaux de frise, trenches, artillery siege tower, chain artillery wagon fort, gulyay-gorod) which complemented its traditional types (dragon's teeth, pale fence, wattle, abatis, carts).

Keywords: fortification, 15th–16th century, ostrog, gabions, chevaux de frise, abatis, gulyay-gorod, wagon train.

Русская военная история XVII в. характерна активным использованием полевой фортификации. Уже вторая битва Смутного времени (при Добрыничах, 1605 г.) была отмечена использованием такого фортификационного сооружения, как саней, набитых сеном. В последующие годы хорошо известны «острожки», которые применял полководец Михаил Скопин-Шуйский. И это только наиболее известные примеры. Однако развитая система полевой фортификации XVII в. появилась не на пустом месте.

В данной работе будут рассмотрены сведения о русской полевой фортификации XV–XVI вв. По причине ограниченного количества сведений, следует обращаться к данным, полученным по предыдущему периоду. По полевой фортификации XII–XV вв. есть статья Д.А. Моисеева «О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв.»¹, в которой обобщены и пересмотрены выводы предшественников. В целом при высоком качестве работы, ряд положений в ней представляются спорными, что будет отмечено ниже.

В военно-исторических исследованиях одним из ключевых моментов является определение исследуемого явления. В работе Д.И. Моисеева этого определения дано не было, но по тексту можно понять, что под полевой фортификацией понимаются укрепленные станы, сооружаемые во время стоянок или сражений. Согласно «Советской военной энциклопедии в 8 томах» «фортификация подразделяется на полевую (войсковую) и долговременную. Полевая (войсковая) фортификация разрабатывает теорию и практические рекомендации по фортификационному

оборудованию (обычно в военное время) позиций, полос, рубежей, исходных районов и районов расположения войск в интересах обеспечения боя (операции)». Исторически, «по мере развития средств и способов вооруженной борьбы складывалась система полевых укреплений. Стоянки войск оборудовались в виде укрепленных лагерей. А во время осады городов вокруг них создавались внутренние и внешние линии укреплений»². Т. е. под полевой фортификацией понимаются все виды временных укреплений и заграждений на поле боя, при осаде, в местах расположения войск и отрядов. Исследование одновременно и осадной, и собственно полевой фортификации представляется тем обоснованным, особенно при ограниченном количестве источников, что конструкции и методы возведения их были во многом схожи.

О терминах «острог, город, твердь, крепость».

Основной термин для обозначения полевых укреплений в XIV–XVI вв. – «острог». Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» этот термин означал: частокол, укрепление вообще, внешние укрепления города»³. «Острог» мог означать не только деревянные укрепления уже в ранний период. В Новгородской первой летописи младшего извода под 1335 г. называется «острог камен», который построили в Новгороде⁴. Т. е., видя в источнике термин «острог» по отношению к полевой фортификации, нельзя прямо ограничивать реконструкцию этого укрепления кольями и бревнами. Термин мог подразумевать и земляные

¹ Моисеев. Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 12–25.

² Советская военная энциклопедия. Т. 8. М., 1980. С. 310.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 159–160.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 346.

укрепления, что видно при описании некоторых «острожков» в Смутное время (в «Ином Сказании», при описании сражения с войском Болотникова под Москвой в 1606 г., написано: «воеводы же его по острогу их биша три дни, разбити же острога их не могоша, занеже в земли учинен крепко, сами же от верхового бою огненного укрывахуся под землею»⁵). Поэтому очень важно обобщить все сведения, в которых есть детали конструкции полевой фортификации.

Как отметил Д.И. Моисеев, в новгородском летописании XII–XIII вв. для обозначения укрепленного стана использовался термин «город»⁶. Этот термин использовался и позднее для обозначения ряда разновидностей полевых укреплений.

К XVI в. на смену термину «твердь» пришёл термин «крепость». Это наиболее наглядно видно на примере «Повести о битве на Липице» в Никоновской летописи, где вместо «тверди» из плетения и кольев названа «крепость»⁷; в этой летописи можно найти ещё ряд примеров замены «тверди» на «крепость». Он имел такое же широкое значение: укрепление, естественная преграда/защита⁸.

Летописные данные о восточноевропейской традиции лесных укреплений.

Д.А. Моисеев отмечал, что в летописании XII в. зафиксирована практика при обороне бродов возводить «тверди», в ряде случаев описанные как засеки⁹. Правда он не отнёс их к полевым укреплениям, но это вопрос определения.

Термин «обострожились», обозначающий возведение укрепленного лагеря или редута, впервые отмечен в Галицко-Волынской летописи (далее – ГВЛ) под 1251 г., описан лесной поход польско-русского войска на ятвягов. «Ляхом же осторожившимся, нападоша ночь на ляхы, а руси не острожившимся». Далее рассказывалось об обороне острога; отмечалось, что нападавшие «острог проломити хотяху»¹⁰.

Д.И. Моисеев приводит примеры из ГВЛ использования в качестве полевых укреплений «осек» (засек) литовцами (под 1247 г.), ятвягами (под 1255 г.) и поляками (под 1280 г.). И делает вывод: «Но ни литовский, ни ятвяжский примеры укреплений русские не восприняли, хотя прекрасно знали на собственном опыте, как тяжело атаковать противника, который «осекся» в лесу <...> Примеры эффективности «засеки» были очевидны. Однако в источниках не сохранилось упоминаний, чтобы князья использовали подобный вид оборонительных укреплений для стоянки войска, за исключением Пскова (1137 г.) и Чернигова (1196 г.)»¹¹. Там же он рассматривает пример из ГВЛ с острогом поляков, и делает выводы, что русское (галицко-волынское) войско не использовало укрепления для своих станов.

Однако такие выводы представляются методологически неверными, т. к. не учитывают специфику источников, общий контекст рассматриваемых упоминаний. Летописное повествование – это обычно не подробные дневники и отчёты, и прямая статистика

⁵ Русская Историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 110.

⁶ Моисеев. Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 14–17.

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 73.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 37.

⁹ Моисеев. Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 14–16.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 810.

¹¹ Моисеев. Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 24–25.

может существенно искажать реальность. Обычно упоминание каких-либо деталей имело свой повествовательный или стилистический смысл. Можно отметить особенности военных действий, описанных в ГВЛ. Войны с поляками и балтами — это массированные набеги сильных русских конных ратей. Поэтому русская стратегия и тактика была активной наступательной. Эти войны можно характеризовать фразой из ГЛВ в описании того же похода 1251 г. «Хотевшим им стати в тесных местех, узрев же князь Данил, воспив и рече им: «О мужи воистии! Не весте ли, яко крестьяном пространство есть крепость, поганым же есть теснота, деряждье обычай есть на бран». И проидежаку пленяя и прииде на чиста места, сташа станом. Ятвязем же одинако нападающимъ на не, игнаша русь и ляхове по них, и мнози князи ятвязьсци избьбени быша»¹². Т. е., в условиях превосходства своего конного войска, было выгоднее не терять время на сооружение укреплений, не сковывать себя ими (даже просто расположившись на местности с естественной защитой), а действовать максимально быстро и решительно. В этом контексте повествовательная логика не требовала упоминать укрепления русских станов, даже если они были. Само использование в летописи фразы «руси не острожившимся» говорит о существовании специального термина для обозначения сооружения полевых укреплений, а также подразумевает, что в иных случаях русские «острожились».

Примеры с сооружением засек под Псковом и Черниговом говорят, что и русские, когда недостаток сил требовал оборонительных действий, также сооружали полевые укрепления из де-

ревьев. К этому же можно отнести и пример 1224 г., когда в ходе очередного конфликта с князем «новгородци же по путем сторожи поставиша, а твърди изделаша»¹³. Есть даже два описания конструкции укрепления стана того времени. В «Повести о битве на Липице» (новгородская по своему базовому происхождению) говорится, что владими́ро-суздальское войско «надеаше бо ся на тверд, бяше бо плотом оплетено место и насовано колья»¹⁴. В «Повести о битве на Калке» (вариант Новгородской летописи) говорится, что киевляне после бегства остальных русских сил «угоши город около себе в колех»¹⁵. Встречая упоминания о засеках/осеках, в которых происходила оборона, не следует автоматически понимать под ними просто поваленные деревья, т. к. под этим термином вполне могли подразумеваться и другие элементы из деревьев, те же колья и плетень.

Д.А. Моисеев не стал обобщать данные по этим трём последним сообщениям¹⁶, а также по «острогам» и «осекам» в ГВЛ, стараясь рассматривать термины «остроги», «осеки», «город», «твердь» как разнозначные, и только строго в источниках XII–XIII в. Однако летописи составлялись из разных источников, и устойчивой терминологии там ожидать нельзя (тем более, что средневековая терминология сама по себе является размытой). «Повесть о битве на Липице» известна по своду 1448 г., но вся терминология там более ранняя.

Новгородская Четвертая летопись под 1398 г. описывает погоню новгородского войска Якова Прокофьева за мятежным боярином Анфалом, который был настигнут под Устюгом.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 812.

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 68.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 23.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 63.

¹⁶ Моисеев. Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 16–17.

«Яков наеха Анфала под Медвежьей город, а он с своими други острог себе учини, и бися с Яковым из острога»¹⁷. Это первое упоминание «острога», как укрепленного стана. Д.И. Моисеев считает этот «острог», а также «острог» из новгородского повествования о походе на Югру в 1445 г., не временным, а долговременным укреплением¹⁸. Однако в источниках того времени постоянную крепость называли только городом/городком. По контексту данных сообщений, «остроги» возводились оперативно, в условиях близкой опасности. Т. е. можно уверенно назвать эти «остроги» – полевыми (временными) укреплениями.

Одно из ранних упоминаний термина «крепости», как полевое укрепление, относится к посольским сведениям о противостоянии войск Менгли-Гирея и Шейх-Ахмеда на Дону в 1501 г. В письме от Менгли-Гирея: «на Дон пришед, без крепости нам нелзе быти», «ошод на усть Сосны, крепость учинив, стоим». В письме от посла Ивана Мамонова: «царь Ши-Ахметь Дон, да пошел вверх по Дону, да пришед на усть Сосны Тихой под Девичьи горы, да тут себе Ши-Ахметь учинил крепость. А Менли-Гирей царь дошел Орды Ши-Ахметя царя в среду перед Оспожиным заговеньем, да против них крепость же себе учинил». Причём Мамонов в следующем письме называл «крепость» «острогом»: «Ши-Ахметь царь сидел все в остроге»¹⁹.

Термин «обострожились» по отношению к укреплению стана отмечен и

в псковском летописании XVI в. Под 1517 г. описывается вторжение литовского войска на Псковщину: «иная сила литовская пришла от Брянска Красногородские волости, воеводы у них пан Черкас <...> обострожились на Ключищах». В этом отряде были отмечены пушки и пищали²⁰.

Казанский летописец, описывая убоицы в Казани в 1546 г., сообщает: «казанцы же уведав бегание Чюры, и гнавше за ним, и догнавши. Он же, обострожаясь в месте крепце, чаяся отбитися от них; и бившися с ними долго»²¹. Это пример оперативного построения полевого укрепления. Описывая Казанское взятие 1552 г., этот летописец сообщал о вылазках в тыл осаждавшим черемисов: «созади выезжаху из острогов лесных и стужаше полком руским черемиса, належаще на станы»²². Против них был совершен поход. «И победиша их скоро, и остроги их раскопаша и пожгоша». Тут по описанию можно понять, что «остроги» состояли из вкопанных в землю бревен или кольев. В ходе дальнего рейда русские войска «едином пошествием взявше в десять дний тридесать острогов великих же и малых»²³.

Никоновская летопись сообщает, что зимой 1554–1555 гг. «луговые люди приводили на Арскую сторону войною. И арские люди, остроги поделась, от них отбились. А с ними в острогах были стрелцы царя и великого князя и из пищалей побивали многих луговых»²⁴. Видим, что в середине XVI в. ратники Казанского ханства имели развитую практику во время боевых дей-

¹⁷ Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 103.

¹⁸ Моисеев, Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 19.

¹⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 366–369.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 292.

²¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском царстве. СПб., 1903. Стб. 55.

²² Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Стб. 125.

²³ Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Стб. 126.

²⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 246.

ствий оперативно сооружать «лесные острожки».

Можно сделать вывод, что на Руси и в соседних лесных зонах была давняя практика при необходимости сооружать из деревьев временные укрепления (остроги, осеки). Обычно их возведением занималась та сторона, которая имела меньше сил для массированного атакующего боя. Условия густого леса затрудняли возможность использования гужевого транспорта, т. е. применение вагенбурга было ограниченным. А при речных походах повозок уже совсем не было. Это в условиях лесного ТВД объективно способствовало развитию временных укреплений из кольев, брёвен, поваленных деревьев и пр.

Контрваланционные линии в XIV–XV вв.

Ещё в Новгородской первой летописи старшего извода, в повести о нашествии Батыя, был использован оборот «оступиша Рязань и острогом оградиша»²⁵. Это первое упоминание «острога» для обозначения контрваланционной линии (а также редкое упоминание контрваланционной линии в летописании). Там же, при описании осады Торжка: «отыниша тыном всь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по две недели»²⁶. Т. е. контрваланционная линия у монголов описана как частокол (тын).

Следующее сообщение об «остроге», как контрваланционной линии, относится к 1375 г. В тверском Рогожском летописце помещена повесть о Тверской осаде²⁷: «приступил всею ратию к городу, туры прикатали и примет приметали около всего города. Тако

и пошли бьяся к Тмацьким воротам, мост зажгли». Осажденные «отбили от города, и князь великий Михаило выехав туры посекали и люди, а иные туры пожгли. И москвичи, бився, в череную годину отступили от города, потом так и стали въкруг всего города из Волгою, на Волзе мосты черес Волгу починили, а град Тферь острогом весь огородиша».

Следующее сообщение об осадной фортификации также относится к тверскому летописанию. В «Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче» описывается осада тверским войском Ржевы в 1446 г.: «Но и бысть дивству достойно зрение, таци бо суть храбрии у великого князя Бориса Александровича – овех две или три за единою дскою вратною под град приидоша, а инии за щиты... до самы стены прискакааху. С града же биаху овии пушками, а инии пращами, а друзии камене метааху, а овии стрелами, якоже дождем пущаху... и на утрии же день суботный повеле князь великий Борись пушками бити град, и тол бо грозно, но якоже от великого того грому многим человеком падати. А инии начаша туры рядити и поведоша под град, а инии воду отъаша у града. И бысть туга во граде немала; но и толь бо дивно видети, но якоже и град содела турами противу града и пушки поставиша»²⁸. Здесь уже линия осадной фортификации названа «градом».

В русских источниках с XVI в. «турами» называли габионы (наполненные грунтом корзины), о чём подробнее будет ниже. Данные источники были составлены в середине XV в., до появления их на Руси. Предполагается, что подразумевались осадные башни²⁹,

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 75.

²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 76.

²⁷ Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец, Петроград, 1922. Стб. 111.

²⁸ «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н.П. Лихачева // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1908. № 168. С. XLVII–XLVIII.

но «тура» в значении «башня» отмечена в русском языке только в конце XVII в.³⁰ «Туры» также встречались в московском летописании XV в., когда описывалась осада 1099 г. Владимира Волынского: «единою поступиша к граду под турами; они же бяху с города и стреляху межи собою»³¹. В изначальном сообщении были «вежи»³². В русском языке «вежами» называли кибитки, крепостные башни, легкие жилые и хозяйственные постройки³³.

Из-за отсутствия исчерпывающих данных можно предполагать, что под «турами» (ранее – «вежами») подразумевались в целом передвижные осадные сооружения (башни, навесы, колёсные щиты).

В Новгородской первой летописи младшего извода помещён краткий вариант повести от Тверской осаде. Там использован оборот «острогом обострожиша»³⁴.

Устюжская летопись об осаде вятского Хлынова в 1489 г.: «и воиводы всеи силе велели приступ готовити и примет к городу, всякому человеку по беремани смол да берест, да на 50 человек по 2 сажени плетения, и к городу плетени поставляли»³⁵. Видим систему сооружения осадных фортификаций в XV в. Здесь они ограничились деревянными заграждениями. Работы распределялись на всё войско. Это объективно объяснялось тем, что растянутые коммуникации и малая плотность населения в русских землях ограничивали возможность сосредотачивать для осады городов много людей, и осадными работами вынуждены были заниматься сами ратные люди. Прак-

тику распределения на всех ратников создания осадных фортификационных сооружений можно гипотетически распространить и на укрепление станов.

Засеки – защита тыла при осадах.

При осаде ливонского Сыренска в 1558 г. были сооружены засеки: «приговорил Данило дороги от Колывани и от Риги позасечи для маistroва приходу; и Павел и Ждан дороги иззасекли и поставили по засекам голов с детми боярскими и князей казанских»³⁶. Тоже при осаде литовской крепости Озерище летом 1564 г.: «все дороги позасек, которые были к Озерищам»³⁷. Можно полагать, что это была давняя практика при осаде крепостей, но в источниках она была практически не отображена. Показательно, что в засеках были поставлены не стрельцы, а традиционные воинские страты – дети боярские и служилые татары (что дополнительно свидетельствует о давнем существовании подобной системы).

Остроги судовых ратей.

Если во время кратковременных стоянок судовые рати могли ограничиться защитой местности (старались делать стоянки на островах), то, когда они участвовали в осадах, или была задача продолжительно блокировать переправы, или просто нужно было долго располагаться на месте, возникала объективная необходимость в создании укреплений, тем более, когда приходилось ждать атаки конного противника. Хотя обычно источники опускают такие подробности, но есть и прямые примеры.

²⁹ Носов К.С. Русские крепости и осадная техника, VIII–XVII вв. СПб., 2002. С. 57, 101.

³⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М., 2015. С. 231.

³¹ Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.–Л., 1949. С. 23.

³² Полное собрание русских летописей. Т. II. Стб. 246–247.

³³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 50–51.

³⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 373.

³⁵ Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVII–XVIII вв. Л., 1982. С. 97.

³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 98.

³⁷ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 384.

В Казанском летописце описано как во время Казанского взятия черемисы пытались нападать на русские флотилии, отправляющиеся в рейды, но «бо токмо покушахуся напасти на запасныя ладии и неможаху, острогом бо крепким и великим вся ладии обведены по берегу Волги, и стражаху их два воеводы со стрелцы огненными и со многими вои от околных черемисы». Т. е. русские струги, стоящие в резерве, прикрывались возведёнными по берегу укреплениями, в которых находились пищальники³⁸. Это пример острогов, обеспечивающий тыл (стоянку) судовой рати.

В Продолжении Хронографа под 1548 г.: «августа в 8 день, путимльские казаки, Михалко Черкасенин да Истомка Извольской Тулянин с товарищи, на Дону на Великом Перевозе побии крымского князя Аманака да черкасского казака Елбузлука и азовских людей многих побии и семь пушок у них отняли, и к царю и великому князю привезли. А приходил к ним Елбузлук с нарядом на Дон острогу имати»³⁹. Так описывается начало выдвижения вольных казаков, действующих на речных флотилиях, в Поле. И сразу видим, что вольные казаки использовали тактику возведения временных укреплений (острогов), которые могли противостоять легкой артиллерии. Постоянные казачьи городки появились позднее. А вначале отряды стрельцов и казаков укрепляли станы острогами на Волге, Дону, а потом на Северном Кавказе и в Сибири.

Остроги в Казанских осадах.

Спецификой осад Казани в XV–XVI вв. было то, что для них приходилось продолжительное время задействовать крупные силы и при этом действовать на растянутых коммуникациях. Грузы и артиллерия перевозились на речных судах, т. е. использовать повозки для создания укрепленного лагеря не было возможности. Большие масштабы могли затруднять использование местного леса для сооружения укреплений, т. е. объективно вставал вопрос о подвозе элементов осадной фортификации.

Устюжская летопись об осаде Казани осенью 1469 г. «а сила руская стала около города, и острог доспели, и воду отняли»⁴⁰. Об осаде Казани в 1487 г.: «воеводы город Казань обьсели и острог около города доспели»⁴¹. Судя по тексту, здесь говорилось не об контрвалационной линии, а об укрепленном лагере под городом.

Краткий Волоколамский летописец содержит оригинальное описание похода 1524 г. на Казань⁴². К Казани прибыла судовая рать, которая 3 июля расположилась на Царевом лугу, при этом «обострожилась». 19 июля казанцы напали на «острог, на воевод великого князя с великим нарядом, с пушками и пищальями», но были отбиты, а затем «многожды» безуспешно приходили на «острог». Здесь уже однозначно описан укрепленный лагерь. Примечательно, что данные об «остроге» во время осад Казани в 1469, 1487 и 1524 гг. есть только в региональных летописях, а не в московском летописании. Это можно объяснить тем, что укрепление стана «острогом» подразумевалось, как нечто обыденное. Соответственно

³⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Стб. 126.

³⁹ Продолжение хронографа редакции 1512 года / Публ. С.О. Шмидта // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951. С. 294.

⁴⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. С. 92.

⁴¹ Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. С. 96.

⁴² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 262.

«острог», скорее всего, возводился и во время Казанских осад 1506 и 1530 гг.

В повести о Казанском взятии, помещенной в Никоновской летописи, есть следующие подробности. «И с нарядом отпустил в судех боярина своего Михаила Яковлича и диака своего Ивана Выродкова, и башни и тарасы рубленные велел привезти, яже уготовлены против Казани поставить»⁴³. В начале осады «повеле государь большую крепость делати против Царевых ворот и Арьских и Аталыковых и Тюменьских»⁴⁴. Эта «крепость», судя по всему, и есть «острог», который возводился в прошлых Казанских походов. Здесь уже видим описание деталей конструкции – заранее изготовленные башни и стены. Однако, сложно сказать, как и когда сформировалась практика использовать и доставлять такие крупные элементы.

Осадной гуляй-город.

«Город» в значении «передвижное осадное сооружение» отмечен ещё в псковском летописании. Об осаде ливонцами Пскова в 1323 г.: «пороки бьюще, города своя придвигива»⁴⁵.

Существует три летописных источника, описывающий гуляй-город под Казанью в 1530 г. Это первое упоминание данного термина. Летописи были составлены в середине XVI в., т. е. до появления классического гуляй-города в начале 1570-х гг.

Вологодско-Пермская летопись: «воеводы под Казанью стали, оплошася, и обозу города гуляя не сомкнуша, а се промеж воеводами пришла брань, а люди в розстрое. И грех ради наших в те поры пришла черемиса казанская

город гуляи взяли и наряду пищалеи [в Синоидальном списке, середины XVI в. – пищалей затинных] с семидесят и зелья и ядер немало взяли»⁴⁶.

В Софийской второй летописи (список середины XVI в.): «в те поры туча пришла грозна и дождь был необычен велик, и который был наряд, пищали полуторные и семипядные и сороковые и затинные, привезены на телегах обозных к городу, а из них было стреляти по городу, и посошные люди и стрельцы те пищали в тот дождь пометали; и Казанци вышед из города и поимали тот весь наряд»⁴⁷.

В Казанский летописец: «черемиса же хватиша, излезше града, малого градца гуляя 80 городен, 7 пушек в нем»⁴⁸. При описании построения Свияжска в 1551 г. отмечается, что татары, вначале подумал, что это «малы градец поставлен, зовом гуляи. Тот бо многжды ходил с воеводами х Казани, сотворен на колесех и утвржен чепми железными, его же некогда оторваша казанцы и 7 пушек в нем ухватиша»⁴⁹. При этом автор знает и осадные щиты, которые упоминал при описании взятия Казани: «пусти ко граду впреди великий полк пеших оружников за великими щитами деревяными, по 30 человек, ко всем вратом, и туры подвигнуты ко стенам градным блиско»⁵⁰. Следует отметить, что, как и все прочие числовые данные в этом источнике, сведение о щитах, прикрывающем 30 ратников, можно считать преувеличением.

Из этих описаний видно, что, как и классический гуляй-город, осадной гуляй-город был на колёсах и соединялся цепями, но его элементы не были

⁴³ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 202.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 205.

⁴⁵ Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 184.

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.–Л., 1959. С. 314.

⁴⁷ Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 265.

⁴⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Стб. 39.

⁴⁹ Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Стб. 69.

⁵⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XIX. Стб. 153.

щитами. Перевозился он соответственно на судах. Сообщение Софийской летописи говорит, что элементы его можно назвать телегами, но Казанский летописец называет их «городнями» и в целом сравнивает гуляй-город с полноценной деревянной крепостью. Ориентируясь на термин «городни», можно представлять снабжённые пушками и пищальми колесные платформы, имеющие бревенчатые стены.

Указание Казанского летописца на то, что гуляй-город «многожды» участвовал в Казанских походах, говорит, что он использовался не только в 1530 г. Можно даже предположить, что гуляй-город появился под воздействием разгрома десанта, который осуществила судовая рать в начале осады 1506 г.

К подобному осадному гуляй-городу можно условно приравнять и артиллерийские осадные башни. В Никоновской летописи, в повести о Казанском взятии, описывается, что в разгар осады «поставиша башьту шти сажень вверх и взнесли на нее много наряду, полоторные пищали и затинные; и стрелцы с пищальми многие стали и стреляли в город по улицам и стенам градным и побивая многи же люди»⁵¹. В «Истории Курбского» это сооружение описано: «вежу над обычай великую и высокую за две недели урублено потаемне за полмили от града, и единые нощи близу рва меского поставлено и на нея взношенно стрельбы десят дел и пятьдесят гаковниц»⁵². Учитывая, что в этом источнике численные данные вызывают сомнения, то и к данным по 50 крепостным ружьям и 10 пушкам следует относиться осторожно. По описанию не видно, чтобы башня передвигалась на колёсах или катках. Возможно, это было разбор-

ное сооружение. Нельзя сказать, использовались ли артиллерийские осадные башни до 1552 г., но потом они в русской осадной системе фактически больше не применялись (т. к. с 1552 г. осады описываются достаточно подробно).

Осадные щиты.

Известна «малая челобитная» Ивана Пересветова, которую он подал царю около 1548 г. «Делати было, государь, мне щиты гусарския доброго мужа косая сажень, с клеем и с кожей сырицею, и с ыскрами, и с рожны железными, а те, государь, щиты макидонсково оброзца. А делати их в ветляном древе, легко, добре и крепко: один человек с щитом, где хочет, тут течет и на коне мчит. И те щиты в поле заборона: из ближняго места стрела немет, а пищаль из дальные цели неймет ручныя. А из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей и из затинных, з города. <...> Да из-за тех же государь щитов на Волге не похочет с недруг воинством своим берега дати, ино мочно, государь, у него твоим воинником из-за тех щитов берег взяти»⁵³. Термин «гусарский» мог означать балкано-венгерский тип, а «макидонский образец» – стилистическая отсылка к авторитету, Александру Македонскому. По факту предлагалось делать щит типа пехотной павезы, около 2 м высотой. Они должны были усиливаться клеем и кожей, иметь железные острия. Предназначались для защиты пищальников от стрел, отчасти от пуль. Перемещать эти щиты можно было и на конях. Отмечалось удобство использование этих щитов для десанта судовой рати (актуальный вопрос в период Казанских походов).

⁵¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 211.

⁵² Андрей Курбский. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 50.

⁵³ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. Конец XIV – первая половина XVI века. С. 428.

Как явствует из челобитной, первая попытка начать изготавливать эти щиты в конце 1530-х гг. не получилась.

Хотя решение по этой челобитной неизвестно, но затем упоминались щиты новой конструкции, которые использовались при взятии Казани и Полоцка. Т. е. либо были сделаны щиты конструкции Пересветова, либо аналогичные щиты.

В Никоновской летописи, в повести о Казанском взятии: после того, как русские заняли часть стен Казани, «воеводы же <...> на стенах градцких и в граде в башни повеле крепкими щиты заставитися и туры засыпати землею»⁵⁴. Выше было приведено свидетельство из Казанского летописца об использовании осадных щитов. При описании Полоцкого взятия 1563 г. упоминается наказ: «да велел зделати размыслу и фрязом щиты, с которыми итти перед туры и туры за ними ставити»⁵⁵. Здесь явно подразумевались щиты специальной конструкции, раз для их изготовления привлекались иностранные инженеры. Возможно, они использовались и позднее.

Вагенбург.

Д.И. Моисеев отмечал использование в качестве вагенбурга, в т. ч. при движении, «товара» (гузевого обоза) в XI–XIII вв.⁵⁶ Вместо термина «товар» к XV в. утвердился термин «кош»⁵⁷. Прямых данных по Московской Руси об использовании вагенбурга из обозных телег на XIV–XVI вв. фактически нет. Однако практика как XVII в., так и XI–XIII в., а также факт использования осадного и щитового гуляй-города позволяет уверенно го-

ворить об использовании коша в качестве вагенбурга в данный период.

Вопрос вызывает появление практики связывания повозок цепями, начавшей распространяться от гуситов в Центральной и Восточной Европе в XV в. Использование цепей у осадного гуляй-города в 1530 г. позволяет предположить, что в России к началу XVI в. цепи использовались и в вагенбурге (по крайней мере, во время крупных осад). Уже в 1420-х гг. воины из Литовской Руси участвовали в гуситских войнах, а чешские наёмники входили в войско Витовта (и участвовали в походе на Псковскую землю в 1426 г.). Воины Московской Руси могли видеть цепной табор польско-чешских жолнёров, входивших в состав литовского войска, во время русско-литовской войны 1500–1503 гг. и последующих (тогда же на московскую службу разными путями стали попадать эти жолнеры). Т. е. были все условия для введения цепного табора в русском войске в начале XVI в. (если не раньше). О том, что в Москве достаточно хорошо его знали говорит помещенная в Никоновской летописи (около 1520-х гг.) повесть о битве на Ворсколе: войско Витовта расположилось «во обозе, в кованных телегах на чепех железных, со многими пищальми и пушками и самострель»⁵⁸. В ранних вариантах этой повести этих моментов не было (как нет их и в других источниках). Поэтому можно говорить, что это не отражение реальности 1399 г., а свидетельство знакомства с «цепным артиллерийским табором». Употреблённый впервые здесь термин «обоз» в литовских посольских книгах середины XVI в. использовался для обозначения укреплённого лагеря («обоз зам-

⁵⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 213.

⁵⁵ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 135.

⁵⁶ Моисеев Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 19–23.

⁵⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 390–391.

⁵⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 173.

кнули)), и только в XVII в. «обозом» стали обозначать также и совокупность повозок⁵⁹, т. е. стал употребляться наравне с термином «кош».

В Никоновской летописи о ливонском войске под Рынголом в октябре 1558 г.: «стоит маистр, окопався великим рвом и обозом одернувся кругом»⁶⁰. Это первое не связанное с Литвой упоминание «обоза» в источниках Русского государства (не считая наименования гуляй-города «обозом» под 1530 г. в двух вышеприведенных летописных источниках). Т. к. слово «обоз» также известно в чешском и польском языке, то можно предположить, что вместе с конструкцией цепного табора оно попало в Великое княжество Литовское, а затем в Русское государство.

Земляная и деревянно-земляная осадная фортификация в XVI в.

Д.И. Моисеев сделал предположительное заключение, что «русские в военных действиях на протяжении X–XV вв. не прибегали к строительству полевых укреплений в виде валов и рвов»⁶¹. Действительно, если есть подробности в описании укрепленных станов и осадной фортификации, то упоминаются только деревянные заграждения (колья, плетень, засеки). Т. е. если земляные сооружения и использовались вне долговременных укреплений, то ограничено. Ситуация менялась в XVI в., когда бурно развивалась артиллерия.

Источники отмечают использование туров (наполненных грунтом больших корзин) на позициях русской артиллерии во время крупных осад в первой половине XVI в. В литовской Хрони-

ке Быховца описывается Смоленская осада 1502 г.: «город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь беспристанно его добывали, и за великими турами, насыпаячи песком и землею, невыновные штурмы на него чинили»⁶².

Псковская Первая летопись описывает осаду Смоленска зимой 1512–1513 гг.: «из туров пушками били». Летом 1513 г.: «поеха князь великий Василей Иванович опять под Смоленск, и с пушечным нарядом, и туры поставиша под городом и начаша город бити пушками»⁶³. Осада Полоцка в 1518 г.: «и начаша туры под городом ставити, и начаша новгородскими и псковскими пушками бити город»⁶⁴. Примечательно, что в официальном московском летописании говорится об артиллерийском огне при Смоленских осадах 1512–1514 гг., но не упоминают туры и прочие осадные сооружения. На основании этого можно полагать, что к тому времени туры стали обыденностью в московской осадной тактике. В официальном летописании (Никоновская летопись) использование туров русским войском впервые отмечалось при 11-дневной осаде Казани в феврале 1550 г.⁶⁵

Можно полагать, что туры (габионы) стали использоваться в осадной фортификации Русского государства с конца XV в., одновременно с введением новейшей осадной артиллерии итальянскими специалистами. Возможно, тогда же стали делать и иные земляные работы, но то, что до Казанского взятия 1552 г. нигде о них не было упомянуто, говорит о том, что практика их использования находилась на ста-

⁵⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 116.

⁶⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 312.

⁶¹ Моисеев Д.А. О полевых укреплениях русского войска 12–15 вв. С. 14.

⁶² Полное собрание Русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. СПб., 1907. Стб. 562.

⁶³ Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 289.

⁶⁴ Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 292.

⁶⁵ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 160.

дии становления (но нужно учитывать, что степень подробности описания Казанского взятия на порядок выше, чем описаний осад первой половины XVI в.).

Никоновская летопись описывает начало Казанского взятия: «приказал государь <...> всей рати приготовили на 10 человек туру, да всяк человек бревно на тын уготовили, да опъступя, даст Бог, город и укрепят турами»⁶⁶. Давняя практика распределять сооружение осадных конструкций на всех ратных людей сохранялась.

Основу контрвзвальной линии составляли туры, что видно из дальнейшего описания. Причём прямо указано, что речь идёт о корзинах с насыпанной землей: «утвердиша туры и землю насыпаше за 50 сажен от города»⁶⁷. Частокот был вспомогательным элементом: «и где нельзя турам бити, и государь, пересмотря место, повеле диаку своему Ивану Выродкову промеж тур тын ставить. И утвердиша государь град Казаньской своими крепостями: ни в город, ни из города весть не проидет»⁶⁸.

Впервые в летописании говорится об окопных работах: «стрелцы <...> к городу закопались во рвы»⁶⁹, «стрелцы перед турами в закопах»⁷⁰. «Стали стрелцы и казаки по берегу и закопались во рвы»⁷¹. Примечательно, что возведением окопов занималась пехота – стрелцы и казаки, а не рабочие. Т. е. русская пехота уже тогда получила навыки самоокапывания, что в XVII в. даст большие результаты в полевых сражениях (умение возводить земля-

ные укрепления в условиях боевой опасности или даже непосредственно во время самого боя).

В последующих описаниях осад в Никоновской летописи, начиная с Ливонского похода 1558 г., упоминались только «туры» и «закопы». Во время Полоцкого похода 1563 г. указ об изготовлении ратниками осадных сооружений был только про туры – тура на 10 человек. И, не смотря на зимнее время, упоминается об окапывании стрельцов («велел им закопаться»)⁷².

Немецкие хроники подтверждают, что русская осадная фортификация в 1570-е гг. была представлена турами и окопами. Уточняется, что сооружали опорные пункты – блокгаузы. Бальтазар Руссов в описании осады Ревеля 1577 г. упоминал: «11 марта, ночью, лагерь на горе св. Тенниеса и под горой снялся в обоих шанцах и с орудиями двинулся к лагерю у верхней мельницы. <...> В верхних шанцах насчитали 23 блокгауза и 500 туров, а в нижних 12 блокгаузов и 126 туров, наполненных землей. При этом увидели также два ужасно глубоких рва, один на горе за передними блокгаузами, вырытый по направлению к высокому городскому ронделю; эти рвы были до 40 сажен длины»⁷³. При описании осады Ревеля 1570–1571 гг.: «2 марта неприятели соорудили для страха и угрозы три блокгауза перед большими морскими воротами у известковой печи, но скоро были выбиты из них, а бревна свезены в город»⁷⁴. Т. е. в конструкции «острожков» контрвзвальной линии использовались бревна. Гейденштен,

⁶⁶ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 202–203.

⁶⁷ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 206.

⁶⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 208.

⁶⁹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 205.

⁷⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 207.

⁷¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 208.

⁷² Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 354.

⁷³ Руссов Бальтазар. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II. Рига, 1879. С. 266.

⁷⁴ Руссов Бальтазар. Ливонская хроника. С. 202.

повествуя о битве у Вендена 1578 г., описывает устройство русских артиллерийских окопов: «У москвитян такой способ управления орудиями: они зарывают пушки в землю; впереди их, там, где приходится дуло, проводят ров надлежащей глубины, в нем прячутся те, которые заряжают пушку; к жерлу дула прикрепляют веревку, и когда нужно зарядить ее, то пушку пригибают ко рву, когда же нужно стрелять, снова опускают»⁷⁵.

Переход на земляные и деревянно-земляные осадные укрепления объективно был вызван тем, что теперь приходилось постоянно противостоять сильной крепостной артиллерии. Осады городов и замков в Ливонии активно происходили в 1558–1560, 1570–1573, 1575–1578, 1590 гг. Такой большой опыт дал основательную практику самоокапывания для русской пехоты, который можно было использовать и вне осад.

Станы войск, прикрывающих строительство городов.

Летописные и разрядные записи свидетельствуют, что уже при строительстве Васильурска (1523 г.), Себежа, Пронска (1535 г.), Велижа (1536 г.) приходилось создавать воинскую группировку, прикрывающую строительство, т. к. была большая вероятность нападения противника. С 1551 г., в связи с активным расширением границ, в подобной обстановке проходило строительства многих городов на разных направлениях. Поскольку строительство велось до месяца и более, то создание укрепленного стана было объективной необходимостью.

Есть пример упоминания подобного стана. Летом 1567 г. русский отряд, вы-

шедший из Полоцка, прикрывал строительство крепости Копие в Литве. Само строительство велось на острове озера Суша. В Хронике Стрыйковского описано внезапное нападение на лагерь этого отряда: «w nosy naprzód pogromi sto koni strazy Moskwickiej, potym nadedniem bez wieci na wojsko przypadli rozrzuciwszy kobylenia»⁷⁶. «В ночи разбили сто конных московских сторожей, потом с утра напали на войско, разружив «кобылины» (рогатки)». Это единственный письменный источник по использованию рогаток в Русском государстве XVI в. Русские источники называли такое заграждение надолбы⁷⁷, поэтому по ним нельзя отделить рогатки от собственно надолб (кольев, вбитых в землю). В данном случае отряд прикрытия располагался в переходе от базы (в 45 км от Полоцка), из-за чего для него не требовалось постоянного присутствия значительного количества гужевого транспорта, который мог образовать вагенбург.

В Псковской летописи под 1565 г. описывается попытка литовцев занять в Ливонии «Говью, городок пустой». «Наши поспели наперед, да городок засели и укрепили... от них отбилися, а еще ворот не было, за надолбами и за туришками»⁷⁸. Это можно назвать примером оперативного возведения деревянно-земляного полевого укрепления – сочетание давней практики строить «острог» из кольев и нового опыта возведения земляных укреплений (в данном случае – корзин с землей).

Использование временных укреплений береговыми и украинными войсками.

Если традиционной «конной рати» полевые укрепления могли понадо-

⁷⁵ Рейнгольд Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 36.

⁷⁶ Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. С. 416.

⁷⁷ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 74.

⁷⁸ Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 316.

биться только по случаю, то для появившихся в XV в. «людей огненного боя», особенно в условиях активной конницы противника, уже было просто необходимо занимать позиции с естественными или искусственными препятствиями. Прежде всего, актуальными вопросы тактической обороны были на Ордынском/Крымском направлении. Большая часть войск находилась на Берегу (бассейна Оки), где они держали оборону переправ и крепостей.

В 1480 г. в обороне Берега впервые было задействовано огнестрельное оружие. Можно предположить, что уже тогда её позиции усиливались укреплениями. В разрядном наказе угорским воеводам 1512 г. «на берегу» упоминаются пищальники и посошные люди⁷⁹. Наличие посошных людей с большой долей вероятности говорит о проведении работ по возведению укреплений.

В 1507 г. был восстановлен город Тула, что дало начало Украиным городам и продвижению границы в Поле. Соответственно, боевые действия теперь стали происходить за Берегом. Появилась необходимость использовать полевые укрепления в боях с маневренной татарской конницей и там.

Официальное московское летописание, описывая набег крымского войска в районе Тулы и р. Беспуты в 1517 г., сообщает: «татарове послышав великого князя въевод скоро възратишся, а наперед их зайдоша по лесам пешие многие люди украиные, да им дороги засекоша, и многих татар побиша, а передние люди от воевод приспевше конные начаша татар топтати, а пешие люди украиные по лесом их бити и божием поможение татар многих побиша»⁸⁰. Под «пешими украиными

людьми», судя по всему, понимались местное неслужилое население. И здесь уже прямой пример сооружение на «украине» засек непосредственно во время боевых столкновений.

С 1520-х гг. возведение засек на Берегу, на территории украинских и рязанских городов вошло в постоянную систему, появилась повинность «засеки сечь». В результате образовались постоянные пограничные линии. Однако обширные пространства, на которых приходилось противодействовать вторжениям крымской и ногайской конницы, требовали и систему оперативного возведения временных укреплений.

В Никоновской летописи в описании Судбищенской битвы 1555 г. с войском крымского хана: «наехал в дуброве коши своих полков и велел тут бити по набату и в сурну играти; и к нему съехались многие дети боярские, и боярские люди, и стрельцы тысяч с пять с шесть и тут отсеклся <...> а Стефана тут в засеке ранили из затинной пищали по колену»⁸¹. Т. е. видим ситуацию, когда конная рать, перешедшая к оборонительному бою, оперативно, непосредственно в бою, соорудила укрепление в виде «засеки». У них минимум должен был быть при себе специально взятый необходимый шанцевый инструмент.

С этого похода на степном направлении пищальники стали активно действовать не только на переправах и в крепостях, но и сопровождали конные отряды. Это сделало оперативно сооружаемые полевые укрепления актуальными и привело к формированию соответствующей системы.

В разрядном наказе 1572 г., предписывающие варианты действия против вторжения армии хана, большой ак-

⁷⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 47.

⁸⁰ Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 261.

⁸¹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 257–258.

цент уделялся «крепостям», «крепким местам»⁸². «Да где в котором месте на Оке перелазы гладки и мелки, и в том месте зделать крепости, заплести плетень и чеснок побити». Т. е. «сделать крепость» – сделать укрепление. «По тем воротом, по засекам, по лесом по обеим сторонам в крепких местах стать с пищальми и с луки, где как пригоже, и на перелазех и в крепких местах на лесех на крымских людей приходити и лести мешати». Здесь речь об обороне постоянных укрепленных линий. «А где лучитца и сход со царем не у реки, и бояром и воеводам, выбрав место крепкое, да стати полки, чтоб поставити полки, и стрельцом поиззакопатися по крепким местом». А здесь уже о действии вне укрепленной линии, но акцентируется на действии в «крепких местах», а пехоте предписывается окапываться. И далее также говорится, что пехота и артиллерия должны укреплять свои позиции. «На наряд бы и на стрельцы полки напушати было нельзя, таковы крепости поделати». «А без крепости наряду и стрельцом не в крепком месте однолично со царем бояром и воеводам не сходитися». «Стрельцы и с казаки с пищальми в крепком месте при лесе стать и крепости наряду и стрельцом поделати». Эту тактику, базирующуюся на опоре на «крепкие места», мы видим господствующей в последующие десятилетия.

Гуляй-город.

Дьяк Иван Тимофеев в своем произведении *Временник* описывает устройство гуляй-города на 1591 г., когда он использовался в противостоянии с армией крымского хана под Москвой⁸³. «По простой речи глаголемый – обоз, древним же званием – гуляй». Он со-

стоял из поставленных на колёса и связанных цепями щитов из деревянных досок. Размер щита составляли «три локотну, ли вяшше что мало, широты же в высоту сажень едина», т. е. около 1,5 м в ширину (3 локтя или несколько более) и около 2 м в высоту. Щиты защищали от стрел, а не от огнестрельного оружия. Изобретение гуляй-города приписывалось Михаилу Ивановичу Воротынскому.

К сочинению голландского путешественника Иссака Массы «Краткое известие о начале войн в Московии» приложены карты Москвы. На одной из них показано сражение, в котором участвовал гуляй-город (речь о сражении 1591 г., хотя его часто связывают со сражением с войском Болотникова в 1606 г.). По нему можно увидеть конструкцию гуляй-города (рис. 8: 3). Сам И. Масса писал, что план Москвы нарисовал и подарил ему русский дворянин, обученный иконописи⁸⁴. Т. е. это копия с русского изображения, сделанного на основе техники иконописи. Можно заметить, что пропорция длины и ширины щитов соответствует описанию И. Тимофеева (на реконструкциях, сделанных в XX в., щиты не 1,5, а порядка 3 метров длины).

Судя по всему, классический (щитовой), гуляй город не только впервые был упомянут в описании кампании 1572 г., когда Береговой ратью командовал М.И. Воротынский, но именно тогда и появился. Согласно разрядной повести⁸⁵, он вначале стоял под Серпуховом, на Оке, и 27 августа из-за него велся огонь из наряда по противнику, который также вел артиллерийский огонь. Утром 28 августа Воротынский узнал, что хан переправился через Оку и движется к Москве; русская рать в

⁸² Документы о сражении при Молодях // Исторический архив, № 4. 1959. С. 170–172.

⁸³ *Временник* Ивана Тимофеева. М.–Л., 1951. С. 37–38.

⁸⁴ *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936 С. 131–132.

⁸⁵ Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 269–272.

тот же день выступила за ханом, передовой полк завязал арьергардные бои, а затем отступил к позициям гуляй-города, который соответственно был быстро переброшен (около 45 км по прямой) к Молодям. Возможность такой быстрой переброски и следует назвать главным достоинством такого типа гуляй-города.

В Пискаревском летописце начала XVII в., в описании Молодинского сражения 1572 г.: «И воеводы бився с ним и пошли к Москве разными дорогами и с обозом и пришли за три часа до царева приходу и с обозом со всех дорог смотрением Божиим вдруг на Молоди, и обоз поставили, и ров выкопали»⁸⁶. В разрядной повести о рве нет упоминаний. Это можно объяснить тем, что он тогда являлся вспомогательным элементом. Тем не менее, это первое свидетельство использования русскими земляных укреплений в полевом бою.

Можно предположить, что осадной гуляй-город преобразовался в щитовой благодаря практике использования осадных щитов. Следует отметить, что высота щита и его защитные свойства в челобитной Пересветова соответствовали данным по щитам гуляй-города, приведенным И. Тимофеевым.

В 1572 г. впервые в росписи Береговой рати появились два воеводы «у наряда и у гуляй-города». Они входили в состав большого полка⁸⁷. По два воеводы у обоза рядом с двумя воеводами у наряда (уже как два отдельных полка, записанных после сторожевого полка)

в Береговой рати упоминаются в 1574⁸⁸ и 1575⁸⁹ гг. В 1576 г. два воеводы названы «в большом же полку у наряду и у обозу», а при них указано 6 голов⁹⁰. В 1577 г. был только один воевода «у наряду и у обозу и у честика»⁹¹. В 1588 г. в большом полку было два воеводы и дьяк у наряда и два воеводы и дьяк у обоза⁹². В 1591 г. в обозе были отмечены один воевода, две головы и дьяк⁹³, а затем (во время битвы под Москвой) у наряда были отмечены два воеводы, два дьяка, четыре головы, а у обоза — два воеводы, дьяк и неуказанное количество голов⁹⁴. В 1598 г. отмечены 2 воевод, 2 дьяков и 6 голов у наряда, а у обоза — 2 воевод, 6 голов⁹⁵. В 1601 г. в Большом Тульском разряде у наряда должно было быть 2 воевод, 2 дьяков, 6 голов, у обоза — 2 воевод, 6 голов, но рать была собрана в сокращенном виде, без наряда и обоза⁹⁶. В 1604 г. у наряда и у обоза должны были быть по 2 воевод и по 6 голов⁹⁷. В остальные года не было наряда и обоза. То, что только с 1572 г. упоминаются воеводы у гуляй-города (затем обоза) подтверждает предположение, что он тогда и появился.

Использование с 1574 г. термина «обоз» подтверждает слова Тимофеева, что термин «гуляй-город» к концу XVI в. считался устаревшим. В разряде на 1591 г. это сооружение названо «дощаным городом»⁹⁸. В написанной на рубеже XVI–XVII вв. «повести о житие царя Федора Ивановича» гуляй-город в событиях 1591 г. назван

⁸⁶ Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. М., 1978. С. 192.

⁸⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 308.

⁸⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 365.

⁸⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 377–378.

⁹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 404, 409–410.

⁹¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 437.

⁹² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. М., 1984. С. 114.

⁹³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. С. 201.

⁹⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. С. 213.

⁹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. III. М., 1994. С. 36.

⁹⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. С. 121, 123–124.

⁹⁷ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 162–163.

⁹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. М., 1984. С. 213.

«град обоз... на колесницах устроен»⁹⁹. Во время Смуты только поляки писали о «гуляй-городе», который использовался в боях под Москвой в 1609 и 1611 гг. Русские источники называли его «обозом»¹⁰⁰ и «дошатым городом»¹⁰¹. Затем щитовой гуляй-город больше не применяли.

Лицевой свод как источник по конструкции полевой фортификации.

Некоторые данные по полевой фортификации могут дать иконографические источники. Таковыми являются миниатюры Лицевого свода, написанные в 1560–70-е гг. Эти изображения в значительной степени соответствовали шаблонам иконописных канонов, но при этом отображены многие вещи из русского быта. Имеет смысл рассмотреть, как там изображены «остроги» и некоторые другие оборонительные сооружения. Эти изображения могут детально не соответствовать реальности даже в сюжетах, относящихся к середине XVI в. (т. к. это не зарисовки очевидца), но дают представления о том, как в середине XVI в. могли понимать те или иные термины.

Ещё в работе С.Л. Марголина была отмечена миниатюра, которая отображала арских людей и стрельцов в остроге в 1554 г.¹⁰² На этой миниатюре (рис. 1: 1) отчетливо видны переносные сооружения типа «рогатка» — тонкие колья, закрепленные крестообразно на поперечине. Как сооружение из «рогаток» показан и «острог» Анфала под Устюгом в 1398 г. (рис. 1: 2). Там уже не просто колья, а копия с наконечниками.

Названная «острогом» контрвалансационная линия под Тверью в 1375 г.

так же показана в виде рогаток (из незаостренных бревен). (Рис. 2: 1). Такого же вида рогатки изображают «остроги», возведённые в 1372 г. для обороны Торжка (рис. 2: 2) и в 1386 г. для обороны Новгорода (рис. 2: 3). «Острог», возведенный в 1270 г. для обороны Новгорода, показан в виде рогаток из кольев (рис. 1: 3). Такие же рогатки показывают «острог» у Очакова в 1556 г. (рис. 1: 4), хотя речь уже не о возведении оборонительных сооружений по случаю опасности.

В ряде случаев «остроги» показаны в виде перекрещенных бревен или кольев, но без перекладины. Такое изображение подразумевает надолбы — вбитые под углом в землю колья или бревна. «Остроги» Казани в 1500 г. (рис. 3: 1) и у Рязани в 1512 г. (рис. 3: 2) показаны в виде незаостренных бревен, у Чернигова в 1152 г. — в виде заостренных бревен (рис. 3: 3), у Казани в 1530 г. — в виде кольев (рис. 3: 4). При этом в случаях с Казанью по тексту речь идет об возведении укреплений перед началом осады.

Фактически на миниатюрах Лицевого свода «острог» не показан в виде надолб или рогаток только, если в тексте есть описание конструкции из частокола или бревенчатых стен (рис. 4: 1, 2). На миниатюре, показывающей взятие Рязани Батыем (рис. 4: 3), «острог» (контрвалансационная линия) показан в виде частокола, что можно объяснить тем, что на миниатюре, показывающей взятие Батыем Владимира (рис. 4: 4), в соответствии с текстом показан «тын».

Среди миниатюр есть одна, на которой по тексту должны показаны «надолбы». Это «битва под Коломной с войском Батыя» (рис. 5: 4). Надолбы

⁹⁹ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 12.

¹⁰⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XIV. С. 78, 88.

¹⁰¹ Акты Археографической Экспедиции. Т. II. СПб., 1836. С. 312.

¹⁰² Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. М., 1948. С. 88, 91.

здесь показаны в виде бревенчатой стены. Видно, что для создателей миниатюр этот термин был малопонятен, хотя он тогда был в ходу.

Когда в тексте говорится об укреплении стана «кольями» (битва на Липицах, битва на Калке), то на миниатюрах показан частокол (рис. 5: 1, 2, 3), хотя в реальности можно с большой долей вероятности предполагать надолбы. По одной из этих миниатюр (рис. 5: 2) можно понять, как в середине XVI в. могли представить защищавший стан плетень.

В целом видно, что для создателей миниатюр «острог» ассоциировался в первую очередь с рогатками или надолбами. Хотя реальные «остроги» того времени имели обычно другую конструкцию, но можно утверждать, что в середине XVI в. рогатки в России уже имели широкое распространение (разнообразие изображений это дополнительно подтверждает). Это дополняет вышеприведенное свидетельство Стрыйковского 1567 г. Т. е., когда в XVII в. стали перенимать с Запада рогатки новой конструкции (фризские кобылы), то это не было каким-то непривычным новшеством.

На миниатюрах довольно часто показаны туры. Отдельный интерес представляет собой миниатюра, показывающая контрвалационную линию под Казанью из туров и тына (рис. 7: 1).

На миниатюрах, показывающих Судбищенскую битву (рис. 6: 3) и осаду Озерищ (рис. 6: 1), засеки показаны в виде бревенчатой стены. Хотя это нельзя назвать буквальным отображением реальности, но может быть свидетельством того, что возведение «засеки» могло не ограничиваться просто валкой деревьев (например, могли сооружать тын, надолбы, рогатки). Это тем более показательно, что на миниатюре «осада Сыренска» показано и

возведение засек из поваленных деревьев (рис. 6: 2).

Среди серии миниатюр Казанского взятия есть изображение доставки судами «башен и тарасов» (рис. 7: 2), возведение «крепости» для осады (рис. 7: 3) и осадной башни (рис. 7: 4). Хотя это не зарисовка с натуры, но представление об этих конструкциях дать могут, т. к. художник видел схожие бревенчатые сооружения.

Миниатюры, показывающие цепной «обоз» (рис. 8: 1, 2), не отображают конструкцию вагенбурга (как повозки соединялись цепями, или как ряды повозок замыкались). Единственно, что можно узнать из миниатюр Лицевого свода в данном вопросе, это некоторые представления о конструкции повозок и саней в России в то время.

Заключение.

Маневренный характер войн, большие расстояния при малой плотности населения, ограничивали практику использования полевых укреплений, но при этом она была развитой и имела давние традиции.

Известна практика сооружения вагенбурга из гужевого обоза (носил название «товар», а с XIV–XV в. – «кош»). К XVI в. по примеру гуситов повозки стали скреплять цепями и ставить на них пушки (эта система получила название «обоз»). Однако нередко обстоятельства военных действий были такими, что гужевого обоза совсем не было или его было мало. Прежде всего такая ситуация была при действии судовыми ратями. Поэтому приходилось прибегать к иным видам заграждений.

В военной практике Руси и соседних лесных территорий издавна бытовала система сооружения контрвалационных линий, укрепленных лагерей, временных опорных пунктов и препятствий на коммуникациях и пе-

реправах. Состояли они из деревянных заграждений (надолбы, частокол, засеки, плетень). В середине XVI в. зафиксировано широкое применение рогаток, дополнивших традиционные надолбы. Можно предполагать, что термин «засека» («осека») применительно к временному укреплённому пункту, подразумевал не только поваленные деревья, но и изготовленные из этих деревьев колья и плетень. Искусственные и естественные укрепления, носили обобщённое название «твердь», которое к XV в. сменилось термином «крепость». Укреплённые станы и редуты с XIII в. также обозначались термином «острог».

Оборона бассейна Оки включала использование сооружения препятствий (плетень, колья) на переправах (постепенно превратились в постоянные пограничные линии). «Засеки» могли оперативно соорудить в столкновениях с крымской и ногайской конницей вне Берега. Флотилии (действуя на Волге, Дону, затем в Сибири) сооружали «острожки», когда происходила долговременная стоянка, когда нужно было защитить базу во время рейдов, когда нужно было удерживать стратегически важные пункты (обычно, переправы).

Укреплённые лагерья сооружали при продолжительных осадах, при прикрытии строительства крепостей в условиях военной опасности. Для защиты тыла осаждавшие на дорогах могли соорудить «засеки».

В Казанских походах судовая рать перевозила не только грузы и артиллерию, но и бревенчатые элементы для сооружения укреплённого лагеря – «острога». Почти все казанские осады были летними, и использовался преимущественно речной, а не гужевой транспорт. В первой половине XVI в. в казанских походах отмечено использование перевозимого на судах гуляй-города из связанных цепями колесных ар-

тиллерийских защищённых площадок (т. е. «обоз», но не из обычных повозок). Известно использование там и артиллерийской осадной башни (в 1552 г.).

В середине XVI в. отмечено использование специальных осадных щитов.

К началу XVI в. для создания осадных батарей стали применять туры. К середине XVI в. при осаде стали применять «закопы» (окопы). Во второй половине XVI в. контрвалационная линия стала состоять из туров, окопов и деревянно-земляных редутов («острожков»), а линии из тына и плетения ушли в прошлое. Тогда же рвы и окопы стали применять вне осад – прежде всего, для создания «крепостей» для пехоты в столкновениях с крымской и ногайской конницей вне Берега.

Изготовление заграждений распределялось на всех ратников (вначале колья и плетень, затем и туры). «Закопы» изначально делала сама пехота (стрельцы и казаки). Это способствовало оперативному возведению укреплений. Так в Судбищенской битве войско смогло непосредственно в сражении окружить себя «засекой». А в Молодинской битве смогли не только быстро доставить «обоз», но и окружить его рвом.

В 1572 г. появился гуляй-город, который состоял из связанных цепями и поставленных на колёсах деревянных щитов. Затем он стал называться «дощатым городом», «городом обозом» или просто «обозом». Использовался он при обороне Берега. Его главным преимуществом была возможность быстрой переброски с Берега на подступы к Москве. Был в употреблении до 1611 г.

Войны Смутного времени отмечены широким использованием «острожков» (редутов), в которых были реализованы как традиции возведения заграждений из кольев, так и навыки оперативного сооружения «закопов». Но это уже тема отдельного глубокого исследования.

1

2

3

4

Рис. 1. Рогатки. 1. Оборона Арской стороны. 1554 г. «Арьские люди, остроги поделав, от них отбилися, а с ними в острогах были стрелцы». 2. Острог Anfala под Устюгом. 1398 г. «Он сбе со своими други острог учиил и бияся с Яковым изо острога». 3. Оборона Новгорода. 1270 г. Во время конфликта с князем «новгородцы же поставша около града острог по обе страны и мною крепостию град укрепиша». 4. Очаков. 1556 г. «У Очакова острог взяли».

1

2

3

Рис. 2. Рогатки. 1. Осада Твери. 1375 г. «Тверь острогом оградиша, а чрез Волгу два мосту великих сътвориша». 2. Оборона Торжка. 1372 г. «И град поставиша крепок зело, и остроги вся уготовиша». 3. Оборона Новгорода. 1386 г. «И тогда поставиша новгородцы острог по спу хоромы».

1

2

3

4

Рис. 3. Надолбы. 1. Оборона Казани. 1500 г. «Царь же казанский повеле около града нарядити острог». 2. Оборона Рязани. 1512 г. «Острог взял, и ко граду приступал». 3. Оборона Чернигова 1152 г. 4. Оборона Казани. 1530 г. «Острог у них по Булаку взяша».

1

2

3

4

Рис. 4. Остроги. 1. Арский острог. 1552 г. «Острог бе их срублен городнями и замлею насыпан, и в ъном месте многими засеками засечено, сделан промеж непроходимых болот.» 2. Оборона болгарского Ошеля. 1219 г. «Острог утвержден около града крепок тын дубов, а затем два оплота». 3. Осада Рязани Батыем. 1237 г. «Острогом оградиша». 4. Осада Владимира Батыем. 1237 г. «Огородиша тыном около всего города».

1

2

3

4

Рис. 5. Колья и надолбы. 1. Липицкая битва. 1216 г. «Забежаща за дебрь, и внидоша в крепость, и осек осекоша, и колье набиша». 2. Липицкая битва. 1216 г. «Бяше бо плотом обито, и плетени оплетено, и кольем осажено, и в той крепости стоаще». 3. «Город в кольях» на Калке. 4. Битва у Коломны. 1237 г. «Прогнаша их к надолбом».

1

2

3

Рис. 6. Засеки. 1. Осада Сыренска. 1558 г. «Дороги изсасекли, и поставили по засекам голов с детьми боярскими и князей казанских». 2. Осада Озерищ. 1564 г. «И над городом промышлял, и все дороги по засеке, которые были к Озерищам. И пришли к Озерищу из Витебска на помощь литовские люди...и засеки учали прочищати». 3. Судбищенская битва 1555 г. «Наехал в дуброви коши своих полков... и ту осеклися».

1

2

3

4

Рис. 7. Осада Казани. 1552 г. 1. «И где нелзе туром быти, и государь, пересмотря место, повеле диаку своему Ивану Выродкову промеж тур тын ставить». 2. «В судех... башни и тарасы рубленные велел привезти, яже уготовлены против Казани поставити». 3. «Повеле государь большую крепость делать против Царевых ворот и Арьских и Аталыковых и Тюменских». 4. «И поставиша башту шти сажень вверх, вознесли на нее много наряду, полуторные пищали и затинные».

1

2

3

Рис. 8. Обоз. 1. Битва на Ворскле. 1399 г. «Стоящу на другой стране реки Ворсколы в обозе в кованых телегах на чепех железных со многими пищальми и пушками и само-стрелы». 2. Осада Рынгола. 1558 г. «А наряду с мистром много, а стоит маистр, окопался великим рвом и обозом одернувся кругом». 3. Фрагмент гуляй-города с плана Москвы, помещенном в «Album Amicorum» Исаака Массы (1618 г.).

НЕОБЫЧНЫЙ ШЛЕМ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

(О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЦИЛИНДРОКОНИЧЕСКИХ БОЕВЫХ НАГОЛОВИЙ).

УДК 94:623.445.2
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.221-243

© 2020 г. Кулешов Ю.А. (yurah1@mail.ru)
Научный семинар «Военная археология»,
Институт археологии РАН, Москва, Россия.
© 2020 г. Орленко С.П. (orlenko@kremlin.museum.ru)
Оружейная Палата Московского Кремля, Москва, Россия.

Резюме: Авторы публикуют необычный шлем из собрания Оружейной Палаты Московского Кремля. Внешне шлем более всего походит на группу глубоких цилиндрикоконических шлемов типа Торунь/Городец/Белая Калитва. Но, по конструкции отличается от них. А европейские изобразительные источники показывают, что неглубокие цилиндрикоконические шлемы, к которым относится публикуемый экземпляр, появляются позже шлемов типа Торунь/Городец/Белая Калитва, около 1450 г. Наиболее близкой же конструктивной аналогией исследуемому шлему являются шлемы так называемого тюрбанного типа. Ранее уже отмечалось, что интересующий нас тип шлемов появился в бывших имперских мастерских г. Константинополя. При этом, как удалось установить авторам данной работы шлемы тюрбанного типа появляются не сразу, они происходят именно от шлемов, которые относились к тому же типу, что и публикуемый.

Далее авторы рассматривают шлемы, которые имеют ряд признаков роднящих их со шлемом из собрания Оружейной Палаты, и разбирают этот феномен. В поля зрения исследователей попали шлемы из окрестностей прусской д. Мюлен и д. Георгенбургелен, два шлема (№2 и №3) из Республики Беларусь, которые были обнаружены в районе брода на р. Вихре в современной черте г. Мстиславль, и два экземпляра проданных на аукционе Hermann Historica OGH. Ранее все эти шлемы были отнесены к русскому комплексу вооружения. Но, авторы наглядно показали, что все они являются подражаниями шлему из собрания Оружейной Палаты, которые делали в г. Нюрнберг.

Ключевые слова: собрание Оружейной Палаты, военное дело, доспех, шлем.

*The extraordinary helmet from kremlin armoury collection
(about the final stage of the cylindrical-conical combat headgear development).*

© 2020 Kuleshov Yu.A. (yurah1@mail.ru)
Scientific seminar „Military archeology“ at the
Archeology Institute of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.
© 2020 Orlenko S.P. (orlenko@kremlin.museum.ru)
Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber, Moscow, Russia.

Abstract: The authors have published the extraordinary helmet from the Moscow Kremlin Armoury Chamber collection. Visually the helmet is very similar to the deep cylindrical-conical helmets group like Torun/Gorodets/Belaya Kalitva helmets but the construction is different. The European pictorial sources indicate that shallow cylindrical-conical helmets the published helmet refers to, have appeared later than Torun/Gorodets/Belaya Kalitva helmets type about 1450. And the turban type helmets have the most clothe constructive analogy to the investigated helmet. As stated earlier the helmet type we are interested in appears in the Constantinople former Imperial workshops. At the same time as the authors of the article have managed to install the helmets of the turban type have appeared not at once. They have come out exactly from helmet type the published helmet belongs.

Then the authors are examining the helmets having a number of related features with the Armoury Chamber helmet and analyzing this phenomenon. The helmets from the Prussian village regions of Mullen and Georgenburgellen, two helmets (№2,3) from Belarus discovered near by the Vihra river ford in the modern Mstislavl city limits and two helmets that have been sold at Hermann Historica OGH auction have been got in the researches view field. All this objects have been attributed to the Russian armoury complex but the authors have showed clearly that all of them are the imitations of the Armoury Chamber and have been made in Nuremberg.

Keywords: Kremlin Armoury collection, warfare, armor, helmet.

В собрании Оружейной Палаты Московского Кремля хранится интересный шлем, связанный с русским комплексом вооружения конца позднего Средневековья – начала Нового времени, который до сих пор остаётся неизвестным для исследователей, занимающихся данной проблематикой. Между тем изображение упомянутого боевого наголовья было приведено ещё в трудах А.В. Висковатова и В.А. Прохорова, но при этом изображение наголовья выглядят в этих работах настолько необычно, что специалисты отнеслись к ним скептически и не приняли в расчёт¹.

Шлем, Инв. № Ор-4643, представляет собой боевое наголовье цилиндрической формы, его общая высота – 25 см, диаметр – $21,5 \times 22$ см, выполненное в технике внешнейковки (не путать с внешней выколоткой – *райзингом* – Ю.К., С.О.)² и кузнечной сварки (рис. 1: 1–3).

Конструкция шлема выглядит следующим образом. Из листового железа была свёрнута неглубокая, но при этом широкая воронка. Концы её фиксировались кузнечной сваркой, а сам шов расковывался. Далее, ударами инструмента типа зубило изнутри сформировано горизонтальное ребро, которое позволяет придать заготовке необходимый диаметр. Вследствие данной операции верхняя коническая часть получила деформацию в виде седловидного изгиба, а нижняя опустилась *юбкой*, на которой снизу был сделан разрез, высотой чуть больше половины будущего венца. После этого один край разреза заведён на другой, таким образом, из нижней части сформировали цилиндрический венец. Края заготовки, оказывавшиеся внутри шлема, обрезают, а

место стыка зафиксировали кузнечной сваркой. Сам шов расковали, зачистили и заполировали, как и основной.

Шлем венчает шпилевидное навершие, его общая высота ≈ 7 см. Основа свёрнута в трубку, шов которой сварен и раскован. Нижняя часть навершия наварена на технологическое отверстие на макушке тульи, место стыковки было затем расковано и заполировано (рис. 1: 4). Сверху на навершие насажена головка в виде цилиндрического колпачка. Снизу она оформлена в виде широкого валика, на который изначально была нанесена *рубашка*, в виде гравированной сетки. На сегодняшний день гравировка практически полностью стёрта. В верхней части головка имеет форму пустотелого цилиндра. Переход между обоими элементами декорирован в виде бороздки и узкого валика. Общая высота головки навершия – 1,5 см. По низу тульи шлема пробито 18 отверстий, которые расположены на разном расстоянии друг от друга и по высоте от нижнего края. Ряд отверстий сгруппированы, и располагаются друг над другом, или же чуть наискось. По диаметру отверстия делятся на две группы, 2×3 и 4 мм. Толщина стенок нижней части тульи от 1 до 1,8 мм.

Шлем находится в удовлетворительном состоянии, его внешняя поверхность заполирована, но местами имеет незначительный налёт ржавчины. В то же время внутренняя поверхность шлема покрыта достаточно сильным её слоем. Из-за этого, на сегодняшний день нельзя однозначно определить, где у шлема задняя часть, а где передняя. Все отверстия нижней группы либо разорваны, либо не замкнуты. Это следы последствий чист-

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. I. СПб., 1841. Табл. 53.

² Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению. Вып. 2. СПб., 1883. Табл. XI, 11.

ки шлема после пожара 1737 г., входе которой край шлема был немного сточен. Ряд отверстий верхней группы также надорваны, на месте одного из них имеется расхождение вторичного шва, доходящего до половины высоты венца.

В настоящий момент на шлеме посредством проволоки смонтирована бармица, которая явно никакого отношения к нему не имеет. В пользу этого свидетельствует «Опись 1884 г.», где про бармицу ничего не сказано. Более того, на это указывает и масса шлема, приведённый там – 1 фунт 46 золотника (≈ 610 г – Ю.К., С.О.). На сегодняшний день масса шлема с бармицей составляет более 2 кг. В архиве Оружейной Палаты нам удалось найти фотографию экспозиции, датированную 1930 г. На этой фототоргафии бармица на шлеме уже присутствует³. Данная экспозиции была смонтирована в 20-х гг., на основании чего можно полагать, что бармица к шлему была подвешена в это время.

По мнению составителей «Описи Московской Оружейной палаты» конца XIX в., этот шлем находился в Государевой оружейной казне в XVII в. Как полагали, он входил в группу из трех шлемов, описанных в книге 1687 г. в главе 44 «Шоломы» под № 8:

«Три шолома. Один граненой глаткой, а другой стальной круглой глаткой, а третьей стальной ж глаткой колмыцко[й]. У одного уши набиты немецкого белого железа на червчатом бархате, завяски тафтяные желтые. У третьева уши резные, завяски червчатые отласные. А по нынешней переписи 195-го (1687) году те шоломы против преж-

них переписных книг сошлись. А по осмотру у двух наушки покрыты сукном красным. У граненого затылка нет. Третьей без наушков. Цена им по рублю за шолом. А в прежней переписной книге написаны во второй статье»⁴.

В опубликованной «Описи 1884 г.» цитата из источника приведена не точно. Из описания третьего шлема группы выпало важное определение «колмыцко[й]». Таким образом, шлем Инв. № Ор-4643 может быть условно соотнесен только со вторым из шоломов входящих в группу – «стальной круглой глаткой». Как следует из документа, в 1687 г. шлем имел науши подбитые красным сукном и назатыльник.

Необходимо отметить, описание в «Переписной книге 1687 г.» и последующих описях вплоть до середины XIX в. таковы, что не дают уверенности, что речь в них идет именно о шлеме Инв. № Ор-4643. Уверенно с данным памятником соотносится лишь описание в рукописной «Описи Московской Оружейной палаты 1861–1865 гг.»⁵ Практически дословно оно воспроизводится в опубликованной «Описи Московской Оружейной палаты», в книге «Броня» под № 4387. «Шолом русский XIV в. Железный колпак *вогнутый* (курсив наш – Ю.К., С.О.), конусообразный, венец прямой широкий, по краю пробиты скважины и уцелело несколько гвоздей, те и другие служили для прикрепления бармицы, ушей и затылка, которых в настоящее время нет. Шолом во многих местах поржавел; весу в нем 1 фунт 46 золотников»⁶.

Что касается упоминания в «Переписной книге» наушей и назатыль-

³ Научный архив Музеев Московского Кремля. Ф. 61 Д. 4155. Негатив: «Экспозиция вооружения русских воинов XVI–XVII веков».

⁴ РГАДА, Ф. 396, Оп. 2, Д. 936: Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 470.

⁵ Научный архив Музеев Московского Кремля Ф. 1 Д. 19: Опись Московской Оружейной палаты 1861–1865 гг. Кн. 1. Л. 22, об. 222.

⁶ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3 Кн. 2. М., 1884. С. 9

ника «немецкого белого железа» (т.е. жестяных – Ю.К., С.О.) подложенных бархатом, то это указывает на то, что данный шлем, как и множество других из хранилищ Оружейной палаты использовался в парадно-церемониальных мероприятиях русского двора. Для этого делали новые шлемы – шишаки. Но вместе с тем использовали и старые шлемы самого разного происхождения, которые были в казне, в т.ч. и шеломы – доделывали им науши и назатыльники и выдавали в конные сотни, встречавшие иностранных послов, участвовавшие в царских смотрах, выездах и т.д.⁷ Видимо, именно с этим фактом связан ряд отверстий на нижнем крае шлема.

Представленный шлем наиболее всего походит на группу глубоких цилиндроконических боевых наголовий типа Торунь/Городец/Белая Калитва (рис. 2)⁸. Между тем, у него есть важное отличие от упомянутой группы – он не является глубоким. Можно предположить, что перед нами шлем, подвергшийся в процессе эксплуатации демонтажу нижней части венца. До наших дней сохранилось не одно подобное боевое наголовье⁹. Более того, если гипотетически обрезать исходные образцы, то размеры в обоих случаях окажутся приблизительно схожими¹⁰. Но против этой версии указывают конструктивные различия: так, глубокие цилиндроконические боевые

наголовья, собранные из трёх деталей – цилиндрического венца, конической тульи и навершия. Более того, форма тульи в отношении группы глубоких цилиндроконических боевых наголовий типа Торунь/Городец/Белая Калитва обусловлена защитными функциями, в то время как у шлема из собрания Оружейной Палаты, как мы показали выше, она является следствием технологии.

Ближайшей аналогией публикуемому шлему в технологическом плане является группа так называемых *тюрбанных шлемов* или *тюрбанников* (рис. 3: 1–2). Ранее одному из авторов данной работы удалось установить, что они изготовлены из листового железа, путём сворачивания цельной заготовки в виде воронки с расположением основного сварного шва в лицевой части (рис. 3: 1а–2а). Дополнительный шов, формирующий диаметр шлема, располагался на затылке, как правило, с левой стороны (рис. 3, 1б–2б)¹¹.

До сегодняшнего момента проследить генезис *тюрбанных шлемов* исследователям не удавалось, а происхождение их оставалось туманным¹². Большинство дошедших до нас экземпляров датируются серединой – 2-й половиной XV – 1-й половиной XVI в. Более ранние датировки представителей этой группы боевых наголовий сомнительны и вызывают много вопросов¹³. Что касается их происхождения,

⁷ Кулешов Ю.А., Орленко С.П., Анисимова М.А. Позднесламские маски-забрала из собрания Музеев Московского Кремля и коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 28: Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятник, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 232–234.

⁸ Кулешов Ю.А. К проблеме выделения боевых наголовий XV в. в древнерусском комплексе вооружения (в свете дискуссии о смене доспешной моды в период ориентализации). – см. настоящий сборник.

⁹ Кулешов Ю.А. К проблеме выделения византийских боевых наголовий (на примере одной группы шлемов) // Военная археология: Сборник материалов научного семинара. Вып. 5: В честь 90-летия выдающегося отечественного оружейника доктора исторических наук А.Н. Кирпичникова. М., 2019. С. 226–229. Рис. 3–5.

¹⁰ Kusztelski L., Dziewanowski W. Hełm średniowieczny // Broń i Barwa: Biuletyn Stowarzyszenia Przyjaciół Muzeum Wojska. R. 4. № 3. Warszawa, 1937. S. 60.

¹¹ Кулешов Ю.А. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб., 2019. С. 223–224.

¹² Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины (материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 266.

¹³ Alexander D. Two Aspects of Islamic Arms and Armor // Metropolitan Museum Journal. Vol. 18. New York, 1983. P. 97.

то в этом вопросе дальше всех продвинулся американский исследователь Д. Александер (D. Alexander). Проанализировав орнаментальные мотивы, он пришёл к выводу, что, хоть они и производились в разных ремесленных центрах Османской Империи, но оружейники их изготавливавшие работали в традициях бывших имперских мастерских в Константинополе¹⁴.

Как представляется, публикуемый шлем является ключом к разгадке происхождения *тюрбанных шлемов*. На это нам указывает такая техническая инновация как *горизонтальное ребро*, которая, по сути, значительно упрощает изготовление шлема. Во-первых, этот приём позволяет легко формировать диаметр шлема. Во-вторых, отказаться от простой конической заготовки. Последнюю необходимо было дорабатывать внутренней ковкой – *доумингом*, придавая ей объём, а в случае с применением *горизонтального ребра* достаточно было менее трудоёмкой внешнейковки.

Данная техническая инновация была впервые применена при изготовлении глубоких цилиндроконических боевых наголовий типа Торунь/Городец/Белая Калитва. В случае с этой группой шлемов, интересующий нас приём был необходим для стыковки конической тульи с цилиндрическим венцом¹⁵. Выше мы указали на различную морфологию публикуемого шлема и шлемов типа Торунь/Городец/Белая Калитва. Но, вне всяких сомнений, в конструктивном плане шлем из собрания Оружейной Палаты является развитием группы цилиндрокони-

ческих боевых наголовий. То, что это так, а не наоборот, свидетельствуют изобразительные источники.

Первое изображение, где мы видим шлемы, близкие по форме к публикуемому, это фреска «Христос перед Пилатом», расположенная на северной стене пресвитерия костёла св. Андрея (św. Andrzeja) в д. Стжельники, историческая Силезия, нынешнее Опольское воеводство Польши. Интересующий нас шлем мы видим на стражнике Христа (рис. 4: 1). Польские исследователи упорно склоняются к датировке всех фресок костёла наиболее ранним временем и относят их к 1418–1428 гг.¹⁶ Между тем, есть свидетельства, что костёлы этого региона были разрушены гуситами в 1428 г., а их восстановление стало возможно не ранее 1432 г., после прекращения боевых действий в данной местности.

Я. Коштовский (J. Kostowski) считает, что восстановление костёлов было завершено только около середины XV в.¹⁷ Не противоречит этому и фасон одежды, показанной на фресках костёла св. Андрея, пик популярности которого в Европе приходится на 1440-е гг.¹⁸ При этом, судя по всему, интересующая нас северная стена пресвитерия костёла была расписана позже всего. В пользу этого свидетельствует то, что на фреске с южной стены пресвитерия шлемы цилиндроконической формы показаны, в противоположность шлему с фрески на северной стене, исключительно глубокого типа¹⁹.

¹⁴ Alexander D. Two Aspects of Islamic Arms and Armor. P. 104.

¹⁵ Кулешов Ю.А. К проблеме выделения боевых наголовий XV в. в древнерусском комплексе вооружения (в свете дискуссии о смене доспешной моды в период ориентализации). – см. Военная археология. Вып. 7. (в печати).

¹⁶ Badowska K., Wasiak W. Ubiory Ludwikiem II legnicko-brzeskim i Elżbietą z Hohenzollernów // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Archaeologica. № 30. Łódź, 2015. S. 237.

¹⁷ Kostowski J. Sztuka śląska wobec husytyzmu. Późnogotyckie świadectwa malarskie // Artium Quaestiones T. V. Poznań, 1991. S. 34.

¹⁸ Badowska K., Wasiak W. Ubiory Ludwikiem II legnicko-brzeskim i Elżbietą z Hohenzollernów. S. 231.

¹⁹ Glosek M., Wasiak W. Nowe spojrzenie na problem przyłbicy typu pekillhube z Torunia. S. 134, 136. Ryc. 9–10.

То, что шлемы интересующего нас типа появились позднее группы цилиндроконических шлемов глубокого типа, свидетельствует следующий памятник. Это манускрипт «Букет историй» (*La Fleur des histoires*) бургундского придворного историографа Жана Мансельи (*Jean Mansel*). Данное произведение было создано по заказу бургундского герцога Филиппа Доброго между 1454–60 гг. Тут на миниатюрах мы видим десятки интересующих нас шлемов (рис. 4: 2, 2б), в том числе и очень похожих на публикуемый (рис. 4: 2а). В то же время в двух сценах здесь мы видим и цилиндроконические шлемы глубокого типа²⁰. Но такое неравное соотношение, на наш взгляд, красноречивей всего указывает на то, что цилиндроконические шлемы глубокого типа уже практически ушли в прошлое. Более того, в дальнейшем мы уже не увидим боевые наголовья этого типа в средневековом искусстве.

Следующее изображение интересующего нас шлема показано на миниатюре «Битва у стен Антиохии» рукописи «Хроники императоров» (*La chronique des empereurs*) бургундского хрониста XV в. Давида Обера (*David Aubert*). Здесь на одном из христианских воинов мы видим неглубокий цилиндроконический шлем (рис. 4: 3). Единственное его отличие от публикуемого шлема это то, что он снабжён дополнительными дисковидными наушами. Точно известно, что данная хроника, как и предыдущий манускрипт, была выполнена, опять же, по заказу бургундского герцога Филиппа Доброго в 1462 г.

Ещё один шлем присутствует на миниатюре «Избиение младенцев»,

которая показана на странице французской библии из собрания Библиотеки Кафедрального Собора Эстергома (*Főszékesegyházi Könyvtár*), Венгрия. На воине, показанном слева, мы видим неглубокий цилиндроконический шлем (рис. 4: 4). Сама библия датируется 70–80 гг. XV в.²¹

Следующий похожий шлем показан на одном из спящих стражников на гравюре «Воскресение», из цикла «Страсти Христовы» руки известнейшего нюрнбергского мастера Альбрехта Дюрера, которая была сработана им между 1509–1512 гг. (рис. 4: 5).

Из приведённых свидетельств следует, что неглубокие цилиндроконические боевые наголовья, типа Оружейная Палата, появляются не ранее середины XV в. А их появление стоит связывать с процессами, которые в европейском комплексе вооружения начинаются в это время. Дело в том, что с середины XV в. там пропадает необходимость в глубоких типах шлемов, и они полностью исчезают из обихода к 80-м гг. указанного столетия²². Таким образом, становится очевидным, что шлемы типа Оружейная Палата первичны по отношению к группе *тюрбанных шлемов*.

Подтверждение этому можно видеть и на ряде турецких боевых наголовий, которые изготовлены из листового железа с применением кузнечной сварки, и где диаметр сформирован посредством приёма *горизонтального ребра*, а выколотке подверглась только верхняя коническая часть. Первый из них происходит из так называемого Халкисского клада, верхняя дата сокрытия которого около 1470 г. (рис. 5: 2)²³. А второй, видимо, был за-

²⁰ Кулешов Ю.А. К проблеме выделения боевых наголовий XV в. в древнерусском комплексе вооружения (в свете дискуссии о смене доспешной моды в период ориентализации). Рис. 6,5-5а

²¹ *Radocsay D.* Francia és nemetalföldi miniatűrök Magyarországon. Budapest, 1969. Kép. XXXIII.

²² *Garancsay S.* Sculpture in Steel: A milanese renaissance barbute // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New Series.* Vol. 21. No. 5. New York, 1963. P. 182–191.

²³ *Ffoulkes C., Traquair R.* On Italian Armour from Chalcis in the Ethnological Museum at Athen // *Archaeologia: or Miscellaneous*

хвачен в ходе русско-турецкой войны 1829 г. в арсенале г. Адрианополь, или г. Эрзерум²⁴. Он хранится в Государственном историческом музее в Москве, в коллекцию которого поступил в 1934 г. из Военной академии моторизации и механизации им. Сталина (рис. 5: 1)²⁵. Внешне и технологически, они очень близки *тюрбанникам*, но это явно ещё не до конца оформившейся тип.

Таким образом, из всего выше сказанного можно предположить, что шлем из собрания Оружейной Палаты был изготовлен в имперских оружейных мастерских, незадолго до падения Константинополя в 1453 г.

Вопрос, каким образом шлем мог оказаться на Руси остаётся открытым. В качестве рабочей версии можно предположить, что он мог прибыть в свите деспины Софьи Палеолог. Между тем, есть целая серия русских шлемов, которая нам показывает, что подобную технологию изготовления шлемов на Руси знали и использовали.

Прежде всего, это шлем, который был найден в составе клада при исследовании селища Игнатьево-2, в округе подмосковного г. Звенигорода в 2015 г. Авторами публикации шлем датируется концом XV – 1-й половиной XVI в. (рис. 6: 1)²⁶.

Второй шлем был обнаружен в 1895 г. в составе домового арсенала при земляных работах в Ипатьевском переулке – историческом центре г. Москвы²⁷. Согласно нумизматиче-

скому материалу, гибель интересующего нас арсенала датируется большим московским пожаром 1547 г. При этом затронутый нами шлем существенно отличается от остальных четырёх, найденных совместно с ним, которые, в свою очередь, если не аналогичны полностью, то очень близки друг к другу²⁸. Это позволяет нам полагать, что данный шлем несколько старше прочих, входивших с ним в обнаруженный арсенал (рис. 6: 2)²⁹.

Третий шлем происходит из коллекции Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (далее НГОМЗ – Ю.К., С.О.), Инв. № НГМ КП 7560 МО-700. Согласно музейному сайту, его история поступления была утрачена во время эвакуации в период ВОВ. Ранее он был опубликован в работе В.А. Прохорова, но, к сожалению, и там его происхождение не было указано (рис. 6: 3–3а)³⁰.

И, наконец, четвёртый шлем, хранящийся ныне в Livrustkammaren, г. Стокгольм, Швеция, – шлем первого русского царя Иоана Васильевича Грозного, которой датируется временем около 1530–1533 гг. (рис. 6: 4).³¹

Таким образом, мы не можем полностью исключить того, что публикуемый шлем, как и его технология, оказался на Руси с греческими оруженниками, бежавшими после падения Константинополя в 1453 г. О том, что такие мастера у нас могли быть, косвенно свидетельствует «греческий» *айзенхут* из собрания Оружейной Палаты³². Последние

Tracts Relating to Antiquity, published by the Society of Antiquaries of London. Vol. 62, part II (2nd series, vol. 12 part 2). London, 1911. P. 381–390.

²⁴ Лещь Э. Указатель Отделения средних веков и эпохи возрождения. Ч. I: Собрание оружия. СПб., 1908. С. 132.

²⁵ Аставацатурян Э.Г. Турецкое оружие: в собрании Государственного Исторического музея. М., 2002. С. 62.

²⁶ Алексеев А.В., Смирнов А.Н., Двуреченский О.В. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в подмосковном Звенигороде. С. 51–54.

²⁷ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 29. Табл. III, XII, I.

²⁸ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Табл. XII, 2–4.

²⁹ Векслер А.Г., Мельникова А.С. Московские клады. М., 1973. С. 95.

³⁰ Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению. Вып. 2. СПб., 1883. Табл. IX, 6.

³¹ Бобринский А.А. Шлемъ Ивана Грознаго // Записки Императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. X. Вып. 1–2. Новая серия. СПб., 1898 г. С. 321–323.

³² Arendt W. Der «Griechische Eisenhut» aus der Moskauer Rustkammer // Zeitschrift für Historische Waffen und Kostümkunde.

исследования показали, что он хоть и был сделан на Руси, но в работе над ним принимали участия и носители византийских традиций³³.

Здесь стоит оговориться – дело в том, что один из авторов настоящей работы принимал участие в этих исследованиях и пришёл к выводу, что затронутый шлем относится к эпохе Дмитрия Донского³⁴. Но, несмотря на то, что прошло не так много времени после вышеуказанной работы, очевидно, что в свете новых открывшихся технологических нюансов, настала необходимость пересмотра датировки этого памятника. Такие попытки, хотя с нашей точки зрения и не столь значимые, уже предпринимались другими исследователями³⁵. В любом случае это выходит за рамки данной работы, и мы вынуждены вернуться к этому вопросу позднее.

Здесь мы не можем не обратить внимания на ещё один шлем. Дело в том, что он, как и выше исследованный шлем, относится к неглубоким цилиндрическим боевым наголовьям. Эта находка фигурирует во всех исследованиях, касающихся вопросов развития цилиндрических шлемов в целом. Помимо этого, данный шлем упорно отождествляют с русским ком-

плексом вооружения³⁶. Ко всему прочему, он ещё и внешне является полной аналогией шлему из собрания Оружейной Палаты.

Речь идёт о шлеме, найденном в 1938 г., во время проведения земляных работ Имперской службой труда вблизи деревни Мюлен, округ Остероде, бывшая Восточная Пруссия Германского Рейха (рис. 7: 1). Он был найден в трясине лугового болота, но, к сожалению, место находки доследовать не удалось. Между тем на шлеме имеются множественные повреждения – вмятина, нанесенная неопределённым типом оружия, и три отверстия от арбалетных болтов³⁷.

Упомянутая деревня находится в центре исторической Мазурии, она известна с 1328 г. и до 1520 г. являлась владением Тевтонского Ордена. Отечественным специалистам находка более известна как шлем из Мельно, данный вариант обозначения пришёл к нам из польской историографии³⁸ и является полонизмом топонима, отошедшего после 1945 г. к Польше.

Затронутая находка приводится специалистами исключительно в контексте генезиса глубокой цилиндрической группы боевых наголовий типа Торунь/Городец/Белая Калитва³⁹.

Neue Folge. Berlin, 1932–1934. Bd. 4 (13), Hft. 1. S. 1–3.

³³ Стерлигова И.А. «Шапка с Деисусом» как памятник Древней Руси // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования». Вып. 22. М., 2014. С. 112–134.

³⁴ Кулешов Ю.А. Место «Шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной Палаты в ряду позднесредневековых боевых наголовий Восточной Европы // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования». Вып. 22. М., 2014. С. 135–152.

³⁵ Чхаидзе В.Н. Шлем с Деисусом из собрания оружейной палаты московского кремля. К вопросу о происхождении и датировке // Археология евразийских степей. № 5: Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017. С. 122–132.

³⁶ Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XXVII. № 1. Warszawa, 1980. S. 58; Бохан Ю.М. Баявыя нагалоўі ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI стагоддзя // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мінск, 1996. С. 90; Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005. С. 226.

³⁷ La Baume W. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreussen // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. Jg. 15. H. 11–12. Leipzig, 1939. S. 300–301.

³⁸ Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego S. 58–59.

³⁹ Głosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 53–61; Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 225–228; Wasiak W. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia hełmu typu pekilhube z Kościoła w Strzelnikach koło Brzegu // Broń i wojna w dziejach człowieka. Łódź, 2009. S. 117–131; Głosek M., Wasiak W. Nowe spojrzenie na problem przyłbicy typu pekilhube z Torunia // Cum arma per aeva. Uzbrojenie

При этом, все кто обращал на неё внимание, ставят мюленскую находку во главу этого генезиса⁴⁰. Поводом для этого служит то, что исследователи традиционно относят находку близ д. Мюлен к 1410 г. и связывают её потерю с Грюнвальдской битвой⁴¹, т. к. данная деревня расположена на 5–6 км северо-восточней эпицентра битвы. Между тем, немецкий исследователь Вольфганг Ла Баум (Wolfgang La Baume), первым опубликовавший мюленский шлем, хоть и считал заманчивым связать его с событиями 1410 г., но всё же настаивал, что этот тип шлемов требует более детального изучения⁴².

Как мы показали выше, он оказался прав, и мюленская находка не может относиться к событиям 1410 г. Видимо, в случае с ней, мы имеем дело с прецедентом, когда на поле битвы находят предметы вооружения, которые не могли иметь к ней отношения и датируются совершенно другим временем⁴³.

Между тем, у мюленской находки есть одно существенное отличие от шлема из собрания Оружейной Палаты. Во-первых, навершие у неё надставлено на посадочную канавку по краю технологического отверстия и притянута к тулье пропущенной сквозь него шпилькой, чья головка выступает за головку навершия. Сама шпилька внутри шлема продета сквозь шайбу, а конец её раскован. Во-вторых, у мюленского шлема более высокий венеч, стенки которого имеют неболь-

шой радиус. А низ венца чуть отогнут, как бы корректируя радиус, что делает его более похожим на усечённый конус.

На основании вышесказанного мы смело можем полагать, что мюленский шлем был изготовлен в иной технологической схеме, чем шлем из собрания Оружейной Палаты. Профиль мюленской находки нам говорит о том, что заготовка данного шлема была сварена с одним швом. А в дальнейшем она подверглась выколотке изнутри. Конечной операцией была наварка навершия с посаженной на нём головкой в виде колпачка.

Это в свою очередь указывает на то, что мюленская находка является подражением шлему из собрания Оружейной Палаты и была изготовлена в ином производственном центре. О том, что мы имеем дело с однотипными вещами, но изготовленными в разных традициях подтверждает целая серия находок аналогичных мюленской. Причём их датировка указывает на то, что обе технологические схемы развивались параллельно.

Наиболее близкими аналогиями мюленской находке являются шлемы № 2 и № 3, выловленные в начале 2000-х гг. в районе брода на р. Вихра, в черте г. Мстиславль, Могилёвская область, Республика Беларусь (рис. 7: 2а–3)⁴⁴. От затронутого шлема они отличаются более упрощённой конструкцией. За счёт того, что мастер отказался от наставных наверший и

indywidualne na przestrzeni dziejów. Toruń, 2011. S. 126–154.

⁴⁰ Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. С. 226; Wasiak W. Identyfikacja średniowiecznych przedstawień ikonograficznych z realnymi egzemplarzami broni, na przykładzie wyobrażenia hełmu typu pekilhube z Kościoła w Strzelnie koło Brzegu. S. 124.

⁴¹ Glosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 58.

⁴² La Baume W. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreussen. S. 301.

⁴³ Марков А. Татарский шлем, найденный на Куликовом поле, принесенный в дар Музею Археологического Института И.А. Ивинским // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. Вып. III. СПб., 1885. С. 63–66; Двуреченский О.В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 150: Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005. С. 217.

⁴⁴ Бохан Ю.М. Новыя знаходкі сярэдневяковых шлемаў у Мстиславе // Беларускі гістарычны часопіс. № 12. Мінск., 2006. С. 50; Бохан Ю.Н. Шлемы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 125–126.

формировал их непосредственно из заготовки. Для этого мастеру пришлось верхнюю коническую часть усиленно рихтовать снаружи, путём наведения вертикальных граней – в первом случае их 10, а во втором 12. Вследствие этой подгонки переход к венцу у обоих шлемов получился более сглаженным и их форма от этого выглядит не столь ярко выраженной цилиндроконической. Между тем, у обоих шлемов сохранились наставные головки завершившие в виде колпачков. Ещё один отличительный элемент присутствует на шлеме № 3. Здесь путём приподнятия лицевой кромки дополнительно сформирован козырёк – нюанс, который не совсем чётко был отражён в первых публикациях находки (рис. 7: 2)⁴⁵.

Оба шлема были найдены на месте столкновения, которым послужил брод р. Вихры. По мнению Ю.Н. Бохана этим столкновением был бой литовской заставы под командованием князя Михаила Заславского и двором великого князя литовского Алаксандра Ягеллончика под командованием Евстафия Дашкевича с одной стороны, и воеводами великого князя московского Ивана III, с другой, произошедший 4 ноября 1502 г.⁴⁶

Как и ранее обнаруженный шлем у д. Мюлен, обе находки были атрибутированы как шлемы русского типа, а их принадлежность приписана воинам великого князя московского⁴⁷. Основанием для этого служит устоявшееся мнение о том, что в комплексе воору-

жения ВКЛ с рубежа XIV–XV вв. восточноевропейские традиции вытесняют западноевропейское влияние⁴⁸. Между тем, находки сабель непосредственно в оружейных мастерских ВКЛ, гибель которых чётко датируется концом 1–2 десятилетий XV в. этому противоречат⁴⁹. Как и находки деталей сабель на рыночных городских площадях этого же времени⁵⁰. То есть перед нами сразу вместе прямые свидетельства и производства, и продажи, что в свою очередь является неопровержимым аргументом указывающим на несостоятельность версии о подавляющем западноевропейском влиянии.

Следующая серия находок нам демонстрирует уже дальнейший этап развития этой группы боевых наголовий. Первый шлем этой серии был обнаружен в карьере для добычи гравия севернее деревни Георгенбургелен, округ Инстербург, провинция Восточная Пруссия, тогдашней Германской Империи (рис. VIII, 1-1a). В каком году произошла эта находка остаётся невыясненным, впервые она была опубликована в 1905 г.⁵¹ При этом сохранилась местная легенда, согласно которой шлем был найден в болоте вместе с его владельцем, предводителем одного из татарских набегов⁵².

Отечественным исследователям находка известна как шлем из под г. Черняховска, по названию, которое г. Инстербург, центр тогдашнего одноимённого округа, получил после 1945 г.⁵³ В свою очередь в польской и

⁴⁵ Бохан Ю.Н. Новыя знаходкі сярэднявечных шлемаў у Мсціславе. С. 50.

⁴⁶ Бохан Ю.Н. Новыя знаходкі сярэднявечных шлемаў у Мсціславе. С. 49.

⁴⁷ Бохан Ю.Н. Новыя знаходкі сярэднявечных шлемаў у Мсціславе. С. 51.

⁴⁸ Бохан Ю.Н. Еще раз к вопросу об особенностях вооружения белорусских земель Великого Княжества Литовского в конце XIV–XV вв. // *Історія давньої зброї. Дослідження* 2016. Т. I. Київ, 2017. С. 203–223.

⁴⁹ Виноградська Л.І. Предмети озброєння та обладунків XIV–XV ст. з розкопок замків на Побужжі // *Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. № 571: Держава та армія. Львів, 2006. С. 81–82. Рис. 5, 1.

⁵⁰ Терський С.В. Археологія доби Галицько-Волинської держави. Київ, 2014. С. 46. Рис. 246, 6.

⁵¹ Tafeln mit Abbildungen der wichtigsten Stücke des Museums der Altertumsgesellschaft nebst Erklärung // *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*. Н. 9: 1896–1905 Festschrift zum 25jährigen Jubiläum der Altertumsgesellschaft Insterburg. Insterburg, 1905. Taf. 16.

⁵² Разумный Г. Татарский шлем // *Черняховская городская газета «Полюс»*, №№ 1–3, 31 декабря 1997 г. – 1 января 1998 г. Черняховск, 1997. С. 11.

⁵³ Жуков К.А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // *Военно-исторический журнал «Воин»*. № 13.

белорусской историографии он приводится как находка с Выстручя над Прегола — польского варианта названия того же населённого пункта⁵⁴.

Как и мюленский шлем, находка из окрестностей д. Георгенбургелен не становилась предметом специального исследования, хотя оружейеды тоже не раз обращали на неё внимание. Большинство из них считают, что она синхронна со шлемом из д. Мюлен и традиционно соотносят её с русским комплексом вооружения⁵⁵. Отдельно стоит указать позицию немецких коллег, которые атрибутируют шлем как татарский и датирую находку достаточно широко, в пределах XIV–XV вв.⁵⁶

Ещё два похожих шлема были проданы на торгах немецкого аукционного дома Hermann Historica OGH, г. Мюнхен. Первый из них был продан на 26-х тогах аукциона, в мае 1992 г. (рис. 8: 2), а второй на 58-х, в октябре 2009 г. (рис. 8: 3). В описании к лотам оба шлема атрибутированы как русские по происхождению, при этом в обоих случаях регион находки указан не был⁵⁷. Между тем, в отношении первого лота нет никаких оснований для такой интерпретации. Что касается места его находки, то, судя по году его продажи, это не могли быть исконные древнерусские территории, даже не территории бывших Советских республик. Во-первых, в период развала СССР о чёрнокопателях ещё никто не слышал. Во-вторых, металлодетекторы тогда не имели свободного хожде-

ния и у мирных обывателей их попросту не было. В-третьих, ещё никто в то время не представлял ценности подобных находок. И, в-четвёртых, не было отлаженного потока контрабанды.

Вся приведённая серия находок отличается от предыдущей тем, что здесь ещё больше упростили технологическую схему. За счёт того, что верхушка шлема просто обколачивалась вокруг некоего разового шперака. При этом, часть шперака оказывалась вкованной внутрь шлема, а снаружи он обрезался и торчащий хвостовик обтачивался под невысокий шпиль⁵⁸. Таким образом, уменьшилось количество граней, у георгиенбургеленской находки их 8, а у шлемов с Hermann Historica — 6 и 4 соответственно. Более того, судя по отсутствию радиуса на стенках венца, теперь заготовка полностью выколачивалась снаружи. Всё это значительно уменьшало время изготовления этих боевых наголовий.

Что касается их датировки, то, на наш взгляд, вся группа этих боевых наголовий получает широкое распространение с последней четверти XV в. и широко бытует в Центральной Европе и Померании/Поморье до 2-й трети XVI в.

О популярности подобных шлемов в этих регионах на рубеже XV–XVI вв. свидетельствует реестр наёмной конной роты ротмистра Александра Севера, набранной им в преддверии турецкого вторжения, которое грозило Польше после неудачной Молдавской экспедиции короля Яна Ольбрахта в

Самара, 2003. С. 23.

⁵⁴ Glosek M., Nowakowski A. Średniowieczna przyłbica z Muzeum Okręgowego w Toruniu. Przyczynek do znajomości bałtyjskiego uzbrojenia ochronnego. S. 58–59; Бохан Ю.М. Баявья нагалоўі ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI стагоддзя. С. 90.

⁵⁵ Жуков К.А. Русские сферокопические шлемы развитого средневековья. С. 23.

⁵⁶ Müller H., Kunter F. Europäische Helme aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin, 1971. P. 156, 263. № 57.

⁵⁷ Hermann Historica OHG. 26 Auktion, 8./9. mai 1992: Antiken, Alte waffen, Orden, Militaria, Geschichtliche objekte. München, 1992. № 576; Hermann Historica OHG. 58 Auktion, 5–9. oktober 2009: Antique Arms & Armour, Arts and Crafts, Orders, Militaria. München, 2009. № 491.

⁵⁸ Пользуясь случаем авторы хотели бы поблагодарить м.н.с. Отдела реставрации ВИМАИВиВС, г. Санкт-Петербург, А.Г. Панкратова за помощь в ряде технических наблюдений.

1497 г. Среди 59 воинов роты, указанных в реестре, 51 имел шлем типа *пикельхаубе* (нем. *pikelhube*)⁵⁹. То есть шлемы с заострённым верхом, под которыми традиционно понимают неглубокие цилиндроконические боевые наголовья типа Мюлен/Георгиенбургелен⁶⁰. Сам реестр составлен в г. Краков 20 июля 1498 г.

Таким образом, появление серии шлемов типа Георгиенбургелен стоит относить к 1-му десятилетию XVI в. На наш взгляд, в дальнейшем именно эта серия шлемов группы неглубоких цилиндроконических боевых наголовий повлияла на модельный ряд защиты головы мастерских г. Нюрнберга, а заодно и мастерских гг. Аугсбурга, Ландсхута и Инсбрука. Технологически близкие шлемам типа Георгиенбургелен боевые наголовья там массово начали производить с 40-х гг. упомянутого столетия (рис. 5: 3). Мы не исключаем того, что именно в этих ремесленных центрах изначально и появились подражания, которое мы видим в мюленской находке.

Исходя из вышеизложенного, у нас есть все основания полагать, что шлемы типа Мюлен/Мстиславль/Георгиенбургелен имеют посредственное отношения к русскому комплексу. Так мы не можем полностью исключать, что некоторые импортные образцы этих типов, в частности ранние их серии, могли оказаться на Руси в качестве импорта. В пользу этого могут свиде-

тельствовать ранние образцы шлемов, получивших в отечественном оружейном обозначении *шишак*⁶¹.

Правда, в последнее время разгорелась дискуссия – насколько этот термин легитимен⁶². Мы не собираемся принимать участия в этом споре, нам интересен сам тип этих боевых наголовий.

Большинство исследователей считают тип этих шлемов достаточно поздним и традиционно датируют в пределах XVI–XVII вв.⁶³ Он, как и предыдущие группы шлемов никогда не становился предметом специального исследования. Между тем, ещё в 1976 г. А.Н. Кирпичниковым были опубликованы 2 *шишака*, годом ранее обнаруженные в колодце Арсенальной башни Московского кремля, сокрытие которых датируется около 1500 г. (рис. 9: 3)⁶⁴. При этом никого из исследователей не смутило то, что при столь ранней датировке оба шлема имеют уже полностью сформировавшийся для своего типа характерный вид. В свою очередь, то, что этот тип шлемов может иметь и более раннюю датировку указывает орнаментация второго шлема из Арсенальной башни, которая восходит к середине XV в.⁶⁵ Между тем, есть ряд представителей этой группы шлемов, которые, видимо, появились под влиянием боевых наголовий типа Мюлен и которые стоит относить к 3-й четверти XV в. К таковым, по нашему мнению, относятся *шишак* из коллекции

⁵⁹ Grabarczyk T. Uzbrojenie w konnej rocie Aleksandra Sewera z 1498 roku // *Archaeologia Historica*. № 34. Brno, 2009. S. 448.

⁶⁰ Nowakowski A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na początku XV w. // *Acta Archaeologica Lodziensis*. Nr. 29. Łódź, 1980. S. 72–75.

⁶¹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 31–33.

⁶² Шиндлер О.В. К вопросу о правомерности использования термина «шишак» в XVI веке, его происхождении и развенчании одного устаревшего мифа // *История военного дела: исследования и источники*. Т. X. СПб., 2018. С. 163–187; Комаров О.В. Дискуссия о доспешной терминологии // *Novogardia*. № 1. СПб., 2019. С. 132–133.

⁶³ Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // *Проблемы истории России*. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 318; Цветков А.В. Боевые наголовья XV–XVII веков из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Кириллов, 2015. С. 7–11.

⁶⁴ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 31.

⁶⁵ Жилин А.М. Орнаментация отечественного холодного оружия и защитного вооружения XIV–XVI веков // *Вестник ТвГУ. Серия: История*. Вып. 4. Тверь, 2011. С. 47.

НГОМЗ, Инв. № НГМ КП 4731 МО-643 (рис. 9: 1). Здесь мы видим практически цилиндрический венец, стенки которого имеют небольшой радиус, что указывает на идентичную технологию изготовления с мюленской находкой. Тоже самое, но уже с чуть отогнутой кромкой венца, прослеживается на *шшиаке*, найденном около 7 лет назад членами поисковых отрядов в округе исторического Ямгорода, нынешний г. Кингисепп, Ленинградская область (рис. 9: 2–2а). Более того, здесь, как и в случае со шлемом № 3 из р. Вихра, в лицевой части из нижней кромки шлема сформирован козырёк. Судя по всему это один из ранних *шшиаков*, потерю которого стоит относить к псковско-ливоским пограничным конфликтам 1469–1480 гг.

В данной ситуации примечательно то, что мы имеем только свидетельства копирования самых ранних серий этой группы боевых наголовий – типа Мюлен. Более поздние представители шлемов типа *шшиак* уже выколачивались снаружи, как представители серии типа Георгиенбургелен (рис. 9: 4). В то же время форма этих *шшиаков* оставалась неизменной. Это указывает на то, что на Руси развитию подверглась сама технологическая схема, а не продолжали копироваться импортные образцы. В свою очередь это полностью исключает использование в отечественном комплексе вооружения серии шлемов типа Мстиславль/Георгиенбургелен.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что овладение новыми техническими приёмами, которые мы видим при изготовлении боевых наголовий типа *шшиак*, далось отечественным оружейникам нелегко. Так ряд экземпляров этой группы шлемов несут на себе очень значительные по размерам *непровары*. То есть дефекты, представленные участками, где не произошла сварка поверхностей, а затем нижний или верхний слой выгорел в процессе повторного нагревания. То есть произошёл так называемый *пережог*, и тем самым в образовавшейся прорехе стал виден второй слой металла (рис. 10)⁶⁶. Что, в свою очередь, указывает на проблемы с операциями, требующими повторного нагревания в процессе кузнечной сварки, у русских мастеров на первых этапах освоения технологии сварных корпусов заготовки.

И в завершении, возвращаясь к первоначальному объекту данной работы, по результатам проведённого исследования стоит отметить, что шлем Инв. № Ор-4643 является одним из древнейших в собрании Оружейной Палаты. А историческая ценность его возрастает ещё больше, если учесть, что он занимает ключевое звено в эволюционной цепи нескольких групп боевых наголовий Балкан, Центральной и Восточной Европы конца позднего Средневековья – начала Нового времени.

⁶⁶ Шмаков В.Г. Кузнеца в современном хозяйстве. М., 1990. С. 144.

Рис. 1. Шлем из собрания Оружейной Палаты, Инв. № Ор-4643: 1–3 – общие виды; 4 – вид на технологическое отверстие на макушке тульи, хорошо видно, что наваршие наварное.

Рис. 2. Группа высоких цилиндроконических боевых наголовий: 1–2 – шлем из района г. Городец, Нижегородская обл., общие виды; 3–4 – шлем из округи столицы Кульмской земли г. Торунь, современная Польша, общие виды.

1a

2a

1

2

1б

2б

Рис. 3. Тюрбанные шлемы и их конструктивные особенности: 1 – Тюрбанный шлем из коллекции The Metropolitan Museum of Art, г.Нью-Йорк, США, Инв. № 04.3.214., общий вид; 1a – расслоение основного шва в лицевой части шлема; 1б – расслоение дополнительного шва на затылке шлема; 2 – тюрбанный шлем из коллекции The Metropolitan Museum of Art, г.Нью-Йорк, США, Инв. № 04.3.211., общий вид; 2a – расслоение основного шва в лицевой части шлема; 2б – расслоение дополнительного шва на затылке шлема.

Рис. 4. Неглубокие цилиндроконические шлемы на изображениях XV-XVI вв.; 1 – Фрагменты фрески «Христос перед Пилатом» расположенная на северной стене пресвитерия костёла св. Андрея (św. Andrzeja) в д. Стжельники, историческая Силезия, около 1450 г., нынешнее Опольское воеводство Польши; 2 – Фрагмент миниатюр манускрипта «Букет историй» (La Fleur des histoires) бургундского придворного историографа Жана Манселя (Jean Mansel), хроника была выполнена по заказу герцога Филиппа Доброго между 1454-60 гг.; 3 – Фрагмент миниатюра «Битва у стен Антиохии» рукописи «Хроники императоров» (La chronique des empereurs) бургундского хрониста XV в. Давида Обера (David Aubert), хроника была выполнена по заказу бургундского герцога Филиппа Доброго в 1462 г.; 4 – Фрагмент миниатюры «Избиение младенцев», французская библия 70–80 гг. XV в., собрание Библиотеки Кафедрального Собора Эстергома (Főszékesegyházi Könyvtár), Венгрия; 5 – Фрагмент гравюры «Воскресение», из цикла «Страсти Христовы» руки известного нюрнбергского мастера Альбрехта Дюрера, между 1509–1512 гг.

Рис. 5. 1 – Турецкий шлем из коллекции ГИМ, предположительно 60–70 гг. XV в.; 2 – Турецкий шлем из Халкисского клада, около 1470 г., Ethnikó Istorikó Mouseío, г. Афины, Греция; 3 – Нюрнбергский шишак, не ранее 1540 г., Magyar Nemzeti Múzeum, г. Будапешт, Венгрия.

Рис. 6. Московские *шеломы*: 1 – «большой» *шелом* из раскопок селища Игнатьево-2, рубеж XV–XVI вв., округа подмосковного г. Звенигорода; 2 – *шелом* из домового арсенала, в Ипатьевском переулке, исторический центр г. Москвы, не позднее 1-й трети XVI в.; 3 – *шелом* из коллекции НГОМЗ, происхождение не установлено, Инв. № НГМ КП 7560 МО-700, не позднее 1-й трети XVI в.; 4 – *шелом* первого русского царя Иоана Васильевича Грозного, Livrustkammaren, г. Стокгольм, Швеция, около 1530–1533 гг.

Рис. 7. Группа неглубоких цилиндроконических боевых наголовий типа «Мюлен»: 1 – шлем из округа деревни Мюлен, округ Остероде, бывшая Восточная Пруссия Германского Рейха, 1450–1460 гг.; 2 – Шлем №3, утерянный в ходе битвы 1502 г. в районе брода на р. Вихра, близ г. Мстиславль, Могилёвская область, Республика Беларусь, хорошо виден отогнутый козырёк; 2а – шлем №3, выловленный в районе брода на р. Вихра, шлем поставлен на козырёк, хорошо видно начало линии его отгиба; 3 – шлем №2, утерянный в ходе битвы 1502 г. в районе брода на р. Вихра, близ г. Мстиславль, Могилёвская область, Республика Беларусь.

Рис. 8. Группа неглубоких цилиндроконических болевых наголовий типа «Георгенбургелен»: 1 – шлем из округи деревни Георгенбургелен, округ Инстербург, провинция Восточная Пруссия, тогдашней Германской Империи, не позднее 1-й трети XVI в.; 2 – шлем проданный в 1992 г. на торгах немецкого аукционного дома Hermann Historica OGH, г.Мюнхен, не позднее 1-й трети XVI в.; 3 – шлем проданный в 2009 г. на торгах немецкого аукционного дома Hermann Historica OGH, г.Мюнхен, не позднее 1-й трети XVI в.

Рис. 9. Московские *шишаки*: 1 – *шишак* из коллекции НГОМЗ, происхождение не установлено, Инв. № НГМ КП 4731 МО-643, 3-я четверть XV в.; 2–2а – *шишак*, обнаруженный членами поисковых отрядов в округе исторического Ямгорода, 3-я четверть XV в.; 3 – *шишак* из колодца Арсенальной башни Московского кремля, утерян около 1500 г. ; 4 – *шишак* из коллекции ВИМАИВиВС, Инв. № 0138/50, был передан в 1873 г. из Оружейной Палаты, XVI–XVII вв.

Рис. 10. Московские *шিশаки*, элементы брака: 1 – *шিশак* из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника, Инв. № М-422, рубеж XV–XVI вв., общий вид; 1а – *шিশак* из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника, хорошо виден *непровар* в верхней части тульи; 2 – *шিশак*, найденный на берегу р. Енисей в районе г. Дудинка, российское Заполярье, рубеж XV–XVI вв.; 2а – *шিশак*, найденный на р. Енисей в районе г. Дудинка, хорошо виден *непровар* в нижней части тульи.

АРСЕНАЛ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ГОДУНОВА ПО ДАННЫМ ОПИСИ 1588 Г.

УДК 94:623.44
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.244-270

© 2020 г. Курмановский В.С. (kurmanovskiy@mail.ru) к.и.н.,
Отдел средневековой археологии
Института археологии РАН, Москва, Россия.

Резюме: В статье рассматривается описание предметов вооружения в Описи имущества Бориса Федоровича Годунова 1588 г. – одном из информативнейших источников по истории материальной культуры русской высшей аристократии XVI в., анализируется состав арсенала Бориса Федоровича, территориальное происхождение различных категорий и предметов вооружения, терминология предметов вооружения и их конструктивных элементов, делаются попытки сопоставления терминов источника с сохранившимися образцами предметов вооружения XVI–XVII вв. и их деталями.

Ключевые слова: Россия, XVI в., вооружение, письменные источники, комплексный подход, терминология, Опись имущества Бориса Годунова.

Boris Fyodorovich Godunov's armoury according to the 1588 Inventory.
© 2020 Kurmanovskiy V.S. (kurmanovskiy@mail.ru),
Candidate of Historical Sciences,
Department of the medieval archaeology, Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract: An article observes the description of the armaments in the Inventory of Boris Fyodorovich Godunov's property 1588 AD, which is one of the most informative sources for the history of the material culture of the 16th century Russian higher aristocracy, analyzes the structure of the Boris Fyodorovich Godunov's armoury, the territorial provenance of the different groups and items of armament and their structural elements, in the article is made an experience of the comparison of the terms of the source with the remaining items of armament of the 16th–17th centuries and their details.

Keywords: Russia, 16th century, armament, written sources, integrated approach, terminology, the Inventory of Boris Godunov's property.

Опись казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. является одним из ценнейших источников по истории материальной культуры высшего слоя русского общества XVI в. Значительный объем информации, содержащейся в документе, касается комплекса вооружения. Опись была введена в научный оборот еще в XIX в., однако данные о материальной культуре и, в частности, о вооружении, содержащиеся в ней, до сих пор не становились предметом специального исследования.

В задачи настоящей статьи входит последовательное рассмотрение собрания оружия, зафиксированного Описью казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г., анализ терминологии, опыт первичной систематизации и классификации предметов вооружения на основе документальных описаний с выходом на перспективу их сопоставления с вещественными источниками.

Опись была составлена в октябре 7097 (1588) г. В настоящее время она хранится в фонде Оружейной Палаты Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2). Текст описи с незначительными купюрами был опубликован в приложении к труду П.И. Савваитова «Описание старинных царских утварей...»¹. Основная часть работы представляет собой терминологический словарь-указатель различных предметов быта, одежды, вооружения и конского убранства. Работа Савваитова, в особенности ее второе дополненное издание, озаглавленное «Описание

старинных русских утварей...»² (лишенное, однако, приложений с публикациями документов), до настоящего момента не утратила своего научного значения и является одним из ценнейших справочников по материальной культуре допетровской России. В то же время, публикация документов в работе Савваитова не вполне соответствует современным требованиям и не может служить для исследователя полноценной заменой подлинника. При сопоставлении текста, опубликованного Савваитовым, с подлинником обнаруживаются некоторые расхождения. В частности, видоизменены заголовки глав описи, которые переведены из родительного в именительный падеж и «скорректированы» в соответствии с содержанием глав. Так, например, клевец и шестопер («шестепер») в подлиннике описаны под одним заголовком «Клевцов»³, в то время как в публикации этот заголовок звучит как «Клевец и шестепер»⁴. В публикации имеются также ошибки в прочтении отдельных слов, приводящие к искажению смысла написанного (например, «сабля угорская»⁵ прочитано как «сабля горская»)⁶.

Опись представляет собой книгу в четвертку объемом 185 листов, поделенную на 35 глав в соответствии с различными категориями имущества. Среди описываемого имущества фигурируют одежда, материя, разнообразные предметы утвари, оружие и конская сбруя. В тексте описи имеются приписки того времени, а также пометки на полях, вероятно связанные со сверкой предметов по описи. По

¹ Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной Палаты. СПб., 1865. С. 11.

² Савваитов П.И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 147.

⁴ Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей... С. 30.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 145 об.

⁶ Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей... С. 30.

предположению составителя «Описания записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов» А.Е. Викторова, эти пометки могли быть сделаны при передаче предметов в царскую казну после восшествия Годунова на престол⁷.

В описи последовательно перечислены следующие категории предметов наступательного вооружения, вынесенные в заголовки книги в родительном падеже: саадаки, стрелы, луки, сабли, брусы, клевцы, шестоперы, топоры, ножи, рогатины (вместе с ними описаны копья), самопалы, самострелы, пищали (заголовок отсутствует). Далее, под общим заголовком «Доспеху Бориса Федоровича» описаны шелом, байдана, «пансыри» и наручи (для двух последних категорий имеются отдельные заголовки). За ними следуют «людские саадаки», шеломы, «дошчатый» доспех, вероятно, под этим же общим заголовком юшманы, бехтерцы и латы; кольчатый доспех и щиты. Очевидно, защитное вооружение, описанное после «людских саадаков», также являлось «людским». Расположение описаний предметов и их категорий, вероятно, передает их статусные особенности. Так, например, аналогичную иерархию различных видов вооружения (первоначально описываются саадаки, затем сабли и т. д.) демонстрирует, в частности, позднейшая опись государственной оружейной казны 1687 г.⁸

В рамках настоящей работы порядок описания предметов в документе будет несколько изменен. Вначале будет описано защитное вооружение (как принадлежавшее лично Борису Федоровичу, так и «людское»), затем последовательно холодное, метательное и огнестрельное оружие.

Защитное вооружение.

Боевые наголовья.

В общей сложности, в описи зафиксировано 115 боевых наголовий. Большинство из них (96 экз.) описаны термином «шолом». Среди них лишь один «шолом» описывается в комплексе «доспеха Бориса Федоровича», прочие 95 помещены под заголовком «Шоломов» после «людских саадаков», и, вероятно, также предназначались для «людей» Бориса Федоровича. При этом напротив заголовка стоит цифра «32», что соответствует количеству статей, а не предметов.

В одной статье, как правило, описан один шолом, но в некоторых случаях некоторое количество предметов оказывается записаны вместе. В частности, вместе описываются «58 шоломов московских гладких»⁹. Очевидно, данные «шоломы» представляли собой защитное вооружение «рядовых» воинов.

Шелом из доспеха Бориса Федоровича описан следующим образом: «Шолом железной, наведен золотом, недоделан. Венец золот, по венцу травы чеканныя, промеж трав слова, подпис имя Бориса Федоровича, по венцу 4 изумруда да 4 яхонта лазоревых да 4 лалы, все в гнездах золотых, ушей и городка нет»¹⁰.

Для всех прочих 95 шеломов в тексте дается определение их происхождения (или разновидности). Так, большинство шеломов (76 экз.) названы «московскими», 9 шеломов – «шамохейскими», 4 – «литовскими», 3 – «черкасскими», 2 – «кизылбаскими» и 1 – «шолканским».

Материал самого шелома упомянут только для двух наголовий, а именно для шелома из «доспеха Бориса Федо-

⁷ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. I. М., 1877. С. 10.

⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 936.

⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 168.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 157 об.

ровича», который назван «железным» и для «шолканского» шелома, характеризованного определением «на булатное дело». Вероятно, шелом был изготовлен из дамаскской стали, имитирующей фактуру булата.

В описаниях шеломов фигурируют такие конструктивные элементы как *венце*, *уши*, *нос*, *подвершье*, *затылок*, *городок* и *спица*.

Венец упомянут в характеристике 7 шеломов. При этом в 3 случаях указывается материал *венца*, что позволяет судить о том, что последний представлял собой не часть корпуса шлема, а отдельную деталь. На двух из этих шеломов *венце* был «серебрян золочен», причем на одном венце имелись «искорки яхонты и бирюзы». *Венец* третьего шелома был «медян золочен». В венце этого шелома имелось «гвоздь серебряно горожато». В 4 остальных случаях речь идет о расположении декора на венце шелома. Следует также отметить, что в описании одного из прочих шеломов при характеристике декора вдоль края наголовья употреблено словосочетание «в ободу»¹¹. В ряде других описаний шеломов фигурирует «каемка». Все это свидетельствует о том, что «*венцам*», скорее всего, называлась не нижняя часть цельного корпуса шлема, а отдельный металлический обруч, не являвшийся обязательным конструктивным элементом и имевший, очевидно, в первую очередь декоративное назначение. Из 7 шеломов, в описаниях которых упоминаются *венцы*, по 2 шелома являлись «кизылбаскими», «черкасскими» и «московскими» соответственно, и 1 – «шамохейским». Большинство из них (6 экз.) помещены в начале списка шеломов, что свидетельствует об их высоком статусе и дорогой цене.

Науши – «уши» зафиксированы на 6 шеломах. Все они расположены в начале главы, то есть обладали высоким статусом и ценой. По происхождению 2 шелома с «ушами» были «кизылбаскими», 2 – «черкасскими», 1 – «шамохейским» и 1 характеризован как «московский», но имевший «уши шамохейские», на которых имелись «пупыши». Об одном из «кизылбаских» шеломов также сказано, что «уши» были сделаны «с пупыши».

«Городок» (очевидно, козырек) фигурирует в описаниях 8 шеломов (из них 6 описаны вместе). На одном из них (первом в списке шеломов) «городок» был «серебрян золочен», на другом – «медян золочен», на 6 наголовьях, описанных вместе, имелись «городки медяны». Из этих 8 шеломов 7 (6 описанных вместе и еще один, первый в списке) являлись «шамохейскими» и один – «московским» с «шамохейскими» «ушами».

Назатыльник – «затылок» упоминается в описаниях 2 «кизылбаских» шеломов, помещенных в списке на второй и третьей позициях. «Затылок» одного из них был «серебрян золочен». «Нос» также зафиксирован на 2 шеломах, один из которых был «кизылбаским» и один – «черкасским».

Еще одним конструктивным элементом шелома являлось «подвершье». Наличие такового («подвершье отбито серебряно золочено») отмечено лишь на одном «кизылбаском» наголовье. На этом же шлеме имелось «перо серебряно»¹².

В описаниях 12 шеломов встречены упоминания «спиц» – шпилей, венчавших наголовье. Во всех этих случаях речь в описании идет о насечке («наводе»), расположенном «под спицею». Из 12 шеломов 6 (описанных в одной

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 167.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 164.

статье) определены как «шамохейские», 5 – как «московские» и 1 – как «литовский».

Важным признаком, на который обращали внимание составители описи, являлось оформление поверхности наголовья. Последняя могла быть гладкой или же иметь грани. Характеристика по признаку «гладкости»/наличия граней приводится для 75 шоломов. Из них 60 (58 из которых были записаны в одной статье) были гладкими, прочие 15 имели грани. В документе выделены две основных разновидности граней: «прямые» и «косые». На 5 шеломах отмечены «*грани прямые*» (в том числе на одном – «*грани прямые мелкие*») и на 2 – «*косые*». На одном шеломах зафиксированы 4 грани, еще один характеризуется как «*двугранной*». Из 15 шоломов с гранями 2 были «черкасскими», 1 – «кизылбаским», 1 – «щолканским», 2 – литовскими и 9 – московскими. Помимо 58 «шоломов московских гладких», из 2 остальных гладких шоломов, один был «московским» и один – «литовским».

Среди элементов внешней отделки шоломов в описи фигурируют также заклепки – «гвоздь». «Гвоздь» упомянуто в описаниях 3 шоломов. В 2 случаях это было «гвоздь серебряно горохато» (на одном из наголовий оно находилось «в венце») и в одном «гвоздь железное». Один из шоломов с «гвоздем» был «кизылбаским», другой – «московским», и третий, с железным «гвоздем» – «черкасским».

Не вполне ясен облик одного из литовских шоломов, описанного следующим образом: «шолом литовской с крыльцы, а в крыльцах пухышки». Слово «крыльцы» в тексте в обоих случаях зачеркнуто, и над ним сверху подписано

в соответствующих падежных формах «*клинцы*»¹³.

Какая-либо информация о матерчатой подкладке шоломов встречена в описаниях 3 наголовий. Два шелома (один из которых был «кизылбаским», а другой – «черкасским») были подложены алыми «дорогами». Еще один «черкасский» шолом был подложен «зеньдью алою». Отсутствие подкладки было специально отмечено в описании одного из «шамохейских» шоломов.

Различные элементы декора в описи фиксируются на 24 шеломах, записанных в 19 статьях из 23. Наиболее распространенной техникой украшения шоломов в описи оказывается «навод» (насечка) золотом, серебром или медью. «Навод» отмечен на 19 наголовьях. При этом на 4 шеломах имелся золотой «навод», на 5 – серебряный, на 7 (включая 6 шоломов, описанных вместе) – одновременно золотой и серебряный и на 3 – медный. По происхождению 9 шоломов, украшенных «наводом», были «шамохейскими», 7 – «московскими» и по 1, соответственно, – «щолканским», «черкасским» и «литовским». Все 3 шелома, «наведенные медью» в документе названы «московскими». Размещение «навода» демонстрирует существование довольно устойчивых орнаментальных схем. Так, 4 шелома были «наведены» (в 3 случаях – золотом, в 1 – медью) «через грань». Другая распространенная схема предполагала размещение «навода» в виде орнаментальных поясков «под спицею» и в нижней части наголовья. Так, на 7 шеломах (из которых 6 были описаны вместе, в одной статье) были «наведены» «каемка и под спицею», на одном – «2 каемки и под спицею». Еще на одном шеломах «навод» располагался

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 166 об.

«поверх венца и под спицею», на другом – «в ободу и под спицею». На двух шеломах «навод» имелся только «под спицею», еще один шелом имел только наведенную серебром «каемку». В отношении последней в документе употреблен глагол «бывала», что свидетельствует о том, что в 1588 г. на шлеме читались лишь следы «каемки».

В описаниях 2 «шамохейских» шеломов не дается четких указаний на размещение «навода», но более подробно описан сюжет орнамента. В обоих случаях в его основе лежит растительный орнамент – «травы». Так, на шеломе, открывающем список, были «травы наведены золотом» без каких-либо подробностей. На другом шеломе были «травы в розвод наведены серебром, промеж трав 4 мишенцы»¹⁴. Можно предполагать, что в данном случае орнамент мог покрывать большую часть корпуса шлема.

Помимо собственно корпуса шелома, «наводом» украшались и другие его детали. Так, на одном «черкасском» шеломе, помимо золотого «навода» «через гран» на корпусе, были «венец и уши наведены золотом», у аналогично украшенного «московского» шелома с «шамохейскими» «ушами» на последних были «наведены золотом» «кайма и пупыши».

Другим способом украшения шеломов являлась роспись. «Писание» украшения были отмечены на двух шеломах. Особенно красочно выглядел «шолом кизылбаской <...> по венцу писаны травы золотом по лазори, через гран полоса черлена и зелена писано золотом, уши с пупыши писаны золотом по червчатой земле...»¹⁵. На другом, «черкасском», шеломе были «венец и грани и уши писаны травы

золотом». Еще один, также «черкасский», шелом, украшенный по корпусу «через гран», венцу и ушам золотым «наводом» описан термином «молевой».

В описи встречены и более редкие способы орнаментации шеломов. Так, на другом «кизылбаском» шеломе было отмечено «по нем по всем прутье серебряно золочено». «Уши» на этом же наголовьи были «серебром обиваны». На одном из «черкасских» шеломов имелась «басма медяная». Один из «литовских» шеломов был «через гран водкою травлен». Инкрустация полудрагоценными и драгоценными камнями было отмечено выше на шеломе из «доспеха Бориса Федоровича» и на «венце» первого в списке «шамохейского» шелома.

Текст описи не позволяет четко проследить различия между шеломами различных территориальных разновидностей, однако, суммируя данные документа, можно попытаться дать некую обобщенную характеристику выделенных территориальных групп.

«Шамохейские» шелома являются второй по численности (после «московских») группой шеломов в арсенале Бориса Федоровича (9 экз.). Своим происхождением эти наголовья, очевидно, связаны с г. Шемаха в Ширване. Эти шелома представлены как открывающим список и, очевидно, вторым по ценности и статусу после шелома из «доспеха Бориса Федоровича» наголовьем с серебряными деталями, украшенным яхонтами и бирюзой, так и сравнительно скромно отделанными образцами, помещенными в средней части списка, шесть из которых были записаны в одной статье. Среди конструктивных особенностей «шамохейских» шеломов следует отметить

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 165.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 164.

зафиксированное, по крайней мере, у 6 образцов наличие шпиля – «спицы», наличие у 7 из 9 шоломов «городка», и как минимум у одного – «ушей». Кроме того, один из «московских» шоломов имел «уши шамохейские» с «наведенными» золотом «каймой» и «пупышами». Наличие наносника и назатыльника у «шамохейских» шоломов в описи ни разу не отмечено. Равным образом, ни на одном из «шамохейских» шоломов не встречено упоминаний о гранях на поверхности (как, впрочем, и о «гладкости»).

Среди специфических особенностей декора «шамохейских» шоломов, вероятно, следует назвать возможность украшения основной части корпуса растительным орнаментом в технике «навода» золотом или серебром. Подобные «травы» отмечены на 2 «шамохейских» шеломах. На прочих 7 шеломах также присутствует «наведенный» золотом или серебром декор, однако, нанесенный по «стандартной» схеме – «каемки» и под «спицы» у 6 образцов и одна «каемка» у одного.

«Кизылбаские» (иранские) шоломы представлены 2 экземплярами. Оба образца принадлежат к числу наиболее дорогих и занимают в общем списке вторую и третью позиции. Среди их конструктивных особенностей можно отметить, что оба шелома имели «венец», «уши» и «затылок». На одном из них отмечен также «нос». Упоминания «городков» отсутствуют. Нет также упоминаний о «спицах». В описании одного шелома встречено упоминание граней. На одном из шоломов упомянуто «подвершье», в котором, вероятно, крепилось «перо серебряно». Оба шелома были богато декорированы. На одном из них было «по нем по всем прутье серебряно золочено», «уши серебром обиваны», серебряные золоченые «венец» и «затылок» и «гвоздь горючато серебряно». Второй шолом

был полностью расписан цветными красками и золотом. Этот же шлем был подложен «дорогами алыми».

«Черкасских» (очевидно, северокавказских) шоломов насчитывалось 3 образца. Они помещены в начале и средней части списка шоломов. Два шелома были более богато украшены и описаны более подробно. В описаниях двух шоломов упомянуты грани (на одном – «грань косая»), «венец», и «уши». На одном из этих двух наголовий зафиксирован также «нос». У этого же шелома были «венец и грани и уши писаны травы золотом». Второй шолом был «наведен золотом» «через гран косую», «наведены золотом» на нем были также «венец» и «уши». Кроме того, данный шолом назван «молеванным». Для обоих этих шоломов указан также материал матерчатой подкладки. Один из них был подложен «зендью алою», другой – «дорогами алыми». Третий шолом был отделан значительно проще и описан коротко: «шолом черкасской, басма медяная, гвоздь железное».

«Щолканские» шоломы в арсенале Бориса Федоровича были представлены единственным экземпляром. Этот шолом (единственный во всем собрании) был выполнен «на булатное дело». Очевидно, поверхность шелома имитировала фактуру булатной стали. Шолом имел грани и «через гран» был наведен золотом. Другие подробности об этом наголовье не сообщаются.

«Литовские» шоломы, представленные 4 образцами, занимают позиции в середине списка шоломов. Дополнительные конструктивные элементы («нос», «уши», «затылок»), а также «венец» ни в одном из их описаний не фигурируют. Два шелома имели прямые грани, в том числе один – «грани прямые мелкие», один назван «гладким». Среди других конструктивных особенностей у одного

из шоломов упомянуто наличие «спицы». Четвертый «литовский» шолом имел некие «крылцы» («клинцы») с «пупышами». Сказать, представляли ли собой эти «клинцы» или «крылцы» дополнительные конструктивные элементы или же форму обработки поверхности корпуса шолома, не представляется возможным.

Декор зафиксирован на 2 «литовских» шоломах. В обоих случаях он был сравнительно скромнен. Так, один шолом был «через гран воткою травлен», другой – «под спицею наведен золотом и серебром».

Шоломы «московские» являлись численно преобладающими. Их насчитывалось 76, причем «массовая» серия из 58 шоломов была написана на последней позиции в одной статье.

«Московские» шоломы расположены в списке начиная с седьмой позиции.

Дополнительные конструктивные элементы – «уши» и «городок» – упомянуты в описании только одного «московского» шолома. При этом «уши» на данном шоломе названы «шамохейскими». На «ушах» были «наведены золотом» «кайма и пупыши». «Городок» шолома был «медян золочен». «Венец» зафиксирован на двух «московских» шоломах. Это упоминавшийся выше шолом с «шамохейскими» «ушами», «венец» и «городок» которого были «медяны золочены», и еще один шолом, «наведенный» «медью соловою» «повыше венца». Упоминания «спицы» фигурируют в описаниях 5 «московских» шоломов. На 6 шоломах зафиксированы грани. При этом один шолом был «двоегранным», на 3 имелось по 4 грани, также 3 наголовья имели «грани прямые» и одно – «косые». Один из шоломов, описанных индивидуально, и помещенные в одной статье «58 шоломов московских» были «глаткими».

Элементы декора прослеживались на 9 шоломах. Декоративное оформле-

ние «московских» шоломов выглядело следующим образом. Два шолома были декорированы «наводом» «через гран», причем у одного шолома, с «шамохейскими» «ушами», «навод» был золотым, а у другого, имевшего «грани косые» – медным. Четыре шолома были украшены «наводом» «под спицею» и в нижней части. «Навод» в нижней части шоломов у них описан по-разному. У одного шолома здесь имела «каемка», у другого – 2 «каемки», третий был «наведен медью» «в ободу», четвертый – «повыше венца». На двух из этих шоломов «навод» был золотым, и у двух – медным. Еще 3 шолома, описанные вместе, были «наведены серебром» только «под спицею».

Иные формы боевых наголовий были описаны под общим заголовком с шоломами, что позволяет предположить за термином «шоломы» более общее значение. Абсолютное большинство боевых наголовий, не названных «шоломами», обозначено как «шапки». Среди шоломов, на восьмой и девятой позициях в списке, фигурируют соответственно «10 шапок аглинских, наведены золотом сусальным через гран» и «5 шапок немецких молеванных». В конце главы, после «58 шоломов московских глатких» в описи стоят «8 шапок московских глатких», «гунскуп немецкой» и «шапочка черкасская с седкою». Описания предметов очень краткие и как-либо реконструировать наголовья на их основе весьма затруднительно. Название «гунскуп», вероятно, является производным от нем. Hundskopf («собачья голова» – очевидно, название шлема-баскинета), однако бытование подобных шлемов во второй половине XVI в. выглядит анахронизмом. Не исключено, что этот термин на Руси мог относиться и к другим формам «закрытых» западноевропейских шлемов. «Аглинские»

и «немецкие» «шапки» могли представлять собой наголовья наподобие т.н. морионов. «Шапочка черкасская», предположительно, являлась неким небольшим наголовьем с кольчужной «седкою» – бармицей.

В конце главы, посвященной шеломам, кроме того, перечислены некоторые принадлежности боевых наголовий. Это «*лоскут колчужной с сеченым колом*» (вероятно, фрагмент бармицы); «*подшоломник ветчан, отлас золотной, наушники тафта желта*»; «*34 пудра шоломных однорядочных*»; «*15 пудрь сермяжных*», «*кожаных 119 пудрь шоломных новых и ветчяных*». Очевидно, «пудра» представляли собой матерчатые и кожаные подкладки под купол боевого наголовья.

Комплекс боевых наголовий из арсенала Бориса Федоровича Годунова выглядит достаточно нетипично на фоне сложившегося в историографии представления о боевых наголовьях рассматриваемого периода. В первую очередь, обращает на себя внимание резкое преобладание шеломов над иными формами боевых наголовий. Это идет вразрез с выдвинутым А.Н. Кирпичниковым тезисом о вытеснении ко второй половине XVI в. высоких сфероконических наголовий со шпильями – шеломов, низкими куполообразными шишаками¹⁶. Упоминаний термина «*шишак*» в описи казны Бориса Федоровича не встречено вообще, а, вероятно, конструктивно близких к ним «*шапок московских*» насчитывалось лишь 8 образцов против 98 шеломов. Что же касается самих шеломов, то мы не можем стопроцентно утверждать, что все «шоломы» Бориса Федоровича представляли собой именно наголовья со шпильями.

Тем более, что в документе прослеживается тенденция к распространению термина «*шеломы*» на все формы боевых наголовий. Документально наличие «*спиц*» можно проследить лишь на 12 наголовьях. Есть основания полагать, что наличие шпилей было характерно для «*московских*», «*литовских*» и «*шамохейских*» шеломов. В то же время на представленных в арсенале Бориса Федоровича «*кизылбашских*» и «*черкаских*» шеломах наличие «*спиц*» ни разу не упомянуто. На одном из «*кизылбашских*» шеломов упомянуто «*подвершье*» и серебряное «*перо*». На основе данного описания можно предположить, что шлем венчал не высокий шпиль, а невысокая металлическая трубка со вставленным в нее султаном. Аналогичная конструкция отмечена на так называемой «*шапке кучумовской*» из собрания Оружейной Палаты, также как и шлем из арсенала Бориса Федоровича, относимой к иранской работе XVI в.¹⁷ Шеломы Бориса Федоровича обнаруживают тенденцию к разбиению на две нечеткие группы. К первой, численно преобладающей, относятся шеломы восточноевропейского (московского или литовско-русского) происхождения, достаточно скромно отделанные и увенчанные «*спицей*». Дополнительные конструктивные элементы (науши, козырек, назатыльник, наносник) на них, как правило, отсутствуют. Возможно, подобные шеломы употреблялись с кольчужной бармицей. Вторую группу составляют богато отделанные шеломы преимущественно восточного происхождения, снабженные наушами, наносником, козырьком и назатыльником (присутствие всех трех последних элементов было необязательным, так, «*кизылба-*

¹⁶ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 29–33.

¹⁷ Государева Оружейная Палата. СПб., 2002. С. 52–53, 302–303.

ские» шеломы характеризуются наличием назатыльника и отсутствием козырька). Наличие «стицы» у этих шеломов, вероятно, было необязательным. Типологически некоторые из них могли тяготеть к «*шишакам*» по терминологии А.Н. Кирпичникова. По своему внешнему виду и статусу эти наголовья были, очевидно, близки к «*шапкам ерихонским*» XVII в. Обилие шеломов в арсенале Бориса Федоровича Годунова может объясняться и пребыванием в нем старинных предметов, вышедших к 1588 г. из практического употребления. Заслуживает внимание также наличие в казне Бориса Федоровича довольно значительного числа западноевропейских боевых наголовий.

Кольчатый доспех

Кольчатые доспехи в Описи казны Бориса Федоровича Годунова, подобно ряду других предметов вооружения, описаны в двух разных частях документа. Несколько предметов, а именно 1 байдана и 2 «пансыря» описаны в комплексе «*доспеха Бориса Федоровича*», основная же часть помещена под отдельным заголовком «*доспеху колчатого*». Среди описанных в документе кольчатых доспехов выделяются следующие их разновидности: байданы, полубайданья, кольчуги и панцыри.

Байданы в описи представлены единственным экземпляром, входившим в «*доспех Бориса Федоровича*». Описывается она следующим образом: «*байдана мисюрская с сеченым колом, с мишенью, без ожерелья, ворот, рукава и по подолу пушена в три ряда медью золоченою*»¹⁸. С этой бай-

даной традиционно отождествляется байдана из собрания Оружейной Палаты¹⁹, однако последняя совершенно не соответствует данному описанию. На байдане из Оружейной Палаты отсутствует «*мишень*» (круглая металлическая накладка в полотно доспеха), не прослеживается отделка золоченой медью, наличие славянских надписей на кольцах исключает «*мисюрское*» (египетское) происхождение доспеха. Несоответствие доспеха документальному описанию байданы Бориса Федоровича, отмечалось И.А. Комаровым²⁰. Кроме байданы, в арсенале Бориса Федоровича имелось «*полубайданье*». Оно упомянуто на первой позиции в перечне «*доспеху колчатого*». Каких-либо иных подробностей об этом доспехе не сообщается.

Панцырей в казне Бориса Федоровича насчитывалось 68. Два из них входили в комплекс «*доспеха Бориса Федоровича*». Один из них описан как «*пансыр немецкой красной, плоское кольцо на гвоздь, рукава по запястье, ожерелье хрещавое, пушен в два ряд медью, на хрепте мишен набита медяна образною, ззати ожерелья кольцо медяно мишенью*»²¹. Другой панцырь также был «*немецким*», «*на гвоздь, без прорехи, пушен медью, с мишенью*» и имел рукава «*по локот*». Панцыри, не принадлежавшие к «*доспеху Бориса Федоровича*», описаны коротко: «*66 пансырей немецких и московских*»²².

Кольчуги были зафиксированы только среди «*доспеху колчатого*». Всего насчитывалось 90 кольчуг, которые были записаны в две статьи. В первой статье числились «*20 кольчуг с сеченым колом немецких*», во вто-

¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 159.

¹⁹ Опись Московской Оружейной Палаты. С. № 4560.

²⁰ Государева Оружейная Палата. С. 316.

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 159 об.

²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 174.

рой – «70 колчюг на гвоздь, на всех на них на груди по 2 мишени медяны, на мишенях резаны слова имя Бориса Федоровича».

Пластинчатый и кольчато-пластинчатый доспех

Пластинчатые и кольчато-пластинчатые разновидности доспехов не входили в «доспех Бориса Федоровича» и были перечислены под отдельным заголовком «дошчатого доспеху». Здесь были выделены следующие разновидности доспехов: зеркала, юшманы, бехтерцы и латы.

Зерцал в арсенале Бориса Федоровича насчитывалось 19. Они перечислены в 4 статьях описи. Опознавательными признаками для зеркал выступают наличие граней либо «гладкость», наличие и цвет «бахромы» и декоративное оформление. Первую позицию занимают «6-теры зерцала в рыте золочены, бахромы у них червчатые, у двоих бахромы червлены, у третьих лазоревы, у четвертых зелены». В описании обращает на себя внимание то, что определение «червчатые» в данном случае, очевидно, обозначало не цвет, а разновидность материи («бархат червчатый»), из которой были изготовлены «бахромы». За ними следуют «10-ры зерцала з гранми, у 9 бахромы червчатые, а у десятых нет». На третьей позиции записаны «зерцала московские чистые». Список зеркал замыкают «2 зерцала старые, одне з гранми, а другие глаткие».

После зеркал в списке «дошчатого доспеха» следуют «юшманы». Они были представлены 14 образцами, записанными в трех статьях. В первой статье числился «юмошан старой в рыте золочен». В следующих двух статьях были зафиксированы, соответственно, «3 юшмана московские, доски широкие» и «10 юшманов, доски мелкие».

За «юшманами» были описаны бехтерцы. Последних в казне Бориса Федоровича насчитывалось 16. Они также были зафиксированы в трех статьях описи. Первым описан «бехтерец Борисова плеча Федоровича, по подолу в две доски золочен». На второй позиции находились «2 бехтерца старое купли», за которыми следовали «13 бехтерцов новые купли».

«Латы» были описаны среди «дошчатого доспеха» после бехтерцов. Лат имелось трое. Они были перечислены в двух статьях. В первой статье были записаны «2 латы литовские на ремени», во второй – «латы немецкие с пупом». За латами фигурируют «2 обличья (?) немецкие молеваны». Завершают главу, посвященную «дошчатому доспеху», «21 чемаданец зеркальных и юшманных», а также наручи.

Наручи

Наручи в описи фигурируют дважды: под отдельным заголовком в составе «доспеха Бориса Федоровича» и в конце списка «дошчатого доспеха». Всего в казне Бориса Федоровича имелось 4 комплекта наручей. Наручи из комплекса «доспеха Бориса Федоровича» описаны следующим образом: «наручи железные с локотки, грани косые, через гран наведены золотом, в локте подпис имя Бориса Федоровича, застешки тясма шолк червчат з золотом, положены отласом червчатым». В списке «дошчатого доспеху» отмечены «наручи, кругом медью обложены, в середках золочены» и «двои наручи железные глаткие» (слово «двои», похоже, приписано позднее основной части записи).

Щиты

Щиты были представлены в арсенале Бориса Федоровича 3 экземплярами. Среди «доспеха Бориса Федоровича» на втором месте после шелома

помещен *«щит железной, травы наведены золотом, на кайме промеж трав слова подпис имя Бориса Федоровича, кругом ево венец золот, в венце каменья лалы да бирюзы, бахрома золотом с серебром, подложен бархат венециской червчат на бели, на нем логалищю деревянное, да 2 суконца, жолто, да другое червчато»*. Остальные два щита описаны под отдельным заголовком после *«доспеху дошчатого»*. Они также отличались богатством отделки. Первый описан как *«щит железной турской, грани косые, венец и гвозди серебряны, кайма и верх наведен золотом и серебром, бахрома шолк червчат з золотом»*. Вторым был *«щит бухарской, щит золотом и серебром и шолки»*. Очевидно, щиты, хранившиеся в казне Бориса Федоровича, обладали исключительно функцией детали парадного воинского облачения.

Наступательное оружие

Холодное оружие

Древковое оружие

Древковое оружие в Описи казны Бориса Федоровича записано в одной главе *«Рогатин»*, однако представлено не только рогатинами, но и копьями. Вероятно, рогатины в сравнении с копьями являлись более значимым статусным оружием. Всего в главе перечислены 4 рогатины и 2 копья.

Большинство рогатин (3 из 4) имели западноевропейское происхождение: одна, первая в списке, названа *«аглинской»* и 2 – *«немецкими»*. Лишь одна рогатина описана как *«московская»*. *«Аглинская»* рогатина имела *«по скепищу 4 пруты железных, гвоздь медяно»*. *«Московская»* рогатина, замыкающая список рогатин, описана следующим образом: *«рогатина-ка²³ московская, наведена золотом, на туле подпис слова имя Бориса Фе-*

доровича, скепищю вязовое». Особого внимания заслуживают две *«немецкие»* рогатины. Их описание позволяет характеризовать их скорее как некое подобие протазанов, нежели как собственно рогатины. Каждая из этих рогатин имела кисть из *«червчатого»* шелка с золотом. Древко (*«скепищю»*) у обеих рогатин было *«деревянное тощю черно»*, у одной – *«грановито»*, у другой – *«жолопчато»*. Наконечники рогатин также были декорированы: у одной он был *«наведен»* золотом, на наконечнике другой были *«травы резаны напроем и золочены»*.

Первое из двух копий описано как *«копье черкасское булатно тощое, наведено золотом, яблочко серебряно гладкое»*. Второе копье характеризуется как *«московское»*, оно было *«промеж пер до тулеи через гран наведено золотом»*. В обоих случаях речь идет о копьях с граненым пером. В первом случае копье, очевидно, имело узкий шиловидный наконечник. Второе, *«московское»*, копье, судя по упоминанию *«перьев»*, надо полагать, имело несколько более широкий наконечник с выемчатыми гранями. Золотой *«नावод»* на нем, очевидно, располагался в месте перехода от ребер пера к втулке (*«тулее»*). Помимо копий и рогатин, в главе описи, посвященной рогатинам, помещены *«14 жеребьев костяных»*.

Ударное оружие и боевые топоры

Ударное оружие и боевые топоры в казне Бориса Федоровича были представлены 4 разновидностями: брусами, шестоперами, клевцами и топорами. Все эти категории оружия, выделенные под отдельными заголовками, в терминологии описи объединяет крепление на *«топорнице»*.

Брусов (разновидность булавы с многогранным навершием) в арсена-

²³ Так в документе.

ле Бориса Федоровича насчитывалось 2 образца. Оба они в документе названы «аспидными», т.е. имевшими наверхшие из «аспида» (ясписа, яшмы). Боевого значения бруссы, очевидно, не имели. «Топорище» первого бруса было обтянуто черным хозом, и поверх хоза «перевито серебром». На концах топорища было «обвито серебром». Второй брус имел железное топорище, которое было обтянуто «бересты жолты».

Помимо 2 бруссов, ударное оружие было представлено одним клевцом и одним шестопером. Клевец описан следующим образом: «клевец турской с обушком, топорище крашено, на концах топорища кости». «Шестопер» был «о сми перех», с железным топорищем.

Топоры были представлены 2 экземплярами. Оба они названы «турскими». Первый топор имел «широкой лез». На нем были «наведены золотом» «каймы», «по обе стороны мишени» и «от мишеней» «по 4 репы». «Мишени» имелись также «на обухе и по сторон обуха». Топор имел также железную «закрепку», на которой находился «шип железной грановит». Топорище было «от обуха и на концы обнято железом», а посередине «волочено гзом чорным».

Второй топор имел «узкой лез с обухом». На обеих сторонах «леза» и «по обуху» были «наведены золотом» «мишени и травы» «в каймах». Как и на первом топоре, на нем имелась железная «закрепка» с «грановитым» железным шипом. Топорище было железным с медными «закрепками» «по обе стороны» и обтянутой черным хозом рукоятью на конце. «Под обу-

хом» в топорище находился «гвоздь железной». В конце описания топора сообщается, что он был «отдан Ивану Микитичю Юрьеву».

Сабли

В описи казны Б.Ф. Годунова перечислены 15 сабель. В описаниях предметов указаны происхождение («сабля турская ...» и т.п.), материал клинка (относимый ко всей сабле, напр. «сабля турская булатна»), особенности конструкции (долы) и декора клинка, подробно описаны отделка рукояти и ножен, темляк и пояс.

Для всех сабель было указано происхождение. Распределение сабель по происхождению дает следующую картину. Из 15 зафиксированных сабель 10 названы «турскими», 3 сабли – «кизылбаишскими» (иранскими) и 2 – «угорскими» (венгерскими).

Абсолютное большинство сабель (14 из 15) имели булатные клинки (в том числе 4 – «красного булата») и лишь одна – стальной. У 9 сабель упоминаются долы на клинках. Из этого числа 2 клинка были «с кованым долом»²⁴, у одного имелись «с обе стороны долы мелкие»²⁵, 3 «кизылбаишских» сабли имели на каждой стороне клинка не менее двух долов (поскольку в их описаниях фигурирует «верхний дол»²⁶, который у одного из клинков был «с перерывцом»)²⁷, один клинок имел долы оригинальной конструкции: «...2 долика, концы завилась, с концов побег долик широк...», а также «от огнива (т.е. на ближайшей к эфесу части клинка) с одну сторону по краем два долика». Еще 2 клинка были «з долами» без указания подробностей.

²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 140.: «Сабля турская, красной булат, скована з долом...»; Л. 143: «Сабля турская, булатна, с кованым долом, долы в припуску...».

²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 144.

²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 144 об. – 155 об.

²⁷ Поскольку у двух кизылбаишских полос «против верхнево долу от черена» имелись орнаментальные элементы, «наведенные» золотом, можно предполагать, что долы на них начинались не от самого эфеса, т.е. клинки имели «голомя».

На клинках 9 сабель в описи отмечены элементы декора. В большинстве случаев (на 6 клинках) декор был выполнен в технике «навода», т.е. насечки золотом или серебром. В двух случаях клинки, похоже, были украшены гравировкой. На одном из них были «от черена по обе стороны резаны слова татарские»²⁸. Описание другой сабли звучит следующим образом: «Сабля угорская сталная з долы, от черена по обе стороны в рези золочена...»²⁹. Возможно, здесь имело место нанесение позолоты на гравированный орнамент. Аналогичная техника использована в украшении клинка сохранившейся в собрании Оружейной Палаты сабли князя Ф.М. Мстиславского. Лишь один клинок имел врезные (инкрустированные) декоративные элементы³⁰.

При различии техник нанесения декора, формы орнаментации клинков были довольно сходны. Так, на 3 саблях была отмечена сплошная орнаментация ближайшей к эфесу части клинка (в современной терминологии ее принято называть пятой клинка, в XVII в. она называлась «голомя»). У одной из них на одной стороне клинка было «от огнива» «с пяд наведено золотом, в наводе мишен»³¹, другая была «от черена в обе стороны в рези золочена»³², третья – «от черена по обе стороны» «наведена золотом»³³. Такой способ украшения клинков отмечен на ряде сабель и палашей из собрания Оружейной палаты.

Надписи арабским шрифтом – «слова татарские» в качестве декоративного элемента отмечены на 4 клинках³⁴.

У трех клинков они были «наведены золотом» и у одного клинка «резаны». В последнем случае, однако, не понятно, как были направлены надписи, параллельно или же перпендикулярно длине клинка. В остальных случаях имеются указания на то, что «слова» размещались вдоль клинка. Для двух сабель сообщается, что «слова татарские» располагались «от тылья», т.е. вдоль обуха клинка. На двух клинках «слова» находились «в наводе», т.е., в фигурной рамке, выполненной в технике насечки золотом, при этом у одного из них «навод», в котором, помимо «слов», находились «травы» (растительный орнамент), шел вдоль клинка «от черена до елмана».

«Мишени» («мишенцы») – фигурные картуши с арабскими надписями в том или ином виде фигурируют на клинках 3 сабель.

Эфесы сабель состояли из черена с «верхним оковом» и «огнива» или «огнильца» (гарды). Материал покрытия черена (позолоченное серебро, «хоз серебрян чеканен», «бархат вишневы гладкой») указан для 5 сабель, при этом в 4 случаях он совпадал с материалом обтяжки ножен. Лишь у одной сабли черен был «серебрян золочен», в то время как ножны были обтянуты черным хозом. Можно предполагать, что у остальных сабель, в описании которых материал обтяжки черена не был указан, он соответствовал материалу и цвету обтяжки ножен.

«Верхней оков» упомянут в описании 4 сабель, причем в описании одной из них дается указание на то, что

²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 140.

²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 141 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 144.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 141.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 141 об.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 144 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 139 об.: «Сабля турская булатна <...> по обе стороны от черена до елмана золотом наведена, а в наводе слова татарские и травы золотом наведены ...»; Л. 140: «Сабля турская <...> от черена с обе стороны резаны слова татарские ...»; Л. 141: «Сабля турская <...> от огнива ж с пядь наведено золотом, в наводе мишен, да от тылья слова татарские ...»; Л. 142 об.: «Сабля турская <...> от черена мишен да от тылья наведено золотом и серебром, в наводе слова татарские ...».

он находился «на черену». На одной из сабель «верхней оков» был из позолоченного серебра, на другой – «обкован серебром золоченым», в двух остальных случаях его материал не указан. В 3 случаях при описании металлической оправы черена использованы иные термины, а именно: в одном описании упоминается «на черену оклад серебрян резан золочен», в другом фигурирует «на черену оковцо», в третьем – «на ножнах оковы и на черену булатные». У одной из сабель «на огниве и на верхнем окове снизу» имелось «по пробойчику грановиту». Среди других деталей черена отмечено у одной из сабель «в черену на стороне по змейке» и у одной «в черену гвоздь наведены золотом».

При описании гарды для 11 сабель употреблен термин «огнивцо» и для 4 – «огниво». Являются ли эти термины синонимами, или же между их значениями существовало различие (возможно, в размере), сказать сложно. У 7 сабель гарды были булатными, у 4 – из позолоченного серебра и у 3 – железными. Об «огниве» одной сабли сказано лишь то, что оно, как и другие детали оправы, было «оковано серебром золоченым». Можно предположить, что оно, скорее всего, было железным.

Все серебряные позолоченные гарды были украшены гравировкой («резаны»). В одном случае серебряная гарда была украшена камнями – «лаликами» и бирюзами в гнездах. Камнями («яхонтами червчатыми» и бирюзами) была инкрустирована и одна из булатных гард, описанная как «огнивцо булатно врезано золотом» и имевшая с обеих сторон золотые «плащи» (пластины), очевидно, инкрустированные в булат. Золото, было «врезано» также в еще одну булатную гарду. Булатные гарды прочих 5 сабель были «наведены золотом», причем в 3 слу-

чаях сообщается, что на гардах были «наведены» «мишенцы». Расположение «мишенец» описывается по-разному: у одной из сабель они находились «по краям», у другой – «с обе стороны», для третьей сабли указаний на их размещение нет. Формулировка «с обе стороны» позволяет предположить, что «мишенцы» в данном случае, аналогично золотым «плащам» на гарде, описанной выше, занимали центральную часть ее лицевой и оборотной сторон. Слова «по краям» гипотетически можно интерпретировать как размещение «мишенец» на расширенных плоских концах крестовины. Железное «огнивцо» в одном случае было «обложено серебром гладко золочено», в другом случае «резано» и «наведено золотом», в третьем случае наличие каких-либо украшений на железном «огниве» отмечено не было.

Ножны сабель в большинстве случаев были обтянуты хозом – специально выделанной кожей с характерной мелкозернистой фактурой. У 7 сабель на ножнах был «хоз чорн» и у 3 – цветной хоз («червчатый», алый и светло-зеленый соответственно). Ножны 5 сабель были покрыты иным материалом. У 2 сабель это был «хоз серебрян чеканен» – т.е. чеканное серебро, имитирующее фактуру хоза, у 1 сабли ножны были «обкованы серебром золоченым» и у 1 – обтянуты вишневым бархатом.

Металлический прибор ножен у 7 сабель описан как «оковы» без каких-либо подробностей. В прочих описаниях встречены упоминания таких деталей оправы как устье, обоймицы и «нижней оков» («нижняя окова»).

Устье упомянуто в описаниях 5 сабель. Наличие металлического устья для сабель XVI–XVII вв. не являлось обязательным, и, по крайней мере, для 3 сабель, прочая металлическая опра-

ва ножен которых была характеризована сравнительно подробно, можно предполагать его отсутствие. Нельзя отрицать и возможности того, что устье ножен той или иной сабли могло по каким-то причинам не привлечь к себе внимания составителей описи.

Обоймицы были прослежены на ножнах 6 сабель. Количество обоймиц было различным, две сабли имели соответственно по 6 и 8 обоймиц, присутствовала также «сабля ... недомерок об одной обоймицы». Из этого описания сабли можно заключить, что наличие на ножнах всего одной обоймицы было достаточно редким явлением. Второе кольцо для привешивания сабли к поясу в таком случае крепилось к устью ножен. Именно такую систему подвески имеют ножны сабли князя Ф.М. Мстиславского. Тем не менее, «обоймица» отмечена в описании еще 2 сабель. Следует, однако, отметить, что начертания букв «а» и «ы» в документе весьма схожи и различить их не всегда возможно. Одна из этих сабель имела на ножнах золоченые «*пiazza*» с яхонтами, лалами и бирюзами в гнездах, и при перечислении утрат камней упомянуто отсутствие четырех яхонтов и двух бирюз «*на ножнах в средних двух плащах, да в нижнем окове*». Логично предположить, что два «*средних плаща*» крепились соответственно на двух обоймицах. Не исключена и возможность описки.

В описаниях 2 сабель при упоминании устья и «*нижнего окова*» вместо обоймиц фигурируют «*оковы*». Соотношение терминов «*оковы*» и «*обоймицы*» не вполне ясно. Очевидно, понятие «*оковы*» было более широким. Под него подпадали также «*нижней оков*» – наконечник ножен, и «*верхней оков*» – навершие рукояти. В данном же конкретном контексте сказать, были ли термины, «*оковы*» и «*обоймицы*» синонимичны, или же «*обой-*

мицы» представляли собой особую специфическую форму «*оковых*» или иную разновидность деталей оправы ножен, не представляется возможным. Еще одна сабля, в описании которой упомянуты «*оковы*», имела «*повыше*» нижнего окова «*обоймицу*». Любопытно, что во всех трех случаях, когда количество металлических перехватов на ножнах превышало необходимое для крепления колец и часть из них несла чисто декоративную функцию, они названы «*обоймицами*». Отдельные замечания в описаниях некоторых сабель касаются формы «*оковых*» и обоймиц на ножнах. Так, у одной из сабель обоймицы были «*зубчатые*», у другой оковы на ножнах охарактеризованы как «*осмогранные*». У двух сабель оковы были «*резаны напроем*», что также характеризует скорее форму, а не декор оправы.

«*Нижней оков*» (наконечник ножен) упоминается во всех 8 случаях, когда оправка сабельных ножен описывается подробнее, чем просто «*оковы*». Относительно его конструкции следует отметить, что у одной из сабель оков описан «*оков нижней с обручиком*».

Материал и декоративное оформление всех деталей металлической оправы сабельных ножен были однородны и, как правило, соответствовали материалу и декору навершия и гарды эфеса. У 5 сабель оправка ножен была из позолоченного серебра, у 6 – булатная и у 3 – железная. У одной сабли «*оковы*» ножен, как и «*огниво*», были «*окованы серебром золоченым*», сам же материал не указан. Серебряная позолоченная оправка у 4 из 5 сабель была «*резана*», у одной из них, кроме того, туда были инкрустированы «*в гнездах камешки лалики и бирюзы*». Булатные оправы у 2 сабель были «*врезаны золотом*», и у остальных 4 – «*наведены золотом*». У одной из двух первых на ножнах находились золоче-

ные чеканенные «плащи», инкрустированные «камышками» – «яхонтами червчатыми», лаликами и бирюзами. «Наведенный» золотом декор в 3 случаях был представлен «мишенцами», у одной из сабель сочетавшимися с «каймай». Железная оправа ножен у 2 сабель была «резана» и «наведена золотом», причем у одной из них были «оковы железны резаны через гран золотом наведены». Третья сабля с железной оправой ножен имела 8 луженых обоймиц, «нижней оков» описан как железный без каких-либо подробностей.

В описаниях 5 сабель упоминаются входившие в их комплект пояса. Пояса у всех 5 сабель были из шелковой тесьмы. У большинства из них шелк на поясе был разноцветным: «шолк червчат, лазорев да зелен з золотом и серебром на оба лица»; «шолки розные»; «шолк голуб, червчат да бел да чорн»; «шолк бел да ал да лазорев да чорн». Лишь одна сабля имела одноцветный «пояс тесма шолк червчат». Основными элементами металлического прибора пояса были «крюк», «оковы», «пряжи» и «наконешники». В двух случаях указывается число этих деталей. Одна из сабель имела «3 пряжи да 2 наконешника», у другой зафиксировано «у пояса 2 наконешника золоты, а третево наконешника нет». В описании пояса одной сабли не упоминается крюк, и сообщается что на поясе, помимо «оков», «пряж» и «наконешника» были «3 застешки серебряны золочены». У трех сабель на поясе имелись «плящи» («плащи»), причем для одной из них имеются данные о том, что «плящей» было два. Металлическая оправа по своему материалу и оформлению примерно соответствовала оправе эфеса и ножен. У 4 сабель металлические детали пояса были «серебряны золочены», при этом в одном случае они были «реза-

ны» и в одном «серебряны золочены литые с травами». Пятая сабля имела булатные «оковы», «пряжи» и крюк, золотые «наконешники» и золоченые (серебряные?) чеканенные «плащи», инкрустированные «яхонтами червчатыми» и бирюзами.

Анализ текста позволяет проследить некоторые особенности, присущие саблям различного происхождения. «Турские» сабли являлись численно преобладающей группой. Они отличались богатством отделки, хотя и среди них имелись достаточно скромно оформленные экземпляры. Только на «турских» саблях отмечены инкрустация камнями, обтяжка ножен позолоченным серебром, «хзом серебряным» или цветным бархатом, возможность изготовления гарды из серебра. Клинки «турских» сабель были булатными, с долами различной формы или же без долов. В целом, для «турских» сабель характерно большее разнообразие различных характеристик в сравнении с двумя другими группами сабель, хотя отчасти это может объясняться большей многочисленностью первых.

«Кизылбашские» сабли, представленные 3 экземплярами, обнаруживают довольно высокую степень единообразия. Все они имели булатные клинки, на каждой стороне которых находилось не менее двух долов, ножны, обтянутые черным или цветным хозом и булатную оправу эфеса и ножен, украшенную золотым «наводом». Оправа эфеса и ножен из черного металла, украшенная золотой насечкой, обнаруживает аналогии на позднейших персидских саблях «шамшир» XVIII–XIX вв. Иную картину демонстрируют клинки «кизылбашских» сабель. Наличие долов и «елмана» не характерно ни для позднейших «шамширов», ни для «кизылбашских» сабельных полос XVII в., известных, в

частности, по данным Описи оружейной казны 1686/1687 г. и материалам собрания Оружейной Палаты. Более сходны с клинками «кизылбаишских» сабель Бориса Федоровича зафиксированные в Описи оружейной казны 1686/1687 г. сабельные полосы «тевриские» и «на теверское дело»³⁵, происхождение которых, очевидно связано с г. Тебриз в иранском Азербайджане.

«Угорские» сабли были представлены 2 образцами. Одна из них имела булатный клинок, украшенный золочением «в рези» и достаточно богатую оправу, вторая представляла собой наиболее «простой» образец сабли в арсенале Бориса Федоровича. Общими чертами обеих сабель являлись наличие долов на клинке, железное «огниво», обтяжка ножен черным хозом.

В целом, сабли, находившиеся в арсенале Бориса Федоровича, демонстрируют наличие двух традиций, определявших облик сабель, употреблявшихся в России в последней четверти XVI в. Эти традиции могут быть определены как переднеазиатская, с центрами в Турции и Иране, и центральноевропейская, представленная в данном случае «угорскими» саблями. Эти две традиции прослеживаются и на протяжении последующего XVII в.

Ножи

Помимо сабель, клинковое оружие Бориса Федоровича было представлено ножами. Хотя ножи описаны среди комплекса оружия, по крайней мере часть из них явно не являлась боевыми. Так, здесь фигурируют, например, «2 стаи по 10 ножей столовых московских»³⁶.

Всего ножей насчитывалось 33 образца. Из них 3 ножа описаны по отдельности, остальные 30 – в двух статьях описи комплектами по 10 и 20 предметов соответственно.

Для всех ножей в описи указано происхождение. Один нож был «турским», 2 – «бухарскими», 20 – «московскими» и 10 – «литовскими». Ножи, описанные по отдельности («турской» и 2 «бухарских») имели ножны, 20 «ножей столовых московских» находились «в лагалище». Для 10 «литовских» ножей указаний о наличии ножен либо «лагалища» нет.

Материал клинка указан только для 3 отдельно описанных ножей. Первый в списке «нож турской саблею» (вероятно, под этим описанием скрывается изогнутая форма клинка) назван стальным, а два «бухарских» ножа – булатными. Из описания декора на ножах следует, что режущий край у них назывался собственно «ножом», а спинка – «тыльем». «Турской» нож был изготовлен «з долом с кованым». Кроме того, на его клинке имелось «с обе стороны в 2 местах по 2 долика наведены золотом», а также «на тылье 2 долика»³⁷. На других ножах наличие долов отмечено не было.

Материал рукояти («черена») указан для всех ножей. Черен «турского» ножа характеризуется как «черен кость волчья бела», бухарские ножи также имели «черен волчий». У половины из 20 московских ножей материалом для рукояти служила «кость рыба» (моржовый зуб), у другой половины – «кости розные». Из 10 «литовских» ножей у половины были «черены сандалные», у другой поло-

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 936. Л. 65: «Полоса булат красной теверская, от тылья по обеим сторонам долики с перерывом, да по обеим же сторонам долик с опушкою, конец шыком»; Л. 69: «Полоса стальная на теверское дело Тренкина дела Акотова, на правой стороне дол терт с опушкою, на левой стороне четыре долика мелких, на елмане по обе стороны по кружечку...».

³⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 150.

³⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 148 об.

³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 150.

вины – «кипарисны»³⁸. Имеются данные и о конструкции рукоятей. Так, у всех ножей, кроме «турского», черен назван «складным». Очевидно, имелось в виду, что рукояти этих ножей были образованы пластинками (щечками). У одного из «бухарских» ножей была «наведена золотом» «каймица по тылью и по ножу в черену»³⁹. Эта «каймица» могла находиться на хвостовике или же на расположенной по стыку щечек металлической полосе.

В описаниях бухарских ножей фигурирует также железное «кобылино». Значение этого термина неясно. Возможно, он мог обозначать металлическую обойму, крепившуюся в месте перехода от рукояти к клинку (в этнографической литературе она иногда называется «галстуком»)⁴⁰.

Ножны «турского» и «бухарских» ножей были обтянуты кожей или тканью (у «турского» ножа – «бархатом червчатым», у «бухарских» – «гзом черным») и имели металлическую фурнитуру. Среди деталей, могущих относиться к последней, у «бухарских» ножей упоминаются устье, «наконешник» и обоймицы. О материале устья в обоих описаниях нет никаких данных, об устье идет речь лишь в описании обтяжки ножен «от устья до наконешника». Возможно, здесь имелось в виду само отверстие ножен, а не оформлявшая его металлическая деталь. Обоймицы у обоих ножей были «медяны» и имелись «в 4-х местех». Из текста описаний не вполне ясно, где находились эти обоймицы, на ножнах или же на черене ножа. Несомненным элементом металлического прибора ножен являлся «наконешник». У обоих ножей он был булатным, при этом на наконечнике ножен первого ножа были «писаны травы золотом

сусалным по краске по зеленой», а на наконечнике ножен второго – «наведены мишени золотом».

В описании «турского» ножа среди элементов прибора ножен отмечены устье и «верхней» и «нижней» «оковы». Устье описано следующим образом: «устье медяно, оков раковинной» (перламутровый). Верхний «оков» был «с петлею, осмогранной булатной, наведен золотом». О нижнем «окове» сказано следующее «нижней оков сверху да 2 мишени наведены золотом».

В комплексе ножей Бориса Федоровича довольно четко выделяются две группы. Первую составляют крупные, богато украшенные ножи восточного производства с достаточно выраженной боевой функцией, носившиеся в ножнах, и, вероятно, являвшиеся атрибутом костюма. Эти ножи были конструктивно неоднородны. «Бухарские» ножи имели классическую «ножевидную» форму, и очевидно, были довольно сходны с известными позднейшими среднеазиатскими и иранскими образцами («кард», «пычак» и т. п.). «Турской» нож со сплошной рукояткой и изогнутым клинком с долами, по описанию напоминает характерные для многих регионов мусульманского Востока изогнутые кинжалы («бебут», «джамбия»). Любопытно, что у всех восточных ножей материалом рукояти служила «кость волчья». Мы не можем утверждать, насколько такое определение материала соответствовало его реальному происхождению, однако налицо связь выбора именно такого материала для рукоятей коротких клинков с некой культурной традицией.

Вторую группу образовывали составлявшие комплекты ножи

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 149 об.

⁴⁰ Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р. Холодное оружие туркмен // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. 43. С. 54.

восточноевропейского происхождения. Не отрицая возможность универсально-бытового применения ножей первой группы, относительно второй группы следует отметить, что данные ножи являлись в первую очередь столовым прибором. Рукояти ножей были изготовлены из моржового зуба или ценных пород дерева, что говорит об их парадно-репрезентативной функции, но в целом они были отделаны скромнее ножей первой группы. Ношение этих ножей в ножнах, очевидно, не предполагалось. Попаданием в списки оружия эти ножи обязаны, вероятнее всего, своим «видовым» тождеством с ножами первой группы.

Метательное оружие и его принадлежности

Метательное оружие в арсенале Бориса Федоровича было представлено двумя разновидностями: луками и самострелами. Кроме того, в документе подробно описаны снаряды и различные принадлежности метательного оружия (саадаки, стрелы, болты, колыворот и др.). Среди последних особого внимания заслуживают саадаки. «*Саадаки Бориса Федоровича*» стоят в списке предметов вооружения на первом месте, что говорит о том, что они обладали наиболее высоким статусом во всей данной категории. Аналогичную роль саадаки играли среди воинских принадлежностей русских государей в XVII в. Под саадаком в описи казны Бориса Федоровича понимается комплект снаряжения для ношения лука и стрел, в который само оружие не входило. Основными составляющими элементами саадака были два сходных по конструкции предмета – колчан и налuch, укрепленные на специальном поясе.

Общее число саадаков в арсенале Бориса Федоровича достигало 39. Саадаки описаны в двух главах описи – «*Саадаков Бориса Федоровича*» и «*Люцких саадаков*». Первых насчитывалось 6, вторых – 33. Происхождение указано лишь для 3 саадаков Бориса Федоровича, которые названы «*бухарскими*» и 3 «*людских*» саадаков, описанных вместе как «*московские*»⁴¹. В качестве материала, из которого изготавливались саадаки, в документе в ряде случаев называется «*нахтерма*» – очевидно, разновидность специально обработанной кожи. Этот термин употреблен в описании записанных в одной статье 30 «*люцких саадаков*», о которых сказано: «*лубье нахтермянное*»⁴². Термином «*лубье*», очевидно, обозначались корпуса колчана и налуча. «*Нахтермянными*» были названы также 3 саадака из комплекта «*саадаков Бориса Федоровича*». В описаниях 3 саадаков сообщается об их обтяжке каким-либо материалом. В одном случае (на первом в списке саадаке Бориса Федоровича) это был «*червчатый*» бархат, в двух других – черный хоз.

Саадаки являлись наиболее репрезентативной частью комплекта вооружения и отличались богатым и сложным декором, который в документе описан весьма подробно. Не останавливаясь на подробностях декоративного оформления саадаков, заметим, что техника и схема нанесения декора на них могут быть использованы в качестве классифицирующего признака. На основе данного критерия все саадаки могут быть подразделены на две группы.

В первую, численно преобладающую, входят саадаки, украшенные металлическими накладками, расположенными по определенной схеме.

⁴¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 162 об.

⁴² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 161.

Таких саадаков насчитывалось 32, из которых 2 принадлежали к числу «саадаков Бориса Федоровича», а 30 были записаны в одной статье среди «люцких саадаков». Данные о происхождении этих саадаков в описи не приводятся. Основу схемы отделки этих саадаков составляли «середней пляц» – крупная бляха, расположенная в центре верхней части колчана и налуча, и «бенди привязочные» – металлические пластины, находившиеся в месте крепления к колчану и налучу ремней пояса (возможно, представлявшие собой часть механизма крепления). Декор дополняли металлические накладки, называвшиеся «репьями» и «скамейками». На двух, первых в списке, саадаках Бориса Федоровича, украшенных по данной схеме, у колчанов имелись цепочки – «чепи». Характерно, что даже у «люцких» саадаков металлические декоративные элементы были серебряными.

Кроме этих 32 саадаков, на одном из саадаков Бориса Федоровича, были прослежены только «бенди привязочные».

Вторую группу составляют саадаки, очевидно, не имевшие металлической отделки, с вышитым или «писаным» красками декором. Таких саадаков насчитывалось 6 образцов. К этой группе относились все «московские» и «бухарские» саадаки. В декоре 5 из них был использован растительный орнамент с зооморфными элементами. Так, на двух «бухарских» саадаках были «писаны» «древа» и «на древех птицы и ветви»(?). На 3 «московских» саадаках также были «писаны» «травы и птицы». О сюжете декора третьего «бухарского» саадака данных не сообщается.

В описаниях 2 саадаков Бориса Федоровича упоминается такой элемент

как «кишень». «Кишень» являлась принадлежностью налуча («кишен у налучи»). У одного саадака (первого в списке) «кишень» была из «червчатого» бархата и «пушена гзом черным»⁴³, у другого – из белого сафьяна. «Кишень» имела «бендь привязошную», темляк и кисти.

Пояса саадаков по конструкции, очевидно, были близки сабельным. Пояса были изготовлены из шелковой тесьмы или же «червчатого» сафьяна, строченного цветным шелком, и имели металлический прибор, состоявший из крюка, пряжек, «наконешников» и «запряжников».

Главу, посвященную саадакам Бориса Федоровича, завершает описание «покрова», который выглядел следующим образом: «покровец, шит по тафте по жолтой золотом да серебром с шолки»⁴⁴.

Луки в описи перечислены в одной главе – «Луков Бориса Федоровича». Всего в главе описано 22 лука. Для всех луков указано происхождение. По происхождению луки распределены следующим образом. По 5 луков соответственно были «турскими» и «московскими» («московское дело»), 4 – «бухарскими», по 3 соответственно – «крымскими» и «черкасскими» и 2 – «едринскими». Большинство образцов описано индивидуально. Вместе описываются соответственно 3 «черкасских» лука, 3 «крымских» и «4 лука московское дело». Три «черкасских» лука обозначены как «недомерки»⁴⁵. В описаниях луков, как и других образцов оружия, основное внимание уделяется материалам и деталям декора, но можно проследить и некоторые конструктивные особенности. Среди составных частей лука в описаниях

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 127 об.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 131.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 134 об.

фигурируют «кибить», «рукометь», «роги», «кости» и «подпательники». Конструкция лука, очевидно, выглядела следующим образом: в центре находилась рукоять («рукометь»), от нее отходили «роги», которые завершались крепившимися друг напротив друга «костями» и «подпательниками». «Кибитью», вероятно, назывался участок между «рогами» и «рукометью». Материал «костей» для 17 луков указан как «кости черны буйволы». Характерно, что буйволодые «кости» имелись и на всех 5 «московских» луках. Последовательно отсутствуют упоминания «костей» в описаниях 4 «бухарских» луков. Материал «подпательников» упоминается в описаниях 6 луков. У 2 «турских» луков этим материалом служил «рыбей зуб», у 1, также «турского» лука, были «подпательники туволжаны» и у 3 «бухарских» луков – «подпательники деревянные». Для прочих луков упоминания «подпательников» отсутствуют. Тетива достаточно подробно описана у 9 луков. Во всех случаях она оказывается изготовленной из белого или цветного шелка, перевитого шелком другого цвета. Для описанных в конце главы 3 «крымских» и 5 «московских» луков упомянуто лишь само наличие тетивы.

Большинство луков было снаружи расписано красками различных цветов, в том числе «золотом твореным». Иначе выглядела внешняя отделка замыкавших список 3 «крымских» и 5 «московских» луков. Внешняя поверхность этих луков была, очевидно, оплетена берестой. В их описаниях, помимо наличия тетивы, а также цвета и происхождения «костей», указывается лишь цвет бересты. Так, на 3 «крымских» лу-

ках имелась «береста бела самород»⁴⁶, на 4 луках «московского дела» – «береста бела»⁴⁷ и на 1 «московском» луке – «береста бура»⁴⁸.

На основе данных описи не удастся четко проследить особенности конструкции и отделки выделяемых по происхождению разновидностей луков (хотя отдельные гипотетические предположения относительно их конструктивной специфики могут быть высказаны), однако в целом можно выделить две группы луков, различных по своему статусу и некоторым внешним особенностям. Первую из них составляют богато отделанные и дорогостоящие условно «восточные» луки, расписанные красками и снабженные шелковыми тетивами. Вторую группу образуют «простые» луки восточноевропейского происхождения («крымские» и «московские») с «простыми» тетивами и оклейкой внешней поверхности берестой.

Стрелы в арсенале Бориса Федоровича были представлены в общей сложности 90 образцами. Из них собственно «стрелами» названы 90 экземпляров. Все они описаны комплектами, насчитывающими от 2 до 20 предметов.

При описании стрел в описи встречаются такие их характеристики как происхождение, материал, декор, особенности конструкции и комплектность. Происхождение указано для 28 стрел, описанных двумя комплектами. Из них один комплект составляли «20 стрел черкасских», другой – «8 стрел крымских». В описаниях двух комплектов стрел отдельно отмечено происхождение «железец». Упомянутые выше 20 «черкасских» стрел имели «железа

⁴⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 138 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 139.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 139.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 131 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 131 об.

черкасские жолопчатые»⁴⁹. «Железа черкасские жолопчатые»⁵⁰ имели еще 10 стрел, записанных в одном комплекте. «Железа жолопчатые рознь»⁵¹ фигурируют на еще одном комплекте из 18 стрел. На 2 стрелах, записанных вместе, «железца» отсутствовали («2 стрелки рознь без железец») ⁵². Довольно большое внимание уделяется составителями описи оперению стрел. «Видовой» состав оперения отмечен в описаниях 4 комплектов, насчитывавших вместе 68 стрел. Открывающий список стрел комплект из 20 «черкасских» стрел имел «перье орловое белохвость», следующие за ним 10 стрел с «черкасскими» «железцами» – «перье орловое красное», далее следовали 18 стрел с «жолопчатыми» «железцами» и «с кречатым перьем», а затем – 20 стрел «с лебяжьим перьем». «Крымские» стрелы были сделаны «в четыре пера»⁵³.

«Уши» упоминаются лишь в описании первых двух комплектов стрел. У 20 «черкасских» стрел они были изготовлены из «рыбьего зуба», а у следующих 10 стрел с «черкасскими» «железцами» материалом для «ушей» служила «кость черна». Детали оформления древков описаны также только у этих двух комплектов. У стрел из первого комплекта было «под ушми перевито золотом». Одна из стрел была также «рещечата золотом, в вушах 3 камышки червчатые». О стрелах из второго комплекта сказано следующее: «врезан вдол дуб да сандал, рещечаты золотом <...> под перьем перевито золотом». Можно предположить, что столь богато украшенные

стрелы, вероятно, имели чисто парадно-церемониальное назначение.

Кроме собственно стрел, под заголовком «Стрел» перечислены «3 томары» и «3 кайдалики»⁵⁴. Трактовка этих терминов как названий разновидностей стрел не вызывает сомнений. Если облик «томаров» достаточно хорошо известен, то значение термина «кайдалики» до сих пор остается неясным. Наряду с «томарами» и «кайдаликами» здесь же записаны «полукибитины 2 и желездо» (в прочтении возможны варианты). Завершает главу, посвященную стрелам, «ящик стрелной зелен»⁵⁵.

Помимо луков, метательное оружие в арсенале Бориса Федоровича было представлено самострелами. Самострелы описаны под отдельным заголовком среди описаний огнестрельного оружия. Перед самострелами в документе описаны самопалы (под соответствующим заголовком), а после описаний самострелов и принадлежностей к ним без какого-либо пропуска и заголовка записаны самопальный ствол, пищали и различные принадлежности огнестрельного оружия.

Всего в казне Бориса Федоровича насчитывалось 3 самострела. Все три самострела названы «стальными». Среди конструктивных элементов самострелов в документе фигурируют «полоса» и «соха». У первого в списке самострела были «полоса зелена» и «соха желта с костьми»⁵⁶, у второго – «полоса и соха писаны краски»⁵⁷. Третий самострел описан как «самострелишко стальное без костей»⁵⁸. Далее в

⁵¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 132.

⁵² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 132 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 132.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 132 об.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 133.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 155.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 156.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 156.

описи помещены принадлежности к самострелам – коловорот и 3 болта, о которых, кроме названий не сообщается никакой информации.

Огнестрельное оружие

Огнестрельное оружие в Описи казны Бориса Федоровича было представлено двумя основными категориями: самопалами и пищальми. Кроме того, один образец оружия был записан как «*аркобуз*». Самопалы в описи зафиксированы в отдельной главе с соответствующим названием. Пищали, как уже отмечалось выше, записаны без заголовка после самострелов (последние в порядке описания следуют за самопалами). «*Аркобуз*» был записан среди самопалов.

Самопалов насчитывалось 22 образца. Внутри данной категории выделяются в качестве отдельных разновидностей «*самопалы съезжие*», «*самопалы долгие*» и «*самопалы короткие*». «*Самопалов съезжих*» (предназначавшихся для вооружения всадника) имелось 5 образцов, «*самопалов коротких*» (очевидно, пистолетов) – 10. «*Долгими*» названо 4 самопала. Происхождение всего оружия указано только для двух образцов. Один из «*долгих*» самопалов характеризуется как «*турской*». Еще один самопал назван «*свицким*».

Основными конструктивными элементами самопала были ствол, «*станок*» (ложе) и замок. В описаниях 3 самопалов о стволах сообщается, что они были гранеными. Так, «*самопал турской долгой*» имел «*ствол грановит*». У двух других «*съезжих*» самопалов, записанных в одной статье,

отмечены «*у одново ствол грановит в полы, а другово ствол гранен вес*»⁵⁹. У 4 самопалов упоминается наличие декора на стволе. Так, у первого в списке самопала был «*ствол вес травлен вотками, по травленью в трех местех золочен золотом пареным*»⁶⁰. Ствол второго в списке самопала был «*в трех местех наведен травы золотом и серебром*»⁶¹. У следующего самопала ствол был «*в дву местех травлен вотками*»⁶². Ствол «*турского*» самопала описывается как «*молевой*».

Основной материал «*станка*» указан для 11 самопалов. У большинства из них (6 экз.) «*станки*» были «*яблоновыми*». По одному самопалу соответственно имели ореховый, дубовый и кленовый «*станки*». Записанная в одной статье пара «*самопалов коротких*» имела «*станки железны золочены*». Характерным украшением деревянных «*станков*» являлась инкрустация костью. Она отмечена на 19 образцах самопалов. При этом на первых двух в списке, наиболее богато украшенных образцах, в этой технике были выполнены многофигурные композиции: «*резаны костми мелко люди на конех и пеши, птицы и звери*»⁶³; «*врезываны кости, люди и образины*»⁶⁴. На 3 самопалах фиксируется частичная окраска костяных вставок в зеленый цвет: «*врезывано кости мелко, а иные кости места наведены краскою зеленою*»⁶⁵; «*кости врезываны мелкие з зеленью*»⁶⁶. Иначе выглядела отделка «*станка*» «*турского*» самопала: он был «*резан глубоко*» и «*олифлен*».

Характеристика замков приводится в описаниях 9 самопалов. Фикси-

⁶⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 152 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 153.

⁶² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 153.

⁶³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 152 об.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 153.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 153 об.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 154 об.-155.

руются две разновидности замков в соответствии с их происхождением: «ливонские» (на 4 самопалах) и «швейцарские» (на 2 образцах, включая «самопал турецкой»). Кроме того, на 3 самопалах, записанных вместе, отмечены «замки колесные»⁶⁷. Для двух первых в списке самопалов приводится достаточно подробное описание декоративного оформления замков, которые у этих самопалов были «ливонскими». Так, замок первого самопала описан следующим образом: «замок ливонской, сверх колеса обод и над колесом и кругом колеса золочена образинка, замок вес травлен вотками, а по краям каймы золочены»⁶⁸. Замок второго самопала был «наведен серебром и золотом»⁶⁹.

В ряде случаев самопалы были снабжены «лагалищами». Их наличие упомянуто в описаниях 3 самопалов. Для 5 самопалов, записанных в одной статье в конце списка, имеется пометка «без лагалищ». Непосредственно после них следует «лагалище поволочено бархатом зеленым». Последним в списке помещен «самопал короткой» «в лагалище» без каких-либо подробностей, касающихся последнего. Наиболее подробно «лагалище» характеризуется в описании первого в списке самопала: «лагалище бархат червчат кормазин, у привески пряжки и наконешники и запряжники серебряны золочены». У второго в списке самопала имелось «лагалище поволочено бархатом зеленым». Все самопалы, для которых оговорено наличие либо отсутствие «лагалищ», являлись «съезжими» либо «короткими», что позволяет видеть в «лагалищах» подобие ольстр для ношения оружия с от-

носительно коротким стволом у седла всадника.

«Аркобуз» был описан в числе самопалов на четвертой позиции. Его описание выглядит следующим образом: «аркобуз литовской, ствол в полы облой, от замка грановит, замок ливонской, станок яблоновой, врезаются кости, змеи и образины и люди и травы»⁷⁰. Какие-либо принципиальные отличия «аркобуза» от самопалов в данном описании не фиксируются.

Вторую категорию огнестрельного оружия в казне Бориса Федоровича составляли пищали. Их насчитывалось 15 образцов. Подробные индивидуальные описания пищалей в документе отсутствуют, что, вероятно, свидетельствует об их более низком статусе в сравнении с самопалами. Все пищали записаны в трех статьях описи. В первой из них числились «7 пищалей росхожих». За ними следовали «2 пищали з замки швейцарскими» и «6 пищалей з жаграми»⁷¹.

Помимо целых образцов огнестрельного оружия, в описи зафиксированы его детали и принадлежности. Перед описанием пищалей, после арбалетных болтов, в описи был записан «ствол самопальной». После пищалей стоят «10 пудрь», «9 фитилей» и «4 ключи»⁷².

Характеризуя комплекс огнестрельного оружия, принадлежавший Борису Федоровичу, следует отметить в нем наличие образцов ручного огнестрельного оружия трех основных конструкций: кремневого, фитильного и колесцового. Обращает на себя внимание также явное преобладание (по крайней мере, среди самопалов) огнестрельного оружия западноевропей-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 154 об.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 152 об.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 153.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 153 об.

⁷¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 156.

⁷² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Е.х. 2. Л. 156.

ского облика. Это проявляется как в образцах конструкции ружейных замков («свицкие» и «ливонские» замки), так и в особенностях отделки (характерные для западноевропейского оружейного искусства XVI–XVII вв. сюжетные композиции, инкрустированные костью, на «станках» ружей). В эту же тенденцию вписывается наличие в оружейной казне Бориса Федоровича «аркобуза литовского». Заслуживает внимания также терминологическое и статусное противопоставление массового «росхожего» боевого оружия – «пищалей», более дорогим и богато отделанным «самопалам», включающим в себя различные формы от пистолетов до длинноствольных ружей. Не вполне ясно, имелись ли, и какой характер несли конструктивные различия между пищальями и самопалами.

Состав оружейной казны Бориса Федоровича Годунова на уровне тенденций обнаруживает сходство с арсеналом русских государей XVII в. В казне Бориса Федоровича присутствовали образцы отечественного, восточного и европейского вооружения. В распределении видовой принадлежности оружия различного происхождения можно видеть следующие тенденции. Изделия русских и, в частности, московских оружейников в арсенале Бориса Федоровича были представлены преимущественно защитным вооружением, древковым и, отчасти, метательным оружием. Русское производство следует предполагать, очевидно, также для ряда образцов ударного оружия. Восточное происхождение имели образцы защитного вооружения, холодное и метательное оружие. Образцы восточного вооружения, как правило, отличались

богатой отделкой и, очевидно, высокой ценой и статусом. Европейское оружие в казне Бориса Федоровича имело как центральноевропейское (литовское, венгерское), так и западноевропейское (немецкое, шведское и даже английское) происхождение. Европейские или же изготовленные по европейскому образцу изделия составляли значительную, если не преобладающую часть огнестрельного арсенала Бориса Федоровича. Кроме того, европейские образцы имелись среди защитного вооружения и древкового оружия. Защитное вооружение европейского происхождения в казне Бориса Федоровича включало в себя как формы, вписанные в русло восточноевропейской военной традиции («литовские» шеломы со «спицей», «немецкие» кольчатые панцыри), так и специфически западноевропейские разновидности («аглинские» и «немецкие» «шапки», «гунскуп», латы). Наличие довольно значительного числа предметов «западного» облика и происхождения в оружейной казне Бориса Федоровича Годунова уже в конце XVI в. позволяет поставить вопрос о верности устоявшегося в литературе традиционного тезиса о том, что западное влияние на комплекс вооружения Московской Руси началось не ранее начала XVII в.⁷³

При широких территориальных связях собрания оружия Бориса Федоровича на его материале можно проследить определенную «специализацию» отдельных стран и областей внутри очерченных макрорегионов (Восток, Русь, Европа) на производство определенных видов оружия или же предпочтение определенных видов оружия, произведенных в определенных центрах. Так, например, сабли в

⁷³ См. Винклер П. фон. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. М., 1992. С. 270.

казне Бориса Федоровича были «турскими», «кизылбаишскими» и «угорскими», луки – «турскими», «бухарскими», «едринскими», «черкасскими», «крымскими» и «московскими», шеломы – «шамохейскими», «кизылбаишскими», «черкасскими», «щолканскими», «московскими» и «литовскими».

Характерную особенность арсенала Бориса Федоровича, также сближающую его с оружейной казной русских царей XVII в., составляет наличие в его составе двух комплексов – комплекса вооружения, принадлежавшего лично владельцу арсенала и комплекса «росхожего» или «людского» оружия, предназначенного для воинов, находившихся под началом владельца арсенала. В документе граница между двумя комплексами не всегда проведена достаточно четко. Безусловно к комплексу «людского» вооружения принадлежали «люцкие саадаки» и защитное вооружение, не входившее в комплект «доспеха Бориса Федоровича». Для «людей», очевидно, предназначались также пищали, 7 из которых названы «росхожими». Выбор именно данных категорий вооружения для снабжения «людей», очевидно, не случаен. Эти предметы, вероятно, являлись наиболее дорогостоящими элементами комплекса вооружения, а кроме того, огнестрельное оружие, принадлежности лучного боя и защитное вооружение в комплексе снаряжения поместной конницы XVI в. обладали, пожалуй, наибольшей тактической значимостью. Обращает на себя внимание также количественное соотношение отдельных категорий «людского» вооружения. Так, количество защитного вооружения в арсенале Бориса Федоровича позволяло снарядить им более сотни воинов. «Люцких саадаков» насчитывалось 33, а пищалей – всего 15. Объяснить такой характер соотношения предметов затруднительно. Возможно, он может быть обусловлен

степенью их доступности и востребованности.

Интересен также состав защитного вооружения, составлявшего «доспех Бориса Федоровича». Обращает на себя внимание в первую очередь то, что боевые покрытия туловища были представлены исключительно кольчатыми разновидностями доспехов. Пластинчатые и кольчато-пластинчатые доспехи, обладавшие более совершенными защитными свойствами и в изобилии представленные среди «людских» доспехов, в составе «доспеха Бориса Федоровича» отсутствовали. Возможно, этот факт может объясняться тем, что данный комплекс, подобно позднейшим комплексам доспеха и вооружения русских царей XVII в., носил традиционный и более архаичный облик в сравнении с реальным боевым вооружением того времени. Кольчатую броню дополняли шелом, наручи и щит. Последний также мог иметь традиционно-символическое значение. Характерно также наличие на предметах из комплекта «доспеха Бориса Федоровича» надписей с именем владельца.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающий анализ Описи казны Бориса Федоровича Годунова как источника по истории русского оружия XVI в., и является лишь попыткой ввести этот важнейший документ в более широкий оборот отечественного исторического оружиеведения. Отдельные тезисы, обозначенные здесь, во многом лишь ставят вопросы, ответы на которые могут быть получены путем комплексного изучения Описи казны Бориса Федоровича с привлечением широкого круга письменных и вещественных источников. Описание казны Бориса Федоровича, содержащая наиболее раннее для Московской Руси подробное описание крупного феодального арсенала, безусловно, нуждается в дальнейшем исследовании.

СТВОЛ ПИСТОЛЕТА ИЗ РАСКОПОК Г. ДМИТРОВА В 2009 Г.

УДК 903.22:623.441
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.271-281

© 2020 г. Миляев П.А. (milyaev.paul@yandex.ru),
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия.

© 2020 г. Панченко К.И. (pako@mail.ru),
Институт археологии РАН, Москва, Россия.

Резюме: Статья посвящена находке детали редкого для Московского государства последней трети XVI – начала XVII в. ручного огнестрельного оружия – ствола пистолета, найденного в г. Дмитрове Московской области. Изделие было обнаружено в ходе охранных раскопок на участке землеотвода, расположенном между ул. Западной и ул. Почтовой. В работе дается подробное описание ствола и датировка по технологии его изготовления. Для уточнения времени использования и утраты детали подробно разбирается контекст обнаружения детали. Ствол пистолета был найден в верхней части заполнения ямы 2, которая являлась подпольем несохранившейся наземной постройки. В статье отмечены особенности появления и использования пистолетов на территории Московского государства во второй половине XVI–XVII вв., что также было необходимым для более точной датировки ствола. В результате проведенной работы находка из Дмитрова была датирована последней третью XVI – началом XVII в. Ее утрата может быть связана с событиями 60-х гг. XVI в., когда Дмитров с уездом был включен Иваном IV в опричнину или с боевыми действиями в Смутное время в ходе столкновений с войсками гетмана Я.П. Сапеги.

Ключевые слова: Московское государство, ручное огнестрельное оружие, пистолеты, опричнина, Смутное время.

A handgun barrel from the excavations in Dmitrov in 2009.

© 2020 Milyaev P.A. (milyaev.paul@yandex.ru),
Institute of History of Material Culture, Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia. Moscow, Russia.

© 2020 Panchenko K.I. (pako@mail.ru),
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract: The article regards the discovered detail of a rare hand firearm in Russia of the last third of the 16th and the beginning of the 17th century, namely a gun barrel found in Dmitrov, Moscow region. The item was discovered during the protective excavations between the Zapadnaya and the Pochtovaya streets. The article describes detailly the barrel and the dating according to its production technology. For the precise dating of usage and loss of the item, the context of the discovery is being detailly analyzed. The handgun barrel was found in the upper layer of the pit number 2 which was the cellar of a non-preserved building. The article describes the peculiarities of upcoming and usage of handguns in Russia in the second half of the 16th and the 17th centuries which was necessary for a more precise dating of the barrel. The result of the work is that the found in Dmitrov is assigned to the period which includes the last third of the 16th century and the beginning of the 17th century. The item's loss can be linked to the events of the 1560s when Dmitrov with the surrounding lands was assigned by Ivan IV to the Oprichnina or to the fighting during the Time of Troubles against the troops of hetman Jan Piotr Sapieha.

Keywords: Muscovy, hand firearm, pistols, Oprichnina, Time of Troubles.

В 2009 г. во время охранных археологических работ в г. Дмитрове Московской области, которые проводились на участке землеотвода, расположенном между ул. Западной и ул. Почтовой, был найден железный кованый ствол пистолета. Детали огнестрельного оружия не часто встречаются во время раскопок, а в Дмитрове это первый случай, когда нашли подобного вида изделие, к тому же неплохо сохранившееся. Ствол пистолета найден на территории бывшей Пятницкой слободы в 0,6 км от Никольских ворот кремля.

Параметры находки следующие. Длина ствола без хвостовика составляет 375 мм (общая длина изделия 420 мм), его большая часть имеет круглое сечение диаметром 21–22 мм, казенная часть на длину 147 мм восьмигранная шириной 27–28 мм (рис. 1: 1–2). У дульного среза и казенной части заметны утолщения диаметром до 24–25 мм, образовавшиеся в процессе придания детали нужной длины, когда ее в раскаленном состоянии ударяли торцами о наковальню¹. Внутренний диаметр ствольного канала (калибр) составляет около 12–13 мм, для его обработки использовалось сверло. Толщина стенок изделия 4–5 мм, при этом наименьшая их толщина фиксируется в месте расположения сварного шва, от этого ствольный канал немного смещен вниз. Казенная часть ствола заперта винтом с хвостовиком длиной 450 мм и шириной 15–16 мм, плавно изогнутым вниз по форме рукояти пистолета. На конце хвостовика имеется круглое сквозное

отверстие для ружейного винта, при помощи которого ствол закреплялся в деревянной ложе. В казенной части изделия на плоской боковой грани справа на расстоянии 15 мм от ее края имеется круглое запальное отверстие диаметром около 2–2,5 мм. На нижней плоскости ствола имеются два полукруглых ушка размерами 7–10 × 4–5 мм для его закрепления в ложе при помощи сквозных железных поперечных штифтов. Одно из них находилось на расстоянии 112 мм от края казенной части, другое на расстоянии 72 мм от дульного среза; данные детали вклепывались в нижнюю грань ствола методом «ласточкин хвост»². Прицельные приспособления – мушка и целик отсутствуют, вероятно, не сохранились, хотя на стволах пистолетов часто их вовсе не было³. Внешняя поверхность изделия, сейчас поврежденная коррозией, изначально была хорошо отшлифована, о чем говорят сохранившиеся участки, в целом стоит отметить аккуратность работы мастера-оружейника.

Ствол пистолета, найденный при раскопках в Дмитрове, можно датировать по особенностям технологии его изготовления. Казенные винты с хвостовиками для запираания канала ствола стали массово применяться во второй половине XVI в., небольшая толщина стенок и качество отделки самого изделия свидетельствуют о его изготовлении во второй половине XVI–XVII вв.^{4, 5} Однако датировку данного предмета можно уточнить по контексту нахождения в культурном слое и сопутствующим находкам, ана-

¹ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954. С. 9; Мышковский Е.В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. № 1. М., 1961. С. 227.

² Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954. С. 10.

³ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 350.

⁴ Мышковский Е.В. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. С. 231.

⁵ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII в. Определитель. М., 1992. С. 22.

логиям, а также характеру появления и использования пистолетов на территории Московского государства.

Данное изделие было обнаружено в шурфе 1 в заполнении ямы 2 на отметке -104 от условного нулевого репера, заложенного на уровне современной дневной поверхности. Яма 2 являлась подпольем несохранившейся наземной постройки, вероятно, имела прямоугольные очертания в плане и частично уходила за северный борт шурфа, а её западный край был уничтожен строительным котлованом. Стенки ямы почти вертикальные и ориентированы по сторонам света. Необходимо также отметить большое количество угля и остатков сгоревших деревянных конструкций во всех её слоях, что, несомненно, свидетельствует о случившемся на этом месте пожаре.

Заполнение подполья (рис. 2) состояло из трех слоёв, которые были перекрыты отложениями, датирующимися по массовому материалу XVI–XVIII вв. В то же время следует отметить, что в этих отложениях более 70 % керамики датируется не позже второй половины XVI в., а в перекрывающем яму слое найдено медное новгородское пуло⁶ рубежа XV–XVI вв. Такие монеты были в обращении до середины XVI в. Таким образом, горизонт, который перекрывал заполнение ямы 2, скорее всего, сформировался не позже второй половины XVI – начала XVII в. и был нарушен мелкими ямами и локальными перекопами XVII–XVIII вв.

Ствол пистолета был обнаружен в верхнем слое 1 ямы, который отложился после её засыпки основным слоем 2. Никаких других запчастей от пистолета не было найдено. Слой 1, вероятно,

не относится к первоначальному заполнению ямы и просел в неё после усадки грунта. Из индивидуальных находок в этом же слое была найдена створка бронзового четырёхконечного энколпиона с расширением на концах и килевидным завершением нижней части. На одной стороне каждой боковой оконечности по две поясные фигуры святых, в центре, предположительно, изображение Богоматери. В верхней части поясное изображение святого, в нижней части Никиты Бесогона. Наиболее близкие по типу кресты были распространены в XV–XVI вв.⁷ Керамический материал из верхнего заполнения ямы также датируется не позже второй половины XVI в.

Нижний слой из ямы 2 содержали массовый материал конца XV – первой половины XVI в., из датирующихся находок в них найдена медная монета⁸ первой трети XVI в.

В целом контекст свидетельствует о том, что был утерян не пистолет целиком, а только его ствол и эта деталь оружия каким-то образом попала в слой, который отложился после прекращения существования подполья первой половины XVI в. По стратиграфии и сопутствующему материалу датировка ствола может быть определена в рамках второй половины XVI, возможно, начала XVII в.

Стволы пистолетов являются крайне редкой находкой при археологических раскопках на территории России. Два изделия, полностью аналогичные находке из Дмитрова были найдены на территории Тушинского лагеря и в Пскове. Обе указанные находки, особенно псковская, по своим параметрам весьма схожи с изделием из Дмитрова.

⁶ Монета атрибутирована Гайдуквым П.Г., за что авторы выражают благодарность.

⁷ Травкин П.Н., Петров И.М. Кресты-складни из средневекового Плёса // Музеи Верхней Волги. Проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. Илл. 31, 33; Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва. М., 2000. Кат. № 23.

⁸ Монета атрибутирована Зайцевым В.В., за что авторы выражают благодарность.

Ствол пистолета из Пскова, найденный на Петровском II раскопе, имеет длину 330 мм при основном диаметре 22 мм, казенная часть заперта винтом с хвостовиком длиной 45 мм, калибр 15 мм (рис. 1: 3)⁹. Изделие осажено с обоих концов, которые имеют утолщения до 25 мм. Ушки для закрепления ствола в ложе и прицельные приспособления отсутствуют. Поверхность изделия сильно пострадала от коррозии, поэтому была ли его казенная часть граненая установить невозможно, находка датируется XVII в. Ствол пистолета из Тушино длиной 290 мм, осажен с обоих концов, в казенной части ширина 28 мм, в дульной 22 мм, калибр 11 мм (рис. 1: 4)¹⁰. Казенная часть данного изделия восьмигранная, заперта винтом с хвостовиком длиной 50 мм, на его нижней плоскости сохранилось одно ушко для закрепления в ложе, прицельные приспособления отсутствуют. Находка из Тушино датируется началом XVII в. Стоит упомянуть также ствол пистолета, найденный при раскопках в Можайске, хотя он имеет несколько иную форму, чем описанные выше, без утолщений на концах (рис. 1: 6)¹¹. Длина данного изделия 320 мм, ширина у дульного среза 22 мм, в казенной части 40 мм, калибр 18 мм, на нижней плоскости сохранился фрагмент одного ушка и прямоугольный пропи́л для второго. Казенная часть восьмигранная, при переходе к круглому сечению имеется рельефный валик, ствольный канал заперт винтом, хвостовик у которого обломан. На одной из граней в

казенной части ствола выбито клеймо в виде прямого креста на основании с двумя кругами по бокам в прямоугольном углублении. Данный ствол, как и большинство предметов вооружения, найденных в Можайске, относится к Смутному времени и позже, т. е. к XVII в.¹² Фрагменты, которые могут относиться к стволам пистолетов, были найдены при раскопках в Старой Ладоге на территории Земляного городища и каменной крепости (рис. 3: 1–2)¹³. Одна находка представляет собой оторванную часть у дульного среза, на котором заметно утолщение от осадки, вторая – часть стенки ствола, на поверхности которой есть две грани. Оба предмета отличаются небольшими размерами, тщательной внешней отделкой, малой толщиной стенок. Внутренние поверхности ствольных каналов обеих изделий обработаны сверлом, калибр 12–13 мм. Фрагменты из Ладogi относятся к концу XVI – началу XVII в. и, вероятнее всего, связаны с боевыми действиями Смутного времени.

Из находок на территории сопредельных государств, стоит в первую очередь отметить железный ствол пистолета, обнаруженный при раскопках в замке Турайда в Латвии (рис. 1: 5)¹⁴. Эта самая небольшая по размерам находка, аналогичная изделию из Дмитрова, ее длина без хвостовика около 196 мм, с обеих сторон имеются утолщения от осадки. Казенная часть восьмигранная, шириной 16 мм, заперта казенным винтом, хвостовик у которого

⁹ Салмин С.А. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 56. М.–Псков, 2011. С. 30.

¹⁰ Двуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 66, рис. 11: 3; Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М., 2018. Рис. 13:596.

¹¹ Меньшиков М.Ю., Янишевский Б.Е., Балашов А.Ю. Предметы вооружения из раскопок Можайска // Военная археология: Сборник материалов проблемного совета при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 224–225, рис. 1:9.

¹² Меньшиков М.Ю., Янишевский Б.Е., Балашов А.Ю. Предметы вооружения из раскопок Можайска. С. 224.

¹³ Миляев П.А. Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладogi // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь, 2019. С. 448–450, рис. 1, 1–2.

¹⁴ Graudonis J. Turaidaspils II. Atradumi. Turaida: Turaidasmuzejrezervāts, 2003.Tab. 37, 1.

обломан и сохранился длиной 15 мм. Большая часть ствола круглого сечения, диаметром 12–13 мм, у дульного среза 15 мм. Данный образец из замка Турайдашироко датируется второй половиной XVI–XVII в. Весьма близкий по форме к находке из Можайска ствол пистолета был найден на поле битвы под Берестечком 1651 г. на территории Украины (рис. 1: 7)¹⁵. На внешней поверхности изделия во всю длину нанесены восемь граней, ствольный канал заперт казенным винтом с прямым пластинчатым хвостовиком, в отверстии которого сохранился длинный изогнутый ружейный винт. Длина ствола 360 мм, ширина в казенной части около 23 мм, у дульного среза 20 мм, калибр 13 мм, на нижней плоскости находки сохранились остатки двух ушек для закрепления его в ложе.

Стоит отметить общие особенности и параметры для всех описанных выше изделий. По форме стволы пистолетов, найденные на данный момент в ходе археологических раскопок на территории России и сопредельных государств, представлены двумя типами: I – с утолщениями у дульного среза и казенной части (5 экземпляров, в частности находка из Дмитрова) и II – вытянуто-конической формы без утолщения в дульной части (2 экземпляра). Длина указанных находок небольшая по сравнению с ружейными стволами – от 196 до 375 мм, стенки тонкие 4–6 мм, калибр от 11 до 15 мм (в среднем 12–13 мм), наиболее крупный – 18 мм, встречен один раз у изделия из Можайска. У большинства изделий обоих типов граненной была только казенная часть, остальная поверхность была гладкой, круглой в сечении. Стволы изготавливались из свернутого в трубку листа железа с краями, наложенными внахлест и прокованными, о чем гово-

рит меньшая толщина стенок в районе сварного шва. Ствольные каналы дополнительно обрабатывались сверлом и с казны запирались исключительно винтами с пластинчатыми хвостовиками. Стоит отметить, что у подавляющего большинства описанных выше изделий, кроме находки из Дмитрова, наблюдается характерное повреждение – слом или деформация хвостовика. Это могло произойти в процессе демонтажа детали или уже во время ее нахождения в культурном слое. Характерными прицельными приспособлениями были мушка и целик, однако устанавливались они далеко не всегда, о чем свидетельствует множество экземпляров пистолетов второй половины XVI–XVII в., сохранившиеся в коллекциях отечественных и зарубежных музеев. Поэтому их отсутствие на изделиях, обнаруженных в ходе раскопок вполне закономерно, или же они не сохранились. Закрепление пистолетных стволов в деревянных ложах производилось при помощи горизонтальных металлических штифтов, для чего на нижней плоскости изделий вклепывались два ушка, дополнительное крепление обеспечивалось ружейным винтом через отверстие на конце хвостовика. Запальное отверстие располагалось справа на боковой плоскости в казенной части, пороховая полка отсутствовала, она являлась деталью колесцового замка. В целом изделия чаще всего отличаются аккуратностью работы и тщательностью отделки, на их поверхности мог быть нанесен разнообразный декор – чеканный орнамент и покрытие драгоценными металлами. Нередко в казенной части стволов выбивались клейма и даты их изготовления. Стоит также отметить, что все найденные в ходе археологических раскопок изделия типа II относят-

¹⁵ Свешников И.К. Битва під Берестечком. Львів, 1992.С. 243–244.

ся к XVII в., тогда как экземпляры типа I могут иметь и более раннюю дату.

Наиболее вероятно, что ствол из Дмитрова принадлежит пистолету, который получил наименование «пуффер» (*puffer* нем.). Они появились в 60-х гг. XVI в., снабжались относительно короткими стволами, имевшими обычно утолщение у дульного среза и колесцовыми замками, их рукояти были изогнуты под углом 50–60° и обычно оканчивались крупными шарообразными навершиями¹⁶. В течение первой половины XVII в. «пуфферы» стали постепенно вытесняться пистолетами с рукоятями иных форм, однако их использование могло продолжаться почти все столетие¹⁷. Часто это оружие имело украшения в виде инкрустации вставками из кости, рога и перламутра с гравированным орнаментом, а также проволокой из цветных и драгоценных металлов. Это один из наиболее распространенных типов западноевропейских пистолетов, чаще всего их производили в Германии. Множество таких экземпляров со стволами аналогичными находке из Дмитрова имеется в европейских и российских музеях.

«Пуфферы» второй половины XVI – начала XVII в. есть в собрании ВИ-МАИВ и ВС (рис. 3: 4)¹⁸. Указанная длина стволов 279–322 мм, калибр от 13 до 16,5 мм, казенная часть у всех граненая, иногда отделенная рельефным пояском, большинство экземпляров не имеет прицельных приспособлений, некоторые украшены чеканным орнаментом. Пара схожих немецких пистолетов

1580 г. имеется в коллекции оружия Гатчинского дворца (рис. 3: 3). Длина их стволов 321–323 мм, калибр 14 мм, они имеют утолщения на обоих концах, восьмигранные казенные части, ограниченные рельефными поясками, прицельные приспособления отсутствуют, на нижних плоскостях есть по два ушка для закрепления в ложах¹⁹. Два «пуффера» с аналогичными стволами длиной 322 мм и калибром 14 мм есть в фондах Государственной Оружейной палаты²⁰. Вероятнее всего, они датируются концом XVI – началом XVII в.

Из экземпляров, хранящихся в коллекциях зарубежных музеев, стоит назвать пистолет – «пуффер», принадлежавший королю Густаву II Адольфу, хранящийся в Королевской Оружейной палате (*Livrustkammaren*) в Стокгольме (Швеция). Кроме него в собрании этого музея имеются три пары пистолетов конца XVI в., взятых в качестве трофеев в Митаве в 1621 г. (рис. 3: 5–6)²¹. Стволы всех указанных экземпляров аналогичны находке из Дмитрова, имеют утолщения с обоих концов, их казенные части граненные. Схожие детали имеются на пистолетах из фондов Военно-исторического музея в Вене (Австрия) (*Heeresgeschichtliches Museum, Wien*)²², Музея армии в Париже (Франция) (*Musee de l'Armee Paris*)²³, Палаццо Дукале (*Palazzo Ducale*), Венеция (Италия), Музея Виктории и Альберта (*Victoria and Albert Museum*), Лондон (Великобритания)²⁴ и других музеев Западной Европы. Указанные выше пистолеты преимущественно изготовлены в

¹⁶ Бехаим В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 350; Ефимов С.В., Рымиша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Книга II. СПб., 2009. С. 227.

¹⁷ Блэр К. Пистолеты мира. М., 2007. С. 18. Ефимов С.В., Рымиша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. С. 227.

¹⁸ Ефимов С.В., Рымиша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. С. 230–233, 238–240.

¹⁹ Родионов Е.А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Том IV. Научный каталог. СПб., 2017. С. 376.

²⁰ Соболев Н.И., Ермолов В.А. Огнестрельное привозное оружие XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954. С. 402, рис. 11А–12.

²¹ *Cederström R., Malmborg G. Den alder Livrustkammaren 1654. Stockholm, 1930. Taf. 69: 3–4, taf. 77–78.*

²² *Gabriel E. Die Hand- und Faustfeuerwaffen der habsburgischen Heere. Wien, 1990. S. 430–431.*

²³ *Reverseau Jean-Pierre. Musee de l'Armee Paris. Les armes et la vie. Paris, Barcelone, Lausanne, Londres, Milan, Montreal, New York, Stuttgart, 1982. S. 36, fig. 54.*

²⁴ Блэр К. Пистолеты мира. М., 2007. С. 18. Рис. 20, 22–23.

Германии, чаще всего в Саксонии, в последней четверти XVI – начале XVII в. Два отдельных ствола для пистолетов с колесцовыми замками, аналогичные находке из Дмитрова, датированные в пределах 1575–1585 гг. хранятся в арсенале замка Курбург (Churburg) (Италия)²⁵.

На территории Московского государства первые пистолеты, предположительно, стали появляться во второй половине XVI в., примерно в третьей четверти этого столетия. Однако, точных данных не имеется, вероятно, это произошло в ходе Ливонской войны²⁶. Они были по большей части западно-европейского происхождения и не изготавливались в русских мастерских вследствие сложности колесцового механизма воспламенения заряда, цена импортных экземпляров была очень высока. Данное оружие далеко не сразу нашло популярность и массовое применение в русской армии. Пистолеты являлись в первую очередь оружием конных воинов, а тактика русской поместной конницы и комплекс ее вооружения в XVI в. в принципе не предполагали их наличия²⁷. Однако в конце XVI в. пистолетами вооружались отряды служилых иноземцев, причем увеличение количества иностранной конницы на службе московского государя произошло при-

мерно в 70–80-е гг. указанного столетия²⁸. На раннем этапе своего использования на территории Московского государства это было очень редкое и не популярное у русских воинов оружие, использование его носило крайне ограниченный характер. Однако, они могли находиться в арсеналах знати²⁹, вероятнее всего, в качестве дорогих престижных импортных образцов, трофеев или даров.

Ситуация стала постепенно меняться в течение Смутного времени; массовое перевооружение поместной конницы огнестрельным оружием, в частности пистолетами, стало происходить прежде всего в центральной части и на Северо-Западе Московского государства в 1620-х – 30-х гг.³⁰ С начала 30-х гг. XVII в., а особенно с середины столетия, они наряду с карабинами входили в стандартный комплекс вооружения рейтарских полков нового строя, для которых русское правительство закупало крупные партии пистолетов с колесцовыми замками в Западной Европе³¹. Исходя из указанных обстоятельств, подавляющее большинство пистолетных стволов, найденных при археологических работах на территории России, следует относить к западно-европейским изделиям. Производство первых русских пистолетов было нала-

²⁵ Scalini M., Wackernagel R.H., Eaves I. L'Armeria Trapp di Castel Coira (Die Churburger Rüstkammer). Udine, 1996. S. 352.

²⁶ Тарасюк Л.И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков (Воспламенительные механизмы, их эволюция и применение). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1965. С. 8,10; Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII в. Определитель. М., 1992. С. 50; Tarassuk L. Russian Pistols in the Seventeenth Century. London, 1968. S. 7–8.

²⁷ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. М., 1938. С. 259–260; Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология: Сборник материалов проблемного совета при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М., 2011. С. 75, 78–80.

²⁸ Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Воронеж, 2015. С. 215–217.

²⁹ Тарасюк Л.И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков. С. 10; Tarassuk L. Russian Pistols in the Seventeenth Century. S. 9.

³⁰ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. С. 260–261; Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы. 1630-е – начало 1650-х гг. // Цейхгауз: Российский военно-исторический журнал. № 23. М., 2006. С. 2; Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. С. 76, 80.

³¹ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. С. 278–279; Тарасюк Л.И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков. С. 9; Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2002. С. 102.

³² Тарасюк Л.И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков. С. 10; Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII в. С. 50.

жено в Московской Оружейной палате примерно с конца первой четверти XVII в.³², большая часть их имела ударно-кремневые замки. Количество данных изделий было невелико, для них был характерен богатый декор.

Принимая во внимание указанные ранее факты, ствол пистолета из Дмитрова мог быть изготовлен в последней трети XVI – начале XVII в. Его случайная потеря и попадание в культурный слой маловероятно, но не исключена полностью. Утрата такой крупной, целой, технически сложной и дорогой детали как ствол пистолета, скорее всего, могло быть связано с некими чрезвычайными обстоятельствами, например, пожарами или резкими изменениями в историческом развитии города. Возможно, таковыми были события третьей четверти XVI в. В 1566 г. князь Владимир Андреевич Старицкий становится последним удельным Дмитровским князем, так как был принужден царем Иваном IV отдать ему Старицу, а взамен получил Дмитров. Однако это не спасло неугодного князя и в 1569 г. он и большая часть его семьи были казнены, а Дмитров с уездом отнесен к числу городов, взятых в опричнину. Был ли в городе учинен серьёзный погром неизвестно,

но, скорее всего, исконные владельцы Дмитровской земли, были частью казнены, частью согнаны со старых мест и расселены по новым местам. В любом случае Дмитров снова отошёл к Москве и потерял свою прежнюю политическую роль³³.

Другими возможными причинами утраты ствола пистолета могли стать события Смутного времени, когда боестолкновения происходили как в самом Дмитрове, так и в его непосредственной близости. В 1610 г. армией кн. М.В. Скопина-Шуйского в городе были окружены войска Я.П. Сапеги, верные Лжедмитрию II. Под Дмитровом состоялась последняя крупная битва с войсками самозванца, закончившаяся их поражением и отступлением к Волоку–Ламскому³⁴. Утраченное в ходе данных обстоятельств изделие могло впоследствии вместе с другими предметами попасть в засыпку западины на месте бывшего подпола постройки.

Таким образом, ствол пистолета из Дмитрова является не только деталью редкого для Московского государства ручного огнестрельного оружия второй половины XVI – начала XVII в., но и, возможно, отражением бурных исторических событий из богатой истории города.

³³ Тихомиров М.Н. Город Дмитров от основания города до половины XIX века. Дмитров, 2006. С. 20.

³⁴ Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 96–97.

Рис. 1. Стволы пистолетов: 1–2 – Дмитров; 3 – Псков (по: Салмин С.А. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг.); 4– Тушинский лагерь (по: Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ)); 5 – замок Турайда (Латвия) (по: Graudonis J. Turaidaspils II. Atradumi. Turaida: Turaidas muzejrezervāts); 6 – Можайск (по: Меньшиков М.Ю., Янишевский Б.Е., Балашов А.Ю. Предметы вооружения из раскопок Можайска); 7 – Берестечко (Украина) (по: Свешніков І.К. Битва під Берестечком).

Рис. 2. Стратиграфический разрез ямы 2 с расположением находок в слоях: 1 – ствол пистолета, 2 – медное новгородское пуло рубежа XV–XVI вв., 3 – крест энколпион XV–XVI вв., 4 – медное пуло первой трети XVI в.

Рис. 3. Фрагменты стволов пистолетов и пистолеты «пуфферы» (puffer): 1–2 – Старая Ладога (по: Миляев П.А. Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладоги); 3 – Германия, 1580 г. СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина» (по: Родионов Е.А. Коллекция оружия Гатчинского дворца); 4 – Германия, Саксония, вт. пол. XVI в. ВИМАИВ и ВС (по: Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв.); 5–6 – Германия, конец XVI в. Королевская оружейная палата (Livrustkammaren), Стокгольм, Швеция (по: Cederström R., Malmberg G. Den äldre Livrustkammaren 1654).

РУССКИЙ СУДОВОЙ ПОХОД НА КАЗАНЬ 1545 Г.

УДК 355.483
DOI: 10.25681/IARAS.2686-6889.20.06.282-291

© 2020 г. Несин М.А. (petergof-history@yandex.ru), к.и.н.,
Санкт-Петербург, Россия.

Резюме: В данной работе комплексно исследуется русский судовой поход на Казань 1545 г. Перечислены источники, упоминающие о нем. Обосновывается нецелесообразность привлечения рассказа казанского летописца для реконструкции событий 1545 г. Рассматриваются хронология похода, численность и состав его участников, порядок военных действий. Предложено решение спорного вопроса об изначальных целях этой кампании. Автор пришел к выводу, что основная цель похода не была достигнута и выявляет участие казанских войск в борьбе с русскими судовыми ратями. И все же русский поход на Казань привел к переменам на казанском престоле. Автор заключает, что малоуспешные боевые действия казанцев настроили хана Сафа-Гирея против местной знати, что окончилось его свержением.

Ключевые слова: Казань, Сафа-Гирей, Шах-Али, судовые рати, русский поход на Казань 1545 г.

Russian ship campaign against Kazan in 1545.
© 2020 Nesin M.A. (petergof-history@yandex.ru),
Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Abstract: This work presents a detailed analysis of the Russian ship campaign against Kazan in 1545. It contains an overview of sources which mention this event. There is an argued explanation why it is not reasonable to use the Kazan chronicle for the reconstruction of the event. The analysis is focused on the chronology of the campaign, the numbers and the composition of its participants, the course of the military actions. A solution to the disputed question about the original objectives of the campaign is being offered. The author comes to the conclusion that the main objective of the campaign was not achieved and shows the involvement of Kazan troops in the fighting against the Russian ship forces. However, the Russian campaign led to changes on the Kazan throne. The author concludes that the little success of Kazan military actions caused a conflict between khan Safa Giray and the local aristocracy which ended in his overthrow.

Keywords: Kazan, Safa Giray, Shahghali, ship forces, Russian campaign against Kazan 1545.

Русский военный поход на Казань 1545 г. неоднократно упоминался в историографии¹. Официальное московское летописание второй половины XVI в. отсчитывало от него «начало казанской войны» от «великого князя Ивана»². Что, впрочем, по мнению А.В. Аксанова, могло отражать «взгляды книжников... писавших свои труды уже после покорения Казани» в 1552 г., а не современную описываемым событиям позицию московских властей. «Возможно, в 1545 г. русское правительство еще не намеревалось полностью ликвидировать казанское ханство, а преследовало иные цели»³. Например, не выходило за рамки старых идей восстановить над Казанью московский протекторат. Но ученые отсчитывают от него новый этап московско-казанских отношений⁴. И действительно, с середины 1530-х гг. русские войска зачастую оборонялись от набегов казанцев (отдельные попытки организовать военный поход на Казань были безуспешны). Но с 1545 г. переходят к наступлению⁵, что со временем завершилось взятием Казани в 1552 г.

Этот поход не был комплексно изучен. Даже в специально посвященной ему статье А.Б. Кузнецова⁶ содержится краткий пересказ основных событий. В данной статье постараемся восполнить эту лакуну. Эта работа является продолжением нашего исследования казанских набегов 1530–40-х гг.⁷ В ней рассмотрены хронология похода, численность и состав русского войска, порядок военных действий и предложено решение дискуссионного вопроса об изначальных целях этой кампании.

Прежде всего следует четко обозначить, какие источники для изучения этого похода стоит использовать, поскольку этого до сих пор не было сделано в предшествующей историографии. О нем сообщают записи разрядных книг 1475–1598 и 1475–1605 гг.⁸ и летописные источники – летописец начала царства Ивана IV, продолжение хронографа редакции 1512 г. и Постниковсковский летописец⁹. «Казанская история», или «казанский летописец», тоже сообщает о судовом походе князей Семена Микулинского и Василия Серебряного на Казань, но почему-то помещает эти события после бегства

¹ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб, 1905; Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского историко-архивного института. 1954. Т. 6. С. 96–252; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991; Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. Казань, 1995; Кузнецов А.Б. Русский поход на Казань 1545 г. и его последствия // Вестник Мордовского государственного университета. 1997. № 1. С. 13–16; Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005; Фархутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана: древность и средневековье <https://www.tataroved.ru/obrazovanie/textbooks/1/r6/?&url=/obrazovanie/textbooks/1/r6/&bso_rewrite_url=/obrazovanie/textbooks/1/r6/>; Аксанов А.В. Казанский поход 1549–1550 годов глазами современников и потомков XVIII–XXI веков // Вестник УдГУ. 2012. № 1. С. 114–118; Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016.

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 146; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. СПб., 1914. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. Л., 1965. С. 46.

³ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. С. 185.

⁴ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 136; Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках. С. 35; Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 91; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики. С. 118; Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. С. 202.

⁵ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 91.

⁶ Кузнецов А.Б. Русский поход на Казань 1545 г. и его последствия.

⁷ Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13/> (20.01.2020).

⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 109; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977 Т. 1. Ч. 2. С. 316–317.

⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 445–446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 464–465; Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. 1951. Т. 8. С. 290; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145; ПСРЛ. Т. 34. СПб., 1978. С. 27.

из Казани хана Шаха-Али в 1546 г.¹⁰ Г.З. Кунцевич и А.В. Аксанов заметили, что казанский летописец ошибочно сместил судовой поход этих воевод на год с небольшим¹¹. Но в рассказе казанской истории есть и другие нестыковки — упоминание о разорении русскими марийских «полей» и сообщение о разграблении ими под Казанью шатров самого хана¹². Если бы это было во время весеннего похода 1545 г., то официальный московский хронист бы об этом упомянул. Но ни у него, ни в продолжении хронографа редакции 1512 г. об этом не сообщается. Наоборот, согласно этим источникам, в 1545 г. по пути к Казани князь В.С. Серебряный грабил не марийцев, а «побил» на р. Вятке и Каме казанских людей¹³, а под Казанью обе русские судовые рати разоряли не ханские, а обычные шатры¹⁴. К тому же казанский летописец упоминает в составе русский флотилии огненных стрельцов¹⁵, не то из пушек, не то из стрелкового оружия. Это, возможно, противоречит характеру судового похода 1545 г., в который, как было подчеркнуто официальным московским хронистом, судовые рати были отправлены «легким делом»¹⁶. Но из разрядной записи известен русский поход на Казань в июне 1549 г. Его возглавляли другие воеводы, Б.И. и Л.А. Салтыковы¹⁷. Об их успехах, как, впрочем, и неудачах, источники умалчивают. Видимо, этот поход, был успешнее знаменитой зимней кампании 1549/1550 гг., и потому московские

хронисты о нём предпочли не распространяться... Не описаны ли в казанском летописце реалии этого малоизвестного похода с путаницей в именах воевод? Настораживает и отсутствие в этом рассказе сведений о печальной участи запоздалой пермской судовой рати, разбитой казанцами в 1545 г. Ведь в отличие от московского официального летописания, казанский летописец не стремился подчеркивать успехи русских войск. Так о причине отступления судовых ратников сказано, что те желали избежать столкновения с посланным против них в «погоню» двадцатитысячным войском, а о тяготах русских войск в зимнем походе на Казань 1549/1550 гг. пишет печальнее, чем официальный хронист¹⁸. Упоминания имен воевод князей Микулинского и Серебряного — единственное, что точно соотносится в рассказе казанского летописца с походом 1545 г. А все остальное, скорее всего, имеет отношение к другой кампании. Во всяком случае, для надежной реконструкции событий 1545 г. рассказ казанской истории использовать не стоит.

Причины похода

Согласно официальному московскому летописанию, впоследствии Сафа-Гирей «почал на князей неверку в измене: вы де и приводили воевод великого князя»¹⁹. Схожие мнения о причинах русского похода на Казань придерживались М.Г. Худяков²⁰ и Р.Г. Фархутдинов²¹. Напротив, по мне-

¹⁰ ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. С. 57–59, 297–300.

¹¹ Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. С. 335; Аксанов А.В. Казанский поход 1549–1550 годов глазами современников и потомков XVIII–XXI веков. С. 116.

¹² ПСРЛ. Т. 19. С. 57–58, 298–299.

¹³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 165.

¹⁴ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. С. 290.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 19. С. 57, 297.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 165.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 118.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 19. С. 58–60, 299–300, 302–303.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 165.

²⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 101–102.

²¹ Фархутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана: древность и средневековье.

нию А.Г. Бахтина, источники «не подтверждают того»²². Отмечу, что сам официальный московский хронист не солидарен с точкой зрения казанского хана. Когда в Москву прибывали с подобными предложениями татарские делегаты, данный источник всегда об этом сообщал. Отсутствие таких сведений в данном случае, склоняет к выводу, что подозрения хана Сафа-Гирея были напрасны²³.

На наш взгляд, приоритетную роль играл внешнеполитический фактор. Нами было показано, что в 1530–1540-х гг. Москва не могла воевать на два фронта с Казанским ханством и союзным ему Крымским. После того как в 1541 г. набег крымцев сорвал планировавшийся русский поход на Казань, московские власти стремились снаряжать войска в казанский поход в тайне от неприятелей. Поэтому готовившийся согласно выявленной нами разрядной записи в 1542 г. поход на Казань оказался сорван, когда о нем узнал казанский хан и совершил набег на муромскую округу, которая должна была стать сборным пунктом для русских войск. В следующий раз русские пошли в поход уже три года спустя, в 1545 г., как раз в то время, когда крымский хан Сахаиб-Гирей воевал в Астрахани и не мог вступить за своего племянника²⁴. По гипотезе А.Б. Кузнецова, приготовления к походу начались со второй половины 1544 г.²⁵ Однако на самом деле распоряжение о военном походе на Казань последовало уже 2 апреля 1545 г.

Хронология похода

Летописец начала царства Ивана IV, Постниковский летописец и разрядная книга 1475–1598 гг. относят распоряжение Ивана IV об организации военного похода на Казань к апрелю²⁶. Разрядная книга 1475–1605 г. уточняет, что это произошло 2 числа²⁷. Согласно разрядным книгам, нижегородская и вятская судовые рати были отправлены в поход полой водой²⁸, то есть в период весеннего половодья.

Встреча обеих ратей произошла по летописцу начала царства Ивана IV на день явления святого духа (Троица) в устье р. Казанки («Казанском устье»)²⁹, недалеко от казанского кремля. Троица приходится на 7-е воскресенье после Пасхи; В этом году это было 24 мая: летописец начала царства Ивана IV сообщает, что четверг 7-ой недели со дня Воскресения Христова выпал на 21-ое³⁰.

Постниковский летописец уточнил место встречи обеих ратей – Гостин остров³¹, который в старину находился в устье р. Казанки (ныне от него остался маленький о. Маркиз). И по ошибке отнес встречу обеих судовых ратей к 14 мая. Причина недоразумения может быть в следующем. На Руси числа обозначали буквами и «14» писали как «ІД», а «24» как «КД». Если у «К» плохо прописаны косые черты, а различима лишь вертикальная, то вместо «КД» получится «ІД», или 14-ое число вместо 24-ого. По Постниковскому летописцу, 28 мая русские уже «при-

²² Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 91.

²³ Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Ч. 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. С. 487.

²⁴ Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Ч. 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. С. 464, 468 и др.

²⁵ Кузнецов А.Б. Русский поход на Казань 1545 г. и его последствия. С. 13.

²⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 445; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 464; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 109; ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Том 1. Часть 2. С. 316.

²⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 109; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 316.

²⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 445; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145.

³⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145.

³¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

гребли» в Нижний Новгород³². Но эта дата нуждается в уточнении, поскольку преодоление 600 км вверх по Волге в период весеннего половодья за 4 дня на средневековых стругах невозможно. В 1468 г. во время Первой Казани, русская судовая рать за день одолела лишь около 40 км от Казани до Звенчева бора. Тем более, что нижегородской и вятской флотилиям после встречи 24 мая надо было потратить время на грабежи шатров, кабаков и имущества казанского мурзы на р. Свияге. Следует полагать, что 28 мая русские только отчалили в сторону Нижнего Новгорода после 4-х дней грабежей. И все же рассказ Постниковского летописца выделяется обилием дат и наиболее точным указанием места встречи обеих судовых ратей. Это может служить аргументом в пользу версии о составлении данного памятника дяком разрядного приказа Н.Ф. Моклоковым (Постником-Губиным).

Состав и численность ратей в русском походе на Казань 1545 г.

В походе приняло участие 2 судовых рати, из Нижнего Новгорода и Вятки (в последней, как отметил О.В. Комаров, сославшись на запись продолжения хронографа редакции 1512 г., был устюжский и двинской контингенты³³. Согласно тому же источнику, она вышла из Вятки³⁴. Поэтому, в дальнейшем для краткости будем ее в основном именовать вятской). Некоторые списки поздней редакции летописца начала царства Ивана IV сообщают об участии 3-ей судовой рати из Перми с воеводой Внучком Львовым. Она опоз-

дала и была разбита казанцами, а воевода погиб³⁵.

Согласно разрядам и спискам поздней редакции Летописца начала царства Ивана IV, нижегородская рать, в отличие от вятской, делилась на 3 полка – большой, сторожевой и передний³⁶. По наиболее подробным росписям, содержащимся в разрядных записях, большой полк возглавляли 2 воеводы, а в сторожевом и переднем было по одному. Главный военачальник нижегородской рати, князь С.И. Пунков Микулинский находился в большом полку: «апреля посылка х Казани в судех полою водою воевод князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода по полком: в болшом полку воеводы князь Семен Иванович Микулинской да князь Василей Иванович Осиповской. В передовом полку воевода Иван Васильевич Шереметев Болшой. В сторожевом полку воевода князь Давыд Федорович Палицкой. А с Вятки ходили воеводы с вятчены в судех х Казани полою же водою князь Василей Семенович Серебряного-Оболенской да вятцкой наместник князь Юрьи княж Григорьев сын Мещерского»³⁷; «апреля в 2<...> послал князь великий Иван Васильевич всеа Руси впервые х Козани в судех полою водою воевод своих по полком князя Семена Ивановича Пункова Микулинского с товарищи из Нижнева Новагорода по полком: в большом полку воеводы боярин князь Семен Иванович Пуньков Микулинской да князь Василей Иванович Осиповской Стародубской. В передовом полку воевода Иван Васильевич Шереметев

³² ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

³³ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. С. 290; Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. VI. С. 9. <<http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>> (20.01.2020)

³⁴ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. С. 290.

³⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 29. С. 145.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 445; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 464–465; ПСРЛ. Т. 29. С. 145; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 109; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 316.

³⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 109.

Большой. В сторожевом полку воевода князь Давыд Федорович Палецкой. А с Вятки по государеву указу ходили воеводы с вятчены в судех х Козани (в Козань О.) же полою водою князь Василей Семенович Серебренной Оболенской да вяцкой намесник князь Юрьи княж (князь Э., О.) Григорьев сын Мещерской. А вятцкие воеводы сошлись со князь Семеном Микулинским на Козанском устье». Это по форме очень похоже на разрядные росписи воевод по городам, и разрядные записи о военных походах воевод с их полками. Потому можно предположить, что основной контингент этой нижегородской судовой рати тоже был служилый; об этом свидетельствует и тот факт, что после окончания похода Иван IV награждал по словам летописца, воевод и детей боярских³⁸. Значит, дети боярские составляли заметную часть участников похода или играли в нем важную роль. Опыт участия в судовой рати служилых людей, детей боярских использовался еще в Первой Казани³⁹. Разрядная книга Полоцкого похода 1562/1563 г. отмечает, что нижегородцы выставили 350 детей боярских⁴⁰. И это, по-видимому, примерно соответствовало численности местной служилой корпорации, поскольку город, по мнению археологов, пребывал после Едигеевой рати вплоть до

XVII в. в захиревшем состоянии и не был плотно населен)⁴¹. Конечно, как в случае с вятской (точнее – с вятско-устюжско-двинской) ратью, в составе нижегородской рати мог быть и иногородний контингент. Но сообщая о благополучном возвращении русских воинов их судового похода 1545 г., летописцы упоминают, что те вернулись в Нижний Новгород⁴². Следовательно, этот город был не просто сборным пунктом, а местом жительства для значительной части участников похода. Потому стоит считать, что основу нижегородской рати составляли нижегородские служилые люди и оценивать ее примерную численность в несколько сот человек.

Другие рати – вятско-устюжско-двинская и опоздавшая пермская, не были служилыми. Пермь, Устюг, Двина, Вятка в Московский период по-прежнему выставляли земских ополченцев⁴³. Должно быть потому вторая судовая рать, в отличии от нижегородской, согласно разрядным записям и официальному московскому летописанию, не делилась на 3 полка. Другое дело, что их воеводы могли брать с собой немного служилых людей, как это было в 1471 г. на р. Шилинге в вятской и устюжской судовых ратях⁴⁴. Численность этой рати теоретически могла достигать от со-

³⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 146; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 445; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145.

³⁹ Алексеев Ю.Г. «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. 2001. С. 156–158; Камаров О.В. Казаки: многообразие социального явления XV–XVII вв. // Valla. 2017. № 3 (5). С. 9.

⁴⁰ Книга полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). С. 42. В данном случае оставляем за скобками дискуссию о том, входили ли в это количества их послужилцы. Свою позицию по этому поводу автор обозначил в недавней статье, посвященной казанским набегам на русские земли в 1535–1549 гг. Доводы сторонников концепции, согласно которой в разрядной книге Полоцкого похода численность детей боярских указывалась на самом деле не только с учетом количества самих служилых людей, но и их послужилцев, были опровергнуты А.Н. Лобинным (Forum // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 136–138). Поэтому на данный момент считаем более целесообразным понимать сведения разрядов о детях боярских именно как о детях боярских, а не домысливать о лантентом подсчете их послужилцев (Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Ч. 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг.).

⁴¹ Гусева Т.В. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. 1996.

⁴² Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. С. 290; ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

⁴³ Историю вопроса см: Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. VI. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (20.01.2020)

⁴⁴ Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. С. 49.

тен до тысяч человек. В XVI в. Устюг обычно выставлял десятки-сотни ратников⁴⁵. В 1471 г. устюжская и вятская судовая рать (с небольшим количеством московских служилых людей)⁴⁶ составляла 3970 чел. Эту цифру обычно признают достоверной⁴⁷, но О.В. Комаров почему-то назвал эти сведения «завышенными», а ниже привел разрядную запись об участии в походе

на Югру 1499 г. 1 304-х устюжан⁴⁸. Эта запись является не нарративным, а документальным источником и обычно признается правдоподобной⁴⁹. Таким образом, вместе устюжане с вятчанами вполне могли собраться в количестве нескольких тысяч человек. Двиняне тоже выставляли до нескольких тысяч ратников. В 1471 г. на Шиленьге великокняжеской судовой рати из 3

⁴⁵ Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII в.

⁴⁶ Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. С. 49.

⁴⁷ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 135; Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г.

⁴⁸ Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII в. С. 6–7.

⁴⁹ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 369; Пузанов В.Д. Русские походы на Югру XI–XVI вв. // Вестник утробления. 2014. № 3 (18). С. 161; Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV – начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пали на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 140 <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7_> (20.01.2020). Впрочем, О.В. Комаров усомнился в достоверности и этой цифры: «обращает на себя внимание то, что у третьего воеводы было вшестеро меньше ратников, чем у каждого из остальных, тогда как голов в его подчинении состояло четверо, а у других воевод – по 5» (Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. С. 7–8). Но из источников не следует, что у «голов» Московской Руси было в подчинении одинаковое количество воинов. Например, по приведенной самим Комаровым разрядной записи начала XVII в. один «голова» вел 7 сотников и 408 стрельцов, другой 195 стрельцов, а третий — всего 100 охочих людей (Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. С. 13). Это заставляет осторожно относиться к подсчетам численности войска по количеству «голов». Кроме того, О.В. Комарова «смущает также указание численности устюжан и двинян до последнего человека, чего обычно в подобных документах не наблюдается» (Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. С. 8). Замечу, что количество двинян, и не самих по себе, а с ваянами и пенезанами, процитированная автором разрядная запись называет с точностью не до единицы, а до десятка: 1920, а в приведенном ученом отрывке разрядной книги Полоцкого похода ведь фигурируют сведения о численности войск с точностью до 10, до 5 и даже до 1 ч. (Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. С. 10–11). Но их он не подверг сомнению. Характеризуя разрядную запись о походе на Югру 1499 г., упоминавшую в общей сложности ок. 4 000 ратников, исследователь бездоказательно заявил, что «сама возможность пребывания столь большого числа людей всю зиму в Югре кажется невероятной» (Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. С. 7). К тому же в действительности, зимой они лишь шли до Урала, а весной стали сплавляться по р. Оби (Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 367). В целом можно согласиться с О. В. Комаровым, что «никогда больше мы не видим такого огромного войска, совершавшего поход за Урал», чем указанное в разрядной записи четырехтысячное войско, отправленное на Югру в 1499 г. (Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. С. 7) В то же время для минимизации численности участников этого похода историк неудачно прибег к косвенным данным, стараясь показать, что русские никогда не снаряжали на Югру войска в тысячи человек, и даже в 1445 г. новгородцы снарядили в поход на Югру лишь сотни людей, а не летописное трехтысячное войско. Для того, чтобы опровергнуть принятую в историографии летописную оценку (ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 435; Пузанов В.Д. Русские походы на Югру XI–XVI вв. С. 161–162), Комаров указал, что в отряде одного из 2-х воевод, В. Шенкурского, югорцы избили 80 человек, и предположил, что ими исчерпывалась численность всего отряда. Но историк не учел известие процитированного им источника, что остальная часть войска разбежалась, и сам воевода с сыном сбежал с небольшими силами; к тому же избили по летописи представителей знати и удалых людей (ПСРЛ. Т. 3. С. 435), что могло вызвать панику и у полуторатысчяного отряда; второй воевода М. Яколь, находился в то время со своими силами на иной реке, но потом, увидев разоренный острог с трупами сограждан, встретился с бежавшими войсками Шенкурского и вернулся в Новгород. Не исключено, что причиной такого решения послужили не столько военные потери, сколько утрата острога для защиты от новых внезапных набегов югорцев. Без него новгородские воеводы не могли быть уверены в возможности удержать власть в малознакомой земле (на плохое знание новгородцами Югры указывает тот факт, что югорцы, усыпляя бдительность новгородцев перед внезапным набегом на их острог, обещали не только «счаститься» — принять перепись для обложения данью, но и указать свои «станы», острова, «уречища» (ПСРЛ. Т. 3. С. 435). Югра, хоть и числилась как минимум с XIII в. в числе новгородских волостей (Пузанов В.Д. Русские походы на Югру XI–XVI вв.), все же была мало освоена новгородцами; удаленный от Новгорода за тысячи км таежный малонаселенный край хоть и посещался сборщиками дани и военными отрядами, оставался малоизученным). Ныне выводы Комарова о русском походе на Югру 1499 г. поддержал Н.В. Перцев, сославшись на летописные сведения о русской экспедиции на р. Цыльму, в которой в общей сложности было всего несколько сот людей, что, по бездоказательному мнению автора, является показателем максимального мобилизационного потенциала перечисленных в летописи областей (Перцев Н.В. Поход московских войск 1499 г. в Югру в контексте внешней и внутренней политики Московского государства // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. <http://e-notabene.ru/hr/article_25381.html>). Но поездка на Цыльму носила более промышленный, чем военный характер. В ней требовалось значительно меньше людей, чем для завоевания обширного бассейна р. Оби. При том Перцев некорректно сослался на наблюдение О.В. Комарова, что по Вычегодско-Вымской летописи общая численность участников похода на Югру 1499 г. составляла 700 чел. (Перцев Н.В. Поход московских войск 1499 г. в Югру в контексте внешней и внутренней политики Московского государства). Комаров высказал более взвешенную оценку, что эта цифра могла относиться как ко всем воинам, так и к одним зырянам. Таким образом, попытки данных авторов минимизировать количество участников той кампании не представляются убедительными, и мы не видим основания не доверять сведениям разрядной записи.

970 чел. противостояла не меньшая по численности новгородская флотилия, состоящая в основном из двинян⁵⁰. Кроме того, в походе 1545 г. участвовала пермская, которая опоздала на соединение с ними. Вероятно, в ней было несколько сот человек. В 1499 г. в поход на Югру отправились 500 вымичей и вычегжан, проживавших на территории Великой Перми⁵¹.

Таким образом, теоретически общая численность участников изучаемого похода 1545 г. могла исчисляться сотнями или тысячами. Но едва ли имело смысл собираться в большем количестве, чем десятки судов. Для того, чтобы совершать описанные в летописях успешные грабежи казанских окрестностей, судовым ратям была нужна маневренность – умение внезапно высадиться и быстро уплыть (речная пехота наврядли планировала вести открытый бой с местной конницей. Опыт новгородских судовых ратей в боях с москвичами под Коростыню в 1471 г. и костромичами под Костромой в 1375 г. говорит о том, что они предпочитали застать врага врасплох). Прибывшие в 1545 г. под Казань ратники шли «легким делом», видимо, ради большей мобильности. При том судовые рати действовали не только на Волге, но заходили в более узкую р. Свиягу и, возможно, Казанку. А большие флотилии для этого не годились даже в период весеннего половодья.

Скорее всего, общее число участников похода, включая опоздавших пермяков, не превышало 1 500 новгородских ушкуйников на 70 ушкуях, которые в 1375 г. с помощью засадного маневра разбили пятитысячное ко-

стромское воинство и заняли город. А могло и не превышать 1 000. В 1446 г. 700 казанцев на плотях пытались взять Устюг с маленькой, но мощной крепостью, которая была не слабее Казанской XV–XVI вв. В 1471 г. разбитая у Коростыни новгородская судовая рать, пытавшаяся внезапно атаковать московский стан, видимо, тоже насчитывала менее 1 000 чел. (Кроме 500 убитых, в источниках фигурируют «иные», которые по приказу москвичей друг друга увечили. Но столь малодушные люди не составили бы большой процент даже в крайне деморализованном войске).

Боевые действия русских судовых ратей

По словам летописца начала царства Ивана IV, воевода вятской судовой рати князь В.С. Серебряный, следуя по рекам Вятке и Каме, «побил» «многих» «казанских людей». А уже после встречи нижегородской и вятской судовой ратей в устье Казанки, объединенное русское войско «побило» «многих» «казанских людей» под самой Казанью и разграбили ханские кабаки⁵². О последнем упоминает и продолжение хронографа 1512 г., добавив, что русские разграбили под Казанью татарские шатры⁵³. Летописец начала царства Ивана IV сообщает, что далее воеводы послали детей боярских на р. Свиягу, впадавшую в Волгу в 30 км выше исторического центра Казани, и там те опять же побили многих казанских людей и взяли в плен казанского аристократа – мурзу Мутоззу с сыном, а его жену с другими детьми убили⁵⁴. Продолжение хронографа редакции 1512 г. резюми-

⁵⁰ Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г.

⁵¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 28.

⁵² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145.

⁵³ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. С. 290.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145.

⁵⁵ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. С. 290.

рует, что русские войска захватили в казанских «местах» большой полон⁵⁵.

Исследователи, упоминая грабежи русских ратников, не писали, что казанские войска оказали им сопротивление. По словам Д.А. Котлярова, «в летописном рассказе не содержится известий о противодействии казанцев вторжению русских войск на их территорию. Казань предпочла не оказывать сопротивления»⁵⁶. Между тем, ученые не пытались выяснить, кто такие «многие» «казанские люди», которых русские войска «побили» в разных местах. Термин «люди» на Руси применялся для обозначения свободного населения. Но в данном контексте он означал казанское войско: тот же оборот «казанские люди» употреблен в этом же источнике для обозначения казанцев, разгромивших запоздалую пермскую судовую рать⁵⁷. Летописец не видел принципиальной разницы между казанскими людьми, побитыми первыми двумя ратями на Вятке, Каме, под Казанью и на Свияге, и казанскими людьми, которые побили пермяков. Таким образом, казанские войска пытались противостоять двум первым русским судовым ратям, но терпели поражения. 28 мая 1545 г. после 4-х дневных грабежей 2 русские судовые рати благополучно поплыли назад с большим полонем, захваченным на Свияге. А опоздавшая 3-я судовая рать сама была разбита казанцами.

Историки в основном не задавались вопросом о цели русского весеннего судового похода на Казань. Видимо, предполагалось, что в этих летопис-

ных грабежах и заключался смысл кампании: в целом летописные рассказы составляют впечатление, что поход закончился для русских победой. Иногда высказывались идеи, что русские с самого начала не планировали брать город, а просто демонстрировали свою силу⁵⁸. Впрочем, источники не сообщают о такой цели похода. И не ясно зачем русским было устраивать подобную демонстрацию для казанцев. Во время своих набегов на Русь за последние 10 лет тем неоднократно приходилось ретироваться при подходе русских полков⁵⁹. Может быть, предполагалось нервировать казанцев ловкими грабежами в качестве симметричного ответа на казанские набеги при Сафа-Гирее середины 1530-х – первой половины 1540-х гг.? Но зачем было собирать целых 3 рати, включая одну служилую? Такое количество судовых ратей обычно мобилизовали ради взятия Казани⁶⁰, а не ради одних грабежей. Впрочем, надо заметить, что в историографии имеются разные оценки результатов данной кампании. А.Г. Бахтин отметил, что русский поход не был успешен⁶¹. С.Х. Алишев и А.Б. Кузнецов писали, что русским не удалось взять Казань⁶². Таким образом, высказывались намеки на то, что целью похода было взятие города. Они мне представляются не менее перспективными, чем попытки свести изначальные цели похода к простой демонстрации русской военной силы. Любопытно, что источники избегают упоминать запоздавшую 3-ю судовую рать из Перми. Лишь в 2-х поздних списках летописца начала цар-

⁵⁶ Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. С. 225.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 29. С. 145.

⁵⁸ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы „Казанской войны“ (1545–1549). С. 239; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. С. 225–226.

⁵⁹ Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Ч. 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. Ч. 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли в 1535–1549 гг.

⁶⁰ Алексеев Ю.Г. «Первая Казань» и зарождение военного ведомства Русского государства.

⁶¹ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. С. 91.

⁶² Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI веках.; Кузнецов А.Б. Русский поход на Казань 1545 г. и его последствия. С. 13.

ства Ивана IV сообщается о ее разгроме казанскими людьми⁶³. Прочие известия об этой кампании умалчивают о каких бы то ни было неудачах русских войск, а тот же летописец начала царства Ивана IV торжественно завершает рассказ о кампании словами, что государь жаловал воевод и детей боярских всем, чем те желали⁶⁴. Это не типично даже для официозного московского летописания, которое обычно констатирует военные неудачи и не замалчивает большие боевые потери. Создается впечатление, что история этой рати коробила современников не только своим трагическим финалом. Скорее всего, опоздание пермяков изменило результат всего похода, сорвав готовящийся внезапный штурм города. Вятская и нижегородская флотилии не могли ее ждать на Гостином острове в устье Казанки (иначе бы потерял актуальность фактор внезапности, необходимый небольшому пешему легковооруженному десанту для взятия окрестного казанского кремля) и ограничились грабежами округи, попутно отражая атаки казанцев.

Последствия похода

Таким образом, главная цель похода была не достигнута. Из-за опоздания 3-ей судовой рати две первые флотилии город брать не решились, ограничившись грабежами под его стенами и в его окрестностях – на Свияге, попутно разбивая отряды казанских людей. Судьба запоздалой судовой рати была трагична. Казанцы ее разбили, убили воеводу.

И все же поход русских войск оказал заметное влияние на судьбу казанского престола, поскольку в итоге хан

Сафа-Гирей лишился трона⁶⁵. После этого похода Сафа-Гирей, заподозрив представителей местной знати в измене, обвинял их в том, что они спровоцировали приход русских судовых ратей. Это, как сказано выше, было напрасным. Но источники, в том числе и враждебные Сафа-Гирею, не сообщают о его болезненной подозрительности, хотя известно, что у бывшего крымского царевича были сложные отношения с казанской знатью, у которой он отнимал «ясаки» в пользу крымских выходцев. И теперь у него были основания подозревать местную аристократию в нелояльности: вятская судовая рать разбивала казанские войска на реках Вятке и Каме, а потом уже совместно с нижегородской – под самой Казанью и на реке Свияге. Таким образом, речная пехота неоднократно побеждала казанские отряды. Это не было типично для казанского войска, которое в столкновениях в окрестностях Казани являлось серьезным соперником даже для русской конницы. По-видимому, казанцы держали пассивную оборону, несмотря на то, что впоследствии им удалось разгромить запоздалую судовую рать из Перми. Надо полагать, это и задело Сафа-Гирея. Как записал по иному поводу Николай II, «кругом измена, трусость и обман». Последовавшие затем со стороны хана репрессии против видных казанских аристократов привели к тому, что в 1546 г. он был свергнут⁶⁶, а на престол приглашен русский ставленник Шах-Али (хотя, казанцы старались ограничить московское влияние, разрешив Шах-Али оставить при себе войско всего лишь из 100 чел.).

⁶³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 29. С. 145.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145.

⁶⁵ Кузнецов А.Б. Русский поход на Казань 1545 г. и его последствия. С. 13–14.

⁶⁶ Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюркско-татарские государства. 2013. № 5. С. 27. Впрочем, выводы ученого, что в этом конфликте участвовало 2 «партии» «казанской знати» (там же) нуждаются в оговорке. Летописец начала царства Ивана IV поясняет, что «рознь» была между ханом и казанскими князьями (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 147; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 446; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 465; ПСРЛ. Т. 29. С. 46, 145). Возможно, не вся казанская элита была настроена непримиримо и потому его свергли не сразу. Но к истинным сторонникам Сафа-Гирея есть основание причислить разве что его «крымских людей», впоследствии «побитых» «казанцами».

ПАМЯТИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГОНЯНОГО

7 июля 2020 г. не стало выдающегося археолога, основателя археологического исследования ратных полей, основоположника полевой военной археологии и замечательного человека Михаила Ивановича Гоняного.

Начиная с 1982 г. Михаил Иванович связал свою судьбу с территорией Куликова поля. Он стоял у истоков создания и в последующем стал руководителем Верхнедонской археологической экспедиции (ВДАЭ), которая проводила стратегию комплексных археологических исследований на территории Куликова поля. В ее цели входило проведение сплошных разведок с целью выявления и последующего изучения археологических памятников, создание археологической карты. Для решения этой задачи широко использовались результаты палеопочвенных исследований, в частности, для вос-

становления ландшафта исследуемой территории, а также всевозможных геофизических методик. Также были созданы основы поисковых исследований на территории предполагаемого места сражения, которые в последующем были развиты его учениками. Данные методики были применены еще на четырех значимых ратных полях России. Михаил Иванович воспитал целую плеяду учеников, которые под его руководством и при его активной организаторской деятельности создали музей-заповедник «Куликово поле». Была получена историческая топография археологических памятников Куликова поля.

На основании полученного опыта в рамках Государственного исторического музея был создан отдел Комплексных историко-археологических исследований, который воплощал все

новаторские идеи Михаила Ивановича.

Кроме того, Михаил Иванович был одним из крупнейших исследователей, занимавшихся охранной археологией в Московской области. Как на территории Тульской, так и Московской областей им открыта не одна сотня памятников эпохи от раннего Железного века до позднего Средневековья.

Помимо яркого исследователя отечественная наука в его лице видела крупного организатора и создателя но-

вых направлений, воспитавшего многих учеников.

Наш семинар многим обязан Михаилу Ивановичу, именно на базе отдела Комплексных историко-археологических исследований Государственного исторического музея, которым руководил Михаил Иванович, и был создан наш семинар, объединивший энтузиастов военной археологии. Выражаем глубокие соболезнования близким и коллегам Михаила Ивановича. Скорбим и помним.

Научный семинар «Военная археология»

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Военная археология
Сборник материалов научного семинара
Выпуск 6

Дизайн и верстка М.Д. Тульновой
Редактор Г.В. Баранов

Подписано в печать 19.11.2020. Формат 60х84/8

Уч.-изд. л. 26,7

Тираж 300 экз. Зак. № 7181.

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19